

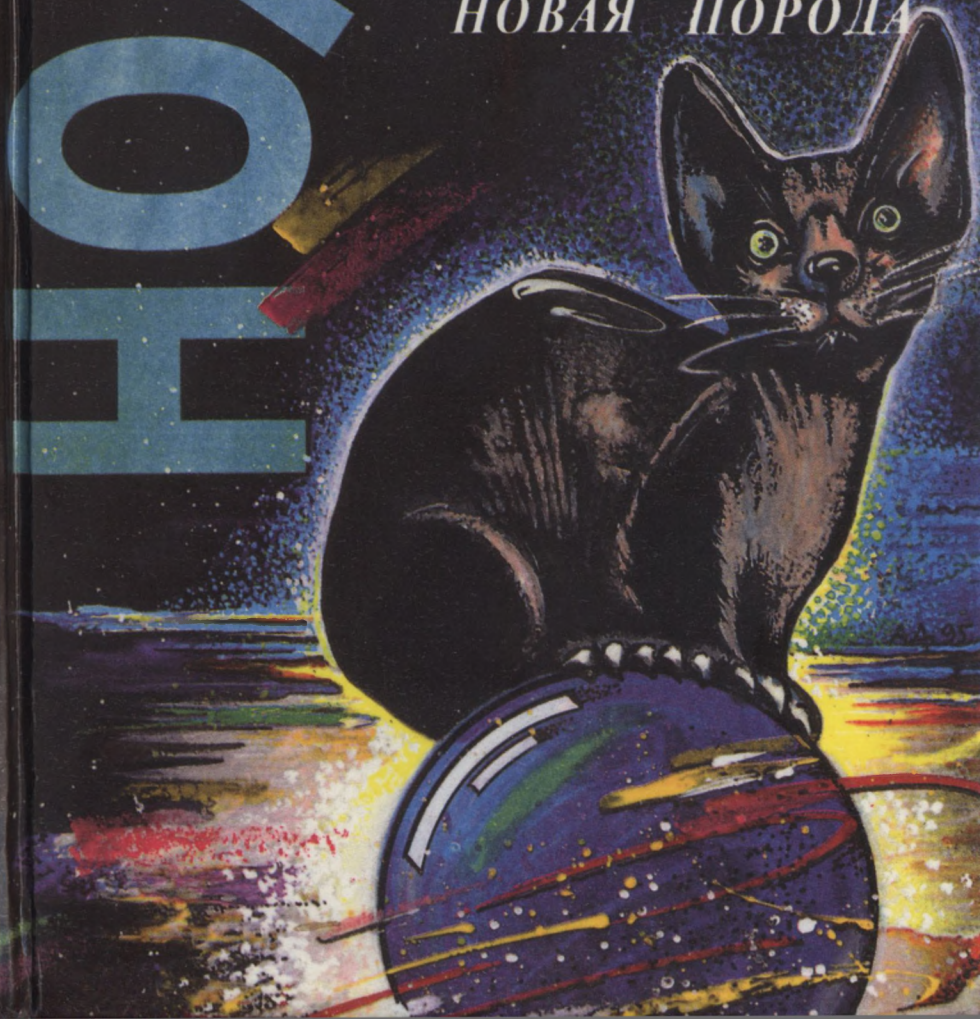
АНДРЕА НОРТОН

НОВАЯ
ПОРОДА

АНДРЕА

НОРТОН

НОВАЯ ПОРОДА

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Звёздные врата
Новая порода

романы

Издательство
«Зеленоградская книга»

1995 г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ

Новая порода. Романы/Пер. с англ.— М.: Издательство
«Зеленоградская книга», 1995 г.— 416 стр. Вып. 25.

Далёкая планета и Земля будущего, врата в параллельные миры и разумные расы мутировавших животных, головокружительные приключения и счастливый исход — всё это вы найдете в захватывающих фантастических романах А. Нортон.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена.

Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.

Н $\frac{4701000000 - 1}{480 (03) - 95}$ Без объявления

ISBN 5 — 86314 — 039 — 9

STAR GATE

© 1958 by Andre Norton

BREED TO COME

© 1972 by Andre Norton

© Издательство «Зеленоградская книга», 1995г.

© Пер. с англ. «Звёздные врата» Д. Арсеньева, 1994г.

© Пер. с англ. «Новая порода» В. Шербаковой, 1994г.

© Художник Д. Аввакумов, 1995г.

ЗВЁЗДНЫЕ ВРАТА

Пролог

История — не просто собрание фактов; это сложнейшая паутина «если бы». Если бы Наполеон не проиграл битву при Ватерлоо, если бы революция американских колонистов потерпела поражение, если бы гражданскую войну выиграл Юг, а не Север... Таких «если бы» существует бесконечное множество, они возбуждают воображение и вызывают многочисленные размышления. Иногда важнейший поворотный момент истории может быть сведён к единичному действию: смерти одного человека, внешне самому обычному решению.

Не только история народов и планет зависит от набора этих «если бы», но и жизнь каждого из нас. Если мы опоздаем на пять минут или придём на десять минут раньше на встречу, если мы сядем в один автобус и пропустим другой, вся наша жизнь может совершенно измениться.

Существует фантастическая идея, что история мира расщепляется при каждом таком решении. Следовательно, существуют ряды параллельных миров, возникших в результате такого исторического выбора. Согласно этой посылке возможно изобретение какого-нибудь транспортного средства, с помощью которого человек может перемещаться не вперёд и назад во времени, а поперёк времён, попадая, например, в современный мир, возникший в результате успешной колонизации викингами Северной Америки, или такой, в котором Вильгельм Завоеватель никогда не правил Англией.

Но если подобную игру можно изобрести на Земле, то почему бы ей не существовать на других планетах галактики, когда люди отправятся на них?

Представьте себе планету, на которую сел земной космический корабль или целый флот таких кораблей. Уставшие космические путешественники, к тому же подвергшиеся в долгом пути мутациям, с благодарностью ощутили под

ногами твёрдую почву. Но планета заселена аборигенами, находящимися на уровне варварства. Земляне многое могут дать им. И вот, не сознавая своего преступления, земляне вмешиваются в дела туземцев. Но по мере того как сменяются поколения, пришельцы начинают понимать, что каждый народ должен сам сражаться за цивилизацию, что слишком легко приобретённые дары приносят вред, что каждый мир обладает неотъемлемым правом самому определять свою судьбу.

И вот «боги» со звёзд начинают понимать, что причинили зло, хотя хотели добра. И чтобы спасти то, что спасти ещё можно, они должны удалиться. Но уже появились полукровки, результаты скрещения землян с туземцами. Есть и такие земляне, которые не хотят улетать к звёздам для бесконечных поисков гостеприимной планеты, на которой не было бы местной разумной жизни.

И вот снова возникает причудливая идея параллельных миров, мечта о том, что в результате какого-то каприза истории на этой самой планете не возникла разумная жизнь, и до сих пор она представляет собой пустой мир, знакомый и любимый, к которому они привязаны множеством уз.

Далее последуют поиски перехода через эти миры «если бы», поиски врат, открытых перед исследователями. Возможно множество миров, в том числе и такие, в которых собственные дела и поступки исследователей приобрели мрачный и зловещий смысл, миры, на которых они даже могут встретить самих себя такими, какими они стали бы, идя по другой исторической тропе и обладая другим историческим прошлым.

Эти земляне, опередившие нас на много столетий, вооружённые знаниями и технологией, которые мы можем представить себе только в воображении, пройдут поперёк времени и попадут на чуждый мир, на котором может развернуться следующая хроника происшествий за звёздными вратами...

1. Наследство

Погода для «холодного» времени года была весьма необычной. Снег так и не выпал, даже на вершинах хребтов и на горных перевалах; над полями, покрытыми колкой стерней, дули тёплые ветры, хотя они же сорвали с деревьев большую часть серебристо-зелёной листвы. Вместо снега растительность лесов и пастбищ убивала сухость. Погода как будто подтверждала необычность происходящего на Горте. По крайней мере в тех частях Горта, которые населяют люди после отлёта звёздных повелителей.

Звёздные повелители, со всей своей мощью, возвысили гортиан над дикими животными, защитили их, как владелец крепости может сохранить жизнь объявленному вне закона или бежавшему с поля битвы. Но теперь звёздные повелители ушли — что станет с гортианами?

Кинкар с'Руд стоял под развевающимся на ветру вымпелом из шкуры морда — флагом крепости Стир, — проводя долгим задумчивым взглядом по линии холмов. Плащ, искусно сшитый их полосок мягкого меха суарда, немало шкурок которого Кинкар самолично добыл в одиноких охотничьих вылазках в горы, силой этого странного тёплого ветра прижимался к телу. Кинкар вёл наблюдение с верхней площадки сторожевой башни, готовый заметить любое движение на синеватых полях владения. Кинкар не гигант, он не мог соперничать ростом со звёздными повелителями, но для своих лет он достаточно силён, а в искусстве боя мечами уже превзошёл своих учителей-воинов. Он крепко сжимал ладонью с шестью пальцами каменный парапёт, а над головой его продолжал щёлкать на ветру вымпел.

Он сам вызвался на этот одинокий пост, чтобы уйти подальше от коварных подстрекательств Джорда. Тот считал, что уход звёздных повелителей открывает перед гортианами новый и ясный день. Какой день? Глаза Кинкара, голубовато-зелёные, раскосые посаженные на юном

лице, сузились при этой тревожной мысли и стоящими за ней смутными подозрениями.

Он, Кинкар с'Руд, сын Дочери Владения и, следовательно, по праву крови будет править крепостью, когда Вурд с'Джастар уйдёт в Общество Троиц. Но если он покинет владение, хозяином здесь станет Джорд. С тех пор как давным-давно его из города привезли в эту далёкую горную крепость, Кинкар услышал и узнал многое и теперь понимал, с чем столкнётся, когда Вурд удалится в мир теней.

У Джорда имеются свои приспешники, он сколотил свой отряд во время торговых походов, они преданы лично ему, а не клану. А Джорд никогда не упустит преимущества или выгодной возможности. Иначе зачем бы он проделал такой долгий путь и явился сюда два дня назад во главе пёстрого каравана? Внешне — чтобы сообщить последние новости об отлёте звёздных повелителей. Но по странному совпадению именно теперь Вурд сильно занемог, и, возможно, это его последняя схватка с раной, которая истощала его силы много лет.

Посмеет ли Джорд силой оспорить право Кинкара на владение? Его уклончивые замечания позволяли подозревать это. Но пойти столь рискованным путём, когда Джорд прямой наследник вслед за Кинкаром... Это может закончиться объявлением вне закона, и Джорд это хорошо знает. И он слишком умен, чтобы ради простого устранения Кинкара отказаться от всего своего будущего. Что-то ещё скрывалось за интересом Джорда к улетевшим звёздным повелителям, за его замечаниями о предстоящих событиях. Кинкар беспокоился. Джорд никогда не действует, если твёрдо не уверен в своём преимуществе. А теперь он не скрывал торжества.

Кинкар плохо помнил свою мать — лишь какие-то неясные воспоминания: тусклые расцветки, аромат цветов и негромкие звуки плача в ночи. Анора, Дочь Владения с'Стир. Никогда он не мог смириться с мыслью о том, что Анора и Джорд — сестра и брат. К тому же Джорд часто

давал ему понять, что все отношения между ними основаны на ненависти.

Кинкар родился в Терране, городе звёздных повелителей, но его привезли в крепость таким маленьким, что он даже не помнил этого путешествия. И никогда не возвращался на равнины за горами. Теперь он этого и не хотел. Да и кто сейчас, после ухода звёздных повелителей, захочет бродить по опустевшему городу, смотреть на следы, оставленные звёздными кораблями? Всё равно что тревожить сон давно умерших. А они этого не любят.

Юноша не понимал, почему они улетели. Чужаки так много сделали для Горта, зачем им понадобилось снова погружаться в свои корабли? О, конечно, он слышал богохульные рассуждения приспешников Джорда. О том, что звёздные повелители отказались передать жителям Горта свои главные тайны — вечную жизнь, которой они благословлены, и знания о могучем оружии. Он слышал также разговоры о спорах среди самих повелителей: одни считали, что нужно передать эти тайны гортианам, другие не соглашались. И будто бы те, кто хотел отдать, собрали последователей среди гортиан и подняли восстание. Но теперь, после отлёта повелителей, против кого восставать? Против пустого неба? Может быть, в час своего отлёта повелители прокляли этот мятежный мир?

Хоть ветер оставался тёплым, Кинкар вздрогнул. Среди его соплеменников есть и такие, кто может наслать болезнь своими действиями и волей. Насколько больше должны быть знания и могущество звёздных повелителей! Неужели настолько, что они сумели наложить заклятие на целый мир, лишить его холодного времени года? А наступит ли после этого время роста? Кинкар снова вздрогнул.

— Сын Дочери!

Кинкар так глубоко погрузился в размышления, что рука его автоматически легла на рукоять меча, когда он повернулся на зов. И увидел голову Регена в шлеме, торчащую из люка башни. Стражник Вурда не стал подниматься дальше.

— Сын Дочери, Стир будет говорить с тобой...

— Стир... он?.. — но ему не потребовалось заканчивать вопрос: он прочёл ответ в глазах Регена.

Хотя Вурд уже несколько дней не вставал, Кинкар не верил, что конец так близок. Старый вождь болел и раньше, он бывал так близок к Великому Лесу, что слышал пение ветра в его ветвях, но каждый раз возвращался и прочно держал Стир в своих худых руках. Невозможно представить себе владение без Вурда.

Кинкар задержался у дверей правителя крепости, чтобы снять шлем и плащ. Взяв меч за острие, чтобы протянуть его рукоятью вперёд, он вошёл.

Несмотря на тепло в очаге пылал огонь. Жар его достигал кровати, на которой возвышалась груда меховых одеял. В них, как в коконе, полусидела сморщенная фигура. На фоне тёмного меха лицо Вурда казалось сине-белым, но глаза смотрели пристально, и он смог поднести высохший палец к рукояти меча в знак приветствия.

— Сын Дочери, — голос прозвучал слабым шёпотом, далеко не такой живой, как глаза. Наступило молчание. Вурд словно собирался с силами, чтобы выдохнуть новые слова бескровными губами. Но вот он снова поднял палец-коготь и поманил Регена. Стражник поднял крышку ящичка, который был придвинут к самой кровати.

На глазах у Вурда Реген достал три свёртка, развернул их и на свет появились рубашка с короткими рукавами из металлических колец, сверкавших радужно, как шкура ящерицы, меч в ножнах и тканая верхняя одежда с вышитым на груди гербом, незнакомым Кинкару. Юноше казалось, что он знаком со всем оружием Вурда. Ведь ещё мальчиком он проводил много времени, полируя его. Но ничего из этих предметов он раньше не видел. Они были изготовлены великолепным мастером, и Кинкар невольно подумал, что мастерство их изготовления присуще только вещам звёздных повелителей.

Кольчуга, меч и плащ легли в ногах кровати, и Вурд

посмотрел на них.

— Сын Дочери... — указующий палец-коготь снова пошевелился. — Прими своё наследство.

Кинкар протянул руку к удивительной кольчуге. Но, хоть и возбуждённый подарком, оставался настороже. Что-то в этом подарке его тревожило.

— Благодарю тебя, Стир, — начал он слегка неуверенно, но тот нетерпеливо махнул рукой, заставив его замолчать.

— Сын Дочери... прими... в с ё своё наследство... — слова произносились с болезненными паузами.

Рука Кинкара застыла на кольчуге. Не может быть! По всем законам Горта он, сын Дочери Владения, обладает большим наследством, чем кольчуга, меч и плащ, как бы хороши они ни были!

Реген взял плащ и расправил его так, чтобы ясно был виден герб на груди. Кинкар в изумлении смотрел на молнии со звездой между ними. Облизал неожиданно пересохшие губы. Этот герб... это...

Сморщенный рот Вурда скривился в слабой улыбке.

— Сын Дочери, — прошептал вождь, — сын звёздного повелителя... это твоё наследство!

Кольчуга выскользнула из руки Кинкара и со звоном упала на пол. Потрясённый, он повернулся к Регену, надеясь на его помощь. Но стражник кивнул.

— Это правда, сын Дочери. В тебе кровь и кость звёздного повелителя. И ты должен присоединиться к своему клану. К нам пришло известие, что восставшие разыскивают таких, как ты, и приносят им злой конец...

— Изгнание?.. — Кинкар не мог поверить в услышанное.

Реген покачал головой.

— Не изгнание, сын Дочери. Но здесь, в стенах самого Стира, есть тот, кто поступит с тобой хуже восставших. Ты должен исчезнуть до ухода Стира, быть вне досягаемости Джорда, когда он станет Стиром...

— Но я сын Дочери!

— Все в этих стенах знают правду о твоей крови, —

медленно продолжил Реген. — Многие пойдут за тобой, если ты поднимешь вымпел из шкуры морда. Но есть и такие, что не хотят звёздной крови в стенах крепости. Брат пойдёт против брата, отец против сына, если ты потребуешь права стать Стиром.

Словно изо всей силы налетаешь на стену во время бега. Кинкар в поисках поддержки взглянул на Вурда, но по-прежнему яркие глаза старого вождя смотрели на него безжалостно и спокойно.

— Но куда мне идти? — просто спросил Кинкар. — Звёздные повелители улетели.

— Не все... — послышался шёпот Вурда. — Улетели корабли... но кое-кто остался. Ты присоединишься к ним. Реген... — он поманил стражника пальцем и закрыл глаза.

Тот быстро начал действовать. И прежде чем Кинкар сообразил, что происходит, с него сняли кольчугу и рубашку под ней. Одели другую кольчугу, а поверх неё плащ с предательским символом. Потом Реген опоясал Кинкара новым мечом.

— Твой плащ, сын Дочери. Теперь вниз по внутренней лестнице. Сим ждёт тебя во дворе.

Вурд заговорил в последний раз, хотя и не открывая глаз, а слова его прозвучали еле слышным шёпотом:

— Карта... и да пребудет с тобой покровительство Трех... сын Дочери! Ты был бы хорошим Стиром... какая жалость!.. Иди, пока я ещё жив!

И прежде чем Кинкар смог возразить или попрощаться по обычаю, Реген вытолкнул его из комнаты и провёл по потайной лестнице во двор. Во дворе его ждало верховое животное, которое Кинкар сам отобрал из осеннего приплода два года назад. Он знал, что это хороший ходок, способный на тяжёлую работу или долгое бегство, на длительные переходы со скудным питанием. Сим стоял уже под седлом, и на его широкой спине были укреплены дорожные сумки.

Сим не самый красивый ланг, он не из нервных поро-

дистых животных с шелковистой кожей. Высоко подняв узкую голову, он всеми четырьмя глазами поглядывал на Кинкара с обычным задумчивым и оценивающим выражением. Бело-жёлтая, а местами рыжая, как и кожа под ней, шерсть холодного времени года ключьями покрывала длинную шею и плечи. Нет, Сим не красавец, и у него неровный характер, но для Кинкара это было лучшее верховое животное во всей крепости.

Но Сим не единственное, что он мог считать своим в крепости Сир. Сев в широкое седло и собрав в кулак ушные поводья, Кинкар свистнул — на единой льющейся ноте. И сразу услышал ответ из помещения для птиц на верху малой башни. На ребристых кожистых крыльях, поддерживающих тело в воздухе, треть которого составляет голова с мощными зубастыми челюстями и огромными умными красными глазами, к нему слетел морд, малая копия злобных охотников горных вершин, однако ни в чём не уступающий им по свирепости. Он покружил над головой хозяина и отлетел. Теперь Воркен весь остальной день будет парить неподалёку, занимаясь своими делами, но готовая явиться по первому зову.

— Дорога на север... — торопливо заговорил Реген, буквально выгалкивая Кинкара со двора. — Карта в левом мешке, сын Дочери. Иди к перевалу Коготь Морда. Нас благословили Трое: бури его ещё не закрыли. Но у тебя совсем мало времени...

— Реген! — наконец Кинкару удалось преодолеть странное ощущение этих последних минут, он как будто пребывал во сне. — Клянёшься ли ты Правом Клана, что это хорошее дело?

Стражник взглянул на него искренне — искренне и с тревогой, которую не пытался скрыть.

— Сын Дочери, Правом Клана говорю тебе, что это единственный путь, если не хочешь уйти в Лес, уведя за собой половину твоих людей в крови. Джорд вознамерился получить Сир. Если бы ты был только сыном Дочери, не

полукровкой, никто за ним не пошёл бы. Но это не так. Есть здесь и такие, кто по твоему призыву обнажит меч, а есть и те, кто смотрит на Джорда. Вдвоём вы расколоте крепость Стир, как гнилой фрукт, и до нового прихода зелени нас сожрут разбойники. Иди за большим наследием, чем Стир, сын Дочери. Это твоё право.

В последний раз он отдал Кинкару честь, и младший, понимая, что стражник говорит правду, дёрнул ушные поводья и пустил Сима рысью. Но ему было больно, и он ни разу не оглянулся и не посмотрел на приземистую полукрепость-полузамок с теснящимися у её стен домами крестьян.

Ветер дул ему в спину. Он повернул на северную дорогу, которая ведёт к перевалу Коготь Морда и дальше, к внутренним равнинам. Насколько он знал, впереди лежала дикая страна, где обитают только преступники. А лучшее, на что он мог надеяться в будущем, это служба воином у какого-нибудь лорда, которому нужны мечи для участия в очередном набеге.

Неужели слова Вурда об оставшихся звёздных кораблях, о его воссоединении со звёздными повелителями — правда? После отъезда он почти забыл слова старика. Кинкар порывлся в левом седельном мешке и достал свиток писчей коры. Его научили читать, потому что одной из его обязанностей в Стире было вести записи. Но чтение — нелёгкая задача, и он предоставил Симу идти по дороге, а сам начал трудиться над двумя строчками, сопровождавшими небольшой чертеж.

Да... он понял смысл! Призывались все полукровки, которые хотели бы присоединиться к звёздным повелителям. И карта ему была знакома: год назад он изучал эту местность. Тогда Вурд ещё правил сильной рукой и учил будущего наследника, брал с собой в поездки и показывал места, где собираются разбойники и откуда предусмотрительный хозяин крепости может ждать неприятностей. На карте был показан как раз один из таких районов, мес-

тность, полная дурных предзнаменований. Говорят, здесь можно встретить Древних, чьи полные зла тени звёздные повелители, появившись на Горте, загнали в грязные ук-рытия.

Звёздные повелители! Рука Кинкара устремилась к гербу на груди. Ему захотелось взглянуть на своё лицо в зеркале. Может, новое знание позволит ему заметить какую-нибудь перемену?

На собственный взгляд, внешне он физически ничем не отличался от остальной молодёжи Стира. А ведь по всем свидетельствам звёздные повелители были гигантами с кожей не матово-белой, как у него, а густого коричневого цвета, словно вырезанные из какого-то редкого дерева. Если новость верна, ни на лицом, ни телом он ничем не походил на отца. Волосы под шлемом плотно покрывали череп сине-серыми завитками. Со временем они почернеют, как у всех стариков. К тому же говорят, что у звёздных повелителей и на теле растут волосы, а у него кожа гладкая. Вдали от Стира никто не обнаружит его чуждое происхождение. Он избавится от плаща, станет вольным воином. Может, со временем соберёт отряд и в битве завоюет собственное владение.

Обдумывая и отбрасывая всевозможные планы, Кинкар продолжал двигаться по тропе, которая приведёт его на перевал Коготь Морда и дальше в пустыни, показанные на карте. Он не мог сказать почему, но что-то внутри отшатывалось от принятия такого наследия. Он почитал звёздных повелителей, горячо протестовал против насмешек Джорда, но самому оказаться чужой крови — совсем другое дело. И ему это не нравилось.

Он покинул Стир в середине дня и не останавливался на отдых, зная, что Реген должен был хорошо накормить Сима. Когда дорога превратилась в узкую тропу, Кинкар увидел Воркен, сидевшую на открытом месте. Сидя на ещё тёплой тушке небольшого суарда, Воркен хлопала крыльями. Впереди начиналась местность, где дичи мало, а у лесного суарда нежное мясо. Кинкар спешил, охотничь-

им ножом освежевал зверя, отдал Воркен отходы и повесил тушку за седлом. Пойдёт на ужин.

Дорога сильно петляла. Это караванная тропа, ею пользуются, когда западные дороги становятся опасными. И Кинкар был уверен, что здесь в это время года ещё никто не проходил: дальше пустыни, у которых нет даже имён.

Когда подъём стал слишком крутым, он спешился и повёл Сима по тропе, где тот мог держаться когтями. А сам пробирался кустами, которые цеплялись за плащ или за гребень из шкуры морда на шлеме. Кинкар знал, что ему ещё повезло: стояла необычно тёплая погода, и ему не приходилось пробиваться сквозь снег, хотя здесь ветер стал гораздо холоднее. Воркен теперь держалась поближе, время от времени она показывалась на скале перед медленно пробиравшимися путниками, жалобно кричала и получала в ответ успокоительный призыв Кинкара. Морд, которого приручили, который подружился с человеком, всегда стремится быть с ним рядом, поэтому его легко отыскать даже в дикой местности, где на крыльях он свободно уйдёт от любого охотника.

Закат уже близился, когда растительность, высохшая и безжизненная, осталась позади и они выбрались на скалы перевала. Впервые Кинкар оглянулся. В чистом воздухе легко, очень даже легко удалось разглядеть крепость Стир. Но... у юноши перехватило дыхание, когда он увидел, что на сторожёвой башне нет знамени! Вурд оказался прав: на следующий день владение крепостью перейдёт в новые руки. Вурд с'Джастард больше не Стир. И для Кинкара с'Руда возврата нет. Владыкой стал Джорд, теперь Джорд с'Вурд — Стир!

2. Битва в пустыне

На ночь Кинкар укрылся под нависающей скалой. До наступления темноты он миновал высшую точку перевала Коготь Морда и немного спустился до начала лесов. Но ему

не хотелось в темноте углубляться в дикую местность. Хотя горы отчасти защищали от ветра, здесь было гораздо холоднее, чем в долине крепости, поэтому Кинкар развёл небольшой костерок в расселине, а Воркен сидела на седле, снятом с Сима, наблюдала за хозяином и время от времени тревожно расправляла крылья, прислушиваясь к звукам в деревьях и кустах.

К его услугам были острый слух Воркен и способность Сима далеко чутя зверей, и потому Кинкар не беспокоился. Его друзья не покинут костёр и оба сумеют вовремя предупредить его об опасности. Конечно, главная опасность исходит от бродячих разбойников, а не от зверей или летающих существ. Гигантские са-морды высот не охотятся по ночам, а суард, достаточно крупный, чтобы представлять угрозу, побоится приблизиться к огню.

Кинкар нарезал добычу Воркен, насадил куски на заострённый прут, чтобы поджарить их. В седельном мешке он нашёл жёсткие походные лепёшки, которые способны поддерживать человека много дней на ногах в лишённой пищи пустыне. Реген — опытный воин, и теперь, когда у Кинкара появилась возможность проверить содержимое сумок, он оценил предусмотрительность и опыт, с которыми их упаковали. Пищевые концентраты, хорошо известные охотникам, рыболовная леска с крючками, одеяло из шкуры брага, его водоотталкивающая поверхность способна предохранить от сырости даже в худшую бурю, небольшой набор инструментов для починки упряжи и оружия и, наконец, — маленький, заботливо перевязанный свёрток из прочной кожи. Кинкар с любопытством ощупал его. Судя по тщательности, с какой его завернули, там хранилось что-то очень ценное. Но развернув свёрток, Кинкар удивился. Он был уверен, что раньше такого никогда не видел. Овальный камень, тускло-зелёный, гладкий, словно подвергался воздействию бесчисленных лет в воде, а не отшлифован руками человека. Но в узком конце было просверлено отверстие, а сквозь него пропущена металли-

ческая цепочка. Очевидно, камень следовало носить на шее.

Кинкар осторожно высвободил камень из обёртки и взял в руку. И тут же чуть не выронил: коснувшись его кожи, камень слабо засветился и стал ощутимо тёплым, как будто обладал собственной жизнью. Кинкар затаил дыхание, сжав камень в кулаке.

— Лор, Лой, Лис, — прошептал он почтительно, и ему показалось, что от одного произношения этих Имен камень ещё больше потеплел.

Но как Реген... или это наследство Вурда? Никто в крепости Стир и не подозревал, что в сокровищнице их лорда хранится Связь. Кинкара до глубины души поразило это последнее проявление веры в него Вурда. Джорд может получить Стир, но не станет хранителем Связи. Это его долг! Доверие... и, может быть, однажды... Он ошеломлённо смотрел на огонь. Однажды... если он окажется достоин... если докажет, что не зря Вурд понадеялся на него... когда-нибудь он использует власть Связи! По-детски удивлёнными глазами Кинкар разглядывал камень, стараясь представить себе, на какие чудеса тот способен. Ни один человек не может им воспользоваться, пока его не коснётся сама живущая в камне сила. Но сейчас Кинкару было достаточно знать, что он — хранитель Связи.

Дрожащими пальцами он надел цепочку на шею и спрятал камень на груди под грубой кожей куртки, кольчуги и плаща. И ему показалось, что в руке сохранилось тепло камня. Подняв пальцы, чтобы посмотреть на них, он ощутил тонкий острый запах. Воркен испустила резкий крик, повернула большую голову и обнюхала его пальцы; Сим тоже приподнял голову, как будто и ланга привлекло излучение камня.

Великая честь — быть хранителем, но и большая опасность. Связь обладает двумя типами волшебства: одно в пользу человека, другое против него. И немало найдётся таких, кто с лёгкостью согласится пронзить Кинкара ме-

чем, чтобы завладеть сокровищем — если только заподозрят его существование. В одном небольшом камне Реген передал ему и помощь, и опасность, но Кинкар принял это с радостью.

Не беспокоясь, зная, что на чувства Воркен вполне можно полагаться, он лёг на плащ и укрылся одеялом, чтобы проспать часы темноты. Но проснулся не сам, а от тревожного щёлканья. На груди тёплым комком лежала Воркен. На фоне гаснущих углей костра юноша увидел, как её тёмная голова поворачивается из стороны в сторону. Когда он пошевелился и Воркен поняла, что он проснулся, она с помощью своих когтей взобралась на скалу, готовая прыгнуть с высоты и устремиться в бой. Её способ обороны — всегда нападение, нацеленное на голову и глаза врага.

Когда она заняла место на верхушке скалы, Кинкар нащупал рукоять меча. Сима не было слышно. Значит, острый слух Воркен дал ему достаточно времени для подготовки. То, о чём она предупредила, находилось, должно быть, ещё далеко внизу. Огонь почти погас, и Кинкар не пытался снова разжечь его. Чувства, натренированные в долгих путешествиях по пустыне, говорили ему, что рассвет близок.

Он не выходил из расселины, в которой провёл ночь. Воркен со своего поста продолжала посылать негромкое предупреждение. Но так как она не поднималась в воздух, Кинкар был уверен, что тот, кто её встревожил, не приближается. Воркен отлично видит ночью, и теперь противник ей тоже виден. Небо посерело. Кинкар уже различал окружающие скалы. Он оседлал Сима, прикрепил седельные сумки, но выбираясь из расселины, не стал садиться верхом. Воркен поднялась в воздух. Когти Сима цеплялись за камень, но через несколько футов началась тропа, и дальше они двигались по толстому слою пыли. Юноша принялся жевать дорожную лепёшку, отдав большую часть Симу. Этим ограничится их завтрак, пока они не окажутся в безопасности.

После крутого спуска тропа вывела к краю ещё более крутого откоса. Кинкар не стал спускаться дальше. Присев, он резко дёрнул вниз голову Сима, надеясь, что их не заметила группа внизу.

Первая мысль — что он наткнулся на торговый караван — тут же исчезла, когда он оглядел лагерь. Шесть лангов, все верховые, ни одного व्यючного. И шесть всадников на берегу небольшого ручья с обледеневшими закраинами. Ланги были истощены долгим переходом, бока у них худые, сквозь кожу торчали кости, шерсть холодного времени года висела ключьями, словно животным приходилось пробираться сквозь колючий кустарник.

Но больше всего Кинкара поразили всадники. Из шести всадников три были женщинами, причём одна совсем ещё девочка. Женщины в пустыне! Конечно, разбойники грабят владения и уводят женщин в свои лагерь. Но это были явно не пленницы, а такие дорожные плащи из тонкой шерсти тити носят лишь Дочери Владения. К тому же женщины находились в хороших отношениях с мужчинами, спокойно разговаривая с ними высокими голосами, как с братьями по клану.

Что здесь мог делать такой странный отряд? Они не на дневной охоте: каждый ланг нёс дорожные сумки, набитые так, что вот-вот лопнут по швам. Кинкару хотелось увидеть их лица, но голову каждого странника прикрывала обычная дорожная маска под тюрбаном с вуалью. На мгновение у него появилось нелепое предположение... что в этой пустыне звёздные повелители приказали собраться своим людям. Но невозможно было не заметить белой кожи ближайшего воина. Он гортианин, а не существо из космоса.

И пока юноша колебался, раздумывая, не стоит ли их окрикнуть, послышался сдавленный крик Воркен, а затем глубокий гул ручного барабана.

Люди внизу вскочили, словно их дёрнули за верёвочки. Воины буквально забросили женщин на сёдла ждущих лангов, и они в сопровождении одного мужчины ускакали,

а два оставшихся воина натянули поводья своих скакунов, выхватив мечи. Раздался топот, и из кустов выскочил настоящий боевой ланг. Кинкар, уже верхом на Симе, задержался, разглядывая новоприбывшего.

Ланг был огромный; он и должен был быть таким, потому что сидевший на нём всадник тоже отличался гигантским ростом. Его широкие плечи покрывал серебристый плащ, который блестел в свете раннего утра. Двое оставшихся воинов встали по обе его стороны, и маленький отряд приготовился к нападению.

Кинкар отыскал тропу, зигзагом спускавшуюся по склону. Он не стал спешиваться, но поскакал на максимально возможной скорости, из-под когтей Симы отлетали камни и гравий. Тропа сделала резкий поворот, и перед Кинкаром открылась картина битвы на поляне у ручья.

Из кустов выскакивали люди в оборванной одежде и ржавых кольчугах, некоторые на худых лангах: их волна грозила захлестнуть оборонявшихся. Но три бойца встретили толпу обнажёнными лезвиями. Послышались крики, вопли умирающих. Сим повернул, Кинкар наклонился вперёд и свистнул ему в уши — такой свист приводит ланга в боевую ярость.

Разбрызгивая воду, они пересекли ручей, взлетели на противоположный берег и устремились к схватке. Воркен, увидев атаку Кинкара, нанесла ничего не подозревавшему противнику удар в лицо, тот с криком покатился по земле: клюв и когти Воркен достигли цели. Хорошо обученный Сим поднялся на дыбы и передними лапами сбрасывал всадников, а Кинкар одной рукой держался за седло, а другой работал мечом. Последовало несколько минут, полных напряжения боя, затем снова разнеслись удары барабана. Человек, которому Кинкар собирался нанести удар, повернулся и бросился в кусты. А когда Кинкар огляделся в поисках другого врага, он никого не нашёл. Только тела на земле и трое воинов, на которых нападали. В остальном поляна была пуста.

Один из воинов спешил, вытер лезвие о траву и вложил в ножны.

— Теперь эти разведчики спрячут свои клыки, лорд Диллан...

Человек, вложивший меч в ножны, расхохотался хриплым невесёлым смехом. Он возразил товарищу.

— Ненадолго, Джонатал. Будь они обычным сбродом, одного такого урока им вполне бы хватило. Но у них есть предводитель, и он не отпустит нас с миром, пока есть мечи, готовые подняться против нас.

Гигант в серебристой одежде поглядел на Кинкара, лицо его слегка нахмурилось, хотя трудно было разглядеть выражение под дорожной маской. Что-то в этом пристальном взгляде заставило Кинкара высоко поднять голову. Он вызывающе посмотрел в ответ.

— Кто ты? — вопрос, адресованный ему, прозвучал коротко и резко, как удар меча.

— Кинкар с'Руд, — ответил юноша, не используя всех обычных форм вежливого обращения.

— ...с'Руд, — повторил тот, но произнёс это имя странно, с такой интонацией, какую Кинкар не слышал. — А твой знак? — всадник продолжил допрос.

Кинкар отбросил плащ и показал герб у себя на груди, герб, на который, как ему казалось, у него не было никакого права.

— ...с'Руд, — снова проговорил гигант. — А кто твоя мать?

— Анора, Дочь Владения Стир.

Теперь все трое смотрели на него оценивающими взглядами. Но гиганта ответ, должно быть, удовлетворил, потому что лорд поднял над головой руку с раскрытой ладонью в обычном дружеском приветствии.

— Добро пожаловать на нашу дорогу, Кинкар с'Руд. Ты тоже пришёл по вызову?

Кинкар оставался настороже.

— Я ищу место в пустыне...

Лорд в серебре ответил:

— Я Диллан, а это Джонатал с'Кинстон и Вулт с'Марк. Мы носители молний и искатели звёзд.

Его сородичи, полукровки. Кинкар с любопытством рассматривал их. Два воина, на первый взгляд, ничем не отличались от обычных высокорожденных обитателей Владения. И хотя они обращались к лорду Диллану с уважением, это было обращение одного близкого родича к другому, а не рядового воина к хозяину крепости.

Физические отличия же лорда Диллана от остальных были так заметны, что чем дольше Кинкар ехал рядом с предводителем, тем больше убеждался, что это не полукровка, но один из легендарных звёздных повелителей собственной персоной. Его огромный рост и тембр голоса выдавали чуждое происхождение, хотя шлем, дорожная маска и плащ скрывали лицо и тело. Но ни Джонатал, ни Вулт не вели себя так, словно их предводитель — полубог. Ничто в них не указывало на благоговейный страх, который заставлял Кинкара молчать и держаться немного в стороне. Наверное, они всю жизнь провели в тени рождённых среди звёзд и потому не удивлялись их чудесам. Хотя в недавней битве лорд Диллан не убивал своих врагов молниями, а пользовался мечом, конечно, длиннее и тяжелее обычных, но точно таким же, какой висел на поясе самого Кинкара. А когда он говорил, то о самых обычных вещах: о том, сколько ещё выдержат ланги, о наступлении дня — дела, о которых шёл бы разговор среди самых обычных путников.

Воркен сверху просвистела предупреждение, и все посмотрели туда, где она парила, вытянув крылья, на невидимых восходящих потоках.

— Хорошо тебе служат, Кинкар, — лорд Диллан обратился к нему впервые с тех пор, как они покинули поляну. — Отличный морд.

— Да, дорогая боевая птица, — подхватил Вулт. — Когда нужно, она ловко действует клювом. Сам обучал? — вежливо спросил он.

Кинкар смягчился.

— Я взял её от яйца. Учил два года. Последние пять лет лучшей в Стире не было.

Впереди показались те, о ком предупреждала своим криком Воркен. Три женщины на усталых лангах и их охранник, всё время поглядывающий назад. Увидев группу, он приветственно поднял руки, но женщины не оглядывались, их ланги продолжали идти дальше.

— Оскалили зубы? — спросил воин.

— Оскалили, — с мрачным удовлетворением ответил Вулг. — Они снова нападут на нас, но теперь гораздо меньшее число их откликнется на барабан.

И словно его слова послужили сигналом, позади раздался зловещий звук. Но приглушённый расстоянием. Охотники далеко отстали от добычи. Лорд Диллан поскакал вперёд, к женщинам. Они обменялись несколькими негромкими словами, и одна из женщин указала на запад. Звёздный повелитель кивнул и посторонился, пропуская женщин. Взмахом руки он отправил вслед за ними стражника, а четверо уменьшили скорость, образуя заслон.

Острым взглядом бывшего охотника Кинкар заметил, что движутся они по тропе, которой недавно и часто пользовались: пыль с тропы покрывала соседние камни. Лорд Диллан, должно быть, заметил, куда он смотрит, потому что пояснил:

— Мы последние из собирающихся. Мы прибыли из Гнарта.

Это же в половине континента отсюда! Неудивительно, что их ланги так исхудали, а в фигурах женщин хорошо была видна усталость. Но ведь не могли же их преследовать на всём этом расстоянии? И тут вновь послышался барабанный бой — на этот раз гораздо ближе. Воркен испустила свой боевой клич, но когда Кинкар не повернулся лицом к врагу, начала широкими кругами летать над его головой, внимательно следя за местностью и хозяином, ожидая от него приказа снова устремиться в яростное нападение.

Густой кустарник, с обеих сторон ограждавший тропу после реки, сменился небольшими искривлёнными кустиками, увядшими и сухими, как пересохшие кости этой безводной пустыни. Голубую почву кое-где начали пересекать полоски серебристого песка. Путники явно приближались к одной из подлинных пустынь. Но след тех, кто раньше проходил этой тропой, ясно вёл вперёд, и те, к кому присоединился Кинкар, были уверены в маршруте.

Встало солнце, они принесли с собой неестественно тёплый ветер, так не соответствующий времени года. Этот ветер поднял облака тонкой пыли. Кинкар соорудил импровизированную маску. Обычная дорожная пыль, которая горожанам кажется такой неприятной, его не беспокоила, но это было нечто совершенно иное. Сим два глаза закрыл, а другие два прикрыл прозрачными внутренними веками, но никаких других признаков неудовольствия не проявлял. Воркен поднялась выше пыли.

Вдоль тропы возвышались причудливые образования. Это работа ветра и песчинок. Было похоже на руины разграбленного Владения. Тропа вилась между этими столбами и башнями, и Кинкар постепенно утратил чувство направления, тем более что песок и пыль закрыли все ориентиры.

Он слепо следовал за лордом Дилланом, и только вера в этого предводителя помогала ему справляться с растущей тревогой. Ему хотелось есть и пить, мысль о воде причиняла настоящую пытку. Они двигались уже много часов. Сколько ещё им предстоит брести по этой голой пустыне?

Кинкар натянул поводья, заставив Сима встать на дыбы. Бой барабанов прозвучал прямо в ушах! Но Воркен не подавала предупреждения! И тут он услышал приглушённый маской голос Вулта:

— Это эхо, парень! Бьют далеко за нами, зайти с боков не смогли. Но держи меч наготове: он будет пить кровь ещё до заката. Если найдём подходящее место для боя.

3. Корабля нет, но...

Странное эхо барабана заставляло Кинкара вздрагивать. Ему действовали на нервы удары то с одной, то с другой стороны, ему хотелось побыстрее обнажить меч, прижать его к коленям и помчаться навстречу противнику. Но те, с кем он ехал, не готовились к бою, и ему стыдно было выдавать свою тревогу.

В то же время он думал о цели их пути. Небесный корабль в этой пустыне. О ней ходило много слухов, но такого — никогда. Огромные корабли, удивившие весь Горт, стояли на площадке за пределами ныне покинутого города Терран. И они улетели, поднялись в светло-розовое небо Горта и больше не вернулись. Может, здесь остался один из них? Когда наступали передышки в пыльной буре, Кинкар поднимал голову, пытаясь разглядеть металлическую колонну небесного корабля, рядом с которой всё должно казаться маленьким.

Но не видел ничего, кроме извивавшейся между каменными столбами тропы — свидетельства того, что люди побывали здесь. Столбов со временем становилось меньше, и теперь, когда они не окаймляли дорогу, появилась опасность сбиться с пути в этих облаках летящего песка. Лорд Диллан замедлил скорость, иногда ненадолго останавливался, прижимая руку к груди, словно сверяясь с каким-то талисманом. И после каждой такой остановки чуть изменял направление направо или налево.

Потом, так же быстро как и поднялся, ветер стих, песок улёгся наносами тонкой пыли, и стало видно путь впереди. Они оказались на подъёме, где довольно далеко от них Кинкар заметил движущиеся точки — женщины со своим охранником. Неожиданно эти точки исчезли. Должно быть, там начался спуск, сообразил Кинкар, причём крутой, так как исчезли они почти мгновенно.

Подъехал Джонатал, тыльной стороной ладони стирая пыль с маски. Хрипло проговорил:

— Ну и сухость! А мне никогда не нравилось драться, если перед этим не выпить чего-нибудь холодного...

— Драться? — Кинкар уже какое-то время не слышал барабана. Он надеялся, что буря сбила преследователей с пути.

— Они наверняка сейчас постараются напасть, — Джонатал пожал плечами. — Последний бросок костей в игре. Когда перевалим через вершину, — он указал вперёд, — им нас уже не достать. Мы последние из своих. Когда переберёмся, ворота закроются...

Кинкар не понял, о каких воротах идёт речь, но зато хорошо понял значение крика Воркен и увидел её стремительный нырок над песчаными дюнами к столбам, мимо которых они только что проходили. Наконец-то! Он обнажил меч и закутал левую руку в плащ, который будет использовать как щит, готовый бросить его в лицо противнику, если возникнет необходимость.

От столба к столбу перебегали фигуры, молчаливые, тёмные, искажённые. Кинкар с застывшим ртом следил за этим зловещим бесшумным приближением. Уже пять лет он сражался с разбойниками, а однажды участвовал даже в настоящем набеге на крепость Горм. В последних двух битвах, несмотря на молодость, он принял флаг Стира, как заместитель Вурда. Он знает это затишье перед схваткой с тех пор, как под терпеливым присмотром Регена впервые взял в руку меч. Но здесь скрывалось что-то иное. Кинкар чувствовал какую-то перемену, угрозу, смысла которой не понимал.

Воркен вернулась к нему, испуская воинственный клич. Но не приближалась к врагу, так как хозяин не двигался. Сим переступал с ноги на ногу. Они, должно быть, тоже почувствовали это отличие, эту странную угрозу, обещавшую нечто хуже удара мечом или копьём, стычку вооружённых людей.

Оставив меч висеть, Кинкар правой рукой снял маску и вдохнул больше воздуха, которого неожиданно стало не

хватать. Джонатал расположился слева от него, он свободно сидел на своём гигантском ланге. И с лёгкой улыбкой смотрел на столбы взглядом часового. Справа Вулт тщательно обматывал плащом руку, проверяя каждый виток. Но лорд Диллан, одной рукой держа поводья ланга, другой — всё тот же таинственный талисман, не обнажал оружие и не снимал дорожную маску. Его странно светлые глаза были устремлены к столбам и к тому, что двигалось в их тени.

— Медленно уходим, — сказал он. — Если нас не вынудят, сражаться не будем...

— Они не выпустят нас из челюстей, — предупредил Вулт.

— Может, и выпустят... если тот, кто их ведёт, не подтолкнёт их... — все выполнили его приказ, но сам лорд Диллан не отрывал взгляда от столбов и не поворачивал своего ланга.

Последним неохотно двинулся Кинкар. И в этот момент Воркен абсолютно неожиданно атаковала врага. Кинкар не знал, чем это было вызвано: то ли она неверно поняла смысл движений Сима, то ли взяла верх природная свирепость морда. Но Воркен в последний раз крикнула и устремилась по спирали к ближайшему столбу.

Кинкар не видел, что ударило её в воздухе. Никто не смог бы увидеть этот быстрый неслышный удар. Но Воркен закричала от боли, одно её крыло смялось, и она упала на песок. Не задумываясь, Кинкар послал Сима назад, туда, где лежал раненый зверёк. Она была здоровым крылом, пытаясь снова подняться в воздух. Её крики боли и гнева становились всё громче, всеми четырьмя лапами она выбрасывала в воздух тучи песка.

Кинкар соскочил с Сима. Не успев коснуться земли, побежал, на ходу разматывая плащ, чтобы схватить обезумевшего морда. Сделать это голыми руками означало получить глубокие раны от клюва и когтей. Ему удалось подхватить плащ с бьющимся животным: юноша прижал

Воркен к груди, а она продолжала яростно бить клювом и когтями.

Из-за столбов послышался торжествующий крик: грязная волна разбойников выплеснулась из-за укрытия и устремилась к Кинкару. Он отступал, внимательно наблюдая. Меч у него был наготове, но Воркен мешала свободно действовать им. Быстро приближавшиеся враги размахивали дубинами и копьями, и Кинкар понял, что его тревога перешла в настоящий страх. Открытое нападение настолько отличалось от обычного метода действий разбойников, что это подействовало на Кинкара не меньше зловония немых тел, от которого выворачивало желудок.

Кинкар криком подозвал Сима. Ланг послушно подбежал к нему, но с бьющимся мордом в руках сесть верхом оказалось очень трудно. И всё же Кинкар не собирался оставлять Воркен.

— Йаааа... — крик разбойников заглушил бой барабана. А за пехотинцами показались всадники, лучше одетые и вооружённые, тоже готовые присоединиться к нападению.

И тут мимо Кинкара, фонтаном вздымая песок, пронёсся ланг со всадником. Вулт ударил мечом и поднял оружие для нового удара. Но из-за столбов к ним обоим устремлялось всё больше врагов.

Однако благодаря этой передышке Кинкар сумел взобраться на Сима и подготовить меч. Натянул поводья. Его ланг был достаточно обучен, чтобы не требовать руководства в схватке. Он рычал и бил лапами песок. Почувствовав на себе тяжесть всадника, Сим встал на дыбы и передними лапами ударил копейщика.

Воркен, должно быть, начала задыхаться. Она перестала биться, и Кинкар был доволен. Предстояло прорубаться мечом, чтобы обеспечить отступление.

Послышался возглас на каком-то непонятном языке. Лорд Диллан ответил коротким предложением, столь же непонятным. Меч его был обнажён, он скакал рядом с Джонаталом, словно они две руки одного воина. Разбойни-

ки дрогнули, рыча как звери, и побежали, но всадники за ними оказались другой породы. Ланг Джонатала фыркнул и повернул, несмотря на отчаянные попытки всадника справиться с ним. Потом упал, уже мёртвый, и придавил хозяина. Только мягкий песок спас Джонатала от смертельного увечья.

Кинкар едва успел разрубить мечом череп разбойника, нацелившегося копьём в горло Джонатала. Тот изо всех сил пытался высвободиться из-под ланга. И тут, перекрывая гул барабана и шум схватки, послышался резкий, как вопли Воркен, крик. На перевале, к которому они стремились, появилась группа всадников. Когда Кинкар смог разглядеть, оказалось, что их всего пятеро, но ударили они с яростью, удвоившей их количество и силу.

Всадники пронеслись мимо четверых, обрушились на разбойников и буквально смели их. Но не стали их преследовать дальше столбов, а быстро развернулись, так что их ланги встали на дыбы. Повернувшись, всадники направились назад. Один задержался, посадил за собой Джонатала и поскакал дальше, увлекая остальных за собой — через перевал и вниз, в глубокую долину, похожую на оспину на теле пустыни.

Когда они миновали вершину, Кинкар покачнулся, чуть не свалившись с седла. Частично шок объяснялся ощущением, словно он проходит через невидимую преграду. Но вместе с тем и гораздо сильнее подействовала на него обжигающая боль. Он был уверен, что брошенное кем-то копьё догнало его, и потому тупо смотрел на грудь, к которой прижимал закутанную Воркен. Ожидая увидеть торчащее из неё остриё, он смутно удивлялся тому, что ещё жив. Однако никакого копья юноша не увидел и, снова распрямившись, понял, что не ранен. Только... что это была за боль, которую он по-прежнему ощущал под кольчугой и плащом?

Связь! По какой-то непонятной ему причине она ожила в тот самый момент, как он переваливал через вершину

холма. Но Кинкар не осмелился задать вопрос. Хранители Связи Именем Трех держат своё сокровище в тайне и никогда не жалуются на трудности, которые оно вызывает. Так и Кинкар не решился даже притронуться к груди, где по-прежнему билась боль, обещая впереди ещё худшее.

В центре долины был разбит лагерь, торопливо сооружённые из одеял и плащей укрытия. Их так же торопливо разбирали, бросали связки на спины лангов. А за лагерьем возвышалось нечто совершенно отличное от примитивных убежищ, как звёздный корабль отличается от фургона торговца.

Два столба из яркого голубого металла были установлены на каменных плитах; поддерживающие их камни чем-то так сплели, что никакая буря их не сдвинет. Столбы находились на удалении пяти футов друг от друга, а между ними висела паутина из какого-то вещества, которое Кинкар не сумел бы назвать. По паутине пробегали радужные волны, однако сквозь неё вполне можно было разглядеть противоположный край долины.

Кинкар сунул Воркен под руку и внимательней посмотрел на новое чудо. Он ожидал увидеть здесь звёздный корабль. А обнаружил сеть, натянутую между металлическими столбами. Во что втягивают его случайно встреченные попутчики? Насколько он мог судить, они в ловушке. Рабойникам требовался только ещё один натиск, и их сметут. Ведь внизу их ждало всего шесть человек.

Из этих шестерых четверо были в такой же серебристой одежде, как у лорда Диллана, и того же гигантского роста. Дорожные маски они сняли, и Кинкар увидел чуждый тёмный цвет их лиц, хотя сами эти лица почему-то лишились подвижности, знакомой ему с детства. Один из этих людей приветственно поднял руку, и лорд Диллан ответил на приветствие. Тогда ожидавший их лорд взял в руки поводья трёх лангов и повёл их к радужной паутине. И на глазах у Кинкара прошёл между столбами.

Паутина не разорвалась. На мгновение фигура звёздного

повелителя оказалась окружённой радужным ореолом, потом цвета пробежали к краям паутины. А звёздный повелитель и ланги, которых он вёл, — исчезли! Они не появились на противоположной стороне. Кинкар недоумённо смотрел на камни за столбами: там никого не было.

Воркен слабо крикнула у него на руках; из складок плаща показался её клюв. Сим с шумом выдохнул воздух, очищая свои широкие ноздри от песка. А сам Кинкар в этот момент не мог ни говорить, ни двигаться.

Похоже, что рассказы о волшебстве звёздных повелителей, нелепые рассказы, над которыми снисходительно смеялись разумные люди, — похоже, они всё-таки правдивы! Он только что своими глазами видел, как исчез звёздный повелитель, шагнул в ничто. Наверное, звёздные повелители это могут. А остальные?

— Это врата, парень! — Вулт, проезжая мимо, задел Кинкара коленом. — Врата в новый мир.

Это объяснение ничего не сказало Кинкару. Корабль, летящий к звёздам, — да, такое он понять может. Он не невежественный крестьянин, чтобы верить, что небо над головой — это большой щит Лора, которым он ограждает людей от ужасной тьмы. Кинкар знал, что звёздные повелители прилетели с другой планеты, похожей на Горт. Но они прилетели в кораблях, в которых может жить человек, в них всё можно потрогать руками. А как отправляться в другой мир, просто проходя через сверкающую сеть?

Кинкар положил руки на Связь и неслышно произнёс Три Имени Власти. Этого волшебства у звёздных повелителей нет, это волшебство Горта. А в такие моменты гораздо лучше держаться за привычный талисман, чем поверить в паутину, за которой люди мгновенно исчезают из вида.

Кажется, Вулт знал, чего ожидать, и удивительное зрелище для него не явилось чудом. Вслед за лангом Вулта Сим пробирался между палатками, Кинкар не подгонял его, но и не удерживал. Один из полукровок взял в руки поводья ещё двух лангов. И, как и звёздный повелитель перед ним,

пошёл вперёд с уверенностью человека, шагающего по городской улице. Он погрузился в паутину, та на мгновение вспыхнула, и человек исчез вместе с животными.

Вулт повернулся и подхватил обвисший повод Сима. Потом подбадривающе улыбнулся Кинкару.

— Это лучше любого набега, даже набега на Хлафс Дан, парень. Лучше звёздных полётов...

Кинкар, одной рукой удерживая Воркен, другой прижимая обжигающую Связь, не протестовал, когда воин повёл его ланга прямо к вратам. Он едва заметил пристальный взгляд стоявшего рядом со столбами звёздного повелителя: всё его внимание было устремлено к паутине. Юноша не мог избавиться от мысли, что идёт прямо в западню, недоступную пониманию. И весь внутренне сжался, готовясь к толчку, который оттолкнёт его и от ворот, и о тех, кто ими управляет.

Вулт впереди исчез, пропала и голова Сима. Кинкар погрузился в море цвета. А на груди вспыхнула Связь, с такой силой, словно готова была прожечь тело. Кинкар сдержал крик боли и ошеломлённо открыл глаза. Он увидел мир серого камня, мир, которому всякая жизнь кажется чуждой, мир — не мёртвый, нет: ведь здесь никогда и не было жизни; просто мир, никогда не знавший живых существ. Кинкар не мог бы сказать, откуда он это знает. Может, знание пришло от Связи.

Он болезненно выпрямился, заметив ожидавшую беглецов группу. Но не увидел тревожного взгляда Вулта. На лице старшего гортианина появилась тень, когда тот заметил явные мучения Кинкара. Вулт отпустил повод Сима и поехал навстречу ожидающим. Те стояли у вторых врат примерно в полумиле от первых.

Вторые врата — такие же металлические голубые колонны и радужная паутина между ними. Но возле этого сооружения располагалось ещё какое-то устройство в виде ящика, и около него толпились звёздные повелители. Один из них склонился к ящику, положил на него руки; его

напряжённая фигура свидетельствовала, что он занимался каким-то очень важным делом.

Сим двинулся вперёд, опустив голову. Кинкар с трудом перевёл дыхание. Боль от Связи слегка уменьшилась. Только когда он непосредственно соприкасался с волшебством звёздных повелителей, она становилась непереносимой. Выдержит ли он переход через вторые врата? Он пытался думать только о Троиx. Связь принадлежит Им, право носить её дано ему Тремя, неужели Трое не помогут своему слуге?..

Он попытался получше разглядеть окружающих, догадаться, что ему полагается делать. Тут были женщины, вьючные ланги, настоящий караван. Но в целом не больше тридцати человек, и только шестеро из них — звёздные повелители. Остальные, должно быть, смешанной крови.

Между ними явно царили отношения членов одного клана, они родичи. И только он стоял особняком. Если бы он смог понять, что происходит, куда ведут эти врата, что ждёт их всех! Но одно он чувствовал наверняка: они направляются в изгнание, которое будет вечным.

Из первых врат показался звёздный повелитель. Он побежал к товарищам. Собравшиеся у ящика подняли головы, повернули к нему осунувшиеся напряжённые лица. Если воин собирался предупредить товарищей, то не успел: через первые врата вывалилась толпа последних беглецов — всадников и пехотинцев, размахивающих окровавленной сталью; на одном ланге скакали двое всадников.

Звёздный повелитель у ящика с силой ударил ладонью. По второй паутине пробежала зелёная рябь, потом стала синей, пурпурно-красной.

В первых вратах показался лорд Диллан. Сделав два шага, он покачнулся и поднял руку. Кинкар не видел, что в ней, но из его кулака вырвалось огненное копьё, прорезавшее полумрак серого мира. Копьё ударило в паутину первых врат. Паутина свернулась, сморщилась, вспыхнула. И теперь между столбами виднелись только голые скалы.

Ожидавшие двигались как в лихорадке, как будто разрушение первой паутины не обеспечило их безопасность. Кинкар оказался в ряду других, он не решился возражать, нужно было собрать все силы для прохода через вторые врата.

Удар боли был сильнее и длительнее, чем при первых двух приступах. Кинкару показалось, что он закричал, но никто на него даже не взглянул; наверное, все были слишком заняты собственным бегством. Небо над головой стало не серым, а знакомо розовым. Сим брёл по высохшей траве. Воркен зашевелилась и раздражённо крикнула.

Кинкар ошеломлённо оглянулся. Они вышли не в пустыню. Он увидел обширную равнину, недалеко поднимались невысокие холмы, а за ними горы. Холодный ветер пахнул в лицо, принёс с собой ледяные снежинки. Сверху падал густой снег.

4. Новонайденный мир

Кинкар вздрогнул. Можно ли ему наконец распутать Воркен, чтобы поплотнее закутаться в плащ им обоим? Раненый и испуганный, морд мог искалечить его: в маленьком теле, которое прижимал к себе Кинкар, скрывается большая мышечная мощь. А боль на груди отнимала и силы и решимость бороться.

Кинкар так глубоко погрузился в свои проблемы, что не обращал внимания на поднявшийся вокруг шум. Он понял только, что нападение на внешние врата вынудило звёздных повелителей принять торопливое решение, которое может оказаться опасным. Последовал спор, закончившийся разрушением и вторых врат, тех, что привели их на эту равнину. Теперь они были привязаны к этому месту.

Кинкар склонился к Воркен и, тихонько разговаривая с ней, подражая её крикам, осторожно распутал плащ. К его огромному облегчению, она не ответила немедленным ударом лап, вооружённых острыми когтями. А когда Кин-

кар решил(ась) совсем раскрыть плащ, Воркен посмотрела на него так, словно события последних часов смягчили её свирепый характер. Протянув лапу, она вцепилась в лук седла, как цеплялась за ветку дерева, выбранного для наезда.

Кинкар накин(ул) плащ на них обоих, хотя двигался медленно, потому что боль от Связи растекалась по плечу и руке. Хорошо, что не нужно больше держать меч. Он сомневался, что выдержал бы сейчас его тяжесть.

Осмотрев крыло Воркен, юноша обнаружил на его кожистой поверхности свежий ожог. Воркен позволила ему это, потом повернула голову и принялась облизывать рану. А когда Кинкар хотел взглянуть ещё, предупреждающе зашипела. Пришлось позволить ей лечить рану по-своему. Кинкар был уже доволен, что Воркен едет под плащом спокойно и не протестует.

Звёздные повелители выстроили всех в ряд. Открытая местность, грозящая снегопадом, не подходила для лагеря, и все сквозь порывы снега направились к холмам, где легче будет найти убежище. На взгляд Кинкара, новая страна казалась необычной. Почва была слишком хорошая, чтобы оставаться не включённой в чьё-нибудь владение, однако никаких признаков стен, полевых укреплений, вообще никаких построек не было видно. Кинкар почему-то был уверен, что они на Горте. Светло-розовое небо, высохшая трава, покрытая снегом, были знакомы ему с детства. Да, они где-то на Горте. Но где?

Юноша занял своё место в ряду. Вокруг ни одного знакомого лица. А он слишком устал, слишком был измучен Связью, чтобы поискать Джонатала или Вулта, попытаться найти в этом обществе лорда Диллана.

К счастью, снег не перешёл в буран. Уставшие, голодные, замёрзшие, люди старались не терять друг друга из виду и продолжали ехать, почти не разговаривая. Их так долго преследовали, и теперь они думали только об убежище. Когда холмы приблизились, вперёд усакали два разведчика, разошедшиеся в разных направлениях.

Сим шёл с трудом. Он не ел с того времени, как они покинули лагерь. Неужели это было только сегодня утром? Лангу нужен отдых, нужно его покормить, и очень скоро. Кинкар размышлял, не выйти ли из ряда и не сделать ли передышку. Подкормить ланга дорожной лепёшкой. Но тут на полном скаку вернулся один из разведчиков. Его возбуждённый голос раздавался ясно, хотя слов Кинкар не разбирал. И тут же, словно подчёркивая необходимость торопиться, сильнее завыл ветер, бросая в лицо снег, а небо затянули тяжёлые тучи. Приближалась буря.

Ветер, словно метлой, смёл их в узкую долину. Но ни ветер, ни сумерки не могли скрыть или уменьшить того, что предстало перед их взорами. Кинкар видел уже немало чудес с тех пор, как покинул Стир. И это было не последнее из них.

Крепость, какая может быть мечтой владыки бесчисленных земель. Квадратные башни вздымались в небо; стены казались такими же крепкими, как скалы, из которых они вырастали. Крепость перегородила узкую долину от склона до склона, словно сама служила вратами в ещё более массивную твердыню.

В воротах крепости, таких широких, что в них могли рядом пройти три вьючных ланга, стоял один из звёздных повелителей, в руках его горел ослепительный жёлто-красный луч, который, как маяк, притягивал к себе путников сквозь снег. Но выше, в окнах башен, на стенах, не было видно ни одного огонька, только темнота и мрачная тишина, которая приглушала звуки, сопровождавшие движение путников по долине. Кинкар понял, что крепость эта давно мертва и покинута.

И не только покинута. Она чем-то отличалась от знакомых ему крепостей — отличалась не только размерами, но и конструкцией. Её строители ориентировались не на Стир, у них были другие образцы. Кинкару показалось, что он понял. Это тайная крепость звёздных повелителей. Вероятно, она сторожит поле, на котором стоят их последние

звёздные корабли. Кинкар знал, что город Терран сильно отличается от крепостей Горта. А вот вопрос о вратах ещё нужно будет выяснить. Тем не менее впереди появилась ясная цель. Кинкар слез с Сима, неся в руках Воркен. Чтобы не упасть, ему пришлось держаться за седло: земля под ним покачивалась.

По-прежнему держась за Сима, Кинкар медленно двигался вперёд, и вот над ним сомкнулась арка ворот, и он зашагал по проходу, освещённому огнём звёздного повелителя. Никаких боковых ответвлений, и вскоре открылся двор, окружённый высокими стенами; сюда уже тоже намело снега, хотя стены и защищали от бури. При свете ещё двух фонарей можно было рассмотреть крышу сооружения, которое могло быть только стойлом лангов. Кинкар по обычаю прежде всего направился туда.

Вероятно, именно Связь подействовала на него так, что он шёл как в тумане, механически выполняя обязанности, к которым привык с детства. А любопытство и настороженность странно притупились. Как будто в этом месте остались только Сим, Воркен и он сам.

Сим с готовностью вошёл в одно из стойл. На полу не было соломы, сапоги Кинкара ступали по голому камню. Он распустил плащ, и Воркен принялась жаловаться и хлопать здоровым крылом. Кинкар поднял её и посадил на перегородку, не очень подходящий насест, но Воркен, кажется, удовлетворилась.

Потом Кинкар снял с Сима седло и сумки. Достал из своих скудных запасов нижнюю рубашку и растёр ею бока ланга, выжал влагу из шерсти, и Сим довольно зафыркал. А Кинкар почувствовал такую усталость, что ему пришлось надолго прислониться к стене, чтобы отдышаться. Но юноша упрямо продолжил выполнять обычные дела, закончив тем, что накормил ланга крошками походной лепёшки, а Воркен протянул кусок сушёного мяса.

Сим сложил передние лапы, приняв неуклюжую позу отдыхающего ланга. А Кинкар, не успев дожевать чёрствую

лепёшку, скорее упал, чем лёг рядом с Симом. Накрылся плащом и больше ничего не помнил, сон поглотил его, и он затерялся в бесконечной тьме...

Боль, тупая, не острая, как раньше, всё ещё ощущалась на груди. Кинкар попытался поднять руку, чтобы ослабить боль, и тут же почувствовал другую, словно укол в палец. Он сразу проснулся. У него под подбородком шевельнулся острый клюв, красные глаза смотрели на него, послышалось жалобное шипение: на груди у него устроилась Воркен, согреваясь теплом его тела. Дыхание самого Кинкара морозным облачком застывало в воздухе.

Должно быть, кто-то закрыл дверь в стойла. Перед глазами у Кинкара было только дерево, изъеденное насекомыми, расколотое временем. Но всё же дверь. Воркен, убедившись, что Кинкар проснулся, обошла его, волоча за собой крыло, и села на одну из сумок, явно требуя, чтобы её накормили.

Туман, окутавший мозг после прохода через ворота, рассеялся, но Кинкар по-прежнему двигался неуклюже. Он потянулся и принялся выполнять требования морда.

Хотя дверь была в плохом состоянии, сквозь её щели набился снег, само сооружение прочностью не уступало скале, на которой оно стояло. Кинкар подивился огромным каменным блокам, из которых состояли внешние стены. Блоки были пригнаны друг к другу так плотно, что щели почти не заметны. Лорд, построивший эту крепость, имел в своём распоряжении искусных каменщиков. А может, это новое волшебство звёздных повелителей. Весь Горт знает, что чужаки могут, если захотят, подчинять себе стихии и укрощать ветры. Терран был настоящим чудом. Поэтому Кинкара больше удивляло ощущение древности, окутывавшее эти камни.

Конечно, гортианское время мало что значит для звёздных повелителей с их почти бесконечной продолжительностью жизни. Они могут погибнуть в битве, умереть от болезни. Но в остальном никаких признаков старения не проявля-

ют, и многие из них прожили уже пять-шесть продолжительностей жизни обычного гортианина. Триста лет — обычный возраст этих людей, и они не кажутся старыми. А среди них до отлёта попадались и такие, кто высадился на Горте в первой партии, почти пятьсот лет назад.

Но хоть живут они долго, детей производят мало. Сначала об этом шептались, потом стали смело говорить вслух. А когда они начали брать в жёны туземок, от таких браков тоже редко происходило потомство, в лучшем случае два ребёнка в браке. И поэтому количество звёздных повелителей оставалось примерно одинаковым с того времени, как они вышли из своих кораблей. Небольшое количество новорожденных едва уравнивало число погибших в стычках или несчастных случаях.

Если это они построили крепость, то, должно быть, сразу после своей высадки на Горте, в этом Кинкар был уверен. Камень темнеет со временем. И Кинкар не помнил, чтобы видел где-то, кроме старых гробниц, такие тёмные. Но звёздные повелители никогда не селились вдалеке от места своей первоначальной высадки. А где находится эта крепость?

Мысли Кинкара прервал требовательный крик Воркен; начался он как шёпот, но скоро превратился в пронзительный вопль; одновременно морд захлопала здоровым крылом. Кинкар опустился на колени и принялся рыться в сумке с пищей; в это время со скрипом раскрылась дверь, впустив дневной свет и порыв ледяного воздуха.

Ланги в своих стойлах заволновались и зафыркали, требуя еды и питья. Двое вошедших внесли полные до краёв вёдра. Несмотря на протесты Воркен, Кинкар встал. Первый вошедший, увидев молодого человека, испустил удивлённый возглас. Кинкар тоже очень удивился, увидев, что обычную работу крестьянина выполняет один из одетых в серебро звёздных повелителей.

— Кто ты такой?

— Кинкар с'Руд, — Воркен, совершенно рассвирепев,

цапнула его за палец, и юноша поспешно бросил ей кусок мяса из сумки.

— Судя по твоему виду, скоро ты станешь сосулькой, — заметил звёздный повелитель. — Ты что, ночевал здесь?

Кинкар не понимал его удивления. Конечно, он ночевал с Симом. А где ещё должен спать воин в пути, как не со своим лангом? Да, камни жёсткие, но воин на такие мелочи не обращает внимания, он должен быть готов к худшему.

Полугортианин, вошедший вместе со звёздным повелителем, поставил на землю вёдра и усмехнулся.

— Лорд Бардон, он только следует обычаю. На вражеской территории нельзя добровольно разлучаться со своим лангом. Верно, парень? Но это не вражеская территория. Покорми своё животное и пойдём с нами в зал. Тебе незачем замерзать здесь, — и добавил с грубоватым юмором, как офицер новобранцу: — Меня зовут Лорпор с'Джакс, а это лорд Бардон из Хамила.

Хамил — ещё одна далёкая область на западе. Действительно, на странный призыв чужаков собрались со всех концов планеты. Накормив Воркен, Кинкар помог позаботиться о лангах. Животным, привыкшим к скудному питанию в холодное время года, из-за тяжёлого перехода дали увеличенную порцию походных лепёшек. Но большинство уже погрузилось в полуспячку, в которой они могут находиться весь холодный сезон, если не нужна их служба. Когда Кинкар вернулся в стойло, чтобы прихватить свои сумки и Воркен, верхние глаза Сима были уже закрыты, а нижние уставились на хозяина с полным отсутствием интереса.

Воркен разрешила поднять себя, но вырвалась из рук, вскарабкалась на плечо и там слегка неуверенно села, опустив раненое крыло. Лорпор осмотрел ожог на кожистой поверхности и негромко присвистнул.

— Лучше покажи её леди Асгар, она умеет лечить. Может быть, сумеет её подлатать, чтобы она снова смогла летать. Хороший морд. Сам обучал?

— Да. С самого яйца. Она была лучшей в Стире.

Они прошли по заметённому снегом двору к двери в средней части крепости. Лорпор шагал рядом с Кинкаром. Лорд Бардон задержался у входа, и они его догнали.

— Ты пришёл с Дилланом? — неожиданно спросил он.

— Да, лорд. Но я не из его спутников. Я из крепости Стир в горах... — больше сведений Кинкар не стал сообщать. Его смущала резкость лорда Бардона; словно намёк на то, что у него нет права здесь находиться. Но лорд Диллан принял его с готовностью; может быть, резкость — особая манера лорда Бардона. Кинкар никогда не жил среди людей со звёздной кровью, поэтому ему приходилось наблюдать, прислушиваться и пытаться привыкнуть к их обычаям. Однако он не чувствовал себя в их присутствии так уверенно, как остальные полукровки: Джонатал, Вулт или Лорпор. Напротив, эта странная близость заставляла Кинкара сторониться полукровок. Впервые он серьёзно задумался о своём отце. Почему его, Кинкара, отправили из Террана, ещё ребенком увезли назад, в Стир?

Правда, по обычаю сын Дочери Владения живёт в том Владении, которое должен унаследовать. Но такого мальчика никогда не держат в стороне от клана и родственников отца. Кинкар всегда считал своего отца мёртвым, но... Он поскользнулся на снегу, и Воркен пронзительно вскрикнула. А что если его отец жив? Почему-то Кинкар предпочёл бы встретиться с обнажёнными мечами, чем спросить о Руде, чьё имя носил.

— Крепость Стир... — лорд Бардон повторил это, словно что-то припоминая. — А твоя мать...

— Анора, Дочь Владения, — коротко ответил Кинкар. Пусть лорд знает, что он не простого рождения.

— Сын Дочери Владения! — если на лорда Бардона это не произвело впечатления, то Лорпор поразился. Он удивлённо посмотрел на Кинкара. — Но...

— Я полукровка, — против воли объяснил Кинкар, — и не мог унаследовать знамя Стира. Моё право оспаривал Джорд с'Вурд, брат Дочери Владения.

Лорпор кивнул.

— Это правда, со всеми этими разговорами о нас. А брату сражаться с братом — злое дело. Ты хорошо поступил, что отправился искать другое будущее, сын Дочери Владения.

Но лорд Бардон промолчал. Он пошёл быстрее и скоро исчез. Лорпор провёл Кинкара в зал, вдвое больше тех, что ему приходилось видеть. Огромные очаги в противоположных концах зала манили теплом. Но главным образом тепло исходило от небольших ящиков у стен — ещё одно волшебство звёздных повелителей. Сёдла превратили в сидения, груды вещей и одежды обозначали места отдельных путников или семейств; в зале стоял гул, в котором изредка прорывались, как отдалённый гром, низкие голоса звёздных повелителей.

— Оставь сумки здесь, — Лорпор указал место рядом с сёдлами, — и отнеси своего морда леди Асгар.

Кинкару в зале стало жарко, он сбросил плащ, и Лорпор провёл его в боковое помещение. Полукровка остановился перед плащом, которым был завешен вход, и громко произнёс:

— Здесь Лорпор с тем, кому нужно твоё лекарское искусство, леди.

— Входите, и побыстрее, — последовал ответ. Кинкар вошёл в помещение и увидел женщину.

На ней всё ещё была дорожная одежда, но головной убор и верхний плащ она сняла, оставив только зелено-золотую шаль, наброшенную поверх простого зелёного платья. Однако больше всего Кинкара поразило её лицо, поразило так, что он совсем позабыл о вежливости. Это была первая увиденная им звёздная повелительница.

Вместо длинных прядей гортианских женщин волосы её были коротко подстрижены, почти так же коротко, как у него самого, и лежали золотыми волнами, яркими, как золото шали. Они казались вдвойне яркими на фоне тём-

ной кожи. Глаза её, устремлённые на Кинкара из-под прямых бровей, были тоже тёмные, и Кинкар не мог определить её возраст. Впрочем, он решил, что женщина немолода.

Она сразу поняла цель посещения и протянула руки к Воркен. Зная, как реагирует морд на попытки притронуться к нему, Кинкар попытался предупредить женщину. Но Воркен удивила его, она спокойно прошла по его руке и вытянула ужасную голову на длинной шее к этим коричневым рукам.

— Не бойся, мальчик, — улыбнулась ему леди Асгар. — Она мне не повредит. Как её зовут?

— Воркен.

— Ага... по имени демона высот! Несомненно, подходит. Давай, Воркен, посмотрим твою рану.

Морд, ударив здоровым крылом, перескочила ей на колени.

Леди поднесла морда к свету окна и осмотрела опущенное крыло, не притрагиваясь к нему.

— Ожог от бластера. Но, к счастью, луч задел самым краем. Можно вылечить...

Она поднесла Воркен к стене, и морд, словно подчиняясь неслышному приказу, всеми четырьмя лапами ухватился за камень и повис, а леди Асгар принесла несколько мешочков и металлическую трубку. Она направила трубку на рану Воркен и подержала так несколько секунд.

Кинкар не понимал, что она делает и зачем. Он почувствовал только, как снова ожила Связь, гневно впилась в его тело. И, может быть, потому что это был уже четвёртый приступ, он прислонился к стене, не подозревая, что его лицо превратилось в маску страданий, что Лорпор с удивлением, близким к ужасу, смотрит на него. Он лишь смутно ощутил, как его схватили за плечи, поддержали. Леди Асгар повернулась, её удивление тут же сменилось озабоченностью.

5. Вопрос о праве рождения

Кинкар оставался неподвижным недолго. Боль от Связи ослабла, он отстранился, оглянулся и увидел, что его держит лорд Диллан. Неподвижная коричневая маска лица звёздного человека, к которой Кинкар никак не мог привыкнуть, приобрела новое выражение. А голос Диллана выражал неподдельную тревогу.

— В чём дело, Кинкар?

Молодой человек рывком высвободился и замер, прижав руку к груди, напрягаясь, но уже полностью овладев собой. Тот, кто хранит Связь, не просто отличен среди других, ему не только труднее. Его ноша должна оставаться тайной, особенно для этих рождённых среди звёзд. И потому Кинкар смотрел на всех троих с осторожностью, с какой во времена клановых распрей смотрят на незнакомцев, пока не установят, друзья это или враги.

Когда он не ответил, лорд Диллан обратился к женщине.

— Что случилось?

Он пользовался обычной речью и делал это, как догадался Кинкар, сознательно. А сам Кинкар ничего не хотел больше, чем уйти из этой команты, подальше от этих внимательных взглядов.

— Я применила атомар, у морда бластером обожжено крыло.

— Атомар, — повторил лорд Диллан, снова глядя на Кинкара, как будто мог одной силой воли вырвать у молодого человека правду.

— Он боится звёздных машин... — говорил кто-то новый, и в голосе его послышалось презрение. В дверях стоял Вулт, он смотрел на Кинкара, как на лесного зверя, пойманного охотниками. — Он дёргался, проходя врата. Я видел. Должно быть, в его крепости ещё верят в ночных демонов и воющий ужас...

Кинкар готов был дать резкий ответ, но промолчал. Достаточно хорошее объяснение, если им такое подойдёт. Конечно, оно не делает ему чести, но он скорее готов был

выдержать их презрение (хотя ему и стало больно при этой мысли), чем открыть правду.

Коричневая рука сжала его запястье, удержала на месте, и леди Асгар оказалась рядом с ним. Каким-то образом она отдала приказ, потому что Вулт и Лорпор, переведя взгляд с её бесстрастного лица на лорда Диллана, повернулись и вышли. Вулт опустил за собой плащ-занавеску, оставив Кинкара наедине со звёздными людьми.

Кинкар попытался уйти вслед за ними, но коричневая рука удержала его. Теперь он мог уйти, только вырвавшись. Но когда леди Асгар заговорила, он потерял это желание.

— Тяжёлое бремя — нести Связь Троих... — рука Кинкара конвульсивно дёрнулась. Он машинально дал требуемый ответ:

— Быть носителем — не тяжесть, а облегчение тяжести, укорочение путей, от этого светлее делаются ночь и день.

Леди Асгар убрала руку.

— Так я и думала!

Её пальцы быстро начертили в воздухе знак, и Кинкар с удивлением посмотрел на неё.

— Но ты же звёздной крови! — в голосе его прозвучали недоверие и протест. — Ты не ходишь дорогой Троих!

— У каждого народа своя вера, — теперь она говорила, как учитель с учеником. — У нас она тоже есть, хотя, может быть, наше поклонение ей другого рода. Но в Свет верят все. Я считаюсь среди своего народа мудрой женщиной и отчасти разделяю учение Троих. Разве иначе я могла бы знать эти знаки? — снова она сделала в воздухе знак пальцами, десятью, в отличие от его двенадцати. — Но, Кинкар, ты должен кое-что знать для собственной защиты. Силы, которые мы используем, воспринимаются Связью, если она находится поблизости. Связь становится их передатчиком. И чем мощнее сила, тем сильнее воздействует она на Связь. Пересечь паутину... — она покачала головой. — На тебе, должно быть, раны, глубокие, словно от удара мечом. Следует заняться ими, чтобы не стало хуже.

— Как ты лечила Воркен?

Она покачала головой.

— Эта сила только увеличила бы твои муки. Тебя нужно лечить наукой Горта, а не звёзд. Но я и это могу. Потерпишь?

Он мог воспользоваться её знанием, она доказала, что многое знает. А как же лорд Диллан? Должно быть, она прочла его мысли, потому что улыбнулась и сказала:

— Разве ты не знаешь, что лорд Диллан тоже целитель... в нашем клане? Хотя он лечит не больное тело, а больной мозг. Он прошёл внутренней Тропой, был послушником Леса, испытал Семь Пиров и Шесть Постов.

— Я был учеником Кормала с'Варна, — впервые заговорил лорд Диллан. — Хотя это было много лет назад...

Кормал с'Варн! Предводитель Пути, который жил задолго до бабушки Вурда! Снова на Кинкара обрушилось сознание, что прошлое, окутывающее эти стены, — часть жизни звёздных людей. Но он был согласен подчиниться им, их уверенность убедила его.

Лорд Диллан помог ему расстегнуть пряжки, снять кольчугу и рубашку под ней, а леди извлекла из сумки несколько небольших сосудов, открыла два из них, и сразу запахло цветами и травами в холодном древнем воздухе этого места.

Связь свободно свисала на цепочке, но там, где она касалась кожи, образовался сильный ожог, клеймо, такое глубокое, словно к телу прикладывали раскалённый добела металл.

Леди Асгар достала тонкий листок, который, как паутину, разложила на ладони. Потом с бесконечной осторожностью начала покрывать его мазями из своих флакончиков, сначала из одного, потом из другого, втирая масло, работая с бережностью художника, накладывающего последние мазки на шедевр. Воркен спустилась со стены и подошла к её ногам. Голова морда раскачивалась на длинной шее, Воркен словно наслаждалась запахами мазей. Время от времени она просительно вскрикивала.

Леди Асгар рассмеялась, заметив возбуждение морда.

— Это не для тебя, крылатая.

Но морд продолжала держаться поблизости, следя за ней голодными глазами.

Листок-паутина, покрытый мазями, наложили Кинкару на грудь, и он прилип прочно, словно превратился в ещё один слой кожи. Однако ни лорд Диллан, ни леди не касались Связи. Леди внимательно разглядела её и спросила:

— Ты Видящий, Кинкар?

Он торопливо ответил:

— Я никто, леди. Я всего лишь Кинкар с'Руд. Когда-то я был сыном Дочери Стира, а теперь я лишён владения и земли. Связь мне передал Вурд, который раньше был Стиром. И передал в тайне. Я нашёл её среди своих пожиток, когда уехал из крепости. У меня теперь нет наследственной власти, и я думаю, Вурд отдал мне её потому, что я должен был унаследовать Стир и только несчастное стечение обстоятельств лишило меня наследства...

Но лорд Диллан медленно покачал головой, а на лице леди Кинкар увидел согласие с ним.

— Связь не переходит случайно, Кинкар, ты это знаешь. Если Стир был её хранителем, он должен был выбрать того, кто его сменит, и этого человека выбирают не по родству и не по праву рождения, а по тому, что находится в нём самом. И Связь всегда передают тайно, чтобы никто злой не узнал о ней и не использовал в своих целях её власть. Возможно, ты ещё не владеешь её силой, но кто может сказать, что ждёт тебя впереди?

Леди прервала его. Она потирала свои тонкие пальцы, распространяя в холодной комнате цветочный аромат.

— Связь существовала в Горте, который мы знаем. Интересно, будет ли она действовать на этом Горте...

Кинкар поднял пояс. Мазь не только смягчила боль ожога; с того времени, как прошёл сквозь врата, он не чувствовал себя так хорошо. «Горт, который мы знаем...

Этот Горт...» Как странно прозвучали эти фразы. Застёгивая пояс, он задумался над их смыслом.

— Мы на Горте? — спросил он наконец.

И почувствовал облегчение, когда лорд Диллан кивнул. Но, к его удивлению, звёздный повелитель этим не ограничился:

— Это Горт, но не тот Горт, на котором ты родился, Кинкар. И не тот, который мы выбрали бы для себя. Этот Горт нам незнаком, мы здесь чужие и не имеем друзей.

— Ты хочешь сказать... ваше волшебство, лорд, перенесло нас через горькие воды на другой конец мира?

Леди Астар села на одно из сёдел, и тут же Воркен взобралась ей на колени. Леди позволила Воркен обнюхивать свои пальцы, время от времени поглаживая гротескную голову морда.

— Да, мы переместились, Кинкар. Но не за море. Объясни ему, Диллан. Он присоединился к нам поздно и ничего не знает. А мы все должны встречать будущее с пониманием.

— Вот каково оно, — бессознательно лорд Диллан начал с зачина кузнеца песен, но серьёзность лица говорила, что это не выдумка. — Когда настало время уходить с Горта...

Тут Кинкар набрался решимости, чтобы задать вопрос, который мучил его с тех пор, как новость об отлёте звёздных повелителей пришла в Стир.

— Но почему, лорд, вам потребовалось уходить с Горта? Да, злые люди подняли голоса. Но мы никогда не слышали таких разговоров, пока сами повелители не сообщили, что улетают. До вас народы Горта жили в лесу, как варвары. Почему вы оставляете их без щита своей защиты, если так много дали им? Ваше волшебство, разве им нельзя поделиться?

И опять оба покачали головой.

— Вместо того чтобы быть защитой, это знание станет проклятием Горта, Кинкар. Когда ребёнок, ещё неуверенно стоящий на ногах, приходит в зал, разве ты дашь ему в

руки меч и оставишь играть? Или ещё хуже: попытаешься научить его пользоваться мечом, прежде чем он сумеет отличить добро от зла? В своём мире мы древний народ, и за нами тянется от начала истории долгий и пыльный след годов. Мы зрелые воины, хотя и нам не хватает рассудительности, и на Горте мы дали острые мечи в руки малым детям. Мы думали, что помогаем гортианам лучше жить: ведь люди получили многое, чего у них не было. И мы учили, и прилагали руки, и распространяли плоды нашего знания, делали их доступными для всех желающих. Но, как и детей, гортиан прежде всего привлекали блестящие вещи: металл, из которого делаются мечи, вмешательство в мозг, которое может натравить одного человека на другого. Если бы мы не высадились на Горте, не вмешались бы в его жизнь, этот мир был бы счастливей...

— Или здесь продолжали бы жить только звери, — возразил Кинкар.

— Такой аргумент мы часто слышали в последние годы, — ответила леди Асгар. — Но он слишком поспешен. Мы боимся, что повели детей по неверной дороге. Да, печаль, печаль... — потекли слова её родного языка, медленные и тяжёлые, как слёзы, а лорд Диллан продолжил свой рассказ.

— И вот мы разделились на три группы. Одни говорили, что хоть уже и поздно, но если мы сейчас улетим, память о нас постепенно исчезнет, умения, которым мы научили людей, со временем забудутся, и Горт сможет строить собственный мир, конечно, искажённый тем, что мы так торопливо и неосторожно дали, но всё же вернётся к своему наследию, пойдёт по естественному для себя пути. Были и другие, державшиеся противоположного мнения. К счастью, их оказалось немного. В каждом народе, Кинкар, всегда есть такие, кто стремятся к власти. Для них чуждая менее развитая раса — только слуги. Эта группа тоже была недовольна положением, но по совсем другим причинам.

Они хотели власти над всем Гортом, хотели, чтобы

жители Горта превратились в слуг, в рабов. Втайне представители этой группы начали распространять слухи среди безземельных людей, которые всегда готовы стать приспешниками лорда, посулившего им добычу и роскошную жизнь. Кого смогли выявить из них, мы тайно судили, — рот лорда превратился в тонкую линию, и сила воли ощущалась почти осязаемо, когда он говорил. — Но они заставили нас поторопиться с решением. Большинство нашего общества проголосовало за отлёт в кораблях. Мы должны были снова уйти в космос и искать другую планету, такую, на которой мы не могли бы разложить своим вмешательством туземцев. Но...

И тут снова вмешалась леди, как будто эта часть рассказа была ей ближе.

— Но были среди нас и такие, Кинкар, кто принял Горт близко к сердцу. Хотя у нас и не смешанная кровь. И мы не могли вынести расставания с Гортом. И потому принялись искать другой путь бегства. Двое наших, которые много лет, много продолжительностей вашей жизни, работали над этой проблемой, заявили, что нашли решение. Его трудно объяснить, но оно давало возможность перенестись на другой Горт, где мы могли бы жить, как хотим. И мы принялись работать, чтобы практически осуществить это решение. Это лучше рассказать тебе, Диллан: ты ведь один из этих двоих, — женщина улыбнулась звёздному повелителю.

Он присел на корточки и концом указательного пальца принялся чертить линии на пыльном полу.

— Эта теория существует давно, но до самого последнего времени у нас не было доказательств. Объяснить её... Подумай вот о чём, Кинкар. В жизни каждого человека бывают моменты, когда его решение определяет будущее. У тебя был выбор: присоединиться к нам или остаться в Стире и попытаться защитить свои права. Таким образом перед тобой были две дороги, два разных будущих, вероятно, очень разных.

Кинкар согласился.

— Так вот, мы доказали, что это на самом деле так. Сейчас для тебя существуют два Горта: в одном ты с нами, в другом — остался в Стире.

— Но как это возможно? — сразу возразил Кинкар. — Я здесь, я не сражаюсь с Джордом в Стире, не лежу мёртвым от его меча!

— Один «ты» здесь, другой «ты» в Стире.

Кинкар недоверчиво замигал. Множество «ты»... или «я», все действуют независимо, живут по-разному? Как может разделиться Кинкар с'Руд? И снова на помощь пришла леди Асгар.

— Кинкар, оставшийся в Стире, — мягко пояснила она, — уже не тот Кинкар, что прошёл через врата вместе с нами, потому что своим решением он сделал себя другим человеком другого мира. Он — не ты, и ты не имеешь с ним ничего общего, потому что тот мир исчез.

Лорд Диллан рассматривал нарисованные им линии.

— Но так не только с людьми, но и с народами и с целыми мирами. Бывают времена, когда они разделяются, и с этого момента будущее идёт двумя путями. Таким образом, Кинкар, существует множество Гортов, каждый из них создан каким-то историческим решением, эти миры лежат полосами, один рядом с другим, но каждый идёт своим путём...

Кинкар смотрел на слабые линии. Много Гортов, существующих рядом друг с другом, расходящихся от какого-то перекрёстка в прошлом? Воображение его ожило, хотя сразу поверить он не мог.

— Тогда, — заговорил он медленно, пытаясь подобрать нужные слова, — существует Горт, на котором нет звёздных повелителей, на котором люди по-прежнему живут в лесу, как звери. А может, и Горт, на котором звёздные повелители решили не улетать.

Лорд Диллан улыбнулся, лицо его оживилось.

— Ты прав. И есть также Горты — или по крайней мере

один Горт, как мы надеемся, — на котором разумная жизнь вообще не возникла. Именно такой Горт мы искали, проходя через врата.

— Но нам не дали времени его найти, — заключила леди Асгар. — Это доказывает крепость.

— Если бы нас не преследовали до конца, если бы у нас был ещё хоть день, может быть, даже ещё только один час, мы могли бы найти его. Но ведь мы можем снова открыть врата. Нам нужно только время.

Но даже Кинкар ощутил, что лорд Диллан до конца не уверен в своих словах. И задал вопрос:

— А где мы сейчас? Кто построил эту крепость? Она не похожа на знакомые мне. Я думал, это тайная крепость звёздных повелителей.

— Нет, она не наша. Но она даст нам необходимое убежище на время. Если бы только у нас было время!..

Леди Асгар осторожно опустила Воркен на пол у ног.

— По крайней мере разрушение врат дало нам преимущество. И если нам они не послужат, зато послужат Горту. Ведь во взрыве погиб Херк.

Лорд Диллан откинулся к стене.

— Да, Херк благополучно мёртв. А те, кто следовал за ним, быстро рассеются, их разведут в стороны жадность и тщеславие. Он был последним из мятежников, так что Горт теперь может свободно идти своим путём, а мы пойдём своим.

Он встал и тепло, по-дружески улыбнулся Кинкару.

— Нас всего лишь горстка, но это наше приключение, и мы пойдём до конца. Поищем необходимые материалы. Со временем мы соорудим новые врата, которые откроют перед нами нужный нам мир.

— Лорд! — из-за дверного занавеса появился Вулт. — Собрали контур врат...

— Вот как! — Диллан исчез, не прощаясь, но леди Асгар рукой остановила Кинкара, когда юноша тоже собрался уйти.

— Не так быстро, — она говорила очень серьёзно. Чувствовалось, что за внешним спокойствием её тревожит какая-то проблема. — Пройдёт немало времени, прежде чем мы сможем соорудить новые врата.

— На Горте... на старом Горте, — заметил Кинкар, — у лордов было волшебство Террана, оно помогало в таких делах. Но они вынуждены были уничтожить его. А здесь можно найти такое волшебство?

Леди Асгар стояла неподвижно.

— На тебе то, что даёт возможность видеть ясно. Да, среди наших плодов есть и камни: возможно, мы никогда не сможем снова соорудить врата. Диллан, конечно, попытается: для него в этом вся жизнь. Но его усилия могут ни к чему не привести. Нам следует больше узнать об этом Горте, для нашей же собственной безопасности. Далеко ли в прошлом развилка, после которой миры разделились? Кто построил эту крепость и почему она покинута? Мы на планете, опустевшей после катастрофы, или она плотно населена? Всё это мы должны узнать — и побыстрей.

Кинкару показалось, что он понял, на что она намекает.

— У меня нет Видения, — напомнил он.

— Нет. Но ты ближе к Горту, чем мы, в ком течёт только звёздная кровь. И ты носишь то, что ещё больше приближает тебя к Горту. Если к тебе придёт Видение, не отказывайся, говори вслух — со мной или с лордом Дилланом. Мне кажется, что Херк вынудил нас сделать плохой выбор, и зло поджидает нас здесь. И хоть у меня нет Видения, дурное предчувствие усиливается. А у тебя?

Кинкар покачал головой. Он не стал делать вид, что обладает чувствительностью. Да он в глубине души и не хотел, чтобы таковая появилась. Пока воздействие на него Связи было только физическим. Он готов был выполнять роль хранителя, но в то же время хотел бы отказаться от Связи, как только появится возможность, передать талисман тому, кто лучше сумеет им воспользоваться. Вурд никогда не был ясновидящим, а ведь он всю жизнь хранил

Связь. Хранение не всегда сопровождается использованием.

Кинкар размышлял о том, что слышал, об этих мирах рядом друг с другом. Однако самому ему они не были нужны. Он чувствовал благодарность за лечение — и своё, и Воркен, но пока не готов был объединиться с леди Асгар. И женщина, должно быть, поняла это, потому что устало улыбнулась и не пыталась больше задерживать его.

6. Ожившая легенда

Дул резкий ветер, но снег не шёл; к тому же беспорядочные порывы ветра размели тот снег, что выпал раньше, и он оставался только в углублениях между деревьями и скалами. Воркен раскачивалась на ветви, неодобрительно разглядывая местность. Если здесь появится что-нибудь живое, она заметит его путь.

Кинкар прислонился к стволу большого дерева, осматривая окрестности крепости. Таким владением гордился бы любой вождь. За узким ущельем, которое от стены до стены перегородила крепость — весьма эффективное препятствие на пути любого врага, — открывалась обширная равнина, со всех сторон окружённая горами. В горах вполне могли быть перевалы, тропы, по которым можно пройти на равнину, минуя крепость, но пока пришельцы их не обнаружили. И всё свидетельствовало, что на равнину ведёт только один удобный путь — через крепость.

Со склона одной из соседних гор можно было разглядеть границы полей, старые древесные пни, опавшие ветви и несколько искривлённых стволов на месте сада. Да, здесь охранялась богатая земля, дававшая возможность прокормить много людей — когда-то.

Но сейчас кладовые крепости не наполнял урожай с этих полей и садов. Приходилось охотиться, бродить по лесистым склонам в поисках дичи. И пока результаты охоты разочаровывали. Временами удавалось добыть суарда или

какую-нибудь лесную дичь. Но добычи всё равно было слишком мало.

Сегодня Кинкар впервые решил, что Воркен достаточно подлечилась, и надеялся на удачную охоту. Но хотя Воркен в своей обычной манере летала широкими кругами, она ничего не обнаружила. В периоды отдыха, когда она цеплялась за какую-нибудь ветвь повыше, так что юноша не мог её достать, морд что-то ворчливо бормотала про себя, и эти периоды становились всё чаще и продолжительней. Если не повезёт, морд станет совсем мрачным и откажется охотиться дальше.

Со слабой надеждой поднять дичь Кинкар двинулся дальше, вороша кусты и пучки травы. Но наградой ему служили только царапины и более близкое знакомство с туземной растительностью. Однако он продолжал упорствовать в своих поисках.

Ручей он услышал ещё до того, как нашёл: впереди журчала проточная вода. Потом он увидел поднимающиеся с поверхности воды клочья тумана, как дыхание гигантских лёгких.

К его удивлению, у берегов не было ледяных закраин, а пар поднимался с самой поверхности. Заинтересовавшись этим явлением, он осторожно спустился с крутого склона. Его окружил тёплый воздух и неприятный запах, острый и едкий, отчего начали слезиться глаза. Когда ветром пар качнуло прямо к нему, Кинкар закашлялся. И очень осторожно притронулся к воде пальцем. Вода была не бесцветная, а красновато-коричневая и очень горячая. Кинкар поднёс влажный палец к носу и ощутил зловонный запах, который не смог бы определить.

Ему захотелось найти исток ручья, и он пошёл вверх по течению, пока не добрался до места, где вода вырывалась из-под земли. Но это был не ключ, а просто круглая дыра в обточенном водой красновато-коричневом камне — до-ступ в недра гор. Кинкар пока не видел пользы от своей находки, но, несмотря на запах, тёплая вода показалась ему

приятным открытием, и поэтому он задержался здесь, поднеся руки, довольно плохо защищённые неуклюжими обмотками от холода, к теплу.

Он не особенно внимательно смотрел на коричневые волны — ему просто не хотелось возвращаться на холод, — когда на поверхности маслянистого потока появился какой-то предмет, ударился о камень и утплыл бы, если бы Кинкар не схватил его. И прошипел несколько ядовитых слов, потому что здесь вода была ещё более горячей, чем ниже по течению. Но он крепко держал свою находку — предмет, явившийся из глубины гор.

Кусок дерева, плавучий, лёгкий, всё ещё светло-жёлтый, значит, древесина земдола была срезана сравнительно недавно. Но в то же время это был не просто кусок древесины. Кто-то поработал над ним, вырезая фигурку, как часто поступают и в Стире в холодное время года ради удовольствия поработать руками или чтобы проверить новый нож. И дерево приобрело грубое, но вполне отчётливое сходство с суардом. Вот витые рога, какие бывают у животного в тёплое время года, вот мощные задние ноги, тонкие стройные передние — этого суарда вырезал не просто любитель резьбы, но и знаток животных!

Но ведь он выскочил из самого сердца гор! И Кинкар был уверен, что его вырезали не беглецы с иного Горта. Куда подевались строители крепости — ушли под землю? Кинкар вскочил на ноги, рассматривая участок камня и земли, из которого вырывался ручей, в поисках какого-нибудь входа или жилища охотника на суардов, который таким образом испытывал свой нож.

Они все гадали об истории крепости. Никаких признаков штурма и разграбления, никаких следов тех, кто жил под защитой этих стен, возделывал окружающие поля. А звёздные повелители говорили, что нелегко захватить такое место даже их оружием, которое они держат в тайне. Они склонны были считать, что какая-то эпидемия без предупреждения обрушилась на жителей долины. Только и от неё

не осталось никаких следов. Все помещения, от келий на самых верхушках сторожевых башен до подземных камерок в основании этих самых башен, вероятно, предназначенных для каких-то тёмных целей, о которых не догадывались современные исследователи, — все помещения были пусты, в них оставалась только пыль. Если жители крепости погибли в эпидемии, они прихватили с собой все свои пожитки.

Кинкар повертел в руках статуэтку. Она явно доказывала наличие жизни в горах, хотя он не знал, откуда вода принесла дерево. Но ему казалось, что источник должен бить недалеко от поверхности: слишком высокая у воды температура. И, возможно, именно у этого источника резчик потерял свою работу.

Кинкара охватило сильное желание разгадать эту загадку. Но невозможно одному передвинуть тонны камня и земли. И вот, положив статуэтку в карман, он выбрался из расселины, по дну которой протекал горячий ручей, и сразу его окутал морозный воздух, а ветер после тепла показался вдвойне резким.

Кинкар свистнул Воркен, и ответ пришёл с дальнего склона. Перебравшись поближе, Кинкар заметил, что Воркен летает по снижающейся спирали, и достал оружие, которое дал ему лорд Диллан, предупредив, что пользоваться им нужно осторожно и бережно, только для смертельного удара. Для чего нужно уравновесить трубку — вот так — и нажать указательным пальцем на кнопку. Невидимый смертоносный луч убивает, не оставляя на теле никаких следов. Кинкару это не нравилось; для него это был злой способ по сравнению с честным мечом или копьём. Но теперь, когда пища означала жизнь, такой способ не стоило отвергать.

Воркен больше не кружила, паря на уровне вершины склона. Она явно видела добычу. Кинкар ждал её нападения; если он двинется сам, то может спугнуть добычу.

Морд с громким хлопком свёл крылья вместе, звук этот отчётливо раздался в сухом холодном воздухе. И Воркен

устремилась в атаку, вытянув вперёд все четыре лапы с когтями, воздух с шипением вырывался из её клюва. Она исчезла за вершинами деревьев, послышался высокий крик, и Кинкар побежал.

Услышав топот в кустах, он быстро присел. Между двумя стволами показался суард с широко раскрытыми от ужаса глазами, и Кинкар использовал оружие, как его учили. Животное упало в середине прыжка и покатилося в кусты. Кинкар подбежал: действительно, на теле не осталось никаких ран. Но не этот зверь был добычей Воркен. Может, им повезло и они набрели на небольшое стадо? Иногда суарды, которые обычно держатся поодиночке, собираются вместе, особенно, когда мало пищи. Зачаточный разум подсказывает животным, что, объединив силы, можно сваливать небольшие деревья и питаться их корой.

Кинкар задержался, только чтобы выпустить кровь из убитого суарда, и заторопился дальше — проверить, верна ли его догадка. Вскоре он заметил вывернутое с корнями дерево, большая часть коры которого была обглодана. Рядом лежал второй суард, и Воркен впиалась в него когтями. Она криком приветствовала Кинкара, требуя еды: часть добычи по справедливости принадлежала ей. Кинкар принялся свежевать тушу.

Подготовив суарда к перевозке в крепость и оставив Воркен поедать отбросы, Кинкар вернулся ко второй туше. Как опытный охотник, он шёл неслышно, так неслышно, что захватил врасплох незнакомца, занявшегося там аналогичной работой. Увидев склонившуюся к суарду фигуру — животное теперь лежало на окровавленном снегу, — заметив руки, выполнявшие ту же работу, что и он сам только что делал, Кинкар застыл. Это был не житель крепости. Может, кто-то из детей сбежал и выследил его...

Но тут работающий повернулся, снимая полоску кожи. Это был не ребёнок, несмотря на своё маленькое тело. Руки, вполтину меньше рук Кинкара, действовали быстро и уверенно, что говорило о большом опыте. Лицо под

нависающим мехом головного убора принадлежало молодому мужчине — широкое лицо, свидетельствующее о трудной жизни. Но когда этот человек встал, чтобы обойти суарда, Кинкар понял, что тот едва достигнет ему до плеча. Как сам он кажется ребёнком рядом с звёздными повелителями, так и этот человек по сравнению с ним выглядел несмышлёньшм. Но маленькое тело в меховой одежде свидетельствовало не об уродстве: карлик обладал прекрасными пропорциями, да и вёл он себя как опытный воин.

Но даже если бы он был ростом с лорда Диллана, Кинкар всё равно напал бы на него. Видеть, как этот карлик свежует убитую им добычу, забирает мясо, так нужное жителям крепости, всё равно что подвесить перед мордом свежую печень и не давать ему схватить. Кинкар спрятал звёздное оружие и одним прыжком выскочил на открытое место, нацелившись руками в плечи вора. Но то, что произошло, он совсем не планировал.

Незнакомец мог быть ростом с ребёнка, но в его стройном теле оказалось не меньше сил, чем у Кинкара. Он был ошеломлён, но действовал автоматически, как хорошо обученный воин. Плечи его напряглись, он рванулся, и Кинкар, к собственному изумлению, оказался на земле, а противник склонился к нему с ножом, покрытым кровью суарда и нацеленным юноше в горло.

— Лежи спокойно, низинная крыса, — говорил он с необычным акцентом, но Кинкар понял его, — или у тебя появятся два рта, второй я сделаю сам.

— Доблестная речь, вор чужого мяса! — Кинкар ответил со всем достоинством, какое мог проявить в своей позе. — Ты разве не знаешь, что только охотник должен свежевать свою добычу?

— Твою добычу? — карлик рассмеялся. — Покажи мне рану, которая вызвала смерть, мой смелый охотник, и я отдам тебе мясо.

— Можно убивать не только мечом или копьём.

Карлик оскалил зубы и зарычал, чуть отодвинувшись.

— Это так, житель низин, — теперь он говорил негромко, почти ласково. — Есть такие способы убийства. Но у вашего брата их нет, только «боги» так убивают, — произнеся слово «боги», он плюнул, как плюёт человек после имени своего кровного врага. — Ни один «бог» не отдаст рабу свою палку власти! Ты разбойник, за которого назначена цена. И тебя используют для развлечения «богов» в их проклятых играх.

На Горте, знакомом Кинкару с рождения, тоже были разбойники. Он мог принять идею, что и здесь живут такие люди. Но вот эти «боги» — нечто совершенно новое. Однако прежде всего следовало спастись от ножа. Приём, применённый карликом, вызывал опасливое уважение.

— Я не разбойник. Я охотник. Мой морд обнаружил суардов на их охотничьей территории. Одного убил, второго я убил, когда он бежал. Если тебе нужно доказательство, загляни за те кусты и увидишь мясо, подготовленное к переносу. Или ещё лучше... — он свистнул, и лезвие тут же коснулось его кожи.

— Ты предупреждён... — начал было карлик, и в этот момент на него обрушилась Воркен. Только мех головного убора спас его лицо. Морд вцепился когтями ему в куртку и бил крыльями по голове. Кинкар откатился и вскочил на ноги. Только потом отозвал он Воркен от жертвы. И в его руке теперь дрожало смертоносное оружие звёздных повелителей.

Воркен взлетела на ветку дерева, не отрывая гневного взгляда красных глаз от карлика. Но тот не поднимался с земли, смотря на оружие, которое нацелил на него Кинкар. И выражение у него было как у человека перед лицом неминуемой смерти.

— Кто ты, с телом раба, но со смертельным оружием «бога»? — спросил он. — Зачем ты пришёл в эти холмы?

Теперь, захватив пленника, Кинкар не знал, что с ним делать. Привести его в крепость, чтобы он увидел, как их мало, как много им недостаёт, было бы глупо. С другой

стороны, отпустить его на свободу, чтобы он мог поднять своё племя, ещё большая глупость. Но убить только потому, что это целесообразно, — нет, на такое Кинкар не способен.

Воркен зашевелилась, испустила предупреждающий крик, и через мгновение они услышали музыкальный свист, не похожий на резкий крик морда. Кинкар с облегчением ответил. Показавшийся в кустах человек шёл не лёгкой охотничьей походкой, как Кинкар. И увидев его серебристую одежду, карлик застыл, как застывает детёныш суарда под крыльями морда: он видит перед собой смерть и понимает, что от неё не уйти.

Лорд Бардон, ведя на поводу вьючного ланга, остановился; с его плеча свисала голова животного, остальная добыча небольшого охотничьего отряда — в связке на спине ланга. Он с явным удивлением осмотрел сцену.

— Что у нас тут, Кинкар?

— Вор охотничьей добычи! — ответил тот. — И сказочник. А ещё кто, понятия не имею.

Лицо карлика исказилось от ненависти, побледнело от чего-то большего, чем страх, от тупого отчаяния. Но он молчал, только удивлённо перевёл взгляд со звёздного повелителя на Кинкара, как будто не ожидал таких дружеских отношений между этими двумя.

— Кто ты? — лорд Бардон сразу перешёл к делу. И добавил, словно про себя: — И что ты такое, мой маленький друг?

Карлик упрямо продолжал молчать. Он выглядел так, словно готовился выдержать любую пытку, но не открыть свою тайну.

— У него есть язык, — раздражённо сказал Кинкар. — Он свободно говорил, пока ты не появился, лорд... говорил о «богах» и «рабах»! Но не знаю, кто он и откуда взялся. Воркен убила одного суарда. А второго, бегущего, я свалил молчаливой смертью. А пока свеживал добычу Воркен, этот работал здесь. Я увидел, как он ворует...

Впервые с появления на сцене лорда Бардона карлик заговорил:

— Да, но если бы не твой морд, ты был бы тоже мёртв, грязь низин!

— Может быть, — вынужден был согласиться Кинкар. — Он воин, лорд. Он свалил меня каким-то приёмом, когда подошёл к нему. Но появилась Воркен, и я освободился, чтобы воспользоваться этим, — он протянул трубку смерти. — Он понял угрозу, хотя как, не понимаю.

Глаза лорда Бардона уподобились холодному металлу, они смертоносно блестели на его смуглом лице.

— Итак, он узнал лучевой бластер. Это очень интересно. Я думаю, его нужно прихватить с собой и спокойно поговорить...

Карлик постепенно подбирал под себя ноги. Неожиданно он вскочил и со скоростью летящего копья устремился к ближайшему укрытию. Но Кинкар на этот раз был готов. Он прыгнул вслед пленнику, и оба они с силой упали на мёрзлую землю. А когда Кинкар встал, карлик лежал так неподвижно, что молодой человек даже испугался.

Но тот только был ошеломлён и позволил погрузить себя вместе с мясом на спину ланга. И вот с таким грузом они двинулись назад к крепости, сделав только короткий крюк, чтобы взглянуть на открытый Кинкаром горячий ручей. Лорд Бардон осмотрел статуэтку, потом посмотрел на связанного пленника.

— Может быть, наш друг больше расскажет нам об этом. Он хорошо одет, он явно здесь у себя дома, однако мы не встретили никаких жилищ. Если они живут не на горах, а под ними, тогда всё бы объяснилось. Но для меня это совершенно новый вид. А как ты считаешь, Кинкар: это просто гортианский карлик?

— Не знаю, лорд. У него правильная фигура, как будто для него такой рост нормален. Ведь и я гораздо ниже тебя. Но я кое-что вспомнил... старую песню о Гартале с'Даре.. — и юноша запел сказание, сочинённое древним кузнецом песен:

— В утреннем свете поехал Гартал,
С мечом в руке, с плащом на руке.
Белый щит на другой руке.
Он поднял свой меч навстречу внутренним людям,
Вызвал их вождя на бой,
Заставил их свободно пропустить его по подземным путям,
Чтобы он смог догнать своего кровного врага
И скрестить с ним металл,
С тем, кто насмеялся над ним
В крепости Грам на пиру в середине года...

— Внутренние люди, — повторил он. — Они жили давным-давно, если жили вообще. О них говорится во многих старых песнях, лорд. Хотя, конечно, в песнях многое рождено кузнецами такого, чего с нами и не было. Но эти «внутренние люди» жили в горах, они были маленького роста, но велики в своих деяниях, то был народ смелых воинов. Такими увидел их Гартал...

— Есть и другие сказания о «внутренних людях»?

Кинкар улыбнулся.

— Малышей часто пугают, что если они будут путаться под ногами, придут в тёмные часы «маленькие люди» и унесут их в свои подземные норы, из которых человеку никогда не выбраться.

— Да... — задумчиво произнёс звёздный повелитель. — Но даже в таких сказках иногда скрывается зерно истины. Может быть, «внутренние люди», исчезнувшие с лица знакомого нам Горта, здесь не исчезли, и мы встретились с одним из них. Во всяком случае он даст нам много нового, и мы используем его рассказ для своей безопасности.

— Не думаю, чтобы он стал говорить, если мы просто попросим его.

— Он скажет всё, что знает, всё, что представляет для нас интерес.

Кинкар оценивающе взглянул на большое тело звёздного повелителя. В его коричневых руках карлик будет как

игрушка в руках ребёнка. Но полукровка постарался отогнать мрачную картину, нарисованную воображением. Убить человека в битве — одно. Но мучить беспомощного пленника — совсем другое. Он даже и думать об этом не хотел. И опять звёздный повелитель словно прочёл его мысли, потому что взглянул на него с лёгкой улыбкой, хотя прямая линия рта и челюсти не смягчилась.

— Мы не вырываем тайны с помощью ножа и огня, не используем и других грязных трюков, чтобы развязать язык!

Кинкар покраснел.

— Прости меня, лорд, обычаи твоего народа ещё не знакомы мне. Я вырос в горной крепости, а не в Терране. Что я знаю о жизни звёздных повелителей?

— Верно. Но не «твоего народа», а «моего народа», Кинкар. Мы в этом, как и во всём остальном, едины с тобой, мой мальчик. Ты наследник не только Стира, но и наш. Не забывай этого. А теперь отведём нашего героя сказаний кузнецов песен к лорду Диллану и леди Асгар. Посмотрим, какую выгоду они из него извлекут для нашего будущего.

7. Ложные боги

Способы, при помощи которых звёздные повелители извлекали сведения из неразговорчивого пленника, оказались действительно неизвестными Кинкару. Вопросы вообще не задавались. Пленника просто усадили перед одним из нагревателей в большом зале крепости и оставили в покое, хотя поблизости всегда находились люди, которые незаметно следили за ним.

Через несколько минут, когда подозрения его улеглись, пленник в свою очередь стал открыто разглядывать обитателей крепости, и на его лице ясно читалось недоумение. Он просто не мог понять их поступков и поведения. Широко открытыми глазами он смотрел, как лорд Джон учит своего полукровку-сына владеть мечом перед внима-

тельной и доброжелательной аудиторией, состоящей из матери и сестры мальчика. Женщины вязали, а младший брат смотрел с завистью и готов был в любое мгновение сменить старшего.

А когда леди Асгар подошла сзади к Кинкару и, чтобы привлечь его внимание, положила руку ему на плечо, пленник, увидев этот дружеский жест, вздрогнул, как будто ожидал какого-то ужасного отмщения.

— Ты нашёл нам кое-что новое и интересное, младший брат, — сказала леди. — Диллан идёт, хотя ему не хочется отрываться от своих расчётов. Итак, ты считаешь, что наш гость явился прямо из саги о Гартале с Двумя Мечами?

— Мне кажется, леди, он похож на «внутренних людей» из сказаний кузнецов песен.

Воркен спустилась со своего насеста высоко под потолком и вцепилась в плащ леди. Асгар улыбнулась морду.

— Ну, что, Воркен, из-за своего нетерпения хочешь изорвать меня в клочья? Ты ведь сама самка и не должна рвать одежду, которую так трудно возобновить. Ха! Поднимайся, вот чего тебе нужно! — она наклонилась, и морд прыгнула прямо ей в руки, потом вцепилась в плечо, прижалась головой к лицу и стала что-то нашёптывать на ухо.

— Ты сегодня хорошо поработала, Воркен, — заключила Асгар, словно морд понимала каждое её слово. — Лучше, чем мы ожидали. Потерпи, крылатая, у нас есть важные дела.

Но когда она остановилась прямо перед пленником, карлик сжался, словно готов был свернуться в клубок под ударами бича. И не поднимал головы, не смотрел в глаза леди. Вся его поза говорила, что он ожидает смерти, и нелёгкой. И это так противоречило смелости и силе духа, которые он проявил раньше, что Кинкар изумлённо уставился на пленника.

— Так что у нас тут? — к ним подошёл лорд Диллан, одобрительно потрепав Кинкара по спине. — Это и есть твой вор мяса, мальчик?

— Он не просто вор, — сказала леди. — Но есть здесь одна загадка. Почему он нас так боится?

— Точно, — лорд Диллан протянул руку и мягко, но с силой, которой невозможно сопротивляться, поднял голову карлика и посмотрел ему в глаза. Глаза пленника были крепко закрыты. — Посмотри на нас, незнакомец. Мы не враги тебе... если ты сам этого не захочешь...

Он словно коснулся свежей раны. Глаза пленника распахнулись, но никто не готов был к чёрной ненависти, отразившейся в их глубине.

— Да, — закричал карлик, — «боги» никогда не бывают врагами, они желают нам только добра. Слушайте меня, «боги», я преклоняюсь перед вами, — он соскользнул с седла на пол и склонился перед звёздным повелителем. — Вы можете убить меня по своим злым обычаям, «боги», но Оспик не будет умолять вас сохранить ему жизнь!

Первой заговорила леди.

— Мы не боги, Оспик, и нам это звание не нравится, даже в шутку. Почему ты называешь нас так?

Он широко и презрительно улыбнулся, было хорошо видно, как ненависть боролась в нём с инстинктом самосохранения.

— А как ещё вас называть? Ведь вы сами научили этому Горт. Вы — «боги» с далёких звёзд. Хотя опыт простого охотника не может подсказать, что вы делаете в этих развалинах. Или что вы делаете здесь с ними... — он указал на Кинкара, на семейство лорда Джона, занятое в отдалении своими делами.

— А почему бы родичам не быть вместе? — мягко спросила леди.

— Родичам! — Оспик недоверчиво повторил это слово. — Но молодой воин — гортианин с низин, а вы — «боги»! Между рабом и хозяином не может быть родства. Для раба даже подумать о такой кровной связи означает смерть!

Глаза лорда Диллана становились всё холоднее и мрачнее. Он слушал, дружески положив руку на плечо Кинкара,

но рука его непроизвольно сжималась всё сильнее. Только леди Асгар продолжала с невозмутимым видом расспрашивать.

— Ты ошибаешься, Оспик. Все собравшиеся здесь имеют общее прошлое, по крайней мере, отчасти. Те, кто кажутся тебе гортианами, тоже несут в себе звёздную кровь. Джон, на которого ты смотрел, учит своего старшего сына, а это его жена, дочь и младший сын — для нас очень большая семья. А это — Кинкар с'Руд, — она указала на Кинкара. — Его отцом был Руд, а брат Руда — Диллан — стоит перед тобой. У нас нет ни рабов, ни хозяев, только родственники.

— Сын лорда Руда, — Оспик смотрел на Кинкара, по-звериному оскалив зубы, словно готов был с яростью морда вцепиться ему в горло. — Сын лорда Руда — раб! Какая прекрасная новость! Значит, он опозорился! Великий Руд нарушил первый закон своего рода! Отличная новость, отличная! Но мне никто не поверит... — голова его металась из стороны в сторону, как у загнанного животного.

Кинкар удивился и задумался над тем, что услышал. Лорд Диллан оказался его близким родичем. Почему-то от этой мысли становилось тепло, как от нагревателя. Но что это за слова о лорде Руде, нарушившем первый закон? Откуда Оспик знает его отца? Снова заговорила Асгар.

— Руд, брат Диллана, давно мёртв, Оспик. Он погиб двадцать тёплых сезонов назад, когда пытался спасти моряков, выбравшихся в бурю на рифы с потерпевшего крушение судна...

Оспик посмотрел на неё, потом плюнул.

— Я не слабоумный, ещё нет, — и снова плечи его согнулись, как под ударом невидимого бича. — Лорд Руд правит в У-Сиппаре, и так было всегда на памяти людей. Ни один «бог» и пальцем не пошевелит, чтобы спасти гортианина в бурю!

У леди Асгар перехватило дыхание.

— Куда мы попали? — спросила она, сжимая руки так,

что побелели костяшки пальцев. — На каком Горте мы оказались, Диллан?

— Похоже, оправдываются наши худшие опасения, — мрачно ответил он. — Мы старались о таком не думать, но всегда этого боялись.

Она ахнула.

— Неужели случай так жесток к нам!

— Случай? Ты думаешь, это случай, Асгар? Я бы сказал, что это часть большого замысла, выходящего за пределы нашего понимания. Мы пытались исправить зло, причинённое одному Горту. Но здесь зло гораздо страшнее. Неужели мы везде будем встречать результаты нашего вмешательства?

Оспик недоумённо переводил взгляд с одного на другого, посмотрел снова на лорда Джона, на остальных занятых своими делами в зале. Потом он встал, протянул руку к двоим перед собой, странно скрестив пальцы.

— Вы не «боги»! — обвинительно провозгласил он. — Вы демоны, принявшие их облик. Именем Лора, Лоя и Лис заклинаю вас принять ваше истинное обличье.

Кинкар ответил на заклинание подземного жителя собственным.

— Именем Лора, Лоя и Лис говорю тебе, Оспик, что это воистину звёздные повелители, хотя, наверное, не такие, каких ты знаешь. Сможет ли демон выдержать, когда я провозглашу следующее? — и он произнёс священные Три Имени на древнем языке, как его научили, почувствовав ответное тепло талисмана на груди.

Оспик был потрясён.

— Не понимаю, — слабо пробормотал он. Кинкар готов был подхватить его слова, но у него хватило здравого смысла обратиться за объяснением к лорду Диллану.

— Оспик, мы действительно звёздной крови, — звёздный повелитель говорил искренне. — Но мы не те, кого ты знаешь. Мы пришли с другого Горта. И по духу мы противоположны лордам этого мира... во всяком случае я так заключаю по твоим словам.

— «Боги» здесь многое сделали, — ответил Оспик, — но никогда это не приносило Гарту добро. Не понимаю, что за странную историю вы мне рассказываете...

Позже Кинкар сидел в кольце воинов, полукровок и звёздных повелителей, и слушал лорда Диллана.

— Вот какво оно! На этом Гарте наш род принёс с собой зло, гораздо большее, чем то, от которого мы бежали. Здесь наш род высадился в надменности и захватил всю планету, превратив туземцев в рабов. Вся наша мудрость была направлена только на то, чтобы удержать планету в железном кулаке. Лишь немногие сбежали в пустыни. Свободны и туземцы в этой местности, как племя Оспика. Это злой Гарт, каким мог бы стать и наш.

— Нас горстка против множества, — задумчиво выговорил лорд Джон.

— Да, горстка. И вот что я скажу. С военной точки зрения разумно не давать о себе знать, пока мы не ознакомимся лучше с обстановкой, — подал голос лорд Бардон. Он один из всех звёздных повелителей родился ещё на корабле, до высадки на Гарт. И решил остаться, потому что у него были дети и внуки гортиане. Слева среди женщин сидела его дочь, справа, среди детей, два мальчика.

Кинкар слушал краем уха, оценивая боевые возможности их группы. Через врата прошло около пятидесяти человек. Двадцать женщин и девушек, десять детей. Из мужчин восемь — звёздные повелители, от лорда Бардона до самого молодого Джона. Сим, Диллан, Родрик, Томм, Джок и Франс. Внешне трудно определить их возраст, но ни один из них не выглядит старше гортианина, миновавшего сороковое лето. Загадочная перемена, произошедшая с ними во время полёта в пустоте, оставила на них свой неизгладимый отпечаток.

Все двенадцать полукровок были сравнительно молоды, но они испытанные бойцы, и к ним вскоре сможет присоединиться старший сын лорда Джона. Хорошая сильная боевая группа, не всякий решится напасть на такой отряд.

К тому же у звёздных повелителей есть свои способы сражения. Да, если бы они собирались в набег на какую-нибудь крепость, Кинкар, не колеблясь, присоединился бы к ним.

Но они не нападают на чужую крепость, им противостоят не гортиане, а звёздные повелители, злобные мстительные звёздные повелители, которые использовали всё своё тайное знание, чтобы обрести власть над планетой. А это совсем другое дело. И никто не решится начать военные действия, прежде чем будут установлены силы врага.

Но им удалось заручиться поддержкой Оспика. Горец в конце концов вынужден был признать очевидное. И теперь готов был способствовать заключению союза между своим народом и обитателями крепости. Трудно было ему думать о звёздных повелителях как о друзьях, но как только он поверил, что такая дружба возможна, согласие его было полным и искренним. Он решил, что должен вернуться в свою подземную крепость и организовать встречу между владыкой пещер и новыми звёздными повелителями.

До наступления ночи Оспик ушёл. Но Кинкара продолжал мучить один невыясненный вопрос. Он прибирался в стойле Сима, расправлял подстилку из сухой травы, когда луч света от двери подсказал ему, что он не один. Лорд Диллан одобрительно кивнул, увидев его усилия сделать стойло более удобным для ланга.

— Хороший ланг, — в таком начале чувствовалась нерешительность. Звёздный лорд пришёл совсем не для того, чтобы поговорить о лангах, и Кинкар понимал это.

— Это Сим, — юноша ласково провёл руками по заострённым ушам стоявшего на коленях животного, погладил мозоли там, где кожи касаются поводья. — Я сам нашёл его в загоне, и с тех пор он мой.

Внутренне он испытывал такую же нерешительность, что и лорд Диллан. С самого времени разговора у смертного одра Вурда, когда его упорядоченная жизнь, какую он всегда вёл, закончилась, когда мир его раскололся, а без-

опасность исчезла, он старался не думать о правде. Ему легче оказалось принять изгнание из Стира, перспективу стать разбойником, чем поверить, что он не полностью гортианин.

Кинкар не хотел признавать, что его отец был сородичем Диллана, может, очень походил на него, ведь они братья. Почему? Неужели он до сих пор боится звёздных повелителей? Или негодует на ту часть крови, которая вырвала его из благополучной жизни в Стире? Он никогда не чувствовал себя легко в обществе звёздных повелителей, как Джонатал, Вулт и остальные, которые жили с чужаками с самого рождения.

Может быть, нежелание признать свою смешанную кровь подкреплялось тем, что он единственный из всех полукровок внешне ничем не отличался от гортианина. Другие были чуть выше туземцев, у них попадались странного цвета глаза, волосы, необычные черты лица... И в минуту, когда ему пришлось признать своё родство с чужаками, самой первой его реакцией стала настороженность человека, который должен скрываться, но понимая, что его обнаружили.

Диллан поставил на пол лампу и прислонился к перегородке, зацепив пальцы за пояс.

— Сын Руда, — обратился он негромко, произнеся это имя с тем же странным акцентом, что и при их первой встрече.

— Ты не видишь его во мне! — выпалил Кинкар.

— Внешне нет, — с готовностью согласился Диллан, и Кинкар испытал непонятное недовольство. — Но в других отношениях...

И тут Кинкар задал вопрос, который весь день вертелся у него в голове.

— Оспик сказал, что лорд Руд правит одной из областей звёздных повелителей. Но как это может быть? Если лорд Руд, который был моим отцом, уже много лет мёртв... Другой лорд? Может быть, сын Руда со звёздной кровью?

Диллан покачал головой.

— Не думаю. Мы не рассчитывали, что столкнёмся с таким запутанным случаем. Возможно, на этом Горте живут наши прообразы, мы здесь такие, какими стали бы, пройдя по другой дороге. Но это ужасно, и мы действительно оказались в кошмаре!

— Как человек может столкнуться с самим собой в битве? — Кинкар довёл мысль до логичного конца.

— Вот это мы и должны установить, младший. Предположим, что Руд, который правит здесь, не тот, кто зачал тебя... он не может им быть...

— Да, Оспик ясно дал понять, что на этом Горте звёздные повелители и туземцы не скрещиваются...

— И не только это, — Диллан нетерпеливо отбросил его замечание. — Руд, удовлетворённый своим образом жизни, разум которого не протестует против того, как обстоят здесь дела, не может быть Рудом нашего мира. У них нет ничего общего. Твой отец родился на нашем Горте через три года после посадки наших кораблей, таким образом он старше меня на двадцать тёплых времён года. И он сын другой матери. У него было четыре жены: две звёздной крови, две гортианки. Последней из них была Анора из Стира, и она пережила его меньше чем на год. У него было два сына и дочь звёздной крови, они улетели на одном из наших кораблей, и один сын полукровка — это ты. Но ты не знал о своём происхождении. Три месяца назад Вурд прислал нам послание, в котором говорил о том, какая судьба может ожидать тебя из-за вражды с Джордом. Он держал тебя вдали от нас, хотел сделать тебя только гортианином, чтобы ты лучше служил Стиру, поэтому у тебя нет воспоминаний, которые помогли бы тебе. Но Руд, твой отец, был человеком, с которым легко стоять рядом, и мы рады, что с нами его потомок!

— Но ты тоже одной крови с Рудом.

— Да. Однако я не такой, как Руд. Он был прирождённый воин, человек действия. А в мире, где нужны действия,

это много значит, — Диллан чуть устало улыбнулся. — А я скорее такой человек, который делает то, что видит в мечтах. Я владею мечом, но с готовностью откладываю его в сторону. Руд был как морд на охоте, он вечно искал приключений. Он был скорее кузнецом мечей, чем кузнецом песен. Но трудно описать Руда тому, кто его совсем не знал, даже его собственному сыну, — он вздохнул и снова поднял лампу. — Скажу лишь, что Руд, каким мы его знали, достоин верности и любви. Помни об этом всегда, если судьба столкнёт тебя с другим Рудом, который правит здесь, на Горте...

Он задержался у выхода из стойла.

— Теперь Симу удобно. Пойдём со мной в зал. У нас военный совет, и каждый имеет на нём право голоса.

Ели все вместе, разделяя со скрупулёзной точностью результаты охоты и быстро уменьшавшиеся припасы. Кинкар подумал, что голодный морд всегда охотится лучше. Теперь никто не наедался так, чтобы не владеть мечом в нападении. Он тщательно прожевал мясо суарда, наслаждаясь его вкусом.

Военный совет принял решение. Отныне они будут охотиться, собирать запасы в крепости, может, торговать со внутренними людьми излишками пищи. Никуда за пределы долины, охраняемой крепостью, пока выходить не будут. Оспик заверил их, что они далеко от низин, которые контролируют звёздные повелители этого Горта, где их могучее оружие держит в узде рабов. Но мысль о том, что их двойники с такими дурными намерениями пользуются своей силой, заставляла лордов мрачно задумываться. И Кинкар считал, что даже если лорд Диллан соорудит новые ворота, откроет дорогу на новый Горт, он обнаружит, что другие лорды не захотят последовать за ним. Они чувствовали свою ответственность за этот мир и вину за то, что сделали ложные боги.

Теперь на сторожевых башнях всегда будут находиться часовые, а уже наутро наметили патрульные маршруты

вокруг крепости и распределили обязанности, чтобы все участвовали в охоте и в караульной службе.

Когда обед закончился, леди Астар подошла к Кинкару, держа в руках маленькую доску со струнами, какими пользуются бродячие кузнецы песен.

— Кинкар, говорят, ты хорошо помнишь сагу о Гартале и об его встрече со «внутренними людьми». Сегодняшняя встреча доказала, что по крайней мере отчасти этот рассказ правдив. И мы тоже хотим услышать всё сказание о набеге Гартала на крепость Лок.

Юноша стеснительно положил на колено доску. В Стире ему приходилось петь, но он никогда не думал, что будет петь в таком обществе. Однако «Набег Гартала» ныне почти позабыт, хотя это была любимая песня Вурда, и Кинкар хорошо запомнил её долгие размеренные стансы. И вот он ударил по струнам и начал — сказание о том, как Гартал выехал в путь лишённым крепости человеком, как он приехал в крепость Лок, и как его обманули и ему пришлось бежать в горы с гневом в сердце. Сидевшие вокруг Лорпор, Вулт, лорд Джон, Джонатал извлекли мечи и сопровождали его пение ритмичным звоном, ударами лезвия о лезвие, глаза их сверкали в свете ламп, и сказание подхватывали сладкие голоса женщин. И никогда ещё, с тех самых пор, как он выехал из Стира, Кинкар не чувствовал так сильно, что здесь его место.

8. Первая стычка

Прошла встреча с вождём «внутренних людей». Он пришёл настороженный и вооружённый, с охраной, которая благоразумно оставалась в укрытии. Все эти предосторожности показали обитателям крепости, с каким недоверием и ненавистью относятся туземцы этого Горта к чужакам, правящим планетой. Но к концу встречи вождь вынужден был признать, что действительно существуют две ветви звёздных повелителей, и что его собеседники — это не

гневные «боги», каких он всегда знал. Он не зашёл так далеко, чтобы познакомить пришельцев с тайнами своей крепости, хотя на торговлю и обмен согласился — он предоставит сухие фрукты и жёсткое мясо в обмен на один из вечных звёздных факелов.

«Внутренние люди» занимались работой по металлу. Восхищённым обитателям крепости они продемонстрировали кольчуги, удивительно прочные и обманчиво лёгкие, но, к несчастью, скованные по размерам их собственных маленьких тел, как и прекрасно уравновешенные мечи, которые были слишком легки и коротки для пришельцев. Лорд Бардон, с сожалением осмотрев все эти сокровища, перешёл к другим планам. Уже на следующий день, охотясь с Кинкаром, он предложил, чтобы Воркен была предоставлена свобода, а молодой человек помог бы ему в другом деле.

— Деревце? — удивился Кинкар. — Может, древко для копья? Но такое, какое мы ищем, слишком тонкое, при первом же ударе сломается.

— Не для копья. Для другого оружия, какое использовалось в прежние времена на старой планете, на которой родились наши отцы. Это было любимое оружие первобытных людей. Говорят, если умеешь им владеть, оно даёт преимущество перед воинами в доспехах.

К концу дня они вернулись в крепость с набором прочных упругих ветвей, нагруженных на ланга поверх дневной добычи. Воркен, которой не пришлось разыскивать подходящие стволы, оказалась более удачливой охотницей, чем люди.

Так как лорд Бардон имел только смутные представления о новом оружии, они испортили много стволов. А некоторые были неудачно подобраны. Однако к концу третьего дня у них всё-таки появились первые луки. За ними последовали стрелы. Все учились на собственных ошибках умению готовить наконечники и оперение. В работе приняли участие три четверти населения крепости,

и зал после наступления темноты превращался в мастерскую по изготовлению луков.

Почти сразу выяснилось, что от физической силы стрелка зависит очень многое. Могучий шестифутовый лук, которым пользовался лорд Бардон, ни один полукровка не мог натянуть, но Кинкар, со своим более лёгким оружием, поражал цель с не меньшей скоростью и точностью, хотя и не с такой пробивной силой, как звёздный повелитель.

Странно, но из звёздных повелителей только лорд Бардон, лорд Джон и лорд Франс обнаружили способности к стрельбе из лука, и по поводу их товарищей было отпущено немало шуток. Остальные лорды никак не могли попасть в цель.

— Слишком привыкли к машинам, — заметил лорд Бардон, когда стрела Диллана в третий раз подряд прошла далеко от цели. — Здесь не просто нажимаешь кнопку: нужно настоящее мастерство.

Лорд Диллан рассмеялся и бросил лук хозяину.

— Мастерство, к которому не способны моя рука и глаз. Но о наших братьях этого не скажешь.

Ибо если большинству звёздных повелителей учёба давалась с трудом, полукровки овладели луками играючи, словно Трое с рождения наградили их этим даром и он только ожидал пробуждения. От стрельбы по неподвижной цели во дворе они перешли к охоте, и в награду увеличилось поступление мяса, росла гряда шкур суардов, из которых предполагалось к зиме создать запас плащей и другой одежды.

Холод наступил внезапно. В течение пяти дней все оставались в крепости, от внешнего мира их отрезали сильный ветер и снег. Теперь все планы о разведке в низинах следовало отложить до более тёплых дней.

Лорду Диллану и его помощникам пришлось отложить сооружение врат, которые откроют дорогу на другой Горт. Слишком много важных деталей было уничтожено вместе с прежними вратами. И хотя они обратились к помощи

кузнецов и шахтёров внутренних людей, обнаружилось, что необходимое невозможно достать даже в виде руды. В крепости об этом не говорили, хотя все знали. И начали готовиться к длительному пребыванию здесь. Заговорили о необходимости возделывать поля в покинутой долине. Почва, кормившая когда-то большое население, прокормит и небольшую группу пришельцев.

Наконец наступил период затишья между бурями, когда солнце ослепительно отражалось от наста, а деревья отбрасывали длинные тени. В этот день воздух обжигал лёгкие, но в то же самое время вызывал тоску по простору.

Кинкар стоял на одной из сторожевых башен, по парасу высотой по пояс перед ним расхаживала взад и вперёд Воркен, широко расправив крылья и вызывающе крича. В это время года морды спариваются, и Воркен было одиноко, как никогда в жизни. Кажется, на этом Горте её вид встречался редко или вообще не отделился от огромных злобных чудовищ горных высот.

Она так нервничала, что Кинкар встревожился. Если Воркен отправится на поиски своих, то может никогда не вернуться. Но он знал, что если попытается посадить её в клетку и удержать, то беспокойство морда перерастёт в дикую манию, в стремление освободиться, и она может погибнуть, разбившись о стены своей тюрьмы. Чтобы удержать Воркен, ей следовало предоставить свободу и только надеяться, что со временем она вернётся сама.

Издав ещё один странный крик, Воркен взлетела и начала подниматься в небо по крутой спирали, так что вскоре юноша потерял её из виду. Кинкар ждал, растирая руки и расхаживая по площадке, чтобы согреться. Но Воркен не показывалась, не свистела. Как будто морд исчез сквозь какую-то дыру в небе.

— Улетела? — снег проскрипел под подошвами лорда Бардона. — Я даже подумал, что она в лихорадке, когда увидел её утром.

— Я не мог запереть её в клетку, — оправдываясь, заявил Кинкар. — В клетке она бы сошла с ума.

— Верно. И хоть мы её родичей здесь не видели, не нужно думать, что здесь их вообще нет. Может быть, в низинах она найдёт крепость с птичьим питомником.

Слабое утешение, но это была его единственная надежда. И Кинкар наверняка знал, что, отпустив морда на свободу, спас ей жизнь.

— Нехорошо ограничивать свободу живого существа, человека или животного, — лорд Бардон положил руки на парапет и стоял, глядя вниз на устье долины, ведущей к равнине. Если всё, что они слышали, правда, там, в низинах, процветает рабство худшее, чем служба морда у охотника. — Служба должна быть основана на взаимной необходимости. Только так достигается безопасность разума, если не тела. Воркен служит тебе по-своему, но и ты в обмен даёшь ей то, что ей нужно. Сейчас ей важно быть свободной, и это её право. А теперь, Кинкар, — он с улыбкой посмотрел сверху вниз, — я хочу предложить тебе одно дело. После многих отговорок наши друзья в горах решили, что нам до определённой степени можно доверять. Они прислали сообщение, что проведут нас безопасным тайным путём, чтобы мы могли из укрытия взглянуть на главную дорогу, ведущую в низины, и оценить движение на ней.

— В такую погоду?

— Кажется, холодное время года на низинах проявляется не так сильно, как здесь. И у лордов низин есть причины держать линии связи всегда открытыми. Там, где люди живут в недоверии и страхе, часто возникает необходимость передвигаться быстро. Во всяком случае мы увидим больше, чем отсюда. Если хочешь, можешь отправиться с нами.

Из крепости вышли небольшим отрядом. Проводниками служили Оспик и его соплеменник Тоси. За ними ехал лорд Бардон, огромный лук на плече которого уставился в небо, как указательный палец. Далее шли лорд Франс, Джонатал и Кинкар. Все ехали верхом на лангах, которые

протестовали против выхода на холод. Помимо этого с собой прихватили ещё одного ланга, вьючного, с продуктами и запасной одеждой, на случай бури.

Оспик привёл их к горе недалеко от того места, где Кинкар обнаружил тёплый ручей, потом тропа начала виться среди скал. Идти стало трудно, пришлось спешиться и вести лангов на поводу. Тропа, если её можно было так назвать, кончилась в кустах у каменной стены. Но за кустами скрывалось тёмное отверстие, похожее на расселину в скале.

Когда путники вошли в неё и лорд Бардон зажёл факел, Кинкар заметил следы орудий, которые превратили природную щель в дорогу для людей. Но хотя на прокладку этого пути был затрачен огромный труд, жители пещер пользовались им редко. Вскоре отряд оказался в пещере, уходящей далеко во тьму, их факел вызвал ответные вспышки кристаллов на стенах. Потом последовали ещё один узкий проход, несколько пещер, переходящих одна в другую. Они никого не встретили и ничего не слышали, кроме журчания воды и звуков собственных шагов. Кинкар подумал, что весь хребет, должно быть, пронизан, как муравейник, пещерами, ущельями, трещинами и пустотами, и внутренние люди хорошо ими пользуются.

Однажды им пришлось пересечь горячий поток. Кашляя и задыхаясь от едких паров, путники прошли по мосту, предназначенному для карликов, прошли в своих тяжёлых сапогах и провели лангов. Раз или два доносилась вонь падали, слышался какой-то шорох, как будто какое-то кошмарное чудовище отползало в сторону, не в состоянии выдержать свет факела.

Время теряло здесь всякий смысл. Они могли провести в глубине часы или целые дни. Дважды отряд останавливался, они отдыхали и ели, оба раза в гротах из призматических кристаллов, в переливах сияния драгоценностей, а кружева, созданные за многие столетия каплями воды, составляли декорации и занавесы. Кинкар и не

подозревал о существовании такого мира, и они с Джонаталом изумлялись его красотам, показывая друг другу всё новые и новые чудеса вокруг и наверху. Фонтаны, замёрзшие, прежде чем капли успевали упасть, дерево, лоза, полная плодов, — здесь можно было увидеть всё. Иногда среди каменных переплетений возникали существа словно из сказаний кузнецов песен: прекрасные, гротескные, отвратительные.

Оспик посмеивался над их удивлением, но не зло.

— Такое можно найти во многих местах, — в его словах прозвучала гордость обладания. — Кое-где они гораздо лучше. Есть Зал Встреч...

— Драгоценные камни в стене! — Джонатал поднёс конец факела к древесной ветви.

Проводник покачал головой.

— Драгоценные камни тоже можно отыскать. Но здесь они не настоящие, просто куски горного хрусталя. Вынесите их из пещеры, и не найдёте ничего особенного.

— И подумать только: такая красота под землёй! — взорвался восхищённый Кинкар.

Лорд Франс улыбнулся. Он не сдвинулся с места, продолжая сидеть скрестив ноги, прислонившись спиной к отдыхающему лангу. Но тоже с интересом разглядывал окружающее.

— Всё это создано землёй, Кинкар. И, как сказал Оспик, вырви любую деталь из окружения, и всё волшебство исчезнет. Действительно, это чудо, и стоит проехать далеко, чтобы его увидеть, — он достал из кармана блокнот и ручку и быстро набросал рисунок замёрзшей лозы.

Последняя пещера с кристаллами постепенно перешла в тёмный проход со стенами, покрытыми трещинами. И здесь Кинкара охватило странное чувство, заставив позабыть о великолепии подземного мира. Время от времени он оглядывался через плечо. И хотя видел только знакомые очертания Сима, а за ним, рядом с лангом, лорда Франса, его не оставляло ощущение, что за ними следят. Ему всё

казалось, что если повернуться достаточно быстро, то обязательно увидишь — что-то нехорошее.

Он положил руку на грудь, прижал к себе Связь. Не для того, чтобы убедиться в целостности талисмана, а чтобы успокоиться самому. Словно Связь могла дать ощущение безопасности от этих прячущихся в темноте существ.

Начался крутой подъём. Следы инструментов на стенах говорили, что этот проход был сделан искусственно. Из-за узости прохода им пришлось идти цепочкой, и во многих местах звёздным повелителям и лангам требовалось нагибаться, и гребнями шлемов люди задевали за каменный потолок.

В конце подъёма они вышли в пещеру, широкую, с маленьким отверстием впереди, через которое внутрь наметало снег. Послышался свист ветра в наружном мире.

Оспик подкрался к этому отверстию и остановился, пригнувшись, как какое-нибудь подземное подозрительное существо.

— Ветер, но не буря, — уверенно сообщил он. — К восходу солнца у вас будет отличное местечко для подсматривания. Но до этого ещё несколько часов. Отдохните.

Тоси уже отошёл подальше от выхода из пещеры. Достал из трещины в стене запас сухих дров, лёгких и белых, как старые кости. Из глиняного горшка извлёк уголь и разжёг костёр. Все столпились вокруг огня. Укрывшись плащами, поставив вокруг лангов, все задремали и проспали остаток ночи.

Пещера выходила на северо-восток, так что с рассветом стало светлей. Когда Джонатал растолкал Кинкара, было ещё серо. Кинкар потёр глаза и проглотил несколько кусков походной лепёшки, которые ему сунули в руки. Лангов оставили в пещере, Тоси вызвался остаться с ними. И вот четверо из крепости и проводник Оспик вышли на широкий карниз и оказались в гнезде морда высоко над долиной.

Внизу всё покрывал снег, разглаженный ветром. Но в

одном месте снег был утоптан, смешан с грязью. Это дорога. Чтобы после зимних бурь и снегопадов остался такой заметный след, дорогой должны пользоваться часто. Однако вокруг раскинулась совершенно дикая местность, никаких следов цивилизации.

— Вот ваша дорога на равнины, — указал Оспик. — Но тех, кто пользуется ею, придётся подождать, лорды. По ней движутся только при дневном свете.

Поэтому бросили жребий, кому оставаться на посту, а остальные вернулись в пещеру. Первым караулить выпало Кинкару, и он забавлялся тем, что создавал план засады, как обычно делал Реген, оценивая местность. Тут отличное место для засады, особенно для лучников. А вот для старомодного способа, схватки один на один, это место подходило хуже. Отсюда, с карниза, можно было воспользоваться неожиданностью и оставить тех, кто находится внизу, без офицеров.

Снег приглушал звуки, и процессия внизу появилась совершенно неожиданно. Кинкар, считавший себя опытным воином, был пристыжен. Его поспешное шипение вызвало остальных.

Кинкар, привыкший к торговым караванам с их неторопливыми фургонами, или к быстрым всадникам, с удивлением разглядывал отряд внизу. Первыми ехали люди верхом на лангах, все гортиане, конечно, хотя одеты и вооружены они были несколько по-особому. Но за всадниками виднелось нечто совершенно неожиданное. Там шли два вьючных ланга на расстоянии десяти футов друг от друга с привязанной к ним металлической цепью. От неё через равные промежутки отходили другие цепи, потоньше. Их было четыре пары, и каждая заканчивалась ошейником, а каждый ошейник обвивал горло спотыкающейся, качающейся, стонущей фигуры.

Показалась вторая пара лангов, и к ним тоже была привязана группа пленников. Один из них упал, и его потащило по земле. Тут же подскочил всадник и ударил

хлыстом, да так, чтобы было побольнее. Но несмотря на удары, упавший не поднимался. Послышался крик, ланги остановились, всадники собрались на совещание.

— Кто это? — горячим шёпотом спросил лорд Франс у Оспика.

Горец искоса взглянул на него.

— Объявленные вне закона или рабы, бежавшие с равнин. Их не возвращают домой. Те, кому повезёт, умирают, не добравшись до конца пути.

Всадник, использовавший хлыст, слез с седла и расстегнул ошейник. Откинул тело, пнул его, и оно покатилося в кювет.

Четверым на карнизе не потребовался приказ, не нужно было сговариваться. Четыре стражника разом упали. Запели тетивы, четыре руки потянулись за новыми стрелами, глаза уже выбирали новую цель.

Крик, хриплый изумлённый крик, звон металла о металл. Это из ножен вырвались мечи. Но упали ещё четыре стражника, а один из пленников перехватил хлыст и стал рукояткой сбивать свои цепи.

Это была бойня, а не битва. Лучники снова и снова доказывали, что хорошо овладели оружием, они подстреливали лангов, чтобы всадники не смогли бежать. Оспик опасно склонился с карниза, голодными блестящими глазами глядя на смерть внизу.

Дважды стражники пытались перебить пленных. И дважды умирали, не успев нанести удар. И в конце концов в живых остались только прикованные к цепям. Первым нарушил молчание Оспик.

— Многих перебили, лорды. Такая добыча для мордов запомнится надолго. Но она приведёт к нам и охотников.

Лорд Бардон пожал плечами.

— Можно ли спуститься с этого твоего небесного несе-та, Оспик? Нужно что-то сделать для этих несчастных внизу.

— Если у тебя ясная голова, можно! — горец свесился с

карниза, ощупью поискал опору и начал спускаться, переноса руки и цепляясь за стену, как насекомое. Остальные последовали за ним — гораздо медленнее и с дурными предчувствиями — во всяком случае у Кинкара.

9. Доброволец

Наконец они оказались на открытой площадке рядом с дорогой.

— Когда освободите пленных, — приказал лорд Бардон, — соберите стрелы.

— Это очень мудро, лорд, — отдал должное вождю Оспик. — После того как здесь побывают дикие звери, никто не поймёт, как умерли эти люди.

Джонатал прошёл вперёд и уже бродил среди тел стражников, разглядывая их пояса. Но вот он крикнул и показал запирающий стержень. Однако когда они направились к пленникам, тот, что пытался снять цепи, протяжно вскрикнул и присел, в глазах его горела ненависть. Свистнул хлыст, задев руку лорда Франса. Лорд Брандон еле успел оттащить товарища.

— Надо было догадаться. Укройся, Франс. Для них мы дьяволы, которых они больше всего боятся!

Джонатал с помощью стержня снял цепь с мёртвого ланга. Ошеломлённые пленники постепенно приходили в себя. Некоторые отступили и пытались снять ошейники. Теперь их не сдерживали убитые животные.

Но большей частью они просто лежали на снегу, тупо смотря по сторонам, совершенно без сил. Но тот, кто схватил хлыст, глядел на своих спасителей-гортиан вызывающе. Лицо его распухло, рубцы покрывала засохшая кровь. Он мог быть любого возраста, но вёл себя как обученный воин и голову держал высоко поднятой. Тело его было избито и измучено, но дух оставался сильным.

— Кто вы? — слова с перерывами вырвались из окровавленных губ.

Джонатал сорвал плащ с мёртвого стражника и набросил на дрожавшую от холода женщину, потом ответил:

— Мы вас освободили.

Пленник повернул избитое лицо с одним открытым глазом от Джонатала к Кинкару. Очевидно, разум и любопытство не покинули его даже после такого грубого обращения. Но он либо не хотел, либо не мог воспринимать их как друзей. Кинкар решил показать мирные намерения лучшим способом, какой смог придумать. Он достал из ножен ближайшего мёртвого стражника меч и протянул его рукоятью вперёд.

Единственный раскрытый глаз недоверчиво расширился, затем рука устремилась вперёд, меч был вырван у Кинкара. Пленник дышал так тяжело, словно взбежал на гору.

— Вот каково оно, — одобрил Джонатал. — Освободиться и получить меч в руки. А дальше всё зависит от тебя и твоего меча.

Но Кинкару показалось, что пленник не слышал этих слов. Он был слишком занят, снимая цепи. Большая часть остальных оставалась апатичной; у всех — и мужчин, и женщин — тела хранили следы такого жестокого обращения, что Кинкар, сражаясь с упрямыми ошейниками, подавлял тошноту. Наконец Джонаталу удалось разгадать секрет их замка, и цепи были отброшены. Некоторые из освободившихся схватились за сумки стражников с провизией. И Кинкару и Джонатану пришлось отгонять их, чтобы справедливо разделить еду.

Кинкар опустился на колени рядом с женщиной. Он пытался заставить её попробовать чёрствую лепешку, а она с полным отсутствием разума в глазах смотрела на него. В это время к ним и подошёл человек, которому Кинкар дал меч. На пленнике теперь были куртка и шлем стражника, он сосал сушёное мясо, так как жевать не мог из-за сломанных зубов. Но обнажённый меч держал в другой руке. И бдительно следил за Кинкаром.

— Кто ты? — с набитым ртом спросил он, но в голосе его звучали нотки приказа. — Зачем вы это сделали? — и он указал мечом на дорогу, на которой мёртвых раздевали ради живых.

— Мы враги любых правителей, которые заковывают людей в цепи, — Кинкар тщательно подбирая слова. — Если хочешь знать больше, обратись к нашему вождю...

— Пойду, но только с мечом, приставленным к твоей спине, — восходящее солнце отразилось от лезвия.

— Хорошо, — Кинкар закутал женщину в плащ и встал. — Мои руки пусты, капитан, — он назвал пленника титулом, судя по его поведению.

И не оглядываясь, пошёл за кусты, где укрылись звёздные повелители. Но кто-то другой сумел обнаружить этот путь раньше. Кинкар отвёл лишённые листвы ветви и увидел лорда Бардона и лорда Франса, которые рассматривали стрелы. Рядом стоял Оспик, одну за другой передававший эти стрелы. Но эти трое, занятые своим делом, были не одиноки. Один из стражников пережил нападение и не только пережил, но и выследил источник неожиданной смерти.

Вероятно, удивление при виде тех, кто возглавил нападение, — звёздных повелителей, вначале заставило его стоять неподвижно. Но теперь он присел за лордом Бардоном, на лице его ясно читалась ярость, в руке он держал тонкий, как игла, нож. И Кинкар, хорошо зная, какое это страшное оружие в руках опытного бойца, бросился вперёд.

Он ударил затаившегося стражника на уровне пояса, но не свалил на землю, как планировал. Тот высвободился и готов был нанести удар оружием, предназначенным для лорда Бардона. Кинкар перехватил его руку и удержал, чувствуя, как лезвие застыло, коснувшись его кожи. Он пытался сбить стражника с ног. Кинкару обожгло подбородок, острие застряло в кольчуге и сломалось. Но прежде чем обломанное лезвие впилось ему в глаз, их обоих

схватили могучие руки и растащили. Потом Кинкара отпустили.

— Он до тебя добрался, мальчик!

Кровь капала с подбородка Кинкара, струйкой текла по куртке. Лорд Бардон пальцами поднял ему подбородок, с одной стороны, потом с другой осмотрел ущерб.

— К счастью, всего лишь царапина! — воскликнул чуть погодя звёздный повелитель. — Остановим кровотечение, и будешь жить, младший... — в голосе его послышалось облегчение. Но когда он заговорил снова, как будто лёд прозвенел в воздухе. — А этого побереги, Франс. Он может ответить на вопросы, — лорд Бардон, придвигая Кинкара к скале, чтобы заняться его ранами, вдруг увидел бывшего раба, следовавшего за молодым человеком. — А ты откуда выскочил?

— Он один из пленников, — начал было объяснять Кинкар, но тут же под пальцами лорда Бардона вынужденно замолчал.

— И он тоже не прочь увидеть цвет нашей крови, — предположил лорд Франс. Он искусно связал стражника и положил у скалы. А теперь с пустыми руками смотрел на пришельца.

Но даже если этот человек и хотел убить своих спасителей, он не нападал. Прочесть выражение его избитого и распухшего лица было невозможно, но он стоял и просто смотрел на то, что делает лорд Бардон, всё время переводя взгляд на бранящегося пленника, бывшего стражника. А когда заговорил, то задал тот же вопрос, что и перед этим Кинкару.

— Кто вы? — и тут же разразился потоком слов, ясно выдававших его недоумение. — У вас внешность Чёрных, но вы убили их верных людей, освободили нас, приговорённых рабов. А теперь ты занимаешься ранами этого жителя низин, словно он твой родственник. А стражник, твой верный приспешник, который нёс нам мучения и смерть, лежит в оковах. И я снова спрашиваю, кто вы?

— Скажем так: мы те, кто прислан, чтобы положить конец несчастьям этого мира. Внешне мы похожи на ваших правителей, но мы не из их числа. Можешь ты поверить в это?

— Лорд, сегодня я стал свидетелем трёх великих чудес. Я увидел нападение на караван рабов. Я увидел, как люди моего народа и Тёмные действуют в единстве, как родичи, и заботятся друг о друге, как боевые товарищи. И я увидел, как тот, кто командовал нами, связанным лежит у твоих ног. Может ли свидетель таких невероятных событий не поверить? А теперь, увидев тебя вблизи, я могу сказать, что ты не Тёмный, хотя носишь его тело. Клянусь Лором, Лоем и Лис... — он опустился на одно колено и протянул меч лорду Бардону, — я ваш человек... я, который у Лесного алтаря поклялся никогда не служить чужеземным повелителям.

Лорд Бардон прикоснулся к рукояти меча, но не стал брать его в руки, и глаза бывшего пленника сверкнули. Он был принят не как крепостной, а как свободный человек, и то, что лорд Бардон знал это правило, больше всего поразило гортианина.

Он встал и вложил меч в ножны.

— Я жду приказов, лорд...

Это напомнило лорду Франсу о предстоящих делах.

— Мы не можем просто отпустить этих людей. Они погибнут, или их задержит другой патруль.

— Как ты думаешь, Оспик? — спросил лорд Бардон у маленького горца. — Разрешит твой вождь всей группе пройти вашим тайным путём?

Оспик потянул себя за нижнюю губу.

— Ты нанёс сильный удар по «богам», чужеземец. А эти, если их снова схватят, могут проболтаться. Когда «боги» хотят, люди начинают говорить. Мы сохранили свою землю, потому что о нас не знают...

— Но если удастся провести их в долину крепости, Оспик, не думаю, чтобы они снова попали в прежние руки.

Оспик кивнул.

— Надо подумать. Но не мне принимать решение; я могу быть только посыльным. Пойдём со мной, и сам поговоришь с вождём.

— А что делать пока? Вдруг покажется ещё один отряд?
— спросил лорд Бардон.

— Укройтесь в боковом ущелье. Это место легко защищать и не показывайтесь на дороге.

И вот освобождённых пленников, имущество стражников, всё, что могло оказаться полезным, унесли в небольшое боковое ущелье, которое показал Оспик. Лучники, расположившись над ним, отразят любое нападение. Бардон с Оспиком ушли в гору, а все остальные скрылись в ущелье.

Постепенно шок от неожиданного спасения проходил, и горстка пленников под руководством принятого на службу лордом Бардоном капитана начала заботиться о слабых и раненых и вооружаться. Видя, что предводитель пленников справляется с делами, трое из крепости держались в стороне, помогая лишь когда в этом возникала необходимость. Но когда импровизированный лагерь приобрёл некое подобие порядка, предводитель подошёл к лорду Франсу и приветствовал его поднятой рукой ладонью вверх.

— Мы в твоём распоряжении, лорд. Но тебе, пожалуй, лучше пока не подходить к нам; среди нас есть такие, кто ещё не разобрался. Они боятся и ненавидят тех, кого ты напоминаешь — внешне, а нам очень редко удаётся приблизиться к Тёмному на расстояние удара мечом. И кто-нибудь, с помутившимся рассудком, может попытаться проверить твоё бессмертие металлом...

— Но ты теперь так не думаешь?

— Нет, лорд. Я Капал, некогда я командовал отрядом свободных в пустыне. Но потом меня захватили и усмирили (так они считали) ошейником слуги Тёмных. С тех пор как Тёмные навязали нам своё правление, мы прячемся, сражаемся и снова прячемся в пустыне. Умираем мы почти всегда в битве с мечом в руке. Нас теперь осталось совсем

мало. Когда они захватили Кваар, осталось лишь несколько наших постов, и их тоже захватывают один за другим. Мы умираем, но умираем свободными! — его единственный глаз устремился на большой лук звёздного повелителя. — Но если у нас окажется это оружие, которое убивает бесшумно и на расстоянии, нам не нужно больше будет умирать безнадёжно...

— Может быть. Посмотрим...

Капал принял это как обещание лучшего будущего.

— Отпусти меня в пустыню, лорд, с этим известием, и я приведу тебе сотню бойцов, хороших бойцов под твоё знамя! Уйду сразу, как только ты пожелаешь.

— Нет. Не мне решать такие дела, Капал. А как же эти? — лорд Франс указал на недавних пленных. — Многие ли из них поднимут оружие против прежних господ?

— Может, они и захотят, — ответил Капал. — Но у большинства сломлен дух. Двое, может быть, трое ещё откликнутся на боевой призыв. Остальные... — он пожал плечами. — Они слишком долго носили рабский ошейник.

— Я тоже так считаю. Но если им пообещать безопасность, предоставить участок земли, где они смогут жить без страха, станут ли они сеять и убирать, охотиться и выполнять работы, которые не требуют использования меча?

— Станут, лорд. Если ты знаешь такое место, куда не доберутся Тёмные. Но, наверное, ты сам оттуда! — он перевёл взгляд с лорда Франса на Кинкара и Джонатала. — Ясно, что эти твои стражники никогда не знали цепей или хлыста и в то же время на них нет клейма слуг...

— А что за клеймо слуг?

— Те, кто един в духе с Тёмными, лорд, носят такое клеймо, чтобы все его видели. Смотри сам.

Он подошёл к пленнику. Бывший стражник плевался, но Катар схватил его за волосы, поднял голову и показал знак на лбу чуть выше бровей. Глубоко выжженный раскалённым металлом символ, хорошо знакомый Кинкару и Джонаталу. Священный треугольник, но перевернутый!

Оба полукровка, увидев такое святотатство, одновременно подняли скрещенные пальцы, чтобы отвратить это зло. Капал заметил их жест, а когда и лорд Франс повторил его, сказал:

— Трое... Ты служишь Лесным, лорд?

— Я служу тому, во что верю. А Трое — иное проявление того, во что я верю, Капал. Добрую веру уважают все, будь она собственная от рождения или вера твоих друзей и родичей. Но мне кажется, этот символ сознательно извращён...

— Верно, лорд. Только те, кто полностью отдаёт себя Тёмным, позволяют так пометить себя. Они гордятся тем, что все видят их знак и боятся. Но есть и такие, кто не боится, а ненавидит! — он разжал руку, и голова пленника упала на землю.

— Очень старый способ, — лорд Франс говорил словно сам с собой. — Высмеивать и унижать то, что может стать надеждой раба. Да, старый, старый способ. Пора покончить с этим.

Они так и не узнали, каким образом лорду Бардону удалось убедить вожда. Но к концу дня он вернулся с известием, что все освобождённые могут вернуться в крепость по тайному пути. Переход был долгим и медленным. Под землёй остались две груды камней, обозначая могилы. Умерла женщина, которую пытался накормить Кинкар, и свихнувшийся старик. Никто не знал, как его зовут и откуда он.

Переход занял больше дня, потому что приходилось часто отдыхать. Там, где позволял туннель, самых слабых сажали на лангов. Те, кого выбрал Капал, образовали отряд под его командой. Только они интересовались окружением.

Пленённый стражник всё время оставался в окружении людей из крепости. Только так можно было обеспечить его безопасность. Но по мере углубления под землю его вызывающее поведение сменилось покорностью, он сам старался

держаться возле своих победителей, шёл рядом с Кинкаром или Джонаталом, как боевой соратник.

Во время пятой остановки лорд Бардон подозвал к себе Кинкара.

— По словам Оспика, мы сейчас недалеко от выхода в долину крепости. Тоси пойдёт с тобой как проводник; бери своего ланга и отправляйся за помощью. Многие уже без сил, и мы не сможем перенести всех их в крепость. Приведи лангов и прихвати еды...

Так уставший отряд прибыл в крепость, где освобождённых рабов перевязали, накормили, а они лишь тупо удивлялись окружающему. Потом лорд Диллан созвал военный совет в одном из верхних помещений, которое выбрал для себя. И из всех освобождённых на этот совет был приглашён только Капал.

— Стражник не смог устоять перед нашими методами дознания, — начал речь лорд Диллан. — Несомненно, хозяева не раз применяли их к нему. Этот человек — а он мог оставаться человеком — погиб, когда на него поставили клеймо. Он отказался от собственной воли, и они могли использовать его, как хотят. Это ужасно!

— С этим-то мы согласны. Но мы не можем уделять слишком много внимания прошлому. Надо думать о том, что нас ждёт. Вопрос в том, посмеём ли мы, с нашими ограниченными силами, выступить против тиранов? — спросил лорд Бардон.

Затянувшееся молчание нарушил лорд Джон. Самый молодой из звёздных повелителей, он, по их представлениям, наверное, был такой же юный и неопытный, как Кинкар в обществе Вурда и Регена. Именно он задал простой вопрос:

— Посмеём ли мы не вмешаться?

Лорд Диллан вздохнул.

— Так оно и есть. Мы, такие, какими стали, с нашими взглядами и целями, не можем не вмешаться.

— Да. Но глупо отказываться от преимуществ, — заме-

тил лорд Бардон. — Нас немного, но мы должны считать, что в нашем распоряжении целая армия. И должны больше знать о низинах, прежде чем решимся выступить. Вытяни у стражника всё, что он знает, Диллан. И нужно установить пост на дороге, чтобы освобождать другие караваны рабов. И ещё — направить разведчика в низины... Капал!

Повязка окутывала почти всю голову бывшего жителя пустыни, но он быстро вскочил.

— Капал, каковы шансы у разведчика в низинах?

— Очень малые, лорд. На всех дорогах выставлены посты. И все проезжающие должны отчитаться о себе. Для того, кто не знает страну, это просто невозможно.

Лорд Бардон поправил его.

— Невозможного не существует. Просто вначале нужный способ может быть неясен. Предположим, едет Тёмный. Посмеет ли кто-нибудь остановить его?

Капал покачал головой.

— Лорд, Тёмные н и к о г д а не ездят по дорогам. Они не умирают от старости, но металл так же легко впивается в их плоть, как и в нашу. Они живут под охраной и передвигаются только по воздуху благодаря волшебству, известному только им. Лишь немногие могут попробовать проехать...

— Кто именно?

— Те, на ком знак зла... Такой человек может выдать себя за посыльного.

Рука Кинкара устремилась к талисману, который он держал в тайне. Глаза его по очереди переходили от одного к другому в круге, внимательно изучая собравшихся. Он уже знал ответ. Из всех обитателей крепости только он внешне не имел признаков звёздной крови. Разведчиком мог стать только он.

— Я пойду...

Он не сознавал, что произнёс это вслух, пока не увидел устремлённый на него взгляд лорда Диллана и одобрительный кивок лорда Бардона. Кинкар попытался закрыть рукой рот, но было уже поздно.

10. Буря, ночь и святилище

Кинкар стоял у узкого окна в комнате леди Асгар. Небо в окне приобрело светло-розовый цвет. День предстоял ясный, а ветер, который сметал снег со двора, стих.

— Ведь это только временно, — сказал он, не поворачивая головы.

Ему не ответили. Ответ мог быть только один, а произвести его никто не решился.

— Ты не можешь этого сделать... не можешь, пока на тебе Связь, — лорд Диллан выразил в словах то, что Кинкар чувствовал уже с того времени, как сделал своё импульсивное предложение. — Я не уверен, что ты вообще сможешь это сделать. Такой поступок может вызвать немислимый травматический шок...

Теперь Кинкар повернул голову.

— Это всего лишь знак...

— Знак, который отрицает всё, во что ты веришь. А для носителя Связи...

Впервые за долгие минуты шевельнулась леди Асгар.

— Знак дьявола наверняка ставится с определёнными церемониями. Сам церемониал при этом воздействует на нового слугу зла. Здесь, как и всегда при преклонении, дело в эмоциях... тёмных или светлых. Если то же самое проделать без церемоний или сделать совсем по-другому...

— Что ты хочешь сказать?

— Этот знак наносится раскалённым металлом, верно? Я думаю, что можно воспроизвести его другим способом — и без всяких церемоний. А Кинкар в это время должен думать о том, что знак фальшивый, и о том, ради чего он его принимает. Пусть при этом в обеих руках держит Связь и проверяет, не оттолкнёт ли она его.

Кинкар вскочил и подошёл к ней.

— Леди, попробуем! — если это решение, если он сможет получить знак без внутреннего конфликта...

Она улыбнулась ему.

— У меня много форм волшебства, Кинкар. Посмотрим,

что могут дать знания. Держи Связь в руках и думай, что ты делаешь это ради нас и почему делаешь. Если всё пройдет благополучно, мы внешне превратим тебя в послушного слугу зла.

Он уже надел одежду одного из стражников; одежду отобрали из добычи. Теперь Кинкар извлёк камень, своё наследство, доверенное ему владыкой Стира. Держа камень в ладонях, он прошептал слова власти и почувствовал ответное тепло талисмана. И закрыл глаза.

Сосредоточившись на Связи, он ждал. И лишь вздрогнул, почувствовав прикосновение ко лбу. Три черты. И ничего больше. Связь была спокойна, она не умерла, как он опасался.

— Всё? — спросила леди Асгар.

— Всё, — ответил лорд Диллан.

Кинкар открыл глаза и рассмеялся.

— Никаких перемен. Связь не изменилась!

Лорд Диллан облегчённо вздохнул.

— Ты права, Асгар. Он может идти. Отдай ей талисман, Кинкар, она его сохранит... — тут он замолчал, увидев, как Кинкар отрицательно покачал головой.

— Нет, лорд. Он меня не отверг. Поэтому я по-прежнему несу за него ответственность и не могу никому передать его.

— Но если его найдут у тебя, если только заподозрят, что ты его носишь... Результат будет хуже, чем ты можешь себе представить. На нашем Горте его нужно было хранить в тайне, хотя все почитают этот талисман. А здесь?

Однако Кинкар уже вернул камень на обычное место у себя под одеждой на груди.

— Всё это, наверное, правда, лорд. Но я знаю только, что не должен никому отдавать камень, если он не будет готов к этому. Такова природа Связи. Если бы я оставил его здесь, меня бы тянуло назад и я не смог бы завершить своё дело. Он — часть меня, пока я хранитель, и кончиться это может только с моей смертью — или раньше, но по его желанию.

— Он прав, — в голосе леди Асгар звучала тревога. — Вы же знаете, мы так и не смогли установить, в чём тайна Связи. Это его долг и его судьба. А может быть... — она помолчала и добавила: — А может быть, и его спасение!

Вместе они вышли из зала во двор. Было ещё очень рано, и их никто не видел. Сим был осёдлан и стоял наготове. Капал подвёл ланга.

— Карту не позабыл? — спросил он, когда Кинкар взял повод и вскочил в седло. — Подумай ещё раз, молодой лорд, может, мне стоит надеть рабский ошейник и пойти с тобой рядом?

Кинкар покачал головой и чуть криво улыбнулся.

— Возвращайся в свою пустыню, Капал, и поднимай людей. Будь уверен, я не стану зря рисковать. А всё, что мы узнали от стражника, хранится здесь, — он поднёс руку ко лбу, но не коснулся его, вспомнив, что там нарисовано.

Пленник всё рассказал, и рассказал подробно. Лорд Диллан, лекарь большого разума, мог при желании заставить говорить любого. И всё, что рассказал стражник, теперь поступило в распоряжение Кинкара: пароли для прохода через посты, обычаи, манеры, всё то, что позволит ему благополучно добраться до города на низине — У-Сиппара — и так же благополучно выйти из него.

Не прощаясь, Кинкар направил Сима в открытые ворота и выехал из крепости ясным утром прямо в ущелье, ведущее к низинам. И не оборачивался. Как уехал из Стира, так и теперь он оставил свой новый безопасный дом ради будущего. Это возможное будущее отчасти теперь зависело и от него.

Но утро недолго оставалось ясным. Ветер, трепавший полы плаща, был поразительно тёплым. А это для опытного охотника предупреждение об опасности. Возможно, наступала одна из неожиданных зимних оттепелей, когда землю заливают дожди, превращая её в болото. И дождь этот в секунды застывает в лёд, когда снова начинается холод.

Карта, составленная Капалом по собственным воспомин-

нениям и показаниям пленного, и которую сейчас восстанавливал в памяти Кинкар, свидетельствовала, что впереди его ждёт широкая открытая равнина, где горы и населённую местность разделяет обширная лесистая низина. Он собирался проехать на юг по её краю до одной из рек, потом вдоль реки отправиться к морю. Но, может, в связи с приближавшейся бурей лес предоставит ему лучшее убежище.

У этого Горта была иная история, чем у его собственного, ещё до появления звёздных кораблей. Это они узнали за последние два дня. На его родном Горте чужеземцы высадились, когда местное население ещё не вышло из варварства, Горт был миром кочевых племён, без городов, без деревень. Первые крепости появились под влиянием знаний звёздных людей. И потому в обычаях, законах, образе жизни ещё сохранилось многое от кочевников.

Но этот Горт уже далеко ушёл от первобытной жизни, когда на нём появились звёздные повелители, сокрушили развивающуюся цивилизацию и безжалостно истребили местных вождей, тех, кто строил такие крепости, как их теперешнее убежище, в соответствии со старыми обычаями и религией. На его собственном Горте звёздные люди пытались возвысить туземцев, здесь они действовали в противоположном направлении, старались низвести их до тупого рабства. Чтобы люди стояли ниже суарда, морда и ланга. Ведь это дикие животные, и их свирепая независимость возрождается с каждым поколением.

Здесь пришельцы не только не скрещивались с туземцами — они считали такую связь невероятно непристойной, святотатственной; именно поэтому Капалу труднее всего было понять, что большинство обитателей крепости — полукровки. Но это обстоятельство могло стать и преимуществом: истинных Тёмных было очень мало. В каждом поколении появлялась всего лишь горстка новорожденных, а смерти в несчастных случаях и на дуэлях друг с другом постоянно уменьшали число господ.

Каждый Тёмный находился в состоянии хрупкого перемирия со всеми остальными; их приближённые по любому капризу повелителя или из-за непонятого им оскорбления всегда были готовы к схватке. Тёмные боялись друг друга, и их страх не проходил ни во время битв, ни при разорении крепостей. Но при первых же признаках восстания — а таких восстаний, по словам Капала, было много — взаимное недоверие и ненависть чужаков забывались, они объединялись и расправлялись с восставшими. И в последние годы искры свободы едва-едва мерцали только в пустыне. А правители-чужаки методично уничтожали и эти остатки, один за другим, как человек топчет подошвами сапог насекомых, безнадёжно прячущихся в пыли.

Сим размашисто шёл по покрытой снегом равнине, гораздо более лёгкому пути, чем извилистые тропы в горах, и к середине утра эти горы превратились в слабую пурпурную линию на северо-востоке. Продолжал дуть устойчивый тёплый ветер, снег под его прикосновением таял, кое-где полосами показалась трава.

Но ланг не был доволен. Он всё время принохивался к ветру и фыркал. И дважды без приказа всадника удлинял шаг. Они остановились передохнуть на вершине небольшого холма, и Сим испустил дрожащий крик. В отдалении по равнине двигались тени, и Кинкар ухватился за рукоять меча. Не в первый раз пожалел он, что пришлось оставить новый лук. Но эти далёкие ланги были без всадников. Табун диких животных. В тёплое время года неплохо было бы отловить их. Сим и ещё несколько подготовленных лангов отведут их в загон... Да ведь так можно будет всех жителей крепости снабдить запасными верховыми животными!

Но доживёт ли крепость до наступления тёплого времени? Охотничий энтузиазм сменился дурным предчувствием. В последние дни ничего не говорили о новых вратах, о новых Гортах. После того, как все узнали о судьбе этого мира, такие разговоры сами собой прекратились. И Кинкар был уверен: звёздные повелители намерены исправить при-

чинённое этому миру зло, прежде чем снова начнут пересекать время. А это означает, что мирной охоты на лангов не будет.

Кинкар потянул за ушные поводья, чтобы призвать Сима к порядку, и ланг снова двинулся своим размеренным, пожирающим расстояния шагом. Всадник был уверен, что тёмная линия на юго-западе означает край леса, который он искал. И он вовремя увидел лес, потому что теперь тёплый ветер стал прямо-таки горячим. Полосы снега встречались всё реже и становились меньше по размерам.

А на небе появились тучи, пригнанные этим слишком тёплым ветром, тяжёлые тёмные дождевые тучи, которые распирало от воды, как водяные мешки путешественников.

Первые капли упали Кинкару на плечи, смочили зимнюю шерсть Сима. Кинкар плотнее запахнулся в плащ и наклонил голову. Ему хотелось совсем спрятать её между плечами, как это делает ящерица лакер. Сим покачал длинной шеей, с отвращением фыркнул и буквально полетел, как стрела, к отдалённому лесу, обещавшему убежище.

Они насквозь промокли, пока добирались до деревьев. Будь они в листве, путники получили бы здесь хорошее укрытие. Но теперь дождь почти не задерживаясь, пробивал голые ветви и резал, как ножом. К тому же ветер перестал быть тёплым, в нём почувствовался лёд. Влага на древесной коре быстро замерзала, ледяной коркой покрывая стволы.

Где-то следовало побыстрее найти убежище. Раздражение Кинкара сменилось опасениями. Тучи превратили утро в ночь. Если они слепо пойдут вперёд, то могут оказаться на территории, не нанесённой на карту. Но стоять под ледяным дождём значило самым замёрзнуть.

Кинкар попытался направить Сима на юго-запад, надеясь, что извилистая тропа приведёт их к реке. В любом случае им нужно было двигаться. Он шёл теперь пешком, держа ланга на поводу и отслеживая дорогу между стволами. И уже, наверное, несколько минут шагал по старой

дороге, прежде чем обратил внимание на следы, оставленные когда-то людьми. Большие деревья расступились, древняя дорога заросла кустами и молодыми деревцами. И только когда сверкнула молния, Кинкар в её свете увидел гладкие каменные блоки, вдавленные в землю. Он на мошѐной дороге!

Она шла как будто в нужном направлении, и он решил последовать новому пути, чтобы не бродить больше бесцельно в поисках реки. По крайней мере дорога приведѐт куда-нибудь. И он, если пойдѐт по ней, избавится от судьбы многих путников, не будет ходить крутами. Дорога, связывающая горы с морем... Вполне логично, что она существует. Может, пробираясь по ней, он даже минует сторожевые посты. Приободрившись, Кинкар двинулся по дороге, таща за собой Сима. Кусты, сквозь которые приходилось продираться, обдавали его потоками воды.

Но очень скоро стало ясно, что найти древнюю дорогу и воспользоваться ею как проводником ещё недостаточно. Им требовалось убежище, защита от усиливавшейся бури. Кинкар начал оглядываться в поисках упавшего дерева, рядом с которым можно было бы соорудить охотничий шалаш.

Но не кто иной как Сим прервал поиски. Ланг внезапно закричал и дѐрнул головой, чуть не вывернув Кинкару руку. Потом встал на дыбы, грозя всаднику когтистыми передними лапами. Так он был приучен встречать врага при нападении. Захваченный врасплох, Кинкар выпустил повод и отпрыгнул назад, чтобы не попасть под удар.

Освободившись, Сим ускакал вперѐд, сразу превратившись в еле заметную тень. Он промчался между двумя деревьями и исчез, прежде чем Кинкар успел догнать его. Тяжело дыша, спотыкаясь, гортианин побежал вперѐд, пытаясь не упустить ланга из вида. И время от времени ему удавалось увидеть мелькание корпуса животного.

Потом Сим совершенно исчез. Чуть не плача от раздражения и гнева, Кинкар побрѐл в том направлении, где

последний раз видел своего скакуна, и столкнулся в прегра-
дой.

Пальцы протянутой реки скользнули по обледеневшему камню. Стена... здание!.. Потом рука встретила пустоту, Кинкар обнаружил отверстие. Он бросился вперёд и оказался под крышей, невидимой в темноте. Наконец-то избавился он от дождя. Впереди фыркнул Сим. Ланг нашёл это убежище раньше.

Кинкар перебрался через груды листвы. Под его тяжестью трещали мелкие ветки. Сбросив промокший плащ, он сгрёб в груды сухую листву и только тогда достал глиняный горшочек горцев с его приветливым горячим углём.

Вначале он был слишком занят огнём, чтобы обратить внимание на строение, в которое привёл его Сим. Но когда костёр разгорелся, Кинкар огляделся в поисках топлива — и понял, что его запасы очень ограничены. Груда высохших листьев и несколько полупрогнивших ветвей, все маленькие. Кинкар собрал всё, что можно, и только тогда заметил ещё одну дверь, ведущую внутрь здания.

Было мало надежды отыскать там дрова, но следовало проверить. Поэтому Кинкар протиснулся мимо Сима и прошёл во внутреннее помещение. Свет костра сюда не проникал. Но не темнота заставила юношу заколебаться.

Когда Кинкар проходил врата чужаков, талисман, который был на нём, воспринял их энергию, и к его телу словно приложили раскалённое клеймо. Но здесь он почувствовал нечто совершенно иное.

Мягкое тепло, а не обжигающий жар. Но прежде всего возбуждающее, щекочущее ощущение жизни, обострения чувств, новая глубина сознания. И вера с праведность всего этого...

Сколько он простоял так, поглощённый ощущением благополучия? Время потеряло всякий смысл. Были позабыты костёр, необходимость раздобыть дрова, барабанная дробь дождя по крыше. Потом Кинкар всё-таки двинулся в

темноту, тёплую, живую, знающую, безопасную. Он чувствовал себя как ребёнок, закутанный в покров из шкуры суарда и спящий рядом с матерью.

Мрак отступил. Вернее, темнота по-прежнему стояла перед глазами, но у него открылось новое, истинное зрение. Пальцы его быстро и уверенно расстегнули куртку, потом кожаную рубашку. И в руках его засияла Связь. Она горела неярким синевато-зелёным свечением, как светится плодородная земля, покрытая молодой растительностью.

Перед ним располагался алтарь, квадратный каменный стол без резьбы, сделанный с той простотой, с какой делаются гробницы. Просто каменный стол. Но Кинкар видел такие и раньше, хотя никогда ему не приходилось пробуждаться и быть призванным к такому алтарю.

Поверхность стола нарушали три ямки, три небольших углубления. Кинкар остановился, прижавшись к камню. Ему не нужно было наклоняться, чтобы проделать со Связью необходимые движения. Связь — это ключ, который человеку разрешается применить только раз в жизни, и сам человек после этого становится иным.

— Лор! — он отчётливо произнёс Имя и опустил камень в углубление слева.

— Лой! — теперь справа.

— Лис! — в центр. И эхо Трёх Имен музыкой повисло в помещении.

Неужели на стене появились три огненных круга? Три головы, три лица, спокойных, нечеловечески серьёзных? Его мозг, усвоивший сотни легенд, должно быть, подвёл его. Он видел то, чего не могло быть.

Лор... Тот из Трёх, кто даёт силу человеку, кто направляет его руку с мечом... прекрасный юноша...

Лой... Тот, что даёт мудрость, силу разума... мужчина средних лет со спокойным лицом, на котором читаются ум и опыт...

Лис... Дающая дары сердца, приносящая детей в руки матерей, связывающая сердца людей дружбой. Неужели между двумя мужскими лицами женское?

Кинкар впоследствии никогда не мог описать увиденное. Он стоял на коленях, положив руки на алтарь; Связь ярко светилась в углублении, посвящённом Лис. Опустив голову, он коснулся постыдным знаком на лбу камня, но свечение Связи не ослабло.

И Кинкар уснул. Он видел много снов. Ему показывали такое, что он никогда не сможет вспомнить, проснувшись. Он понимал это в своём сне и был опечален. Но были причины для этой забывчивости, и он признавал их.

Наверное, этот алтарь давно не знал посетителей, в нём накопилась огромная сила и теперь она волной устремилась к Кинкару, поглотила его. Он изменился и в своём сне понимал это, сторонясь того, кем был раньше, как сторонился некогда смешанной крови.

Наступило утро. Серые каменные стены, плоский стол под головой с тремя небольшими ямками, в одной ямке камень с цепочкой. Кинкар встал и вышел, не оглядываясь на мёртвое помещение. Да, теперь оно было мертво. То, что оживило его ночью, исчезло, выдохлось.

11. Злополучная встреча

Странное чувство отчуждённости от повседневного мира прошло, когда Кинкар вышел во внешнее помещение святилища. Воспоминания о ночи гасли, ослабло ощущение единства с Тремя, ощущение их поддержки.

Почерневшее пятно на полу обозначало место, где он несколько часов назад разжёл костёр. Сим стоял у стены; защищённый от дождя и ветра, он грелся теплом собственного тела и был доволен. Когда Кинкар приблизился к нему, ланг открыл верхнюю пару глаз и пошевелил толстыми губами, предлагая поделиться припасами. Кинкар размял в руках дорожную лепёшку, и Сим слизал всё до последней крошки, а сам Кинкар поел совсем немного, скорее по обязанности, чем из чувства голода.

Буря набросила на весь мир хрустальную ледяную плён-

ку. Но солнце уже взошло, и было достаточно холодно, чтобы не опасаться новой неожиданной оттепели. За такими бурями, как вчерашняя, обычно следует хорошая погода. Но ледяная корка заставила Кинкара отказаться от езды верхом, он осторожно вернулся к старой дороге, и Сим послушно шёл за ним.

Действительно, очень давно никто не пользовался этой дорогой. Она быстро зарастала лесом, её поверхность разрывали корни, сквозь покрытие прорастали деревья. Но строители дороги не уступали в мастерстве тем, кто некогда соорудил крепость, и их работа была рассчитана не на один год. И лес ещё не вполне овладел дорогой.

По своему охотничьему чутью Кинкар знал, что направляется на запад, не отклоняясь к югу, как первоначально планировал. И так как забывая дорога его устраивала, он намерен был держаться её, чтобы проехать лес и выйти на открытое пространство, где придётся с большей осторожностью добираться до У-Сиппара.

День приближался к концу, когда деревья начали редеть и Сим пересёк последние кустарники на опушке леса перед морем. В сущности лес подходил к самому берегу океана. Но порт, к которому некогда вела дорога, теперь лежал в развалинах, лишённые крыш здания свидетельствовали о долгих годах воздействия бурь и дождя, а место, где когда-то находилась пристань, было обозначено одним-единственным столбом.

Но всё же жизнь цеплялась за этот участок берега. На песке вверх дном лежала лодка с недавно починенными бортами. А из хижины, сложенной из камней разного размера, тянулся дым.

Насколько мог видеть Кинкар, никакого сторожевого поста здесь не было. Ничто не свидетельствовало, что здесь командуют наёмники Тёмных. Он решил, что какой-то рыбак нашёл убежище в древнем порту, чтобы закинуть свою сеть в эти пустынные воды.

Кинкар опустил повод, и Сим самостоятельно шёл по

заросшей, покрытой почвой дороге, пробираясь между горами прошлогодней листвы. Осмотрев привычным взглядом здания, окна которых походили на глазницы черепов, Кинкар решил, что здесь когда-то разыгралась битва. Жители города сражались безнадежно, но решительно, отступая от дома к дому, от стены к стене. Даже многолетние дожди не смогли уничтожить следы огня. Расколотое дерево говорило о том, что двери и окна домов рубили топорами.

Неудивительно, что с того дня город был покинут. Наверняка немногие пережили разграбление, и если победитель решил не восстанавливать город... Наверное, его оставили как предупреждение и угрозу на веки вечные. На его собственном Горте купцы умело орудовали мечом. Им приходилось этому учиться: большинство торговых маршрутов протекает через пустынные местности. Торговцы не бросают вызов каждому встречному, но умело обороняются; многих честолюбивых владетелей крепостей, мечтавших обложить их незаконным налогом по причине прохождения торгового маршрута через их земли, они заставили отказаться от своих намерений. Если это был город торговцев, нападавшие не добились своего. Кинкару хотелось в это верить, хотя он не знал, что произошло здесь на самом деле, мог только догадываться.

Морские птицы, стервятники приливов, кричали над головой. Но если не считать лодки и струйки дыма из хижины, берег был лишён признаков жизни. Кинкар не знал, далеко ли он от У-Сиппара. Но это тоже порт, и ему теперь потребуется только идти вдоль берега, чтобы найти его. Однако куда идти, на север или на юг? Да и двигаться по ночам было бы неразумно. Заблудившийся путник по всем законам имел право попросить убежище на его Горте. Может, этот обычай существует и здесь.

Кинкар направил Сима к хижине на берегу. Больше всего его привлекала мысль о пище, которую могут готовить на этом огне. Рыбак, вероятно, живёт результатами своих трудов. Кинкар представил себе блюда, которые на

берегу должны быть обычными, но в горах считаются деликатесом, например, моллюски.

Когтистые ноги Сима ступали по песку бесшумно, но, должно быть, за Кинкаром всё время следили через одну из многочисленных щелей в стенах хижины. Прежде чем он смог спешиться или просто окликнуть тех, кто в доме, оттуда вышел человек, захлопнул за собой деревянную дверь и прислонился к ней спиной, словно готовый защищать её ценой собственной жизни.

В правой руке он держал оружие, которое Кинкар видел всего лишь раз, его как диковинку демонстрировал проезжий купец. Длинное древко заканчивалось зазубренным наконечником, напоминающим гигантский рыболовный крючок. В сущности так оно и было. Торговец наглядно показал изумлённым жителям Стира, как пользуются этим оружием. Брошенное опытной рукой, оно пробивает кольчугу и плоть, сбрасывая всадника на землю, где его можно ударить кинжалом или затоптать. А этот рыбак держал своё странное оружие так, что сразу стало ясно: он к нему привык.

Кинкар взял поводья Сима в одну руку, а другую поднял в старом универсальном жесте мира. Но на лице человека, в его мрачных глазах мира не ощущалось. Его одежда, несмотря на холодную погоду, представляла собой всего лишь грязные тряпки; руки и ноги, исцарапанные, с растрескавшейся кожей, оставались голыми, а худые щёки свидетельствовали о постоянном голоде. Если он добывал себе пищу в море, то не очень успешно.

— Я пришёл с миром, — медленно проговорил Кинкар, с уверенностью, с какой привык разговаривать с крестьянами Стира.

Ответа не последовало. Человек его словно не слышал. Только крюк поворачивался в руках, а мрачный взгляд не отрывался от всадника и ланга, словно это были не только враги, но и — пища!

Кинкар сидел неподвижно. Может, никакой это не

рыбак, а разбойник, доведённый до отчаяния. Таких людей нужно опасаться, потому что отчаяние приводит их на грань безумия; такого человека не останавливает никакая опасность. Кинкар почему-то был уверен, что если извлечёт меч, если хоть ненамного приблизит руку к рукояти, крюк взметнётся...

Но слабость подвела человека. Кинкар сжал колени, и ланг правильно истолковал движение рук противника, его напрягшуюся челюсть. Крюк, ударившись о плечо, застрял в складках плаща. Кинкар мгновенно дёрнул его и вырвал верёвку, привязанную к крюку, из рук противника, так что тот потерял равновесие и упал лицом в песок. Обезоруженный не издал ни звука. Он мгновение лежал неподвижно, затем с поразительной быстротой откатился и снова прижался спиной к двери хижины. Незнакомец стоял на коленях, прижимаясь к посеревшему от соли дереву, держа руками за раму и явно подставляя своё тело как преграду на пути Кинкара.

Кинкар высвободил крюк из складок плаща и бросил его на землю. Оружие теперь оказалось далеко от прежнего владельца, а самому Кинкару совсем не хотелось пускать его в ход. Но меч он не обнажил.

— Я пришёл с миром, — ещё раз твёрдо повторил он. Юноша надеялся, что это подействует на обитателя хижины, пробьёт туман его отчаяния. Кинкар снова протянул вперёд пустые руки. Вероятно, можно было уехать и найти убежище где-нибудь в другом месте. Но этот человек мог выследить его и устроить засаду на берегу. Теперь уже было поздно уезжать.

— Муррен?.. — раздался призыв изнутри хижины. Её сторож сжался ещё сильнее, быстро вертя головой по сторонам в тщетной попытке найти несуществующий путь для бегства.

— Муррен?.. — голос был тонкий, как крик призрачной морской птицы. Но что-то позволяло ему перекрыть шум волн.

— Я не причиню тебе вреда... — снова заговорил Кинкар. Он забыл, что на нём одежда стражника, на лбу ложный знак. Он знал только, что не сможет уехать — не только ради собственной безопасности, но и потому, что следовало узнать, что так отчаянно и безнадёжно пытался защитить рыбака, и кто зовёт из-за закрытой двери.

— Муррен?.. — в третий раз прозвучал тот же призыв. И кое-что ещё, какой-то глухой удар о дерево, словно тот, кто внутри, пытался освободиться. — Муррен... ты умер? — в голосе прозвучали истерические нотки, и человек как будто впервые услышал его. Он прижался щекой к дереву и испустил собственный хриплый стон, подобный рёву животного.

— Выпусти, Муррен... — просил голос. Удары о дерево стали громче. — Выпусти меня отсюда!

Но незнакомец упрямо оставался на месте, прижимаясь плечами к двери, как будто неповиновение приказу само по себе причиняло ему боль. Кинкар потянул повод, и Сим сделал шаг вперёд. Человек сжался, зарычал, глаза его стали дикими. Он, должно быть, узнал обученного для битвы ланга и ожидал, что вот сейчас когти начнут рвать его. Но остался на месте.

Он мог охранять дверь, но не всю хижину. Послышался звук раскалываемого дерева, и человек вскочил на ноги. Но слишком поздно, потому что из-за угла хижины показался другой. В такой же изорванной одежде, но между ними сразу видна была разница. Тот, что защищал дверь, был плотный, с толстыми руками крестьянина. Он мог быть зрителем лангов, стражником в какой-нибудь крепости, может, младшим офицером. Но никак не военным предводителем или наследником крепости.

А вот второй — совсем другое дело. Это явно был гортианин благородного рождения, насколько мог судить Кинкар, а не избитый раб. У него тоже силы подходили к концу, он покачнулся и одной рукой оперся о стену хижины. Тонкое юношеское лицо казалось истощённым и

измученным, но расправленные плечи выдавали привычку носить тяжёлую кольчугу.

Он остановился возле своего охранника, и оба повернулись к Кинкару, безоружные и вызывающие. Молодой человек откинул голову и заговорил:

— Ты нас поймал, слуга. Зови своих людей. Если ждёшь, что мы будем умолять о быстрой смерти, то будешь разочарован. Муррен не может просить. Да и не стал бы, если бы мог. А я буду так же безмолвен, как и он после ваших ножей. Пусть лорд Руд получит своё удовольствие полностью. Но даже Тёмный не может навсегда оттянуть смерть! — речь, начавшаяся вызывающе, закончилось с огромной усталостью в голосе.

— Поверь мне... я не служу лорду Руду, я не из его приспешников, — Кинкар пытался говорить как можно искреннее. — Я путник, ищу убежища на ночь...

— Кто может ждать, что слуга заговорит прямо? — в каждом слове слышалась усталость. — Хотя и не могу понять, какую выгоду тебе приносит ложь. Возьми нас, и покончим с этим!

Муррен положил руки на плечи юноши, пытаясь отодвинуть его назад, прикрыть своим телом. Но тот сопротивлялся.

— Всё кончено, Муррен. Свисти своих людей, слуга зла!

Кинкар спешил, протянул вперёд пустые руки.

— Я не охочусь за вами.

Наконец это дошло до юноши. Он прислонился к Муррену, держась за него рукой.

— Значит, ты не охотишься за нами, тебя не послали из У-Сиппара, чтобы загнать нас. Но тогда мы будем твоим даром лорду Руду. Надевай на нас ошейники и веди, и лорд Руд щедро наградит тебя.

Кинкар сделал жест, который, как он надеялся, смягчит их злость. Он достал из сумки походную лепёшку и сушёное мясо и бросил на землю между этими двумя. Лепёшка ударилась о ногу Муррена. Тот посмотрел на неё, словно

это была огненная стрела из оружия звёздных повелителей. Потом выпустил юношу, наклонился и поднял лепешку, удивляясь тому, что нашёл в обёртке.

Кусок лепёшки он сунул юноше в руку, а свой собственный голод выразил стонущим криком. Они набили едой рты. Кинкар был потрясён. Пленники, которых он помогал освободить на дороге, все, кроме Капала, были так заняты своими несчастьями, что почти не казались людьми. Он заботился о них, как заботился о Воркен, когда у неё было обожжено крыло, как заботился бы о Симе. Но эти двое никак не выглядели рабами, апатичными, подобными животным в своём принятии боли и унижения.

— Кто ты? — юноша одним махом проглотил лепёшку и теперь жевал мясо, разглядывая Кинкара, как сам Кинкар мог бы смотреть на лорда Диллана, занятого звёздным волшебством.

— Я Кинкар из Стира... — лучше не называть себя с'Рудом здесь. И всё время следовало помнить, что это не его Горт. Лорд Руд, тиран из У-Сиппара, вовсе не тот лорд Руд, который был его отцом.

— Стир... — юноша покачал головой. Это название явно ничего ему не говорило.

— В горах, — Кинкар приблизительно указал расположение Стира. Может быть, здесь такого селения вообще нет.

Юноша, по-прежнему держа в руке мясо, но словно позабыв о нём, подошёл и остановился прямо перед Кинкаром. Он изучал лицо полугортианина так внимательно, как будто намерен был на всю жизнь его запомнить. Потом коснулся пальцем знака и тут же убрал руку.

— Кто ты? — снова спросил он, на этот раз с властностью лорда.

— Я тебе сказал правду: я Кинкар из Стира... в горах.

— Ты очень смел, горец!

— Как это?

— Ты носишь это и одновременно не носишь... Нет, —

он покачал головой, — я ни о чём не спрашиваю. Не хочу знать, что привело тебя сюда. Мы можем быть опасны друг другу.

— А ты кто? — в свою очередь спросил Кинкар.

Тот ответил с сухой усмешкой:

— Тот, кто не должен был родиться. И который прекратит существовать, как только лорд Руд меня найдёт. А он нас найдёт обязательно, мы уже в конце пути с Мурреном. У меня нет имени, Кинкар из Стира, и тебе лучше забыть, что наши дороги скрещивались. Конечно, если не хочешь заработать хороший приём в У-Сиппаре, отвезя меня туда...

— А пока, — с намеренной небрежностью спросил Кинкар, — не пустите ли вы меня переночевать?

Если юноша готов был принять его — не как друга, а как небольшую помеху, — Муррен был настроен совсем иначе. Когда Кинкар сделал шаг вперёд, Муррен оскалил зубы, как морд в своей голодной улыбке. И тогда полугортианин импульсивно сделал то, что могло стоить ему жизни, но это была единственная демонстрация доброй воли, какую он смог придумать. Он повернулся, поднял крюк и послал его по песку и гравию к стражнику.

Муррен мгновенно наклонился, пальцы его сжали древяно. Но юноша так же быстро перехватил его руку.

— Не понимаю, как ты бросаешь кости в игре, — сказал он Кинкару, — но готов признать, что ты не будешь действовать, как другие с этим грязным знаком. Муррен, не этот!

Старший выразил хриплый протест, и в этот момент Кинкар испытал подлинный ужас: он увидел, что у Муррена был отрезан язык! Юноша отвёл его от двери.

— Если тебе нужно убежище, незнакомец, входи. Мы оба можем помолчать.

У них не было еды, зато был огонь, и в хижине оказалось теплее, чем снаружи, и в любом случае за стенами безопасней. Кинкар привязал поблизости Сима и покормил его. Муррен не отходил от него и не расставался с крюком.

Только власть юноши не позволяла ему воспользоваться оружием. Когда все трое вошли в хижину, Муррен остался у двери, он неотрывно смотрел на Кинкара, ожидая малейшего ложного движения.

Но Кинкар только радовался так кстати подвернувшейся возможности сесть у костра из плавника, он надеялся со временем кое-что разузнать у своих случайных знакомых. Слова юноши о лорде Руде ясно говорили, что за ними охотятся как за преступниками, но они знают У-Сиппар и могут направить Кинкара к нему. Однако надо было так задать вопросы, чтобы не вызвать подозрений.

А Кинкар не изучал специально разум человека. Нужно быть лордом Дилланом или леди Астар, чтобы развеять опасения собеседника и заставить его свободно говорить. Времени для этого у него было очень мало. Странно, но начало положил юноша.

— Ты едешь в У-Сиппар?

— Да...

Юноша рассмеялся.

— Ты не мог явиться оттуда. Нас ищут. Следи за тем, что говоришь... и как едешь, человек из Стира. Морды лорда Руда проголодались, и им скормливают тех, кто не может объяснить свои действия.

— Даже тех, у кого это? — Кинкар указал на свой лоб.

— Теперь, может быть, даже этих. Тайна стала известна в У-Сиппаре, — губы юноши дёрнулись, на лице его появилась улыбка, которая не была улыбкой. — Хотя все узнавшие тайну убиты, раздавлены, как сапогом, лорд Руд в этом не уверен. Много дней и ночей будет он допрашивать всех подряд. Подумай трижды, прежде чем приехать в город без правдоподобной истории, Кинкар.

Сделал ли он ударение на слове «трижды»? Кинкар решил рискнуть. Он протянул руку к костру; пальцы его, отчётливо видные в красном свете, сделали определённый знак.

Юноша ничего не сказал, может быть, не понял. Лицо

его приняло бесстрастное выражение, он довольно долго сидел молча. Потом протянул правую руку и дал правильный ответ.

— Тем более тебе нужно сторониться У-Сиппара.

Но предупреждение это запоздало. Сим не обладает острым зрением Воркен, но всё равно он чувствительней людей. Он крикнул, как кричит самец ланга, бросая вызов другому самцу. Все трое вскочили на ноги.

— Злополучная была встреча, человек из Стира, — прошептал юноша. — Тебя захватили вместе с нами. Но ты ещё можешь спастись... — он напряжённо ждал, и Кинкар догадался, о чём он думает.

Заявить, что эти двое его пленники. Конечно, этим можно заслужить милость. Но он достал из-за пояса кинжал и бросил его безоружному юноше, который ловко поймал клинок в воздухе.

— Посмотрим, для кого злополучная! — ответил Кинкар.

12. Встреча с лордом Рудом

Кинкар подумал, что нет смысла оставаться в хижине, дожидаясь, пока их выкурят, как мальчишки выкуривают кау-крысу из норы. Для боя на мечах нужно место. Ему пришлось отодвинуть Муррена, чтобы выйти. Юноша последовал за ним. Лишённый языка по-прежнему лепетал протесты, когда они вышли в сумерки.

Но света оставалось достаточно, чтобы увидеть, что их везение кончилось. Хижину окружили всадники, все держали наготове копья. На Симе Кинкар мог бы вырваться на свободу. Его ланг хорошо выучен и быстр, на нём можно уйти от погони. Однако Кинкару не пришло в голову покинуть этих двоих.

Но Муррен ждал такой возможности, доказав, что он не крестьянин, а воин. Это он прыгнул на голую спину Симе и, наклонившись, подхватил юношу. Ударил его кулаком в

подобородок, и юноша обвис. Муррен бросил хозяина себе не колени и поскакал в глубь суши, размахивая крюком. Он понёсся прямо на стену всадников. Неожиданность и ярость нападения поразили не только всадников, но и Кинкара.

Крюк взметнулся, опустился. Ошеломлённый всадник упал, в стене образовалась брешь. Муррен воспользовался ею, Сим прыгнул, как загнанный суард. Послышались крики офицера, и несколько всадников устремились в погоню.

А четверо или пятеро оставшихся направились к Кинкару, который стоял у хижины, напряжённо ожидая их действий. Может, удастся отговориться, сказать, что Муррен и юноша были его пленниками, но сумели убежать? Но факты говорили сами за себя. Муррен был вооружён и сумел воспользоваться Симом.

Копья против меча. В лучшем случае неравный бой. Кинкар скатал плащ, готовый отвести от себя острие копья. Если бы встреча происходила ночью, у него оставалась бы слабая надежда скрыться в темноте. Но они преградили ему дорогу к морю, уплыть не было никакой надежды, а ближайшие развалины старого города лежали за большим куском открытой береговой полосы. Однако сдаваться без боя — об этом он и думать не хотел.

А они этого ждали. Ближайший воин окликнул его.

— Опусти меч, незнакомец! Мир Богов между нами...

Не мир Трех, но мир Богов. Ложных богов. И такое предложение ничего не значит. Кинкар не ответил.

— Заколоть его! — проворчал один из копейщиков.

— Нет! — возразил другой. — Лорд Руд захочет поговорить с человеком, встреченным в обществе... — он смолк, словно опасаясь, что сказал лишнее. — Надо захватить этого пленника, если не хочешь, чтобы лорд Руд поговорил с тобой, слабоумный!

К нему направились с трёх сторон. В одного Кинкар бросил плащ, мечом отвёл удар копья. Но тут перед ним встал на дыбы ланг, разрывая воздух когтями. Кинкар

бросился в сторону и упал на колено. И прежде чем смог встать, тупой конец копья ударил его в спину, воздух вырвался из лёгких, и юноша упал на песок. Через мгновение все набросились на него, прижали лицом к песку и камню, связали руки за спиной. Потом ненадолго оставили, кашлявшего и задышавшегося, а сами стали совещаться.

Какое-то время Кинкара занимало только одно трудное дело — дыхание. Он ещё не успел отдышаться, как его подняли и грубо бросили на загровку потного ланга.

Кинкар совсем замёрз во время ночной поездки, у него не было плаща. Всадники были как будто хорошо знакомы с дорогой, если решились ехать ночью. Или так боялись своего господина, что торопились доставить ему сообщение. Но путешествие головой вниз не способствует логическому мышлению или обдумыванию планов на будущее. К концу пути Кинкар едва не потерял сознание. Когда его сбросили с ланга, он был вял, как пара седельных сумок.

Сквозь туман он ощутил тупую боль. Кто-то сапогом перевернул его на спину. В глаза ударил ослепительный свет.

— ...он?

— ...знак...

— Чей человек?

Отрывки вопросов, не имеющих смысла. И приказ:

— Заприте его в камеру и доложите. Если он был с парнем, лорд Руд должен об этом узнать.

Его не стали ставить на ноги. Просто схватили за руки и потащили по каменному покрытию, потом вниз по лестнице. Кинкара окутало зловоние влажного подполья и глубокая тьма. Его толкнули, так что он прокатился ещё дальше по нескольким ступенькам. Потом гроыхнула дверь, и свет совершенно пропал.

Молодой гортианин упал неловко, ноги оказались выше головы, и он постарался занять более ровное положение, цепляясь ногами за ступеньки. Всё тело болело, голова

кружилась от поездки, к тому же Кинкар онемел от холода. Но серьёзных ран не было, и скоро он снова смог рассуждать логично.

Они упомянули лорда Руда, так что, по-видимому, он находился в У-Сиппаре. И появился здесь в самом худшем положении: задержанный в обществе беглецов, которых разыскивает местный правитель. Его знак заметили, но то, что он фальшивый, не обнаружили, так что у него оставалась ещё возможность выдать себя за слугу лорда, живущего где-нибудь далеко. Очень слабая надежда, но это всё, на что он мог рассчитывать, и Кинкар принялся сочинять свою легенду, проверяя её слабые места.

Когда эту легенду сочиняли в крепости, никто не думал, что ему придётся встретиться лицом к лицу с Тёмным. Он должен был под видом слуги, ищущего найма, проникнуть в У-Сиппар. В его сумке имелось достаточно добра, чтобы он мог не торопиться и поискать службы повыгоднее. От крепости и дежурных стражников ему следовало держаться подальше. А он оказался в самом сердце места, которого должен был опасаться.

Предположим, лорд Руд — местный лорд Руд — не хуже Диллана умеет обращаться с человеческим мозгом. Или может призвать тех, кто умеет это делать. Впервые у Кинкара появилась новая мысль. Если на этом Горте есть лорд Руд, почему бы не быть и лорду Диллану? Каково будет встретить другого лорда Диллана? Эта мысль начала медленно поворачиваться в сознании Кинкара.

Он сказал себе, что должен всегда помнить: эти звёздные повелители совсем не те, кого он знает, и внешнее сходство не должно его обманывать. И ещё оставалось доказать, что догадка лорда Диллана верна, что у людей могут быть двойники-соответствия на других мирах.

Время в темноте измеряется не минутами и часами. Оно измеряется холодом, растущим голодом, болью в затёкших руках и во всём теле. Кинкар прополз по полу, пока не наткнулся на стену, и потом, затратив бесконечное коли-

чество энергии, встал. Теперь он мог движениями бороться с холодом, чтобы в лучшей форме встретить испытание, которое, несомненно, его ожидало.

Держась за стену, он обошёл свою камеру. Никакой мебели, только в одном углу ворох гнилой соломы, вероятно, постель многих несчастных, которые побывали здесь до него. Кинкар снова подошёл к ступенькам. И посидел на них, пока холод опять его не поднял.

Кинкар не считал, сколько раз он начинал ходить, отдыхал, снова обходил камеру. Но юноша сидел, когда дрожь в камне подсказала ему, что идут тюремщики. Он встал и повернулся лицом к двери. Та распахнулась, ударились о стену, и свет ринулся на него сверху, снова ослепив.

— Ты на ногах, подонок? — послышался голос, в котором прозвучала усмешка, более зловещая, чем проклятие. — Ведите его, и пусть старшие определяют, не пора ли его свежевать!

Из-за света показались фигуры, Кинкара схватили и потащили вверх по лестнице и в каменный коридор. Снова ступеньки, потом дневной свет. Они вышли во двор.

Люди, которые вели его, были обычные стражники, с тупыми грубыми лицами, с мутными глазами, в которых не разглядишь и искры разума. А их офицер — человек огромного роста. Кинкар чуть было не решил, что это звёздный повелитель, но потом различил гортианские черты лица и дьявольский знак на лбу. Офицер улыбнулся, продемонстрировав отсутствие многих зубов, и склонился к Кинкару, так что тот ощутил его зловонное дыхание. Большая рука впиалась в волосы пленника и болезненно запрокинула голову.

— Знак правильный, — заметил гигант. — Но ты обнаружишь, что он тебя не спасёт, мальш.

— Приколоть его, Сууд? — спросил один из стражников.

Гигант выпустил Кинкара и открытой ладонью ударил спросившего по лицу, так что тот покачулся и даже опёрся о пленника.

— Попридержи язык, грязь! Приколешь, когда прикажет Сууд, но не раньше. Он сам будет просить об этом, прежде чем мы поднесём к нему сталь, будет! Нет, помёт ланга, сейчас он пойдёт в зал! Ты его туда отведёшь! И ты знаешь, что тот, кто там, не любит ждать!

Человек, которого он ударил, плюнул кровью. Но не протестовал против грубого обращения, даже не бросил вслед развернувшемуся Сууду возмущённый взгляд. Кинкара провели по двору и втолкнули в другую дверь.

Пройдя под грубой каменной аркой, они оказались в совершенно другом мире. Тут не было ни камня, ни гобеленов, которые в крепости Стир покрывают каменные стены и спасают от холодных сквозняков. По обе стороны тянулись гладкие стены, матово блестящие, как лезвие меча. Как будто металлические. И на их серой поверхности непрерывно пробегали радужные сполохи. Если присмотреться, можно было увидеть, что они образуют бесконечные и постоянно меняющиеся причудливые изображения.

Ничего подобного Кинкара не видел, ни о чём таком не слышал. Он решил, что это рождено чужеземным волшебством звёздных повелителей. Но постарался не проявлять удивления. Если он хотел показаться слугой лорда, ищущим нового хозяина, такие картины должны быть ему знакомы.

Перед ними возник занавес из мерцающего материала. Стражники не коснулись его, но тот сам разошёлся, пропуская их. Они оказались в просторном помещении. Солнце заполняло его, лучи проходили сквозь кристаллы, расположенные в сложном рисунке на крыше. От кристаллов на полу играло множество радужных отблесков. Через равные промежутки в стенах располагались несколько дверей, все закрытые такими же занавесами из мерцающей ткани, а в центре в полу зияла квадратная яма и возле неё стояли несколько скамей. На ближайшей к Кинкару скамье неподвижно сидели два гортианина. Было хорошо видно, как

они напряжены. Они походили на крестьян, которых пригласили к столу лорда по какому-то его капризу, и которые не знают, что ждёт их дальше. Они не поворачивали головы, не взглянули на Сууда и остальных вошедших в зал — но неотрывно смотрели на человека по другую сторону ямы, как ученик смотрит на мастера, преподающего урок фехтования.

И даже Сууд здесь, несмотря на свой гигантский рост, выглядел незначительным. Больше не буйный горлан, которого нужно бояться, а слуга, послушный могучему лорду. Он осторожно подошёл к занятой скамье и остановился в ожидании приказа.

Владыка крепости, которого так боялись стражники и по сравнению с которым Сууд казался малышом, лениво лежал на диване по ту сторону ямы. Лежал он вытянувшись на мягкой обивке, голову положил на скрещенные руки и смотрел куда-то вниз. И ошибиться в том, кто он по рождению, было невозможно. Этот человек — звёздной крови.

До сих пор Кинкар видел чужеземцев только в серебристой одежде, в простом платье, предназначенном для повседневного употребления. Этот же человек носил одежду из какого-то лёгкого материала, под которым хорошо видна любая игра мышц. Он был массивен, как лорд Диллан, но чёткие прекрасные линии тела Диллана здесь расплывались, словно кто-то сделал копию по той же форме, но не рукой мастера. Побородок не твёрдый, а смягчённый, и губы мягкие. Но самое чуждое — волосы, тёмно-рыжие, густые и прямые.

У Кинкара было время всё это разглядеть, потому что Тёмный лорд внимательно смотрел в яму. Наконец оттуда послышался тонкий писк, лорд рассмеялся и сильнее наклонил голову, чтобы видеть лучше.

— Прекрасно! — он словно оценивал дуэль воинов. — Я опять выиграл, Кальпар!

Оба сидевших на скамье гортианина согласно поддакну-

ли. Но смотрели они не в яму, а на лорда. Но вот лорд поднял голову — и увидел Сууда.

— А, Сууд... — голос у него был богатый, почти ласковый, но Кинкару неожиданно стало холодно, как будто он босиком вошёл в ледяную воду. Перед ним оказалось нечто такое, чего он никогда не встречал раньше. Он благоговел перед лордом Дилланом и ещё больше — перед леди Асгар. Восхищался лордом Бардоном, как воин восхищается знаменитым вождём. Но никто из них не производил такого путающего впечатления, ощущения, что ты для этого человека меньше ланга. В этом человеке не чувствовалось даже простого интереса, какой может вызвать морд; Кинкар для него — незначительнее обученного животного.

Но одновременно Кинкар ощутил волну жара, внутреннее тепло, словно Связь снова восприняла волшебную энергию звёздных повелителей. Возможно, на этом Горте туземцы привыкли к такой оценке себя. Но он не привык. Кинкар смело посмотрел на Тёмного лорда, стараясь держать под контролем и своё отвращение, и вызов.

— Так что у нас тут, Сууд... — раздалось мурлыканье из-за ямы.

— Он был захвачен в убежище т е х, лорд.

— Тот, что помог им бежать, да. Подведи поближе героя...

Кинкара толкнули вперёд, на самый край ямы. Но те, кто толкал его, остались позади, прячась за ним от внимания своего владыки.

— И кто же ты такой? — лорд обратился непосредственно к Кинкару.

— Я с гор, лорд... Кинкар из Стира, который служил лорду Симону... — он выбрал лорда, который был хозяином пленённого стражника, надеясь, что сделал правильный выбор.

— И почему, мой добрый слуга, ты оставил службу у лорда Симона?

— Была ссора, лорд. Я убил человека, но у него остались братья, они поклялись отомстить...

Лорд Руд рассмеялся.

— Не везёт тебе, Кинкар из Стира. Сначала убиваешь человека, у которого есть готовые отомстить братья, потом совершаешь очень долгое путешествие, только чтобы вмешаться не в своё дело и быть доставленным в У-Сиппар. Скажи мне, Кинкар из Стира, почему ты подружился с этими едоками грязи, которых встретил на берегу?

— Лорд, я ничего о них не знал, они сказали, что спасаются от кровной вражды...

— О н и сказали? Но мне кажется, один из них не способен говорить, или у него чудесным образом отрос отнятый орган?

— Это сказал молодой человек, лорд, — поправился Кинкар. Он хорошо понимал, что лорд Руд играет с ним, что рано или поздно чужак прикажет прикончить его.

— Итак, они бегут от кровной вражды? Неплохо придумано. Но они обнаружат, что от вражды уйти невозможно. Они в моих руках, как и эти...

Он указал на яму, и Кинкар впервые заглянул в неё. И увидел гортианский пейзаж в миниатюре: ручеёк, деревья не выше его пальца, поляну, которую он мог бы накрыть ладонью. Но вода текла по-настоящему, деревья и трава выглядели вполне живыми, и какие-то существа там передвигались. На поляне пасся суард размером с жука. А на утоптанном участке лежал...

Кинкар глотнул. Велико звёздное волшебство — но такое! Он не верил собственным глазам. Внутренние люди гор — карлики, но тогда кто же эти существа? Люди по форме, люди в своей смерти, но они не могли быть людьми! И тут юноша понял, что изумление выдавало его, потому что лорд Руд внимательно наблюдал за ним.

— Я почти готов поверить, что ты никогда раньше не видел «мальшей», Кинкар из Стира, — послышался его ласковый голос. — Но я знаю, что лорд Симон содержит отличный набор крошек, и войны в яме часто его забавляют. Как странно, что об этом не знают его люди! Наверное,

следует ещё раз спросить тебя, и спросить убедительно, кто ты такой и что делаешь в У-Сиппаре, Кинкар из Стира. Для верного слуги ты оказался в дурной компании, твоё прошлое не совсем ясно, и это ещё не всё. Далеко не всё...

— Лорд, не все, кто служит твоему величию, допускаются во внутренние помещения, — Кинкар ухватился за довод, который мог спасти его. — Я не вождь, не капитан, я всего лишь молодой воин. И не моё дело, чем развлекаются старшие.

— Быстро соображаешь, это точно, — лорд Руд зевнул. — Сообразительные туземцы — это хорошо. Сууд, перед нами загадка...

Гигант буквально дрожал в своём стремлении услужить, как дрожит морд перед тем, как его выпускают на охоту.

— Да, лорд. Пригвоздить его?

— Сууд, Сууд! — лорд рассмеялся. — Ты всегда торопишься. Изломаешь человека, а потом добиваешься ответа от кровавых ошмётков. Нет, Сууд, тут не только сообразительность, но и кое-что ещё, — лорд Руд помолчал. Глаза его, тёмные, жёсткие, с внутренним огнём, устремились на Кинкара. — Интересно, очень интересно. Может, Симон случайно ошибся в темноте? — он негромко рассмеялся, словно эта мысль его позабавила. — Не пригвоздить, Сууд. Во всяком случае пока ещё нет. Как я устал вечно жить в стенах. Мне нужно развлечься. Уведи этого Кинкара, но держи его в хороших условиях, чтобы он был в форме, Сууд. Когда я призову его снова, он должен быть цел душой и телом. А тебе, Кинкар из Стира, тем временем лучше подумать о своей совести, вспомнить, сколько раз ты искажал правду ради собственной выгоды, потому что у нас ещё будет время для вопросов, и тогда мне потребуются правдивые ответы! Да, я получу их, Кинкар из Стира. Ибо разве я не бог?

Он получил передышку, пусть небольшую. Кинкар ухватился за эту мысль. Каждый выигранный час — для него небольшая победа. Он представляет проблему для лорда Руда, и пока он продолжает интересовать соскучившегося

правителя, можно будет надеяться на некоторую безопасность.

К тому же, выйдя из помещения с радужными гобеленами во двор, Кинкар облегчённо вздохнул. Сууд не вернул его в мрачное подземелье, в котором он оказался после прибытия. Юношу провели по лестнице в комнату на верху башни. Хотя она тоже была голая, но всё же с примитивной кроватью, столом и скамьёй и могла бы служить жильём младшего офицера. Руки ему развязали, на стол поставили грубую еду, потом ушли. Потирая запястья и морщась от боли, вызванной возобновлением кровообращения в посиневших распухших руках, Кинкар подошёл к окну и взглянул на У-Сиппар.

13. Испытание мордом

Может, потому что смотрел он под необычным углом, не снизу вверх, а сверху вниз, на крыши и башни, У-Сиппар показался Кинкару нереальным городом, в котором, как во сне, самое естественное и обычное сочетается со странным и причудливым. Крепость окружали древние каменные здания, работа коренных гортиан, которые своими башнями и наклонными деревьями-крышами устремлялись к звёздам ещё до того, как звёзды с такими катастрофическими последствиями спустились к ним сами. А рядом поднимались совсем другие сооружения, наросты явно чуждого происхождения. Их было немного, но достаточно, чтобы исказить общие очертания У-Сиппара, превратить город в нечто извращённое и позорное.

Да и сама крепость представляла собой часть этого смещения, чудовищный гибрид, скорчившийся на искусственном холме, так что тень его с восходом и заходом солнца угрожающе накрывала теснящиеся внизу дома. Основание крепости было каменным, остальное — новое. Эта вторая половина металлически блестя, холодно, гладко, как меч, нацеленный в небо.

Кинкар насчитал четыре... нет, пять почти одинаковых сооружений в У-Сиппаре. Они не могли все сразу служить жилищами лорда Руда. Но в каждом ощущалось звёздное волшебство. Самое дальнее от него здание было расположено прямо на берегу, так что морские волны лизали его основание. И хотя в гавани стояло немало кораблей, которые обычно проводят холодное время года в порту, когда опытный моряк не решится выйти в капризные воды, ни один корабль не покачивался вблизи башни. Кинкар не мог догадаться, с какой целью она сооружена.

Осмотрев У-Сиппар, вернее, ту его часть, что была видна в узкое окно, Кинкар занялся более неотложным делом: стал искать пути побега, и не только из этой комнаты, но и вообще из крепости. Окном воспользоваться не представлялось возможным. Разве что удастся уменьшиться до размеров Воркен и вдобавок заполучить её крылья. Единственная попытка показала, что дверь надёжно закрыли снаружи. Осмотр кровати лишил надежды, что её удастся разобрать и использовать прутя как импровизированное оружие. То же самое оказалось справедливым для стола и скамьи. Верхнюю куртку с нашитыми на ней металлическими кольцами и пояс у него отобрали, так что не осталось не только оружия, но даже ножен. И так как он не герой из сказаний кузнецов песен, он не мог выйти и при помощи испытанного заклинания.

Но есть-то он мог. Подойдя к столу, Кинкар этим и занялся. Пища была грубая, такую подают рядовым стражникам. Но это была не тюремная баланда, и он до последней крошки прикончил чёрствый хлеб и допил кислый франгаловый сок. Потом лёг на кровать и постарался оправдать мнение лорда Руда о своей сообразительности.

Лорд Руд! Чем он походил на человека, каким был его отец на альтернативном Горте? Странно... Кинкар взял в руки Связь. Могло ли изменение в истории привести к изменению характера человека? Лорд Диллан говорил, что могло. Этот лорд Руд не мог быть человеком, похвалы

которому он слышал в крепости. Здесь правил испорченный злой властелин, несущий страх и смерть; от него несло злом по всей крепости.

Кинкар подумал, что произойдёт, если Тёмный узнает правду. И в то же мгновение понял, что никакое действие, никакое предательство не может для него быть опасней. Что бы ни случилось с Кинкаром из Стира, он не должен говорить того, что знает, сколько сможет продержаться.

Сбежали ли Муррен и юноша? Сим лучше любого ланга, каких он видел у пленивших его солдат. Отчаянный рывок Муррена, прорвавший кольцо, дал ему необходимое преимущество. К тому же Сим отдохнул и поел, а ланги стражников устали к концу долгого перехода. Бегство сымпровизировал Муррен, юноша не оставил бы Кинкара в руках слуг лорда Руда. Но беглецы из-за знака на его лбу могли подумать, что Кинкару не грозит опасность. В каком преступлении обвиняли этих двоих? По тому немногому, что он услышал, это должно было быть серьёзное преступление, способное поднять весь У-Сиппар на ноги. Кинкар пожалел, что обитатели крепости не встретили беглецов раньше.

И вот, вместо того, чтобы заниматься планированием побега или собственной линии поведения, он переходил от одной мысли к другой, пока наконец не уступил усталому телу и не уснул, а снаружи небо над У-Сиппаром потемнело, наступила ночь; о Кинкаре из Стира словно забыли.

Разбудил его знакомый крик. Кинкар некоторое время безмятежно глядел в потолок, уверенный, что лежит на своём матрасе в Стире. Резкий пронзительный крик доносился из птичьего питомника на верху сторожевой башни: несомненно, это Воркен восстанавливает свою власть над непокорными. Воркен уверенно правила птичником Стира, остальные морды опасались бросать ей вызов.

Воркен! Вспомнив, Кинкар сел. Воркен исчезла, и Стир далеко, не за морями, а ещё дальше! На полу его тюрьмы белело квадратное солнечное пятно. Должно быть, утро

уже подходило к концу. И во время сна к нему заходили, потому что на столе стояли тарелка и кувшин, оба полные. Очевидно, лорд Руд ещё не принял решения относительно Кинкара и его люди продолжали выполнять приказ хорошо содержать пленника.

Кинкар поел по обязанности. Не имело смысла верить, что его всегда будут содержать в таких условиях, и лучше было есть, пока дают. Опять принесли самую обычную пищу, но сытную, предназначенную для насыщения людей, которым предстоит трудный бой.

Пережёвывая хлеб, он ещё дважды слышал вызывающий крик морда. Но в окно ни одного не видел. Птичник, должно быть, располагался на верхушке той же самой башни, в которой содержали его, но морды, взлетая, всегда устремляются прямо вверх. Крик заставил его беспокойно расхаживать по камере; проходило время, солнечное пятно медленно передвигалось по полу, и нетерпение Кинкара росло.

Не было сомнения в том, что лорд Руд готовит для него что-то неприятное. Почти ничего не зная об У-Сиппаре, об этой крепости, Кинкар ничего не мог предпринять в свою защиту. В руках Сууда он не больше чем ребёнок, и гигант с радостью воспользуется возможностью унижить его физически. А что касается ума — кто может соперничать в уме со звёздными людьми?

Солнечное пятно исчезло. Кинкар снова подошёл к окну, разглядывая город. И в это время отворили дверь. Он увидел Сууда и тех двоих, что привели его сюда накануне.

— Выведите его! — приказал Сууд подчинённым с высокомерием звёздного повелителя, как он его понимал. И стоял, облизывая губы, пока двое остальных не связали Кинкару руки и толкнули к двери, заставляя двигаться.

Когда юноша проходил мимо Сууда, гигант протянул руку и остановил его. Его пальцы впились в тело, Сууд ощупал его, как человек, покупающий ланга. И невозможно было увернуться от этой хватки.

— Неплохое мясо, — заметил Сууд. — Небесным дьяволам достанутся не одни кости.

Двое его подчинённых нервно рассмеялись, словно хотели поддержать хорошее настроение офицера. Но никто из них ничего не добавил к словам Сууда.

Они спустились по лестнице и пересекли двор. Большинство тех, кто их видел, присоединялись к ним. И они направились не к внутренней части крепости, а к другим воротам, а оттуда вышли на дорогу, миновав три кольца стен со сторожевыми башнями и бастионами.

Крепость У-Сиппара располагалась не в центре города; она занимала узкий перешеек уходящего в море полуострова. Очевидно, те, кто первоначально сооружал город, не ждали опасности из океана, но хотели, чтобы между их домами и сушей существовала прочная преграда. И вот отряд вышел из крепости на широкое открытое поле.

Поле было замечено снегом, но сугробы хорошо сгладил ветер. Оно отлично подходило для военных маневров или для устройства зрелища. Кинкар подозревал, что его ждёт второе. По краям поля собрались гортиане, вооружённые всадники держали центр незанятым.

Когда отряд с пленником свернул с дороги, на поле прибыли последние зрители. От верхней части крепости вниз устремился летающий предмет. Без крыльев, не живой, но какое-то волшебство держало его в воздухе, и он парил на высоте человеческого роста, на высоте роста звёздных повелителей, над головами. Сделав круг, он пролетел над туземцами, которые упали на землю лицом вниз. Потом перелетел к Кинкару и его охране. В одном из кресел сидел лорд Руд, в другом...

Кинкар был предупреждён, но до этого момента не мог поверить! Это был лорд Диллан! Нет, свирепо сказал себе Кинкар, это не лорд Диллан из крепости! Лорд Диллан э т о г о мира! Не будь он подготовлен, Кинкар выдал бы себя. Лорд Руд улыбался ему сверху вниз, и эта улыбка, весёлая, очаровательная, была холоднее зимнего воздуха, в котором дыхание вилоь белым паром.

— Хороший предметный урок, брат, — заявил лорд Руд своему спутнику.

Но лорд Диллан наклонился и внимательно разглядывал Кинкара. И заговорил глубоким голосом, резко отличавшимся от голоса Руда:

— Он не слуга.

— На нём знак...

— Это не настоящий знак. Ты! — лорд Диллан обратился к Сууду и бросил гиганту небольшую шкатулку, которую достал из-за пояса. — Нанеси на ткань и попробуй стереть знак.

Сууд оторвал край рубашки Кинкара, окунул ткань в мазь и стал яростно тереть лоб пленника. Клеймо, выдержавшее дождь и небрежное обращение с того времени, как его нанесла леди Асгар, поддалось. Изумление Сууда перешло в торжество, а лорд Диллан — этот лорд Диллан — удовлетворённо кивнул.

— Как я тебе и сказал, брат, это не наш человек. Следует допросить его. Если кто-то посмел нанести этот знак, посмеёт и на большее. А его преступление относительно незначительное. Ну и что с того, что его застали в обществе бежавших рабов? Разве преступники не собираются вместе, чтобы нам удобнее было схватить их? Или было что-то особенное именно в этих рабах?

Он пристально посмотрел на брата. Лорд Руд покраснел, но высоко поднял голову.

— Ты правишь в Ярте, брат. Я — в У-Сиппаре. Я тебя сюда не приглашал: ты приехал по собственному желанию. Во владениях другого лорда не стоит задавать вопросы об его правосудии. Это разбойник, он пришёл на мою землю, чтобы разузнать, как помочь отребью, скрывающемуся в горах. Я так поступлю с ним, чтобы его примеру никто не смел последовать. Сууд, готовься!

Под его управлением флаер поднялся выше в воздух, так что лорду Диллану пришлось схватиться за сидение; потом машина повернула в сторону и вновь неподвижно зависла.

Но Кинкару было не до действий лорда Руда и его брата, потому что стражники принялись срывать с него одежду. Куртку его разрезали, чтобы снять, не развязывая рук, так же поступили с рубашкой. Но вдруг тот, кто срывал её, остановился с округлившимися глазами и торопливо отступил.

Сууд тоже увидел талисман на груди Кинкара. Рослый человек стоял, шевеля губами, словно ему не хватало воздуха, тёмное пятно появилось у него на горле и поползло на щёки. На этих людях стояло клеймо, которое отлучает их от Связи, но страх перед талисманом у них сохранился так же, если не больше, как и у истинных верующих. И у Кинкара появилось ощущение, что он обладает над этими людьми властью, тем более что они сами отказались от всего, что символизирует Связь.

Но гигант был сильным человеком, гораздо сильнее того, кто срывал с Кинкара рубашку и уже обратился в паническое бегство. Младший стражник просто отбросил обрывки рубашки и слепо побежал по полю.

Его товарищ реагировал не так сильно, но тоже убрал руки подальше от пленника — Кинкар как будто превратился в раскалённый уголь — и отшатнулся, полными ужаса глазами глядя на молодого гортианина, словно ожидал, что тот вот-вот отбросит маскировку и предстанет каким-нибудь чудовищем. Однако когда рука Сууда медленно потянулась к талисману, чтобы сорвать круглый камень, и второй стражник громко закричал.

Только Сууд сохранил храбрость. Нужно быть очень уверенным в себе, чтобы командовать бандитами из крепости У-Сиппар. И своё положение на службе у лорда Руда он завоевал не только благодаря росту и огромной силе. Теперь ему предстояло иметь дело с человеком, против которого не решится выступить ни один гортианин из сотен, из тысяч. Сууд нёс клеймо, и тем не менее он готов был положить руку на Связь. Это был не просто головорез из барачков, он гораздо более опасен.

— Именем Лора, Лоя и Лис, — продекламировал Кинкар, — подумай, что ты делаешь, Сууд.

Мягкое тепло, которым ответил камень на упоминание Трёх Имён, подсказало Кинкару, что тот жив. Юноша не мог догадаться, что сделает талисман с заклеянным, потому что, насколько ему известно, на Горте его рождения подобного просто никогда не бывало.

На краю шлема Сууда повисли маслянистые капли; он оскалился улыбкой черепа. Пальцы его приблизились. Вокруг все смолкли. Ветер стих; не было слышно ни одного удара ноги ланга по земле. Жители У-Сиппара застыли, но не от холода.

Сууд сделал последнее усилие. Он схватил камень и потянул, так что Кинкар пошатнулся, цепь врезалась ему в шею. Тем не менее цепь не порвалась, и камень снова упал на кожу Кинкара, опалив её нестерпимым жаром, но тут же мгновенно остыл.

Офицер Руда стоял неподвижно, согнув пальцы, словно всё ещё держал в них Связь. Ещё секунду простоял он так, потом, прижав к себе руку, заревел от боли и ужаса, как раненый зверь, потому что пальцы его почернели и сморщились, это больше не было человеческой рукой. Но будучи Суудом, он, даже страдая, стремился убить. Левой рукой он неуклюже выхватил нож и начал слепо рубить им, потому что слёзы заливали ему глаза.

Боль обожгла плечо Кинкара; потом острие ножа коснулось Связи. И на этот раз Сууд закричал, и крик его был слишком высоким и тонким для столь мощной глотки. Нож выпал у офицера из руки, он покачнулся, тряся головой, и поднял руки — одну чёрную, обожжённую, другую красную, словно освежёванную.

Он был сильно ранен, но слепая ненависть к Связи — к человеку, носителю этой Связи, — подавила все остальные чувства. Руки Кинкара были скованы, он еле двигался и вынужден был отступать, а гигант пытался своей тяжестью сотворить то, что не смог сделать ножом. Даже без рук он

по-прежнему оставался для Кинкара грозным противником.

Судьба предводителя, должно быть, ошеломила остальных стражников. Никто из них не попытался вмешаться в то, что происходило на поле. А Кинкар был так занят необходимостью уворачиваться, что слышал свист только как далёкий звук, не имеющий смысла.

Но для двоих круживших друг вокруг друга людей этот свист означал очень многое. Лорд Руд, поражённый случившимся, но не желавший потерять контроль, решил безжалостно пожертвовать Суудом вместе с пленником, знающим слишком много. Планировалось, что жестокая смерть постигнет только одного обнажённого человека. Теперь их было двое. Но смерть уже парила в воздухе и готова была ударить. Может, это и к лучшему. Сууд стал чем-то вроде легенды в У-Сиппаре, и если его постигнет сверхъестественная месть, рассказ об этом быстро распространится по всей округе и воспламенит страну. Поэтому лучше ему будет умереть быстро, при помощи знакомых средств, тогда всё, что произошло раньше, будет забыто.

Вначале Кинкар не понял смысла этого свиста, но через несколько секунд разобрался. Невозможно не узнать крик морда, стремящегося к мясу — живому и движущемуся мясу, способному наполнить его вечно голодное брюхо. И юноша догадался, к какой смерти его приговорили. Даже если бы у него были свободные руки, а в них меч, долго он бы не продержался. Всадник, с мечом, в доспехах и с плащом, ещё может надеяться справиться с одним мордом. Но против целой стаи любой всадник бессилен, его кости будут очищены от плоти, не успев упасть на землю.

Сууд был слеп и нем, он ничего не видел, кроме Кинкара. Вся боль, шок от случившегося выплеснулись в стремлении убить. Он двигался тяжело, но со смертельной угрозой. Но так как он всё ещё пытался время от времени воспользоваться руками, Кинкару удавалось увернуться. Гигант громко кричал — бессловным криком, наполовину

от боли, наполовину от гнева, безумного гнева из-за того, что он никак не мог схватить добычу.

Наверное, именно этот крик и привлёк к нему мордов. Запах крови из раненого плеча должен был привлечь их к Кинкару. Но первый удар обрушился на Сууда.

Крик гиганта перешёл в рёв; почти не осознавая опасность, он отбивался от хищных пожирателей мяса. Сначала пытался просто отбросить их, чтобы снова напасть на Кинкара. И только потом в нём проснулся инстинкт самосохранения, и Сууд бешено забил руками, когда лицо его уже превратилось в кровавую маску.

Кинкар попятился от этого ужаса, споткнулся и упал. Его падение привлекло нескольких мордов, и они устремились к юноше. Когти впились ему в руку, клюв нацелился в глаза, и Кинкар не сдержал крика отвращения и страха.

Но клюв не ударил, острые когти не ранили. Послышалось голодное шипение другого морда, но тот, что сидел на Кинкаре, отогнал нападающего клювом.

— Воркен!

Она зачирикала, откликаясь на своё имя. Воркен, искавшая напарника в сезон спаривания, нашла его — в птичьем питомнике крепости У-Сиппар! И, зная Воркен, Кинкар не сомневался, что, пребывая здесь, она немедленно установила своё господство над всеми насестами. Теперь бы выбежать на поле Симу, и тогда приключение закончится поистине достойно сказаний кузнецов песен.

Но не Сим пришёл к нему, чтобы отвезти подальше от ужасной окровавленной колыхавшейся массы дерущихся мордов. Наоборот — подлетел флаер Тёмных лордов. И лорд Диллан собственной рукой втащил Кинкара в флаер, который тут же устремился назад в крепость.

14. Город башен

Послышалась быстрая речь на языке звёздных повелителей. Кинкар, по-видимому, на время забытый, прислонился

к столбу, а Воркен, очень довольная собой, расхаживала вокруг него.

Ссора продолжалась. Лорд Руд сидел на скамье и гневно отвечал на поток вопросов лорда Диллана; тот ходил взад и вперёд по залу, иногда с резким хлопком сводя руки, словно подчёркивая свои слова. Вначале Кинкар был так поражён своим чудесным избавлением от ужасной смерти, что не задумывался над тем, зачем его забрали с поля. Но теперь, по жестам, по мрачности лорда Руда, по возбуждению лорда Диллана, он догадывался, что это было сделано вопреки желанию правителя У-Сиппара.

И эта догадка тут же подтвердилась. Ложный лорд Диллан отошёл от брата и остановился перед Кинкаром, оглядывая его с ног до головы.

— Ты жрец демонов, приятель?

Кинкар покачал головой.

— Я не иду Путём Трёх, — так он ответил бы и на своём собственном Горте.

Лицо — он знал каждую его черточку, узнавал каждое выражение! Смотреть на него и знать, что человек с этим лицом — не тот, с кем он был дружен и кому верен. Это оказалось гораздо труднее, чем он мог подумать.

— Итак... мы ещё не истребили эту глупость! — лорд Диллан повернулся и что-то гневно сказал лорду Руду. Тот на этот раз не промолчал с мрачным видом. Встал и стремительно подошёл к ним.

— Он с гор, — выдохнул он по-гортиански. — Смотри внимательно, Диллан. Похож он на жителя низин? Несомненно, разведчик из какого-то гнезда разбойников, пытающийся выведать наши тайны. Надо было скормить его мордам...

— Скормить мордам, глупец! — раздражение Диллана было так велико, что Кинкар ожидал: вот-вот он ударит брата. — После того что он сделал с Суудом перед лицом всего города? Тебе вновь придётся искоренять это вредное верование, причём с большим трудом. Разве ты не понима-

ешь, что слухи о происшествии распространятся и с каждым пересказом будут становиться всё страшнее? Через несколько дней повсюду снова возникнут тайные алтари, снова зазвучат направленные против нас заклинания, и всё это сплотит повстанцев! Ты не можешь стереть из памяти тысяч смерть Сууда. Нет, этого нужно доставить на совет. Мы должны вытянуть из него все обрывки знаний, а потом он превратится с жалкого пресмыкающегося раба в глазах собственного народа. Презренная жизнь, а не мученическая смерть — разве ты не понимаешь этого? Или, Руд, он... — и Диллан снова перешёл на чужой язык, а брат мрачно смотрел на него.

— Мы сами отвезём его, — под конец заявил Диллан. — Не нужно, чтобы его видели туземцы, чтобы они слышали то, что не предназначено для их ушей. Пошли сообщение, что мы вылетаем на флаере...

Лорд Руд выпятил подбородок.

— Ты слишком легко отдаёшь приказы в чужой крепости, Диллан. Допустим, я не хочу сейчас покидать У-Сиппар. Как ты справедливо заметил, сцена на поле подольёт масла в огонь восстания. И моё место здесь; я должен растоптать недовольство, прежде чем оно распространится.

— Хорошо. Оставайся и гаси свой пожар, хотя если бы У-Сиппар находился под должным управлением, необходимости в этом не было бы, — лорд Диллан коварно улыбнулся. — Я сам отвезу пленника для допроса...

Было совершенно очевидно, что это также не понравилось лорду Руду.

— Он мой пленник, его захватили мои люди.

— Верно. Но ты не понял его важности, пока я не указал. А твоё нежелание предоставить его совету говорит о том, что у тебя есть для этого какие-то тайные причины. Ты заинтересован в его быстрой смерти, — лорд Диллан снова взглянул на Кинкара. — Что за великая тайна, парень, заставляет моего брата желать, чтобы губы твои закрылись навсегда? Интересно... — он схватил Кинкара за плечо и

подставил лицо юноши под луч света. Смотрел он внимательно, с какой-то смертоносной злобой.

— Великий Закон, Руд, — негромко заговорил Диллан. — Интересно, сколько раз его нарушали и кто именно нарушал. Великий Закон... Обычно плоды его нарушений легко отличимы. Но, может быть, не в этом случае. Кто ты, приятель?

— Кинкар из Стира...

— Кинкар из Стира, — повторил Диллан. — Это может означать что угодно. Что такое Стир и где он находится? Может, тебя следует называть Кинкар с'Руд?

Он догадался, хотя и не совсем. Однако удивление в глазах Кинкара, должно быть, убедило спрашивавшего, что он на верном пути, потому что лорд Диллан негромко рассмеялся.

— Ещё одно дело, в котором должен разобраться совет...

Лицо лорда Руда превратилось в гневную маску.

— За это ты ответишь мне, Диллан, хоть мы и братья! Он не мой сын, и ты не сможешь приписать мне нарушение закона! У меня и так достаточно врагов, в том числе и среди близких родственников, — он гневно посмотрел на брата, — которые готовы сами приготовить оружие и с его помощью вовлечь меня в такую историю. Берегись, Диллан, если выдвинешь такое обвинение перед советом!

— Во всяком случае, из него нужно извлечь всю информацию. И чем быстрее, тем лучше. Тебе же выгоднее, Руд, если он расскажет всю правду перед нами всеми. Если он не плод нарушения закона, давай побыстрее убедимся в этом.

Как будто стремясь отвлечь брата от опасной темы, лорд Руд спросил:

— Но отчего пострадал Сууд? Давай посмотрим на эту вещь, которую он носит.

И лорд протянул руку. Кинкар отступил. Это была его единственная защита. Но прежде чем пальцы Руда сомкнулись на камне, лорд Диллан ударил брата по руке.

— Если тебе дорога твоя шкура, не трогай! — предупредил он.

— Думаешь, я сторю, как Сууд? Я не невежественный туземец...

— Сууда постигла такая судьба, потому что на нём был знак, — объяснил с почти отсутствующим видом лорд Диллан. — Но мы не знаем, какая энергия скрыта в этом предмете и как она подействует на тело чужака. И пока не будем знать, лучше не трогать. Я видел такой только раз, и то на мгновение перед тем, как его уничтожил колдун, который его носил. Мы ночью наткнулись на святилище и застали его врасплох. Но когда мы доставим этот предмет... и его носителя... в башни, у нас появится возможность с ними разобраться. И мы должны немедленно направиться туда.

Они говорят так, с горечью подумал Кинкар, словно он не человек, у него нет собственной воли, только их воля важна. И тут же мрачно вынужден был признать, что так оно и есть. Единственная уступка тому факту, что он всё же живое существо из плоти и крови, заключалась в том, что, посадив его в флаер, на полуголоое тело юноши набросили плащ. Он лежал у их ног, связанный по рукам и ногам.

Воркен протестовала против такого обращения, и на мгновение Кинкару показалось, что её уничтожат за такую дерзость. Но ложный лорд Диллан решил, что связь морда с Кинкаром тоже должна быть тщательно исследована. На Воркен накинули другой плащ и бросили рядом с Кинкаром; её непрерывные попытки освободиться заставляли подпрыгивать импровизированный мешок.

Полёт в воздухе оказался ужасным испытанием. С тех пор как Кинкар достаточно подрос, чтобы сидеть в седле ланга, он ездил по горам, охотился с Вурдом до того, как старый вождь отказался от выходов в горы и в конце концов почти всё время оставался в постели. А Вурд отлично знал крутые обрывы, глубокие пропасти и острые утёсы. Но стоять на твёрдом камне и смотреть вниз — одно

дело, и совсем другое — лететь в пустоте, зная, что под ногами у тебя только тонкая платформа флаера.

Кинкар боролся с паникой, со своим воображением, которое рисовало ужасную картину, как платформа растворяется и его беспомощное тело, поворачиваясь, падает вниз. Как могли звёздные повелители летать в небе, в глубинах космоса? Или они совершенно чужды знакомым ему страхам? Он поворочался, но увидел только ноги братьев. У звёздных повелителей на его собственном Горте таких флаеров не было. Но они могли счесть такой полёт вполне естественным.

Переднюю часть платформы заслонял ветровой щит, а Кинкар лежал за сидениями. Но холод вгрызлся ему в тело, плащ оказался плохой защитой от мороза. Проходили минуты, паника Кинкара постепенно проходила, и ему показалось, что от Связи исходит мягкое тепло, которое отгоняло холод. Он испугался на поле, когда на него накнулись морды, но то был естественный страх, понятный. Однако теперь он испытывал странное предчувствие, необычное покалывание в нервах, какое бывает у воина перед тем, как ему прикажут идти в бой. Кинкар пытался укрепить себя сознанием, что для него, вероятно, это полёт без возврата.

Плен у гортиан можно предвидеть, можно пытаться бежать из него. Но какие шансы у него против звёздных повелителей? На его стороне было только одно — удивительная судьба Сууда и осторожность лорда Диллана при обращении с талисманом. Слабое преимущество — но возможное. Он слышал разговоры в горной крепости. Существуют невидимые силы — «энергии», как называл их обычно лорд Диллан. Какая-то энергия привела в действие врата, через которые они попали на этот Горт. И во время перехода Связь тоже оказалась проводником этой энергии, о чём свидетельствует шрам, который сохранится у Кинкара до самого его ухода в Лес.

Вдобавок Связь могла иметь собственную «энергию»,

вредную для чужаков. В ту ночь в забытом святилище талисман перезарядился, получил естественную для него силу. Теперь он заряжен полностью. Если бы только лучше знать его возможности! Но Кинкар не захотел идти по Пути Трёх, не хотел учиться быть человеком Силы. Он понимал, что не может иметь одновременно Путь и Стир, Стир был ближе его сердцу. И теперь не имел проводников, какими послужили бы верующему заклинания, легенды или даже слухи. Если бы он был хорошо знаком со свойствами Связи, чего бы он не достиг, чего не смог бы сделать?

Флаер пошёл вниз, и Кинкар боролся с приступом паники и головокружения. Они падают, разобьются о землю?

Но вот быстрый спуск замедлился. Показались стены, отрезавшие свет. Они как будто погрузились в отверстие колодца. Флаер остановился с толчком, более лёгким, чем удар ноги о пол при шаге, и оба звёздных человека встали. Они достигли цели.

Лорд Руд не приближался к пленнику. Ему как будто не хотелось дотрагиваться до него. Но лорд Диллан поднял гортианина, разрезал путы у него на ногах и, как ни удивительно, на руках тоже. Руки Кинкара с опухшими запястьями упали по бокам. Лорд Диллан подобрал мешок с Воркен и сунул его Кинкару. Тот подхватил плащ неуклюже, молча решив не показывать боли, которую причиняло ему каждое движение.

— Иди молча, куда тебе скажут, — лорд Диллан говорил медленно и отчётливо, как со слабоумным ребёнком. — Если не послушаешься, тебя сожжёт этот стержень силы, — он достал из-за пояса оружие, такое же, какое использовал сам Кинкар при охоте на суарда. — Оно не убьёт, но боль будет сильнее, чем при смерти от мордов, и ты никогда от неё не избавишься. Понял?

Кинкар кивнул. Он верил, что Тёмный лорд говорит серьёзно и не обманывает. Можно ли надеяться на скорую смерть, если он попытается бежать? И побежит ли, если

будет знать, что это конец. Пока человек живёт, он надеется, и Кинкар ещё не дошёл до того, чтобы стремиться к смерти, как охотник к добыче. Неся Воркен, юноша послушно пошёл за лордом Рудом. Они вышли из помещения, в котором остался флаер, прошли по коридору, а сзади с оружием в руке шагал лорд Диллан.

Жилые помещения в крепости У-Сиппара были чуждой работы и из чужих материалов. Но узкий коридор, по которому они шли теперь, был не похож ни на те помещения, ни на постройки гортианской архитектуры. Никаких бегающих радужных цветов, всюду серый блеск. Коснувшись стены, Кинкар подумал, что она металлическая. Через несколько футов коридор закончился спиральной лестницей с узкими ступенями. Кинкар схватился за перила, держа Воркен в левой руке. Он не отрывал взгляда от ног лорда Руда, который всё поднимался и поднимался, отказываясь смотреть в головокружительную бездну под ними.

Они прошли несколько уровней, на которых в разные стороны отходили коридоры, поднимаясь от пола к потолку. Кинкар даже подумать не мог о назначении этого здания, сердце которого образовывала эта необычная лестница. На третьем таком уровне лорд Руд повернул в сторону и углубился в коридор, и Кинкар последовал за ним. Они будто находились в покинутом здании. Гул от их шагов глухо отдавался вверху и внизу в колодце, но больше никакие звуки не нарушали тишину, никаких признаков стражников или слуг. И странный, непостижимый запах — не влажные испарения стен, как в крепости У-Сиппара, а древний дух, напоминающий о чём-то, давно не знающем ветра и очистительного солнечного света.

Коридор, в который свернул лорд Руд, оказался коротким. Лорд прижал ладонь к закрытой двери, и при его прикосновении та отодвинулась и ушла в стену, так что они смогли войти в странное полукруглое помещение, одну сторону которого срезала прямая стена; всё это по форме

напоминало натянутый лук; дверь была расположена в прямой стене. Изогнутую стену через равные интервалы пересекала цепочка круглых окон, затянутых прозрачным веществом, незнакомым Кинкару.

Вдоль стены под окнами проходила мягкая скамья, пол и стены тоже покрывал мягкий материал. В остальном комната была лишена обитателей и мебели. Лорд Руд осмотрелся и отступил в сторону, давая возможность Кинкару войти. Когда гортианин прошёл внутрь, дверь за ним закрылась и он остался один.

Размотав Воркен и удачно избежав раздражённого удара её клюва, Кинкар посадил зверька на скамью, по которой она принялась расхаживать своей необычной раскачивающейся походкой; когти у неё при этом застревали, и она на каждом шагу с трудом их вытаскивала. Кинкар тоже сел на скамью и посмотрел в окно.

Эта крепость ничем не походила на У-Сиппар. Такого сооружения он никогда не видел. Всего лишь несколько башен, но не из прямоугольных каменных блоков, какие он знает всю жизнь. Сделанные из металла, они ослепительно блестели на солнце. Все совершенно одинаковые, круглые, с заострёнными концами, высоко уходящими в небо. Кинкар предположил, что и он находится в точно такой же башне. Прижавшись лицом к окну, юноша разглядел, что все башни соединены стенами, достаточно толстыми, чтобы внутри могли проходить коридоры и даже быть помещения. Но ведь стены-то — из природного камня. Металлические же башни... странно заострённые...

Распухшими руками Кинкар вцепился в оконную раму, так что стало больно. Не башни это, нет, не башни. Корабли! Небесные корабли звёздных людей, навсегда вставшие на планету, превращённые в причудливую крепость. Он много раз слышал, как их описывали люди, побывавшие в Терране на его собственном Горте, и потому не мог не узнать. Может быть, он попал в Терран этого Горта? В самое сердце владений Тёмных?

На его Горте корабли снова улетели — к звёздам. Здесь это было бы невозможно. Их поставили на якорь, приковали к земле, чтобы навсегда овладеть Гортом.

Разглядывая странное соединение металла и камня, Кинкар нигде не замечал признаков жизни. Ничего не двигалось вдоль этих стен, никто не показывался у круглых иллюминаторов, служивших теперь окнами. И по всему чувствовалось, что жизнь давно покинула эти места. Кладовая — Кинкар не мог бы сказать, почему ему в голову пришла эта мысль, но убеждение, что он прав, со временем только усиливалось. Кладовая чужаков. И она должна хорошо охраняться — если не воинами, то волшебством звёздных людей. У народа, который свободно летает по воздуху, найдётся более мощное оружие, чем мечи слуг, для защиты своих тайн.

Кинкара охватила древняя жажда, которая охватывает любого человека при мысли о сокровищах. Город, крепость — чем бы это ни было, здесь точно никто не живёт. Если бы он смог освободиться и поискать... Но с прочно закрытой дверью так просто не сладишь. Воркен шипела на скамье. Она не привыкла находиться в закрытом помещении, в крепости так никогда не бывало. Кинкар переходил от одного окна к другому. В трёх окнах всё заслоняли собой корабли, но два выходили на окрестности твердыни чужаков.

Деревья вокруг не росли, только необычно изогнутые скалы. И некоторые, прикрытые сверху снегом, показались юноше странно знакомыми. Он определённо видел такие раньше. И тут он вспомнил переход по пустыне к первым вратам. Тут тоже не было видно никакой растительности. Может быть, она под снегом. Но на расстоянии темнела синеватая линия холмов, признак гор. И при виде всего этого у Кинкара неожиданно ожили надежды.

Воркен прижалась к нему головой. Подняла лапу и поцарапала, привлекая внимание юноши. Народ Кинкара всегда считал мордов разумными существами, но обычно

признавалось, что их мысли настолько причудливы, что отношения между видами строго ограничивались немногими простыми понятиями, имеющими отношение к еде и охоте. Но сейчас было очевидно, что Воркен пытается что-то сообщить ему. И Кинкар сделал то, на что обычно не решался, потому что морды не терпят прикосновений к себе. Юноша сел и посадил Воркен себе на колени.

Она пожаловалась, пошипела. Потом замерла, глядя на него красными глазами, как будто передавая какое-то сообщение. Захлопала крыльями и испустила резкий крик, как при виде дичи.

Неожиданно Кинкар ощутил тепло на груди. Ожила Связь. Где-то в недрах корабля высвобождалась энергия, на которую отвечал чувствительный талисман. Кинкар поколебался. Снять, чтобы не обжечься, или продолжать держать камень на себе?

И тут, к его крайнему удивлению, Воркен вытянула костлявую шею и ткнулась головой прямо в Связь, прежде чем юноша смог отстранить её. Она плотно прижалась к камню, предупреждающе подняла когти, когда Кинкар попытался отстранить её, и испустила гортанный боевой клич.

Морд прижимался всё сильнее, и температура Связи повысилась. Но это не тревожило Воркен. Она перестала кричать, наоборот, негромко заворковала; такие звуки она издаёт, когда довольна своим миром. И сам Кинкар расслабился, успокоился, он совершенно утратил страх перед окружением и своими похитителями.

15. Испытание сил

Чувство благополучия сохранялось. Воркен зевнула. Закрыла глаза, прижимая к юноше свою уродливую головку. Но Кинкару не хотелось спать. Умственно и физически он был полон жизни, как никогда. Такого приподнятого состояния он просто не помнил. Появилось ощущение, что

нет такого дела, которое ему не по силам. Неужели так живут люди звёздной крови? Должно быть! Абсолютная уверенность в себе, вера в то, что нет непреодолимых препятствий...

Кинкар негромко рассмеялся. И что-то в этом смехе нарушило ощущение довольства, появилась тень сомнения. Может быть, из-за Связи он вдвое острее чувствовал опасность. Исходило ли это ощущение, это спокойствие и довольство от талисмана или это просто волшебство чужаков? Наверное, легко воздействовать на мозг человека — если в твоём распоряжении возможности звёзд — и внушить ему веру в собственные силы, чтобы он стал неосторожен и невнимателен. Очень легко.

Был лишь один способ проверить это. Кинкар поднял за цепочку Связь, снял цепь с головы и положил камень на скамью рядом с собой. Тепло исчезло. Воркен зашевелилась. Она приподняла голову и вопросительно посмотрела на Кинкара. Но тот был слишком занят, чтобы наблюдать за мордом.

На него, как удар гигантского кулака, обрушилась всепоглощающая и опустошающая паника, страх такой полный и низменный, что Кинкар не смел пошевелинуться, мог только коротко и неглубоко дышать. Руки его стали влажными и скользкими, рот пересох, изнутри поднималась тошнота. Никогда в жизни не испытывал он такого ужаса. Его лишали собственной личности, превращали из Кинкара в безмозглое хнычущее существо! И хуже всего было то, что он не мог назвать причины своего страха. Страх угнездился внутри него, а не снаружи, он заполнял всю выгоревшую оболочку его тела...

Воркен закричала, крик остро ударил по ушам. Морд вцепилась в него, принялась рвать когтями. Боль нападения мгновенно разрушила чары. Кинкар сделал невероятное усилие, за цепь подтянул к себе Связь, снова взял камень в руки и сжал потными ладонями с той же яростью, с какой Воркен напала на него. Но паника уже улеглась. Накинув

цепь на шею, Кинкар сидел, ослабевший и потрясённый, но снова в здравом рассудке. Он уже полностью овладел собой и не мог поверить, что что-то могло обрушиться на него с жестокостью морда.

Кровь текла из царапин. К счастью, Воркен не очень глубоко повредила кожу. Она снова уселась к нему на колени, поворачивая голову из стороны в сторону, и раздражённо жаловалась, поднимая лапу к Связи. Талисман спас их обоих от безумия — хотя откуда оно пришло и как, этого Кинкар не мог понять. Мог только радоваться спасению.

Кинкар покинул Стир не более образованным, чем любой юноша, помогающий владения крепостью, в данном случае, небольшой крепостью в горах. Он уехал в шоке от неожиданного открытия, что он полукровка и не может претендовать на наследство. Тайный дар Вурда — Связь, вместе со всем, что она означает, — послужил добавочным толчком, направившим Кинкара на новую дорогу в жизни. Испытания при прохождении врат, принятие лордом Дилланом и леди Асгар его как истинного хранителя силы, которую они уважают, ещё больше закалило юношу. Возможно, его предложение отправиться добровольцем в низины было основано на любви к приключениям, на том духе, что посылает молодых воинов в набеги. Но вместе с тем он сознавал, что только он один во всей крепости пригоден для такого похода...

Кинкар не понимал, что произошло той ночью в лесном святилище. Он — не посвящённый, способный разобраться в делах Трои. Но теперь он верил, что уехал оттуда не совсем таким, каким был Кинкар, пришедший в убежище. Последнее испытание может оказаться лишь очередной вехой на его дороге. Он не звёздный повелитель и не владыка Стира, каким мог бы стать, если бы Джорд не отобрал у него это будущее. Он тот, каким ему ещё предстоит стать.

Кинкар был уверен, что он не мистик, не искатель

видений, он не владеет необычными силами. А кто он, кем становится, не знал. У него не было времени приспособиться. Лучше принять древнюю веру своего народа, народа его матери, что он инструмент или, может быть, оружие Трои, и всё, что он делает, это служба Трои.

Эта вера несла ощущение безопасности. А сейчас ему больше всего требовалась безопасность, ему необходимо было поверить во что-то, помимо своего потрясённого мозга и тела.

Но юноша оказался прав, предполагая, что ему не дадут времени для раздумий. Дверь комнаты ушла в стену. Воркен зашипела, захлопала крыльями и взлетела бы в воздух для нападения, если бы Кинкар, опасаясь за жизнь зверька, торопливо не схватил её за лапы.

В дверях стоял лорд Диллан. Он не заговорил сразу, однако, хотя внешне не проявил удивления, Кинкар подумал, что состояние и настороженность пленника поразили вошедшего.

— Раб... — резкий голос звёздного повелителя, казалось, должен был обжечь, как хлыст, которым слуги бьют несчастных жертв.

Кинкар ответил ему уверенным взглядом. Неужели Тёмный ожидал от него униженной мольбы о несуществующем милосердии?

Когда Диллан заговорил вновь, в руках его появился стержень власти.

— Кажется, мы недооценили тебя, приятель.

— Кажется, так, лорд, — слова приходили к Кинкару словно от кого-то другого, стоящего в стороне и наблюдающего за этой сценой.

— Действительно отпрыск Руда! — лорд Диллан засмеялся. — Только мы можем выдержать действие кондиционера, настроенного на такой уровень. Пусть попробует теперь отказаться перед советом. Пошли... ты!

Он сделал жест, и Кинкар пошёл. Воркен высвободилась из его рук и теперь сидела на плече, вцепившись когтями в

кожу. Но юноша был рад, что она с ним, она напоминала ему о другом Горте, где человека не преследует подобное волшебство.

— Вверх! — единственное слово заставило его снова подниматься по спиральной лестнице. Но уже на следующем уровне они вышли на эфемерное сооружение, которое Кинкар не заметил из окна. На высоте верхушек звёздные корабли соединял воздушный мост, временный, решил Кинкар, потому что такая лёгкая постройка не выдержит первой же бури.

Но каким бы хрупким ни был этот мост, им предстояло пройти по нему. Кинкар судорожно вцепился в верёвочные перила, к нему вернулся страх, испытанный на летающей платформе. Но остановиться, понимал он, значило погибнуть. И потому шаг за шагом юноша преодолел мост, глядя только на дверь впереди.

В одном-двух шагах от неё он вдруг вспомнил о Воркен. Он-то сбежать не мог, просто не видел такой возможности, лорд Диллан легко сожжёт его. Но нельзя ли спасти Воркен? По-прежнему держась за трос левой рукой, Кинкар полуобернулся, развернул плащ и одновременно подал морду сигнал поиска в небе.

Может, это была чистая удача, но плащ задел звёздное оружие. Кинкар хорошо владел приёмами боя с плащом, чтобы обезоружить с его помощью противника, но сейчас, в таких сложных обстоятельствах, и не пытался это сделать. Удача или мастерство, но оружие оказалось бессильно, когда Воркен взлетела вверх и не стала подниматься своей обычной спиралью, а устремилась стрелой в окружающие холмы.

Странно, но лорд Диллан не сделал попытки наказать его. Он лишь высвободился из плаща, который полетел вниз, в пропасть; Кинкар не смел туда заглянуть. Ему не удалось отобрать оружие, и теперь оно снова было нацелено на него.

— Пошли, — приказал лорд Диллан, и Кинкар, убедив-

шись в спасении Воркен и радуясь этому небольшому успеху, прошёл в башню второго звёздного корабля.

Здесь их ждали ещё два звёздных повелителя, но ни один из них не был двойником знакомых ему по крепости лордов. Увидеть лорда Франса, лорда Бардона или лорда Джона, которые на самом деле ими не были, — такое испытание только добавило бы напряжения. Эти же двое были моложе лорда Диллана, насколько он мог судить о возрасте звёздной породы, и оба казались изнеженными, им не хватало гибкости и живости ума и тела, какими обладал его сопровождающий. Но и лорд Руд тоже проявлял такие признаки вырождения. Зато обоих отмечало высокомерное выражение лиц, которое происходит не от осознания права руководить другими благодаря силе своего характера, а основано на том, что твоей воле никто никогда не противился, от привычки распоряжаться жизнью и смертью других только по праву своего рождения.

Они не скрывали своего изумления, один задал лорду Диллану вопрос на своём языке. Тот нетерпеливо ответил и знаком велел им идти.

— Следуй за мной! — кратко приказал он Кинкару.

Они должны были спуститься по другой лестнице. Спуститься! У Кинкара появился план, фантастический план, такой фантастический, что мог сработать! Успех зависел от того, насколько быстро будет действовать Кинкар, сумеет ли он захватить своих охранников врасплох. Он не очень высоко ставил двоих молодых, но лорд Диллан — другое дело. Однако плащ всё-таки оказался неожиданностью и для него. Каким бы безумным ни выглядел этот план, Кинкар решил попробовать. И, делая первый шаг, он плотно схватился за перила лестницы. То, что он собирался сделать, неминуемо сорвёт ему кожу с ладоней. Если бы было можно хоть как-то защитить их... Но он остался обнажённым по пояс, а оторвать даже полоску от меховых брюк невозможно. Как ему не хватало плаща!

Один из молодых звёздных повелителей уже миновал

первое отверстие спуска в колодец. Он оставался единственным препятствием между Кинкаром и исполнением его плана. И этот лорд носил не облегающий защитный костюм, какой был на лорде Диллане, а свободную рубашку из какого-то лёгкого материала.

Кинкар с покорностью, которая должна была усыпить внимание сопровождающих, двинулся по лестнице. Ступеньки здесь оказались такие узкие, а лестница такая крутая, что лорду Диллану поневоле придётся следить за собственным спуском, и потому можно было надеяться, что он опоздает и не сможет помешать пленнику.

Молодой лорд уже спустился на следующий уровень, лорд Диллан по пояс погрузился в колодец, Кинкар находился на лестнице между ними. Гортианин резко бросился вниз, опираясь на руки. Наблюдателю могло бы показаться, что он оступился и пропустил ступеньку. Ногой юноша ударил молодого лорда сбоку по голове. Тот сдавленно крикнул и схватился за ступеньку. Это инстинктивное движение, направленное на собственное спасение, помогло Кинкару. Он приземлился рядом с чужаком и сорвал с него рубашку. Тонкий материал разорвался у него в руках. Перепрыгнув через полубессознательного чужака, Кинкар поехал вниз, держась только за перила.

Его крутило по спирали лестницы, но Кинкар мог думать только о приземлении, сможет ли он затормозить спуск. Сверху слышались крики, может, призывы на помощь, топот башмаков. От трения ткань разогрелась, ладони обожгло болью, но Кинкар упрямо держался. Под ним, двумя уровнями ниже показался прочный пол, и юноша подготовился к встрече с ним. Смутно припомнив свои первые падения во время обучения езде верхом, он расслабил мышцы, попытался свернуться и молился, чтобы не переломать кости.

От удара в глазах потемнело, но даже почти ничего не соображая, он продолжал пытаться спастись. И когда снова начал осознавать окружающее, пополз на горевших от боли руках и ноющих коленях по узкому коридору.

Хвала Троице, он не разбился приземлившись, хотя всё тело болело от ушибов. Морщась от резкой боли, Кинкар встал и заковылял куда-нибудь подальше от лестницы, стремясь оторваться от звуков преследования.

Он переступил через высокий порог, и стены вокруг изменились. Теперь они были каменные, а не металлические. Должно быть, он попал внутрь стены, связывающей корабли-башни, где-то на уровне земли. Теперь оставалось только найти выход во внешний мир.

Хотя он этого не знал, Кинкар был, вероятно, первым пленником в этом лабиринте с несломленным кондиционером разумом. Для тех, кто его преследовал, он оказался чем-то совершенно новым и неизвестным, и они не были подготовлены к такому повороту событий. И не думали, что он способен на инициативу, энергию и быстроту.

Каменный коридор не прерывался ни окнами, ни дверями. Кинкар бежал, как мог быстро, прижимая обожжённые руки к Связи, потому что ему казалось, что талисман обладает исцеляющими возможностями. По крайней мере, он смягчал боль.

Но тут, к своему отчаянию, Кинкар увидел ещё один каменный порог и через него прошёл в другой корабль-башню. Повернуть назад было нельзя. На кораблях очень много помещений, и он либо сможет спрятаться, либо найдёт окно, выходящее на гребень соединительной стены. В тусклом свете, исходившем от металлических стен, он увидел ещё одну спиральную лестницу. Но вначале обошёл всё внизу и нашёл две двери, обе закрытые, и он не смог их открыть. Не осмеливаясь задерживаться дольше, юноша начал подниматься.

На первый уровень выходило много дверей, но ни одна не поддавалась усилиям взломать их. Ещё один уровень, та же самая история. Кинкар, тяжело дыша, прислонился к перилам. Он боялся, что попал в ловушку, и теперь Тёмные схватят его, когда захотят.

Третий уровень. И когда голова его высунулась из лес-

тничного колодца, он готов был закричать от радости. Открытая дверь! От нетерпения он споткнулся и упал на колено. И в то же мгновение услышал топот внизу.

Он скорее рухнул, чем прыгнул через дверь. Потом, как это делал лорд Диллан, прижал ладони к её поверхности. Дверь сдвинулась! Она закрылась за ним! Гортианин не видел возможности закрыть её на какой-нибудь замок, но то, что между ним и лестницей теперь была закрытая дверь, давало призрачное ощущение безопасности.

Коридор впереди оказался совсем коротким, и Кинкар вбежал в маленькую круглую комнату. И вверху над стенами открытое небо... Он уже видел это... видел такое помещение... здесь тоже стоял флаер, такой же, в каком он сюда прилетел.

Он в ловушке. Подняться по гладким стенам невозможно. Скоро... в любое мгновение... Тёмные пройдут через дверь, которую он не сумел закрыть, а только прикрыл, и возьмут его легко, как связанного в загоне ланга. Он не понимал, почему они уже его не догнали. И ощутил лёгкую дрожь от бегущих ног. Но двери не открылись. Кинкар догадался, что преследователи поднялись на следующий уровень, что закрытая дверь на время спутала его след. Может, выйти и вернуться назад? Но он не мог заставить себя сделать этот ход. Дикий спуск по лестнице в другой башне и бегство по коридорам истощило юношу, энергия быстро оставляла его.

Что делать? Остаться на месте, пока ищущие не прочешут все помещения и не обнаружат его? Он забрался во флаер и упал на одно из сидений, положив руки на колени. Если бы он знал, как управлять машиной, то сумел бы уйти — и без труда. Кнопки на панели впереди вызывали раздражение — если бы он только знал, какая именно...

Звуки шагов преследователей слабо доносились до него. Они возвращались. А может, прибыло подкрепление снизу? Кинкар тупо разглядывал приборы управления. В его встречах со звёздными людьми никто не рассказывал о том,

как управлять их машинами. Но его не должны захватить, не должны! Лучше разбить флаер и самому разбиться, чем покорно сидеть, дожидаясь их.

Кинкар закрыл глаза, мысленно обратился к тем, кому служит, и слепо нажал кнопку. Но выбор оказался неверным. Его окружило тепло, словно кто-то накинул на его дрожащее тело плащ. Тепло ответило на эту кнопку. Радуюсь, что первый его выбор не привёл к катастрофе, Кинкар нажал другую кнопку.

Луч света ударил в стену перед ним, отразился и ослепил Кинкара. Это так поразило гортианина, что он сразу, не задумываясь, нажал ещё одну кнопку.

И ухватился за сидение, вопреки боли в обожжённых руках. Ахнул, едва не закричав: флаер мимо стен устремился вверх из колодца, и от неожиданного толчка воздух вырвался из лёгких Кинкара. Машина выскочила из колодца и продолжала подниматься в небо. Её нужно было поскорее остановить, иначе он окажется в пространстве меж звёзд. Но как управлять машиной, гортианин не представлял себе.

У него была слабая надежда, что следующая кнопка подействует в противоположном направлении. Он нажал её. И оказался прав, поскольку подъём прекратился. Но не полёт. Флаер полетел по горизонтали с огромной скоростью, как стрела, выпущенная из гигантского лука. Однако Кинкар был доволен. Он не летел в космос и с поразительной скоростью удалялся от башен. Он скорчился на сидении, ещё не веря в свою удачу.

Немного привыкнув, он решился посмотреть вниз, крепко ухватившись за край сидения и борясь с головокружением. Тот же случай, который заставил его нажать нужную кнопку, выбрал и направление полёта. Машина летела над обширной равниной, но не к морю и городам, управляемым Тёмными, а к отдалённому горному хребту — теперь уже не такому отдалённому, — и у Кинкара появилась надежда не только остаться в живых, но и найти крепость.

Оставалась, правда, проблема посадки. Но в тот момент у него не было желания экспериментировать. Сначала между ним и преследователями должна встать хоть одна гора. Вспомнив о преследователях, он, прищурившись, оглянулся. У Тёмных должен быть не один такой флаер. Может, они уже летят за ним? Но над быстро уменьшающейся точкой крепости в воздухе ничего не было видно.

То, что для ланга потребовало бы двух-трёх дней пути, машина преодолела за поразительно короткое время. И вот он помчался над горами, которые видел из окна башни, чуть не задевая за покрытые снегами вершины. Если бы он умел управлять флаером! Скорость машины не снижалась. Возбуждение сменилось тревогой. Кинкар представил себе, что произойдёт, если машина наткнётся на гору, поднимающуюся выше уровня его полёта.

16. Спасение

Если из башен и не поднялся другой флаер, чтобы перехватить сбежавшую машину, то среди гор беглеца поджидала новая угроза. Кинкар узнал об опасности, услышав гневный голодный крик, который перекрыл даже гул двигателя. Но сравнению с этим криком самые пронзительные вопли Воркен показались бы тихим шёпотом. Кинкар только глянул вперёд, как непроизвольно вжался в сидение, потому что к нему устремилась смерть, знакомая смерть, которую знает любой гортианин, побывавший в горах.

Воркен — морд, но в своём виде она карлик. На вершинах гор живут её родичи, гиганты, способные легко унести ланга. И аппетит их огромен, как и тело. Их можно поймать в тройную сеть, если этим займутся опытные охотники, но такая охота потребует многих дней терпеливого выжидания. К тому же не так легко найти подходящую приманку, чтобы привлечь гигантское существо на землю. На горном склоне или плато эти гиганты утрачивают свои

преимущества и их можно захватить, но это всегда рискованное дело, и никто не удивляется, если с охоты возвращаются на одного или двух человек меньше.

И никто не устоит против са-морда в воздухе. Ещё ни один охотник не пережил нападения, когда хищник свободен и в полёте. И Кинкар тоже не видел никакой надежды выжить.

С обычным эгоизмом человека он подумал, что эти когти нацелены именно на него. Но на самом деле для са-морда он выглядел лишь незначительной частью существа, на которое тот нападал. Са-мورد спускался с высоты, вытянув когти, чтобы схватить флаер, но неверно рассчитал скорость этого дерзкого пришельца и промахнулся на целый фут.

Он пролетел мимо с яростным криком и исчез, прежде чем Кинкар понял, что грозные когти до него не добрались. Если бы он умел управлять машиной, то попытался бы улететь или утомить хищника так, чтобы тот отказался от преследования. Но он не мог уклоняться. Мог только оставаться на месте, защищённый спинкой сидения и ветровым щитом; флаер продолжал лететь вперёд. А позади са-морд поднимался в небо для второго удара.

Подобно своим меньшим родственникам, са-морд обладает каким-то разумом, и весь этот разум направлен на то, чтобы накормить своего владельца. Са-морды — одинокие существа; у каждой самки своя охотничья территория, где она верховный правитель, готовая отогнать любого другого са-морда, который попытается вторгнуться в её небо или землю. И в таких схватках са-морды искусно применяют свои силы, уклоняясь, атакуя и головокружительно маневрируя.

Поэтому когда са-морд ударил во второй раз, с большей высоты, он верно рассчитал скорость флаера и упал в пике таким образом, чтобы оказаться немного впереди машины, ожидая её приближения с вытянутыми когтями — в излюбленной боевой позиции этих гигантов.

Но механическая тварь снова подвела его: хищник ударился прямо о нос машины. Ветровой щит врезался в мягкое брюхо на огромной скорости. Когти скользнули по щиту, ухватились за сидение, са-морд гневно закричал. Кинкар, скорчившись, скорее почувствовал, чем увидел, как разинутый клюв ударил всего в дюйме над его головой. Из разорванных артерий са-морда хлестала кровь.

Машина дрогнула и нырнула, сражаясь с тяжестью, повисшей у неё на носу. Она быстро теряла высоту, а са-морд продолжал биться и рвать обшивку. И те несколько мгновений, пока они не врезались в заснеженные кроны деревьев, Кинкара спасал только прочный материал флаера. Туша са-морда смягчила удар, и наконец они остановились.

Сильный удар выбил воздух из лёгких Кинкара. Он лежал, ощущая зловоние са-морда. Тепло, окружавшее его, исчезло. Дрожа на горном ветру, он выбрался из-под ужасных останков и побрёл вдоль борозды, проделанной флаером. Обычно са-морды живут и охотятся в одиночку. Но по горам бродят и другие существа, меньших размеров, которые издалека чуют запах крови и мяса. А он безоружен и не сможет обороняться от таких стервятников. И вот, руководствуясь скорее инстинктом, чем планом, Кинкар начал спускаться по склону.

К счастью, флаер разбился не на самой вершине, а спуск оказался не очень крутой. Идти пришлось сквозь невысокий кустарник, и можно было замечать ориентиры, чтобы не ходить по кругу.

Полдень давно миновал, следовало поскорее отыскать убежище. Сверху донеслись неясные звуки, потом рычание и вызывающие вопли. Стервятники добрались до добычи, так что возвращаться к обломкам не имело смысла. Этот шум заставил Кинкара двигаться быстрее, он споткнулся, упал и скатился в сугроб.

Охая, тяжело дыша, юноша поднялся, понимая, что лежать нельзя, это означает призывать смерть. Лишь пока

он держится на ногах и идёт, у него остаётся ничтожный шанс. К счастью, небо было чистое, бури не приближалось.

Падение и дальнейшее скольжение по снегу привели его в долину, по дну которой протекал мелкий ручей. Вода была тёмная, с быстрым течением и без ледяных закраин. Кинкар подошёл к ней и опустился на колени. И почувствовал слабое, очень слабое тепло, поднимавшееся от поверхности. Ему попался один из горячих ручьёв, как тот, что он обнаружил в долине крепости. Надо только дойти до его источника, и тепло воды даст защиту от холода наступающей ночи.

Как трудно снова встать, заставить измученное тело двигаться. Но Кинкар побрёл вверх по течению, смутно осознавая, что над водой появился пар и температура в долине постепенно поднимается. Задыхаясь от едких паров и кашля, он споткнулся и вцепился в камень. Тепло ему было необходимо, но выдержит ли он испарения воды, разъедающие лёгкие?

Юноша медленно опустился у камня, понимая, что идти дальше не может и даже не хочет пытаться. Всё приобрело очертания сновидения, его захватил кошмар. Твёрдый камень под щекой, и больше ничего.

Над ним нависает са-морд. Кинкар ошибся. Чудовище не погибло при столкновении с флаером и выследило его. Через мгновение когти и клюв начнут его рвать. Но оно несёт его, несёт выше гор! Они летят в пустоте над кораблями-башнями. И несёт его флаер — не са-морд, а флаер! Машина поднимает нос, сейчас она перевернётся, расколется...

— Приподнимите его, если потребуется обвязать! Мы не можем рисковать при подъёме...

Слова в воздухе, слова без смысла. Тепло, снова тепло. Он не погиб при падении этого флаера. Погрузился в тёплую воду ручья, и его понесло течением. Он видел мир неясно, сквозь воду, и перед ним появилась какая-то туманная фигура. Она повернулась, беглец увидел её лицо

и понял, что спасения нет. Лорд Диллан! Его выследили, и он снова пленник.

— Нет! — он услышал собственный крик, пронзительный, как крик са-морда, и тщетно попытался выбраться из течения, уйти от Тёмного. Бесплезно: он не мог даже пошевелиться, и ручей продолжал нести его. Ночь, но вокруг не темно, как в подземелье У-Сиппара, над ним сияли звёзды Щита Лора. И эти звёзды двигались. Или он сам двигался? Он попытался разрешить эту проблему. Знакомый запах ланга отгонял зловоние ручья. Но он продолжал покачиваться, словно его несло течение.

— Маяк! Мы почти добрались...

Куда? В У-Сиппар? В корабли-башни? Наконец он решил загадку своего перемещения: он лежит, укутанный в охотничью сеть, подвешенную между двумя шагающими лангами. Но он не мог сказать, насколько это реально. Может, тоже сон? Кинкар опустил отяжелевшие веки, он настолько устал, что окружающее совершенно перестало его интересовать.

Но, наверное, слишком устал, чтобы заснуть, потому что понял, что они оказались во дворе. Приподнявшись, он взглянул, кто высвобождает его из сети.

Бесплезно! Его отчаянная попытка сбежать провалилась: его поднял и понёс к теплу, свету и звукам лорд Диллан. Они вернулись в корабли-башни, и сейчас начнётся допрос...

Должно быть, его принесли в комнату с мягкой обивкой и положили в ней на удобную скамью. Но гортианин упрямо не открывал глаза. Пусть считают, что он не пришёл в себя.

— Кинкар...

Он напрягся.

— Кинкар...

Невозможно было не узнать этот голос. Лорда Диллана можно повторить, но леди Асгар? Кинкар открыл глаза. Женщина слегка улыбалась, но смотрела на него с внима-

нием лекаря. Одета она была в тёплую зимнюю одежду, волосы убраны под меховой капюшон. На плече её сидела Воркен и так же внимательно смотрела на Кинкара.

— Я в крепости? — он не верил собственным глазам: ведь он был уверен, что находится совсем в другом месте.

— Крепость. Ты в безопасности благодаря Воркен. Верно, крылатая?

Воркен наклонила голову и потёрлась гребнем о подбородок леди.

— Мы охотились в горах, когда она прилетела и повела нас на пир... — на лице леди Асгар появилось выражение лёгкого отвращения. — Оттуда нетрудно было по следу отыскать тебя, Кинкар. А теперь... — она склонилась к нему с роговой ложкой в руке; в то же время кто-то другой сзади приподнял его голову и плечи, чтобы он смог пить, — а теперь выпей это, чтобы и ты смог рассказать нам свою историю, потому что мы опасаемся, что время не ждёт.

Поддерживал его лорд Диллан. Но его собственный лорд Диллан, а не Тёмный хозяин кораблей-башен. Удобно упираясь в его сильное плечо, Кинкар поведал свою историю, рассказывая сжато, без тех словесных украшений, к которым прибегают кузнецы песен. Он только одно не смог описать ясно: что произошло с ним в разрушенном святилище. И его об этом не спрашивали. Когда он рассказывал о встрече с беглецами на берегу, лорд Диллан впервые заговорил.

— Отчасти мы об этом знаем. Муррен не справился с Симом, и животное пошло своей дорогой. Сим привёз их почти к нашим воротам, где их отыскивали Капал и охотничья группа. Мы выслушали их историю. Она весьма мрачная, — в глазах его стояла боль. — Ты сам услышишь позже. Итак, тебя захватили люди правителя, — поторопил он, и Кинкар продолжил.

Юноша описал чудесное появление Воркен на поле, где он был приговорён к смерти, и вмешательство Тёмного лорда Диллана...

Человек, поддерживавший его, напрягся при описании.

— Не только Руд... я тоже там?..

— Разве мы не предвидели, что это возможно? — спросила леди Асгар. — И это может оказаться нашим единственным оружием. Но куда они отвезли тебя, Кинкар?

Он так хорошо помнил корабли-башни, что его описание должно было быть очень ярким. Оба рождённых звёздами вздрогнули, услышав его рассказ о борьбе со страхом.

— Кондиционер! — пробормотал лорд Диллан. — Так извратить его использование!

— Но это всего лишь одно извращение из многих, — заметила леди Асгар, — потому что сама их жизнь здесь — извращение, насколько нам известно. Раз эта узкоспециализированная машина тебе хорошо знакома, Диллан, то, конечно, ты можешь судить о ней, но мне кажется, что они все свои знания — наши знания, — направили на укрепление цепей рабства. И заметь: кондиционер не справился с чем-то порождённым этим Гортон! Потому что Кинкар считает, что он был направлен на этот путь, и я думаю, что он прав, абсолютно прав! Но ладно, ты всё-таки сбежал из тех прикованных к земле кораблей. Как это тебе удалось? — спросила она у молодого человека.

В пересказе его полёт из необычной крепости казался лёгким и обыкновенным, хотя сам Кинкар сильно сомневался, чтобы смог выдержать такое ещё раз. Легче действовать импровизированно, чем когда точно знаешь, какие трудности тебя ждут.

Когда он закончил, начало сказываться действие напитка. Боль в измученном теле стихла, и Кинкар погрузился в глубокий сон.

Проснулся он внезапно, без постепенного перехода к действительности. И открыв глаза, увидел сидящего рядом юношу с морского берега; тот опирался подбородком на руки и разглядывал Кинкара, как будто ожидая ответа на

какой-то беспокойный вопрос. Кинкар подумал, что такого взгляда достаточно, чтобы разбудить. И спросил:

— Чего тебе нужно?

Тот странно улыбнулся.

— Хотел увидеть тебя, Кинкар с'Руд.

— Что ты и сделал без помех. Но в твоём взгляде ещё что-то...

Юноша пожал плечами.

— Может быть. Хотя само твоё существование — чудо в этом мире. Кинкар с'Руд, — повторил он серьёзно, не адресуясь к носителю, а как заклинание. — Кинкар с'Руд... Катал с'Руд...

Кинкар сел на койке. Тело затекло и побаливало, но он чувствовал себя отдохнувшим и полным энергии.

— Кинкара с'Руда я хорошо знаю, — заметил он. — А кто такой Катал с'Руд?

Юноша рассмеялся.

— Только посмотрите на него! Мне много странного рассказывали здешние хозяева, и поверить в это может только тот, кто верит кузнецам песен. Но глядя на тебя, я готов поверить каждому их слову. Мы оба можем утверждать, что наш отец — лорд Руд, но это не один и тот же лорд Руд. И это смахивает на правду, потому что мы с тобой не похожи.

— Сын лорда Руда... — на секунду Кинкар почувствовал замешательство. Лорд Диллан говорил о братьях, нет, о сводных братьях, которые могут называть себя его родственниками. Но они улетели в звёздных кораблях. Потом он понял. Не его отец... лорд Руд с этого Горта, человек, изнеженный лёгкой жизнью, развращённый абсолютной властью, с которым он встретился в У-Сиппаре. — Но я думал...

— Что здесь нет полукровок? Ха! — юноша горько вздохнул. — Они говорят, что такое рождение невозможно, как помесь морда с суардом. Но это неправда. Большинство родившихся тут же убивают... если отцы о них узнают.

Жить под угрозой вечного смертного приговора — не только со стороны отца, но и от своих же — это нелегко!

— Лорд Руд узнал о тебе. Поэтому ты бежал?

— Да. Муррен, стражник из рода моей матери, дважды спасал меня. Но, как ты видел, его за это наказали. Лучше бы он сам убил меня! Я никто, я не принадлежу ни к той, ни к другой крови.

Как раньше Катал изучал Кинкара, так теперь Кинкар рассматривал своего местного брата. Не его повторение, не физический двойник, как два лорда Диллана. Какие-то законы случайности вмешались в их рождение. Кинкар решил, что Катал моложе него на несколько сезонов, у него худое измождённое лицо, напряжённое, никогда не расслабляющееся тело, как у человека, живущего в постоянной опасности. У него нет счастливых воспоминаний о Вурде и о безопасности в Стире. Неужели он был бы таким, как Катал, если бы родился на этом Горте?

— Теперь ты в безопасности, — попытался успокоить его Кинкар.

Катал посмотрел на него, как на ребёнка, который не понимает, какую глупость сказал.

— Неужели? Здесь не может быть безопасности для сына Руда — вне зависимости от того, как обстоят дела в мире, откуда ты пришёл.

— Лорды изменяют это...

Снова горький смех.

— Да, твои лорды удивляют меня. Мне сказали, что тут все звёздной крови или полукровки, кроме освобождённых вами рабов и беглецов. Но какое оружие есть у твоих лордов? Выстоят ли они против мощи всего Горта? Потому что как только Тёмные узнают правду, весь Горт выступит против этой крепости. Лучше построй другие «врата», о которых они тут говорят, и уходи в них, пока не почувствовал у себя на горле пальцы лорда Руда!

И Кинкар, вспомнив корабли-башни и флаер, вполне

согласился с ним, что в руках Тёмных могучее оружие. На мгновение он потерял уверенность.

— ...какой отличный из меня слуга! — закончил фразу лорд Диллан, проходя сквозь дверную занавесь. Он осторожно держал обеими руками подёрнутую парком чашку, распространявшую соблазнительный запах пищи. Кинкар сразу вспомнил, как давно он не ел. Сзади шёл лорд Бардон, держа в руке несколько разного размера рогов для питья. А дальше все остальные звёздные повелители, великаны рядом с окружавшими их гортианами.

Катал соскользнул с сидения и прижался к стене. Лицо юноши приняло выражение человека, которому предстоит сражаться с намного превосходящим его по силам противником. Лорд Джон поставил кожаную бутылку, которую он принёс, и улыбнулся.

— Оба в одном гнезде. Корми своего, Диллан, а я обслужу этого, чтобы у него язык с голоду не отсох, — и он опустил руку на плечо Катала, как на плечо сына, и тот хоть и не утратил подозрительности, но вырваться не пытался.

Кинкар зачерпнул полную ложку густого супа и принялся есть. Такой еды он не ел с самого Стира. Дорожные лепёшки и сушёное мясо хороши для путника, но они не такие вкусные.

— Это военный совет, — после трапезы провозгласил лорд Бардон. Говорил он легко, и тон его противоречил смыслу слов. — Мы пришли выслушать всё, что вы сможете сообщить нам, сыновья Руда.

Катал непроизвольно вздрогнул при этих словах, означающих в его мире стыд и ужас. Но Кинкару они показались естественными, и ему нравилось, что он может считать себя родственником спокойных и самоуверенных людей рядом с собой. Уверенность вернулась к нему. Он видел Тёмных, и, по его мнению, они не сравнятся с теми звёздными повелителями, которых он знает.

— Начнём с перечисления имён, — по обыкновению повёл совет лорд Диллан. — Расскажи нам, Катал, кто эти Тёмные... перечисли нам все их имена.

17. Вторжение

— Никогда нам не сложить одно с другим!

Кинкар откинулся. На щеке у него поблескивала широкая полоса жира суарда, он случайно задел щеку рукой. Перед ним громоздилась головоломка из металлических обломков флаера. Все эти обломки принесли в крепость, и звёздные повелители и полукровки пытались восстановить машину, но получится ли, никто не был уверен.

Лорд Диллан вздохнул.

— Ты, наверное, прав, — согласился он. — Я учёный, но в технике не очень силен. Если бы только я помнил больше! — и он провёл своей вымазанной в жире рукой по коротко подстриженным тёмно-рыжим волосам. — Пусть это послужит уроком для тебя, мальчик. Изучай всё, что можно, в юности. Потом может пригодиться. Я летал на таком... но восстановить его — совсем другое дело.

Лорд Джон, который лёжа осматривал части рамы, улыбнулся.

— Сплошная теория и никакой практики, Диллан? Нам бы сейчас руководство...

— С таким же успехом можно пожелать новый флаер, лорд, — Вулт встал и потянулся, чтобы размять затёкшие мышцы. — Дайте мне хороших мечников, и я возьму крепость. Не нужно будет собирать эти куски металла и обрывки проводов.

Лорд Бардон, который не принимал участия в их усилиях, заявив, что никогда не обладал склонностью к машинам, рассмеялся.

— А где мы возьмём этих мечников, Вулт? Хочешь заклинанием превратить в них деревья? Судя по всем данным, прямое нападение на этот раз не приведёт к успеху. Интересно... — он разглядывал лежавшие перед ним части. — Этот рычаг слева у твоей ноги, Диллан... Он кажется мне связанным со стержнем, который только что прикрепил Джон. Только предположение, конечно.

Лорд Диллан подобрал рычаг и поднёс его к стержню. Потом серьёзно спросил:

— Ещё какие-нибудь предположения, Бард? Теперь ясно, кто здесь механик.

Кинкар пришёл в возбуждение.

— Смотри, лорд! Если это подходит, тогда подходит это и это, — он сложил части. Ему не было знакомо звёздное волшебство, но когда части соответствуют друг другу, он это видит.

Диллан в знак поражения насмешливо поднял руки.

— Похоже, совершенно необученные для такой работы разберутся в ней лучше. Малые знания не помощь, а помеха. Давайте, дети. Посмотрим, что вы сможете сделать без моего вмешательства.

В конце концов после долгих трудов им удалось собрать флаер.

— Остаётся вопрос, полетит ли он, — подвёл итог лорд Бардон.

— Есть только один способ проверить это, — прежде чем кто-либо успел возразить, лорд Диллан сел за приборы управления. Но когда его рука протянулась к кнопкам, рядом оказался Кинкар, который чувствовал, что должен принять участие в испытании.

Может быть, Диллан и приказал бы ему выйти, но было уже поздно: звёздный повелитель небрежно нажал нужную кнопку, и они поднялись — не с той ужасающей скоростью, как в прошлом полёте Кинкара, но медленно; машина негромко гудела.

— Ну, по крайней мере не взорвалась сразу, — заметил лорд Диллан. — Хотя я не стал бы на ней участвовать в гонках...

Теперь они зависли над башнями крепости. И Воркен, увидев, как они пролетают мимо её насеста, тоже поднялась в воздух и принялась кружить вокруг машины, испуская удивлённые крики. Людей идущих, людей, едущих на лангах, она понимала, привыкла к такому. Но люди в её собственной стихии — это совсем другое дело.

Кинкар, слишком хорошо помнивший нападение горного са-морда, попытался отогнать её. Воркен не способна своим весом разбить флаер, как тот гигант. Но если она вцепится лорду Диллану в лицо, то может всех погубить. Её круги становились всё меньше, любопытство побеждало осторожность. И вот она села на спинку сидения и просунула между ними длинную шею, интересуясь, что будет дальше.

— Одобряешь? — спросил у неё Диллан.

Она что-то пропищала, словно отбрасывая глупый вопрос. Видя, что она спокойна, Кинкар больше не пытался убрать её.

Диллан осторожно начал испытывать восстановленную машину. Она с задержкой отзывалась на повороты и изменение скорости, но всё-таки поддавалась управлению. И Диллан посчитал, что ею можно воспользоваться для осуществления их плана. Пролетев над долиной, которую сторожит крепость, и сделав крут над горами, он со слабым ударом, но достаточно надёжно посадил флаер во дворе.

— Не в лучшей форме, но доставить нас сможет... — огласил он вердикт жителям крепости и туземцам из четырёх освобождённых партий рабов. Лучники из крепости теперь постоянно следили за горной дорогой и освобождали всех несчастных, которых проводили по ней.

Этими людьми командовал Капал. Из тех освобождённых, в ком оставалась сила духа и стойкость, он постепенно создавал боевую группу. Часто приходя в отчаяние, он тем более упорно обучал их, чем меньше они соответствовали его представлениям и надеждам. Он с готовностью ухватился за луки и теперь неустанно тренировал своих людей, в том числе нескольких женщин из числа рабов, и требовал изготовить ещё. Он настаивал, что пришла пора ему возглавить поход.

— Всё дело в том, лорд, — он накануне вечером отыскал лорда Бардона и принялся уговаривать его, — что эти люди слишком долго были рабами. Они думают как рабы, счита-

ют, что никто не устоит перед Тёмными. Но дайте им хоть раз захватить этих слуг-погонщиков рабов или ещё лучше окрасить свои стрелы кровью этих пожирателей грязи, и они станут совсем другими. Они должны испытать вкус победы, и тогда снова смогут посчитать себя людьми!

— Если бы у нас было время, я бы согласился, Капал, потому что ты говоришь как вождь, понимающий, как вдохновить людей и научить сражаться. Но времени у нас нет. Если Тёмные обнаружат нас, мы будем уничтожены, лишённые даже возможности встретиться в честной схватке. Нет, мы должны действовать быстро, уверенно и безжалостно. И как можно скорее!

Ключ к тому, что может стать их единственным шансом, подсказал Катал. Изредка все Тёмные собираются в городе своих кораблей-башен. Несмотря на междоусобицы, на вражду и ссоры, они по-прежнему поддерживают общение, обмениваются припасами, новостями и людьми.

Над туземными традициями они смеются, топчут их, когда обнаруживают, но сами не свободны от символических празднований. И всегда отмечают они годовщину своей высадки на Горте. Для этого они собираются со всей планеты и устраивают двухдневный праздник. Он редко проходит без кровопролития, хотя дуэли не одобряются. Туземцы в этом празднике не участвуют, им запрещено даже приближаться к кораблям-башням на день пути. И они знают, что лорд может не вернуться с такой встречи, и его владения переходят к другому.

— Мы надеемся, что они таким образом когда-нибудь истребят друг друга, — говорил Катал, — используя свою мощь против своих же. Но такие перемены всегда заканчиваются для нас плохо, потому что не возвращаются обычно те лорды, которые правят нами более мягко и терпимо, а их владения получают самые безжалостные. А в последние годы таких перемен стало совсем немного...

— А сколько всего лордов осталось? — спросил лорд Франс.

Катал вытянул пальцы, как будто хотел подсчитывать с их помощью.

— Кто может сказать, лорд? Пятьдесят владений, у каждого свой хозяин. Примерно у трети есть сыновья, младшие братья, родственники. Об их женщинах мы почти ничего не знаем. Они живут тайно под сильной охраной. Так тайно, что ходят слухи, будто их осталось совсем мало. И поэтому-то некоторые лорды... — он замолчал, и его худое лицо покраснело.

— Так мало женщин, — подхватил лорд Диллан, — что у таких, как лорд Руд, появились запретные связи. И, наверное, он не один такой. Но своим детям полукровкам они не разрешают жить.

Катал покачал головой.

— Если Тёмный лорд нарушит закон, лорд, его презирают все остальные. Для них мы — животные, существа, с которыми нельзя считаться. Может, и есть ещё полукровки, рождённые в тайне. Они даже могут прожить несколько лет. Но в большинстве их убивают при рождении. Я вырос до возраста мужчины, только потому что меня спрятала сестра матери.

— Итак, около сотни? — лорд Бардон подвёл итог подсчётам противников.

— Раза в полтора больше, — ответил Катал.

— И все они через двенадцать дней соберутся в кораблях-башнях?

— Да, лорд, это время их сбора.

Крепость начала подготовку, работая весь день и далеко за полночь. Следующее собрание Тёмных наступит очень не скоро, и потому они собирались ударить сейчас. Ещё один год ждать невозможно, а победить в войне против всех крепостей Горта у них не было никакой надежды.

Как только они убедились, что флаер снова поднимается в воздух, в поход выступила первая группа на лангах, вооружённая и готовая к долгому переходу по горным тропам, показанным жителями подземелий.

Капал во главе своих лучших людей с Оспиком в качестве проводника прошёл подземными путями в условное место встречи, откуда были видны корабли-башни.

Кинкар думал, что поедет вместе с остальными полукровками по земле. Но он был единственным, кто побывал в кораблях, и потому его включили в группу звёздных повелителей.

Флаер мог поднять за раз четверых — и то с трудом, — но он всё равно летел быстрее, чем ланг на полном галопе, и перенёс их к последней вершине, с которой уже видна была цель. Все оделись в серебристую одежду, предохраняющую от холода; она абсолютно не стесняла движения, как кожаные и меховые одеяния гортиан. Кинкар в костюме, торопливо подогнанном по его размеру, казался рядом с повелителями мальчиком среди мужчин.

На высоте они какое-то время оставались в укрытии, передавая друг другу четыре пары биноклей. Кинкар тоже получал бинокль в свою очередь. Так они наблюдали за прибытием флаеров в крепость.

— Всего сто десять, — подытожил наконец лорд Бардон.
— Но в каждом могло быть по несколько пассажиров.

Лорд Диллан опустил на время бинокль.

— Я вот всё думаю, Бард...

— О чём?

— Дезактивированы ли их корабли?

— Ну, конечно! Иначе они не построили бы их в стены...

— Наши не были дезактивированы. И если помнишь, Ротерберг говорил, что это вообще невозможно.

— Ты хочешь сказать, что они могут улететь, как звёздные повелители с нашего Горта? — спросил Кинкар.

— Если бы они так поступили, это решило бы множество наших проблем. Но не думаю, чтобы они были так любезны.

Лорд Диллан не ответил. Он продолжал держать бинокль у глаз, как будто запоминал каждую подробность увиденного.

— Больше никого, — заметил лорд Бардон. — Как ты думаешь, они все собрались?

— Похоже на то. Для уверенности подождём до утра, — лорд Диллан продолжал наблюдать. — Разобьём лагерь и оставим постоянного наблюдателя.

Лагерь устроили временный, разбив его в ущелье, и грелись не у костра, а у отопительного ящика, грызя сухой рацион. Очередь Кинкара дежурить настала на рассвете. В темноте новые флаеры не прилетали, и отряд заключил, что все Тёмные собрались в крепости.

— Мы можем удвоить свою численность, — заметил за завтраком лорд Бардон.

— Лучше бы с нами был Ротерберг.

— Гм... — лорд Бардон пристально посмотрел на Диллана. — По-прежнему думаешь об этом? Но среди нас нет инженеров... Да мы бы и не остались, если бы были ими. Те, у кого это в крови, улетели на кораблях.

— Тем не менее я считаю, что от этой мысли не стоит отказываться.

— Конечно, — лорд Бардон рассмеялся. — Если я увижу нужные приборы, тут же установлю их на старт. А тем временем лучший доступ для нас — через спасательные люки. Мы сможем до них добраться с верха той стены. Пойдём к ближайшему?

— Да. И до того, как станет слишком светло.

Снова флаер начал по очереди перевозить небольшой отряд к основанию одной из стен у ближайшего корабля-башни. Лорд Сим забросил на стену верёвку с крюком, точно такую же использовал Муррен. Крюки вцепились в перапёт и держались, когда за них с силой потянули. Разведчики по верёвкам поднялись наверх.

Лорд Томм спиной прижался к борту древнего корабля, чуть расставил ноги, чтобы удержать тяжесть, и более лёгкий лорд Джон встал ему на плечи лицом внутрь. Так он смог коснуться люка. Инструментом, снятым с пояса, он провёл вдоль линии люка, потом толкнул. Потребовалось

ещё две попытки, но наконец люк открылся и они поспешили пробраться в корабль.

Кинкар влез третьим и снова ощутил затхлый воздух и странный запах этой молчаливой башни. Но последовавший за ним лорд Франс, едва оказавшись в коридоре, удивлённо воскликнул:

— Это же «Моррис»!

— Их «Моррис», — поправил лорд Диллан. — Можешь вести нас, Франс. Это двойник корабля твоего отца...

— Рубка управления... — лорд Франс нахмурился. — Столько лет прошло. Да, туда нужно в первую очередь!

— Зачем? — спросил лорд Джон. Он оглядывался с таким же любопытством, как и Кинкар. На два поколения моложе первых высадившихся на планете звёздных путешественников, он воспринимал корабли с тем же интересом, что и полукровки-гортиане.

— Если корабль можно активировать, мы бы использовали его сканер.

Для Кинкара это ничего не значило, но лорд Джон, повидимому, был удовлетворён.

И лорд Франс повёл их, но не к центральной спиральной лестнице, по которой карабкались Кинкар и его сторожа, а к более узкому и незаметному проходу. Звёздные повелители с трудом пробирались по лестнице из металлических прутьев, на которые можно поставить ногу. Они поднимались всё выше и выше, пока лорд Франс не исчез в отверстии в стене, а лорд Бардон за ним. И вскоре Кинкар оказался в самом удивительном помещении, какое только мог вообразить.

Четыре мягких, с подушками, предмета, нечто среднее между креслом и койкой, висели на сложной системе пружин и рычагов, а перед ними тянулись ряды шкал и кнопок. По сравнению с ними панель управления флаера выглядела игрушкой. Над каждым креслом темнело широкое продолговатое непрозрачное окно, похожее на зеркало, которое, впрочем, ничего не отражало. Кинкар оставался

на месте, поражённый этой выставкой звёздного волшебства. Он подумал, что если нажмёт не ту кнопку, то может забросить их всех в космос.

Лорд Диллан прошёлся по помещению.

— Астрогатор, — он положил руку на спинку одного странного сидения, то задрожало под лёгким прикосновением. — Пилот, — указал он на другое. — Астропилот. Связь.

Четвёртое и последнее предназначалось для связиста. Именно в него лорд Диллан и сел.

Как только кресло под ним перестало дрожать, приборная панель наклонилась и сама собой выдвинулась, так что ему удобно было доставать до любой кнопки. Но он не торопился, долго выбирал, прежде чем нажать кнопку. Окно над панелью вспыхнуло жёлтым светом, и лорд Джон воскликнул:

— Он жив!

— По крайней мере связь действует, — и опять слова эти ничего не значили для Кинкара. Но он не обращал на них внимания. Слишком заинтересовал его экран. Как будто лорд Диллан открыл окно. Появилась картина пустынной местности и гор, какая могла быть видна из корабля.

Лорд Диллан сделал что-то ещё, и они увидели помещение, полное механизмов и машин, совершенно незнакомых Кинкару.

— Машинное отделение, — удивлённо выдохнул лорд Джон.

Ещё одно движение пальца лорда Диллона, и перед ними открылась новая картина — пространство, полное баков, пустых, давно не используемых.

— Гидропоника...

Так они осматривали внутренности корабля, помещение за помещением. Но нигде не увидели никого живого, никаких указаний, что недавно здесь кто-то побывал. Наконец лорд Диллан откинулся назад, и его кресло задрожало.

— Он ведь не единственный...

Лорд Бардон изучал приборы перед креслом пилота.

— Скорее всего они собираются в «Гэнги». Ведь это был флагман. Гм... — он не сел в пилотское кресло, просто передвинул один рычаг. Вспыхнула красная лампа, и откуда-то послышалась речь на языке звёздных людей.

— Он горяч! — воскликнул лорд Джон.

Лорд Диллан улыбнулся — холодной улыбкой; Кинкар не хотел бы, чтобы она была обращена к нему.

— И будет ещё горячей, — он встал и подошёл к лорду Бардону. — Пяти часов нам достаточно. Посмотрим... — он отсчитал кнопки, внимательно взгляделся в шкалы, потом руки его замелькали в сложном рисунке над доской. — Пошли отсюда. Попробуем теперь «Гэнги».

— Он взлетит? — спросил лорд Томм.

— Попытается. Во всяком случае эта часть крепости будет разрушена.

Все вернулись на гребень стены, на солнечный свет раннего утра. Лорд Диллан поворачивался, разглядывая остальные башни.

— Пожалуй, нам лучше разделиться. Джон, ты и Родрик, Сим и Томм, идите в эту сторону. Если те корабли пусты, устанавливайте их на старт — через пять часов, начиная с этого момента. Если отыщете... — последовала цепочка слов на звёздном языке, непонятном Кинкару ... — принесите с собой. Мы пойдём на «Гэнги».

Все кивнули и разошлись в разные стороны.

18. Снова ворота

В «Гэнги» ощущался какой-то другой «дух». Никто не заметил, как разведчики вошли в корабль через люк. Но когда они замерли у подножия ведущей в рубку управления лестницы, даже Кинкар почувствовал слабое тепло, исходящее от стен. И здесь не пахло затхлым, давно не менявшимся воздухом.

— Это он... — лорд Бардон был доволен.

— Снова в рубку? — спросил лорд Франс.

— Да! — ответ прозвучал не очень уверенно, словно лорд Диллан опасался подниматься. Может, он думал, что рубка занята?

Но вот он быстро исчез на лестнице, лорд Бардон последовал за ним, остальные вытянулись сзади. Они поднимались мимо закрытых дверей на всех уровнях. Дважды Кинкар, прижимаясь к стене плечом, ощущал лёгкую дрожь корабля.

На первый взгляд, эта рубка управления ничем не отличалась от рубки «Морриса» — те же четыре кресла, те же ряды приборов, те же экраны над ними. Снова лорд Диллан сел в кресло связиста и нажал кнопку. Они увидели внешний мир, потом картина сменилась. Снова машинное отделение, но на этот раз не покинутое, покрытое пылью. На шкалах приборов, установленных на большом корпусе, пошевеливались стрелки. Гидропонный сад был полон зелени, чему звёздные повелители немало удивились.

— Как вы думаете, они собираются стартовать? — спросил лорд Джон.

— Более вероятно, держат «Гэнги» в стартовой готовности как символ, — ответил лорд Диллан. — И, может, сейчас в этом их спасение...

Снова картина сменилась. И Кинкар вздрогнул — такая яркая и отчётливая картина предстала перед ними, словно он смотрит сквозь открытое окно в полное народа помещение. Потому что зал действительно до краёв заполняли люди.

Раздались восклицания лорда Франса и лорда Джона. Они увидели собрание Тёмных.

— Ты... Великий Дух Космоса! Диллан, это ты! — голос лорда Бардона задрожал. — И Руд! Это же настоящий Руд! Лейси... Мак... Барт... но Барт мёртв! Он умер от лихорадки много лет назад. И... и... — лицо его посерело, глаза дико сверкнули. — Эли! Диллан, это Эли! — и он бросился к выходу из рубки.

Лорд Диллан отдал резкий приказ, и Кинкар рванулся

вслед за лордом Бардоном. Остальные звёздные повелители застыли, загипнотизированные открывшимся зрелищем. И только для Кинкара это было просто собрание чужаков.

— Останови его! Не дай ему уйти из рубки!

Лорд Бардон был на голову выше его, и Кинкар не знал, как выполнить приказ, но невозможно было не подчиниться его настойчивости. Юноша бросился к двери и ухватился за обе стороны выхода, преградив его своим телом. Лорд Диллан тоже устремился к нему, но не успел. Лорд Бардон обрушился на гортианина, прижал его к двери и потащил, пытаясь оторвать.

Но тут могучая рука схватила плечо лорда Бардона, развернула его, ладонь ударила по одной щеке, потом по другой, так что только дёргалась голова.

— Бардон!

Лорд Бардон пошатнулся, глаза его приобрели осмысленное выражение. Лорд Диллан быстро заговорил на их языке, Бардон негромко вскрикнул и прикрыл лицо руками. И тогда лорд Диллан повернулся к остальным.

— Это не наши друзья там, понятно? — говорил он медленно и подчёркнуто, чтобы каждое слово достигло не только ушей, но и сознания. — Там внизу не те, кого мы знаем — знали. Я — не тот Диллан, и он — не я.

Лорд Джон прикусил дрожащую нижнюю губу. Он по-прежнему с тоской смотрел на экран, и лорд Диллан обратился непосредственно к нему.

— Это не своего отца ты там видишь, Джон. Не забывай об этом! Это правда, — он повернулся ко всем. — Мы не должны с ними разговаривать — ради нас самих и, может, ради них тоже. Нам остаётся только одно. Они отравили этот Горт, как мы в меньшей степени — наш. И теперь они должны покинуть его...

Он положил руку на спинку пилотского кресла, и в этот момент хрипло заговорил Бардон:

— Ты не можешь отправить их в путь без предупреждения!

— Конечно. Но времени у них останется только на обеспечение безопасности старта. Они должны заплатить за всё, что здесь сотворили. А риск нового изгнания...

Звёздные повелители были заняты своими проблемами, но Кинкар снова посмотрел на экран. И решился прервать.

— Лорд, а они могут нас видеть, как мы их?

Диллан, подняв голову, повернулся к экрану. Ошибиться было невозможно: собравшиеся в том помещении стихли, и все лица были обращены к экрану. Явное недоумение на этих лицах уже сменялось озабоченностью. Другой лорд Диллан шагнул, приблизился к ним, так что его голова закрыла три четверти экрана.

Словно в кошмаре один Диллан смотрел на другого через экран. Огромная рука двинулась поперёк экрана и снова исчезла. Потом загрел голос, он говорил на звёздном языке. Диллан, их Диллан, переключил что-то под экраном и ответил. Потом рука его разорвала контакт, изображение на экране и голос исчезли.

— У нас мало времени, — неторопливо проговорил он. — Задрайте дверь, чтобы они не смогли войти. Им придётся прожигать её...

Его приказ начали выполнять лорд Франс и лорд Джон. Лорд Бардон остался у пилотского кресла. Диллан повернулся к нему.

— Мы дадим им не просто шанс, Бард. Они смогут начать всё сначала. Мы их не обрекаем...

— Я знаю, знаю! Но поднимется ли корабль? Или... — голос его перешёл на шёпот.

— А теперь уходим, — обратился ко всем Диллан. — Прочь отсюда, и как можно быстрее!

Кинкар уже спускался по лестнице. Страх застрять тут и быть унесённым в небо завладел всем его существом. За Кинкаром бежали лорд Джон и лорд Франс. Все трое уже выбрались на открытый воздух, когда к ним присоединился лорд Бардон. Он задержался у люка, положив руку на верёвку, и ждал.

Их окликнули другие группы. Лорд Джон помахал им, сигнализируя, чтобы все уходили. Тут и лорд Бардон отскочил от люка, и в овальном отверстии появилась последняя серебряная фигура. Диллан захлопнул за собой люк и скользнул по верёвке.

— Бегите, глупцы! — закричал он, и Кинкар вместе с остальными побежал по стене. Он не представлял себе, как взлетает космический корабль, особенно вмурованный в камень, но мог догадаться, что последует небольшое землетрясение.

Большая рука ухватила его за талию, и лорд Диллан крикнул:

— Прыгай, сынок!

Все спрыгивали со стены. Кинкар свернулся комком, сильно ударился и покатился, на него навалился кто-то другой, и тут земля под ними дрогнула и покачнулась. Послышался стон разрываемого металла, со всех сторон поднимался грохот, потом последовала ослепительно яркая вспышка, ещё гром — и тишина, такая полная, как будто все звуки исчезли навсегда.

С неба бесшумно падали осколки скал. Вообще не было слышно ни звука. Кинкар высвободился из-под тяжести. Потрясённо сел, в голове звенело; когда он пытался сосредоточить на чём-то взгляд, перед глазами начинали мелькать красные и оранжевые крути. Рука коснулась тёплого тела, потом чего-то липкого. Он нетерпеливо потёр глаза, пытаясь прочистить их. Но больше всего пугала мёртвая тишина.

Теперь он мог видеть, правда неясно. Рядом с его коленом по серебристому полю бежало что-то красное. Совершенно ошеломлённый, он снова потёр глаза. В ушах зазвенело, звон становился громче, когда он пытался пошевелиться, он мешал думать...

Однако он мог двигаться. Кинкар склонился к неподвижному телу рядом с собой. Рана на плече, разорван и серебристый материал, и плоть под ним. Кровотечение уже останавливалось. Он осторожно попытался повернуть ле-

жавшего и увидел бледное и расслабленное лицо лорда Диллана. Но звёздный повелитель дышал. Кинкар посмотрел на тяжёлую голову у себя на руке и раскрыл замок костюма. Сердце билось устойчиво, хотя как будто медленно. Флаер... если только он найдёт флаер и припасы на нём...

Кинкар снова опустил голову Диллана на землю. У него появилось странное ощущение, что если он резко повернётся, то взлетит на воздух.

Прежде чем он смог отвернуться, с земли поднялась ещё одна серебристая фигура. Кинкар видел, как открывается и закрывается рот на грязном лице лорда Джона, но не слышал ни слова. Потом вокруг собрались остальные.

Как ни удивительно, все пережили старт «Гэнги», хотя долго опасались, что Бардон потерялся. Наконец нашли и его, оглушённого, но живого, по другую сторону треснувшей и обвалившейся стены.

Кинкар совсем оглох, он не мог понять остальных, собравшихся у флаера. Диллан, пришедший в себя, перевязанный, сидел, прислонившись спиной к груде обломков, и отдавал приказы. Джон и Бардон не могли передвигаться без поддержки, а остальные деловито обыскивали оставшиеся корабли и подходили к Диллану с отчётами. Дважды они приносили полные ящики каких-то деталей и ставили их в импровизированном лагере.

Лорд Франс на флаере перевёз добычу и раненых подалее в пустыню, на несколько миль от кораблей-башен. Там, где «Гэнги» возвышался в центре этого странного города, теперь образовался обширный кратер; звёздные люди его обходили, он слегка дымился в утреннем воздухе. А стены, которые соединяли его с другими кораблями, обвалились, местами превратились просто в груды щебня. Кинкар, глядя на разрушения, удивлялся, что все остались живы. Обладая он знаниями звёздных людей, он удивлялся бы ещё больше.

— ...улетаем к горам...

Он безучастно смотрел на беззвучно двигающиеся губы так долго и с таким раздражением, что вначале даже не понял, что услышал слова, хотя поначалу они прозвучали как негромкий шёпот сквозь гул в голове. Лорд Франс докладывал о какой-то важной находке, судя по поведению окружающих.

Когда все рысцой побежали от кораблей, вернулся флаер. Лорда Диллана и Кинкара усадили в него, чтобы унести подальше. Должно быть, стройные серебряные башни вскоре должны были последовать за флагманом, брошенные и лишённые экипажей.

Слух наконец-то прочистился, и Кинкар услышал резкий окрик. В пустыне показался отряд всадников. Это были бойцы из крепости! Они скакали галопом, словно в битву, а Вулт далеко вырвался вперед, выкрикивая на ходу новости. Он соскочил с ланга и еле остановился рядом с Дилланом. Лицо его дико искривилось.

— Демон... тот, что в твоём теле, лорд... он обратил против нас освобождённых рабов!

Кинкар заметил пустое седло в приближавшемся отряде. Где Джонатал? Двое скакавших были ранены.

Лорд Диллан резко оборвал речь Вулта.

— Да, это его самый разумный ход. Мы должны лететь туда побыстрее. Франс, садись за управление... Сим...

— Не ты, Диллан! — возразил лорд Бардон.

— Именно я! Кто ещё сможет справиться с ним и показать, что он — не я? — глаза его устремились к Кинкару. — И ты, Кинкар. Настало время, хранитель, использовать твою силу...

Диллан приказал всадникам возвращаться по равнине к крепости вместе с остальными звёздными повелителями, а раненых вместе с лордом Бардоном и лордом Джоном оставить в лагере, чтобы они наблюдали за стартом остальных кораблей.

Флаер поднялся над хребтом и устремился к крепости. Лорд Франс пустил его на максимальной скорости, и

сидевшие в нём не разговаривали. Знакомая вершина встала на фоне неба: они были уже почти у долины.

— Он использует твоё лицо как пропуск, — заметил лорд Сим.

— Асгар поймёт правду.

Да, леди Асгар сможет отличить ложь от правды, но успеет ли сделать это вовремя? И как ложный лорд Диллан сумел уйти из «Гэнги» до старта? Кинкар думал об этом; видя замкнутость своих спутников, он не задавал вопросов.

С воздуха крепость казалась обычной, пока не заметишь тело, лежащее у входа в главный зал со двора. Кроме этого мрачного зрелища, нигде ни следа жизни — или смерти.

Франс посадил флаер во дворе. Теперь звон в ушах Кинкара не заглушал шум в зале. Кинкар вскочил на ноги, с мечом в руке, но двигался он не быстрее лорда Диллана. Вдвоём вступили они в крепость.

Горсть гортиан, среди них и женщины, прижались к дальней стене. В их центре находилась леди Асгар. Она стояла перед серебристой фигурой, двойником бежавшего рядом с Кинкаром человека. За ложным лордом веером располагались рабы. Капал, слабо дёргаясь, словно ещё размахивая мечом, лежал в ногах леди Асгар. А за ней, полупригнувшись, словно собираясь вцепиться в горло ложного лорда Диллана, замер Катал с'Руд.

Обитатели крепости были в западне, их удерживало оружие ложного лорда — бластер, каким он когда-то угрожал Кинкару. Один из рабов позади Тёмного увидел появившуюся группу. Рот его раскрылся в крике неприкрытого ужаса, он бросился на пол, забил кулаками по камням и нечленораздельно завопил. Его товарищи отскочили — сначала от него, потом от своего ложного господина, увидев настоящего лорда Диллана.

Даже человек с железной волей не смог бы не обратить внимание на такое вмешательство. Ложный лорд оглянувшись, дав шанс тем, кого удерживал перед собой. Леди Асгар яростно набросилась на него, пытаясь вырвать бластер, а

Катал и старший сын лорда Джона устремились ей на помощь.

Тут подбежали и остальные прилетевшие на флаере. Диллан, со свежими пятнами крови на повязке, стоял перед самым собой, но сходство между ними больше не было зеркальным, потому что Диллан этого Горта зарычал, лицо его исказилось гримасой гнева. Асгар вырвала у него оружие. И Тёмный с голыми руками устремился к горлу соперника.

Кинкар, как и в тот раз, когда спас лорда Бардона от ножа-иглы, втиснулся между ними, левой рукой сильно ударив ложного лорда по бедру и подставив меч, так что тот упал. Они оба рухнули на каменный пол, а остальные полукровки навалились на них.

Когда Катал и ещё двое прочно прижали ложного лорда, Кинкар откатился в сторону и сел.

— Кто ты? — спросил пленный у своего стоящего двойника.

— Я тот, кем стал бы и ты, если бы история Горта пошла по другому пути...

Ложный лорд Диллан лежал неподвижно, рот его шевелился, как будто ему трудно было произносить слова.

— Но кто... где...

— Мы нашли путь между параллельными мирами...

Диллан смотрел больше не на пленника, а на гортиан. Бывшие рабы, следовавшие за ложным лордом, теперь отступали. Один или два из них скулили. А тот, что упал на пол, бессмысленно уставился в пустоту, из угла его рта стекала струйка слюны. Все остальные были близки к такому же состоянию.

Леди Асгар заговорила с Кинкаром, обеими руками подняв его на ноги, чтобы он побыстрее исполнил её просьбу.

— Это твоя задача, хранитель. Дай им что-нибудь... знак... чтобы они смогли сосредоточиться. Или они у нас на глазах потеряют рассудок!

Кинкар разорвал замок своего серебристого костюма и извлёк Связь. У него на ладони камень слабо засветился, пробуждаясь. Кинкар запел и увидел, что сияние стало ярче. Полукровки подхватили его песню. Мелодичные звуки заполнили высокий сводчатый зал. Камень продолжал теплеть. Кинкар протянул его леди Асгар, и та накрыла талисман своей ладонью и подержала так немного. Сияние не изменилось, и леди Асгар не испытала никакого вреда.

Кинкар повернулся к лорду Диллану из крепости. В свою очередь рука, широкая, смутлая, без колебаний накрыла талисман. И ещё один звёздный повелитель прошёл испытание.

Наконец хранитель нагнулся к ложному лорду. Этому Диллану тоже было не занимать храбрости. Он криво улыбнулся, и рука его, освобождённая Каталом, устремилась к камню.

Однако, несмотря на всю свою храбрость и решительность, взять талисман он не смог. Тот вспыхнул, запульсировал — не сине-зелёным, а зловещим жёлтым светом, как будто необычное пламя языком лизнуло протянутую руку.

— Демон!

Щёлкнула тетива лука, и в широкой груди затрепетала оперённая стрела. Человек на полу изогнул спину и закашлялся, пытаясь ещё что-то сказать своему двойнику. Капал, прижимая к себе лук, рассмеялся.

— Одним демоном меньше, — плюнул он. — Хорошо бы за ним стояли все остальные. Одним демоном меньше!

— Больше никого не будет, — объявил живой Диллан над мёртвым. — Они все вернулись к звёздам, с которых прилетели. Только этот вырвался с корабля до старта, улетел на флаере. Горт теперь свободен от его племени.

Откуда-то в сознании Кинкара возникли слова, полились потоком в диком ритме. Он понимал, что никогда не учил их наизусть, но вместе они слились в страшное проклятие, наложенное на людей этого мира и на Лес за

ним, на приход и уход, на живых и мёртвых. Само звучание этих слов вызывало странные тени, а бывшие рабы впивали его слова, ползли за ним по пятам.

Но вот проклятие сменилось обещанием, какое иногда Трое вкладывают в уста тех, кто вдохновлён их мудростью.

— Лорд... — Капал нарушил тишину, воцарившуюся, когда юноша закончил. — Что ты прикажешь нам?

— Я ничего не приказываю, — Кинкар покачал головой. — Живите как свободные люди в открытом мире... — но роковая одержимость по-прежнему жила в нём. Следовало сделать ещё одно, он должен был это сделать. Связь умерла, превратилась в безжизненный камень. И для него она такой навсегда и останется. Она должна перейти к другому, может быть, лучше подготовленному для её использования. Он всего лишь посыльный, а не настоящий властитель Тройственной Силы.

— Я покажу вам человека, одного из вас, который поведёт вас... — и он повернулся к другому с Руду.

Катал медленно поднял руку, словно она двигалась помимо его воли. Кинкар бросил талисман в воздух. Тот пролетел разделявшее их пространство к ожидающей руке. И когда коснулся её, камень снова засветился! Он был прав: Связь решила уйти от него. И теперь, даже если захочет, он не сможет удержать её.

Камень за спиной чуть потеплел в обещании приближающегося тёплого времени года. Кинкар вдохнул свежий воздух двора. Воркен сидела у него на плече, время от времени покрикивая.

— Оставайтесь с нами, лорды... вы нам нужны...

За последние месяцы они много раз слышали эту мольбу. И, как всегда, последовал тот же терпеливый ответ.

— Нет. Мы нужны вам меньше всего. Это ваш мир, Катал, Капал; прокладывайте по нему собственную дорогу. Мы не хотим, чтобы одни правители-чужаки сменились другими. Берите будущее в собственные руки и радуйтесь, что оно принадлежит вам!

— Но... куда вы пойдёте, лорды? В лучший мир?

В долине мерцали новые врата, воздвигнутые из материалов, снятых с улетевших кораблей. Когда утром они пройдут в них и отправятся в новое добровольное изгнание, обнаружат ли они лучший мир? Кинкар взял свой лук. Найдут ли они Горт своих снов? Или это не имеет значения? Иногда ему казалось, что по какой-то причине им суждено вечно скитаться в поисках, и что подлинная их награда — поиски, а не находки. И это было хорошо.

НОВАЯ ПОРОДА

Глава 1

Слабого ветерка хватало только на то, чтобы тихо шелестеть в листве. Распластавшись как заправский охотник, Фуртиг лежал на толстом суку дерева. Однако его охотничьи когти не были надеты на руки, оставаясь пристёгнутыми к поясу. Он чутко ловил ветер расширенными ноздрями. Но ни одного полезного запаха не доносилось. Фуртиг взобрался на дерево не для того, чтобы совершить изящный охотничий прыжок на проходящую внизу жертву. Он просто хотел оглядеть окрестности. Взобравшись, он понял, что придётся лезть ещё выше: сквозь плотную завесу листвы ничего не было видно.

Он был по-звериному грациозен. Когда-то его предки **ходили на четырёх конечностях**. Фуртиг передвигался на двух ногах, только в минуты крайней спешки или опасности он опускался до бега на четвереньках. На деревьях он чувствовал себя как дома. Впрочем, его предки, подвижные и любознательные, тоже замечательно лазали по деревьям. Вот и теперь Фуртиг с врождённым умением балансировал на тоненьких веточках.

Наконец он добрался до просвета в листве и смог оглядеть окрестности. Дерево, на которое он взобрался, росло на холме, и местность вокруг хорошо просматривалась.

По округе уже прошли первые заморозки, хотя сегодняшний день ещё был тёплым. Прямо под Фуртигом простирались заросли высокой травы, вдали темнели зловещие тени. Трава пожухла и побурела, значит, до сезона холодов осталось совсем немного. Но ещё меньше оставалось до Состязания Умелых.

Сжав потемневшие губы, Фуртиг тихонько зарычал бойцовски, произвольно обнажив белые молодые клыки. Готовясь к воображаемому бою, он прижал уши к черепу и вздыбил шерсть на загривке. В дополнение картины он грозно распушил хвост.

По сравнению с предками, Фуртиг выглядел карикатур-

но. Облик Народа, бывший когда-то от природы целесообразным для данного образа жизни, со временем обрёл новые навыки и черты. Предки Фуртига ходили на мощных круглых лапах. Теперешние потомки, в том числе и он сам, обладали неуклюжими толстоватыми пальцами на руках. Способными, впрочем, выполнять самую разнообразную работу. Тело Фуртига по-прежнему покрывала шерсть, но местами волосяной покров сходил на нет. А череп новой породы увеличился настолько, чтобы вмещать в себя множество мыслей, которые предкам просто не приходили в головы. Предки Фуртига и его Народа относились к семейству кошачьих. Теперь же ни Фуртига, ни его Народ нельзя было назвать кошками. В их головах роились отнюдь не кошачьи мысли.

У Народа, к которому принадлежал Фуртиг, не было собственной меры времени, длительнее двухлетнего промежутка между Состязанием Умелых. Во время таких турниров подросшие воины демонстрировали боевое искусство. А женщины Народа выбирали себе пару среди бойцов. Помимо Состязаний, отметками времени служили наступления зимних холодов, затем возвращение весны, затем тёплые дни лета, когда можно было охотиться по ночам, а дни проводить в дремоте. В остальном же Народ не отличал один год от другого.

Правда, говорили, что Гаммаж умеет много такого, чего не умеют остальные. Но Гаммаж и сам был не таким, как остальные.

Фуртиг бросил взгляд на громады построек по ту сторону полей. То были Логова Демонов. Гаммаж не боялся Демонов. Если верить слухам, Гаммаж обосновался в самом сердце Страны Демонов. Среди лучших воинов Народа в обычае было поговорить о «прогулке к Гаммажу». И время от времени какой-нибудь смельчак действительно отправлялся в неизвестность, но никто ещё не вернулся назад. Что бесспорно подтверждало существование Демонов, раскидывавших свои демонские ловушки. А тот факт, что уже

несколько поколений Народ не видел никаких Демонов, ничего не доказывал.

Фуртиг вспомнил изображения Демонов. Такие картинки показывали в школе, чтобы будущий воин чётко мог различить врага. Лайкеров, Крыстонов или Клыкастых ученику уже вскоре доводилось увидеть живьём. Что же касается Демонов, будущий разведчик приучался распознавать их, в основном полагаясь на собственное воображение.

Демоны покинули свои логова много дней назад. Но следы пребывания Демонов оставались до сих пор. Из Логова Демонов к Народу добирались болезни: вонючая-падучая, кожеедка, сморкашель — с этими напастями Народ был знаком издавна. После эпидемий, приходивших из Логовищ, в старину выживали только жалкие горсточки Народа.

Вот почему, помня об эпидемиях, сородичи Фуртига на протяжении многих поколений держались подальше от Логовищ. Гаммаж был первым, кто отважился поселиться в проклятом обиталище Демонов. Его влекло туда любопытство и жажда неизведанного. Гаммаж издавна жил не так, как остальной Народ.

Фуртиг задумчиво слизнул с руки клейкий сок листвы, от которого слиплась шерсть. Сам Фуртиг тоже принадлежал к клану Гаммажа. Члены клана отличались развитыми телами и огромной любознательностью. За что их не слишком любили в других кланах. Фуртиг снова сжал губы и дёрнул хвостом. Воинам его клана было трудно подобрать пару, даже после победы на Состязаниях Умелых. Будущие мамы желали для потомства уюта и безопасности в пещерах. Понятно, что мужчины, предпочитающие повсюду совать свой нос, любопытничать и оспаривать каждое слово старых заветов, были не в фаворе у благонравных невест.

Поэтому, когда на состязаниях побеждал кто-то из клана Гаммаж, невесты обычно отворачивались. Да и сам легендарный когда-то Гаммаж теперь не слыл авторитетом. И

это несмотря на то, что остальные кланы охотно принимали удивительные изделия Гаммажа, которые он изредка присылал в дар. Впрочем, посылки из Логовищ тоже не поступало довольно давно.

Тем не менее на поясе Фуртига позвякивали охотничьи когти — подарок Гаммажа. Сделанные из блестящего металла, они годами не тускнели, не ржавели и не ломались. в то время как другие вещи, сделанные из обычных сплавов, успевали рассыпаться. Когти крепились на запястье с помощью полоски ткани, и вместе с ними коротколапая ладонь приобретала кривые защитные лезвия-крюки, более смертоносные, чем натуральные когти, росшие когда-то у предков Фуртига. Искусственные когти служили так же верно, как служили предкам естественные. Одним ударом охотничьих когтей можно было свалить взрослого оленя или дикую корову. На этих животных сородичи Фуртига охотились постоянно.

Во время войн между кланами применять когти запрещалось. Но при стычках с Лайкерами когти были просто необходимы: их силу Лайкеры знали очень хорошо. И для борьбы с Крыстонами когти годились — чтобы победить этих злобных тварей, все средства были хороши. Только с Клыкастыми существовало перемирие, и в последнее время стычек не происходило.

Да, когти придумал Гаммаж. Время от времени Гаммаж присылал и другие дары, каждый из которых прежде всего предназначался для облегчения тягот жизни в Пяти Пещерах. Вот почему кланы Пещер уважали все в округе и предпочитали не связываться с ними. К тому же ходили слухи, будто целое племя Народа поселилось к северу от Логова Демонов. Но никто из Народа, к которому принадлежал Фуртиг, ещё тех поселенцев не видел. Только слухи.

Логово демонов... Фуртиг снова оглядел эти тёмные громады вдаль. Они казались горной грядой на горизонте. Интересно, там ли сейчас Гаммаж или где-то ещё? Вполне возможно, Старейшего уже нет в живых.

Впрочем, в это трудно было поверить. Гаммаж — долгожитель. Ни один воин не жил так долго. Одним из последних детей Гаммажа был пра-прадед Фуртига. После того, как подруга Гаммажа умерла от старости, а сам Гаммаж удалился в Логова, его отпрыски остались в Пяти Пещерах. Род Гаммажа сохранил обычай жить долго. Фуффор, отец Фуртига, погиб в схватке с Лайкерами, и теперь он остался единственным прямым потомком Старейшего в Пяти Пещерах. Отец вовсе не казался старым; его подруга каждый сезон приносила новую пару потомства. А она была уже его четвёртой женой в череде сезонов.

И если бы изрядная доля крови Гаммажа не текла нынче в обитателях Пещер, могло бы случиться несчастье. Фуртиг снова тихо вздохнул. Дело было в мрачных рассказах, которые ползли отовсюду, становясь всё более мрачными, всё более зловещими. Будто бы Гаммаж примкнул к Демонам, будто бы он продал душу, чтобы стать бессмертным. Однако несмотря на подленькое мяуканье и шушуканье по углам, Народ Пещер с радостью принимал посланцев Гаммажа. И не было случая, чтобы его дары отвергались.

Вот только посланцы от Гаммажа что-то перестали приходить. И те, кто уходил к Гаммажу, не возвращались назад. Это вызывало новые волны сплетен. На последних Состязаниях победил Фухан, старший брат Фуртига, рождённый сезоном раньше. Однако ни одна самочка не выбрала его. Поэтому он вступил в отряд разведчиков, и ушёл на запад в поисках нового. И не вернулся.

Мог ли Фуртиг ожидать от Состязаний чего-то хорошего? Увы, нет. Он мог рассчитывать лишь на ещё более печальный исход Состязаний, потому что не был так же силен, как Фухан, и не обладал такой же воинской сноровкой. Наоборот, он был слабее и ниже ростом большинства воинов, несмотря на ловкость и сообразительность.

Фуртигу сейчас полагалось бы тренироваться, готовясь к Состязаниям, а вовсе не разглядывать Логова, тратя на это драгоценное время. Но он продолжал смотреть, представ-

ляя, что скрывается за теми стенами. Демоны обладали величайшими познаниями. Правда, они использовали эти знания во вред, что и привело в конечном счёте к их упадку и гибели.

Фуртигу приспомнились слова, сказанные как-то отцом. Тот однажды обсуждал с посланцем от Гаммажа прошлые времена. Это было, когда Гаммаж совершил очередное открытие. Он прислал своим наследникам изображение Демона, которое сам создал. Наследникам Гаммажа предписывалось спасаться и прятаться от любой твари, напоминающей изображённую на рисунке.

Прежде чем умереть, Демоны обычно сходили с ума. Порой точно так же, как это делали Лайкеры. Сойдя с ума, Демоны яростно истребляли себе подобных и теряли способность спариваться и давать потомство. Вот почему они пришли к своему кошмарному концу, не оставив после себя детей, погибая от страшной злобы. Они исчезли, и мир от этого только стал чище.

Всё это было открыто Гаммажем во время его жизни в Логовах. Однако он опасался, что когда-нибудь Демоны вернутся. Фуртиг не мог понять, откуда могут вернуться Демоны — из могилы, что ли? Конечно, Демоны обладали огромными знаниями. Но разве может существо сначала умереть, а потом опять начать жизнь? Возможно, Демоны не были по-настоящему живыми существами, как его Народ, или даже как Крыстоны. Когда-нибудь Фуртиг задаст этот вопрос Гаммажу лично.

Но — не сейчас. Фуртигу надлежало показать Народу Пяти Пещер, что потомки Гаммажа достойны уважения и что в их жилах течёт благородная кровь. И нечего терять время на подглядывание за необитаемыми Логовами всяких там Демонов!

Фуртиг легко соскользнул вниз по стволу. Он находился в маленькой рошнице на краю общего леса, считавшегося охотничьей территорией обитателей Пяти Пещер. В лесу Фуртиг чувствовал себя в безопасности, словно был укрыт в самих Пяти Пещерах.

Он поправил прикреплённые к поясу когти, чтобы они случайным звяканьем не выдали его присутствия постороннему. Потом бесшумно спрыгнул и приземлился на все четыре ноги, грациозный и быстрый. Во время торжеств Народ Пяти Пещер, гордо выпрямившись, должен был стоять на двух ногах. Этим доказывалось, что Демоны, всегда ходившие на двух конечностях, всё-таки не выше Народа. Но в случае нехватки времени — а сейчас дело обстояло именно так — не возбранялось бегать на четырёх конечностях, по-старинке.

Он собирался достичь Пещер с северной стороны, первоначально повернув на запад, чтобы заглянуть на небольшое озерцо, облюбованное для кормёжки жирными дикими утками. Долг воина — возвращаясь в Пещеры, пополнить запасы пищи.

Внезапно его ноздрей достиг новый запах, исходивший откуда-то поблизости. Фуртиг, пробиравшийся меж зарослей, остановился, схватил когти и быстро надел их.

Лайкеры! Так пахнут только они. Лайкеры не охотились, подобно Народу, они перемещались сотнями и их целью всегда было убивать. Любого из Народа Лайкеры могли убить просто для удовольствия.

Фуртиг задумался, выбирая между смелостью и разумным действием. Народ Фуртига никогда не считался глупым. Поэтому Фуртиг размышлял, остаться ли здесь и принять бой, поскольку Лайкеры без сомнения очень скоро почуют его присутствие (Фуртиг удивлялся, как это его не учуяли до сих пор). Либо попытаться скрыться в обход, уйти влево, где он сможет пробраться к Пещерам в относительной безопасности.

С помощью когтей он легко и быстро вскарабкался на дерево, цепляясь за ствол. Там он снова прилёг на сук, с которого недавно оглядывал окрестности. Подавив в горле тихий рык, он прижал уши и, вздыбив шерсть на загривке, стал внимательно всматриваться вниз. Глаза его горели.

Их было пятеро, они бежали на четырёх лапах. Среди

Лайкеров не было такого мастера как Гаммаж, который снабжал бы этих тварей полезными боевыми орудиями наподобие клыков или когтей. Но Лайкеры и без того достаточно опасны. Бежавший внизу отряд Лайкеров состоял из крепких бойцов, ростом с самого Фуртига. Их крепкие мускулы так и перекатывались под шкурами. Один из Лайкеров серым окрасом походил на Фуртига. Шкуры остальных были чёрными, с белыми подпалинами на брюхе и груди.

На каждом Лайкере нёс самодельный пояс — не такой, впрочем, как пояса Народа. С их поясов свисали тушки убитых кроликов. Значит, это отряд охотников, решил Фуртиг. Правда, добыча их была невелика. Фуртиг снова рыкнул с отвращением. Если эти твари захотят продолжить охоту, они должны будут пересечь владения Клыкастых! А уж если у Лайкеров хватит глупости напасть на Клыкастых!.. Фуртиг блеснул зелёными глазами. С Клыкастыми он не побоялся бы воевать против кого угодно. Даже против Демонов. Клыкастые не только отличные воины, они очень умны.

Хорошо бы с Лайкерами расправился сам Сломанный Нос — так Фуртиг называл самого большого воина Клыкастых. Вообще-то его звали по-другому, но никто из Народа не мог воспроизвести речь Клыкастых. Резкие вопли Лайкеров гораздо легче научиться повторять. Хотя и эти звуки не понимало ни одно разумное существо. Впрочем, во времена перемирий в ходу был язык жестов. Перемирия случались редко, но языку жестов детей учили с самых первых дней.

Лайкеры исчезли из поля зрения. Фуртиг тихонько огляделся, ища подходящее дерево неподалёку, на которое можно было бы взобраться. Он спустился вниз и перебежал к новому дереву.

Он всё ещё рычал от негодования. Лайкеры не имели права вторгаться на охотничьи территории Пяти Пещер. Поэтому Фуртигу не стоило терять время на охоту за

утками. Лучше удостовериться, что увиденная им стая не представляет собой разведчиков большого отряда. Такое порой случалось: из-за бескормицы, либо теснимые другими стаями, Лайкеры меняли места охоты, захватывая чужие территории.

Если отряд Лайкеров углубится в лес, то Фуртигу стоило проследить за стаей, пока его не заметили; это могло принести немалую пользу.

Он перебегал от дерева к дереву, потому что так его труднее учуять. В отличие от Лайкеров и Клыкастых, Народ не обладает стойким и сильным запахом. Само племя Фуртига охотилось, полагаясь больше на зрение и слух, а не на обоняние.

Для большей безопасности Фуртиг достал из небольшого мешочка на поясе небольшой комок грязноватого вещества. Оно сильно пахло мускусом. Фуртиг сморщился от отвращения, но решительно натёр этим снадобьем ступни и ладони. У любого Лайкера, отважившегося понюхать след Фуртига, нос окажется забит этой гадостью, и он потеряет настоящий след. Вонючий комок был жиром мёртвой змеи.

В который раз соскочив с дерева на землю, Фуртиг припустился бежать. Он вслушивался, внюхивался, вглядывался, чтобы не пропустить ни одного свидетельства вторжения. Однако ничего, кроме следов замеченного небольшого отряда Лайкеров, не обнаружил.

И вдруг он остановился, заметив нечто странное. На дереве по левую сторону следа какой-то Лайкер поставил ориентировочный знак. Но под ним, под ним!..

Несмотря на отвращение, вызываемое запахом собачьего племени, Фуртиг вдохнул глубже. Под пометкой, оставленной Лайкером, был нанесён штрих, принадлежащий кому-то из Народа. Но это был след не обитателя Пяти Пещер, не члена клана Фуртига. И всё-таки!

Фуртиг выпрямился, пытаясь дотянуться до отметки. Перекрещивающиеся царапины оказались значительно выше

того места, куда мог дотянуться Фуртиг. Значит, оставивший их был выше ростом и сильнее. Это был охотник, гордо выставивший напоказ свой охотничий знак.

Фуртиг рыкнул, на этот раз вслух. Он подпрыгнул и сумел оставить несколько бороздок от когтей наравне со знаком неизвестного охотника. Царапины получились глубже, чем он ожидал. Они перечёркивали поперёк отметины чужака. Пусть полюбуется! Новая отметка послужит незнакомцу предупреждением, чтобы не вторгался на чужую территорию.

Однако в лесу стало черезчур тесно, подумал Фуртиг. Лайкеры ходят отрядами, незнакомый охотник оставляет пометки. Как будто кланов Пяти Пещер вообще здесь нет. Фуртиг прекратил дальнейшее выслеживание и направился к дому. Чем скорее клан узнает о происходящем, тем лучше.

Но он не безоглядно бросился прочь, а двинулся медленно, тщательно заматывая следы. Любой разведчик, унюхав его след, надыхнется яда змеи и будет сбит с толку.

Заметание следов отняло много времени, к тому же Фуртигу нужно было сделать довольно большой крюк, чтобы попасть домой со стороны, противоположной той, откуда он вышел.

Стемнело. Наступила ночь. Фуртиг проголодался. При мысли о еде рот наполнился слюной. Но Фуртиг не позволял себе торопиться.

Раздавшееся из темноты шипение не удивило его. Он ответил условным шипением, принятым как опознавательный знак для своих. Если бы он не отозвался, его тут же схватили бы часовые. Народ выжил благодаря бдительности, а не благодаря бравade.

Он дважды сворачивал с тропы, чтобы не угодить в расставленные ловушки. Правда, Народ не слишком зависел от пищи, выловленной таким способом. Ловушки были привилегией Крыстонов — те у своих жилищ устанавливали множество хитроумных силков, защищаясь таким образом

от вторжения. Этому они обучились в Логовах Демонов. В отличие от Народа, сторонящегося Демонских штучек, Крыстоны вечно отирались в Логовищах.

Пять же Пещер были защищены в силу природных условий. Кланы нашли в них настоящее убежище. Ни одна из Пещер не выходила прямо на равнину. Добраться до Пещер можно лишь миновав два уступа, заканчивавшихся отвесной стеной. Гора старых пней, сложенная вдоль обрыва, образовывала естественную лестницу, которая легко убиралась, оставляя отвесную стену непреодолимым препятствием для врага. Таким врагом были Лайкеры, они дважды нападали на Пещеры большими стаями. И оба раза срабатывала защита Пещер, она была непробиваема. Враги только теряли своих бойцов под ударами защитников. В одной из таких вылазок и погиб отец Фуртига.

Внутри Пещеры были очень глубокими. Одна даже опускалась к воде, текущей в вечном мраке подземелья. Поэтому осаждённому не грозила смерть от жажды. Кроме того, в Пещерах всегда имелся запас сушёного мяса.

Народ Фуртига от века не жил стаями. Разумеется, дети росли при родителях, в семьях. Но в основном взрослых мужчин не слишком приветствовали возле очага. В пещерах полагалось хозяйничать женщинам. А мужчин привечали только в Месяц Спаривания. Юноши, не нашедшие пару, занимались работой вне Пещер — ходили на разведку, стояли в дозоре. С годами численность холостяков росла, но они почти не собирались вместе, разве что в сезоны Состязаний.

У них было перемирие с группой кланов, обитавшей по соседству на западе. Они встречались во время Состязаний, тогда выбирающие себе пару обеспечивали родственные связи между кланами. Но обычно контакты Народа ограничивались пятью семьями, каждая из которых обитала в одной из Пещер.

Пещера, где жила семья Фуртига, располагалась выше остальных с северной стороны. Фуртиг вошёл, на ходу

различая подступившие запахи. Свежее мясо — наверное, рёбра дикой коровы. И ещё утка. Голод усиливался с каждым вдохом.

Однако он не слишком спешил туда, где женщины делили пищу на порции. Он проскользнул в ответвление, где проживал старший по клану. Тот сидел и чистил охотничьи когти, с удовольствием приводя их в надлежащий порядок. Фал-Кан был столь умиротворён зрелищем когтей, что Фуртиг понял: это старший добыл корову.

Люди племени умели видеть в темноте, но в пещере всё равно горели светильники. Небольшая коробка, светившаяся тусклым светом, была одним из даров Гаммажа. Светильник не требовал никакой заботы. Он горел в темноте, утасая, едва первый луч рассвета проникал в пещеру. А с наступлением сумерек светильник вновь оживал.

Другой гордостью Гаммажа были плитки из тёплого материала. Их подкладывали под лежаки по всей пещере. Летом эти плитки убирали, и женщины приносили в пещеру пахучие травы, на которых спали весь тёплый сезон. Но в холодные зимы плитки хранили тепло, которое защищало в самые лютые холода.

— Фал-Кан хорошо поохотился сегодня, — Фуртиг остановился в нескольких шагах от взрослого, приходящегося ему дядей. Тот сидел на своём лежаке. Фуртигу предписывалось держаться от него на подобающем расстоянии.

Фал-Кан ответил как заправский охотник, каждый день приносящий домой дичь, когда утро ещё не занялось.

— Жирная корова, вот моя добыча, — он принялся. — Но ты явился в спешке, ты нашёл неприятельский след. Расскажи, что за опасность увидели твои глаза?

Фуртиг рассказал. Вначале — о Лайкерах. Потом — о странном предупредительном знаке-отметине. От сообщения о Лайкерах Фал-Кан пренебрежительно отмахнулся. Лайкеры появлялись время от времени, и с ними разберутся разведчики, которые установят, случайный это отряд или форпост большой стаи. Но при упоминании об отмети-

нах, оставленных чужаком, Фал-Кан отложил когти и вслушивался в каждое слово. Услышав, как Фуртиг поставил свою метку поверх метки чужака, он довольно кивнул:

— Правильно сделал. Однако, ты говоришь, что царапины, оставленные чужаком, были неглубокими. Не глубже тех, какие могу оставить я?

Он вытянул вперёд руку, показывая собственные когти.

— Нет, кажется, не глубже, — Фуртиг давно привык к тому, что в целях безопасности со взрослыми следует говорить осторожно. Те вечно считали, что если у подростка есть собственное мнение, то оно наверняка неправильное и вредное.

— Значит, он не знаком с Гаммажем! — заключил Фал-Кан.

Фуртиг не смог сдержатъ раздражения и осмелился прервать речь Старшего:

— Как же незнакомец может знать Гаммажа? Ведь этот чужак нездешний, он не принадлежит ни к Пещерам, ни к Народу на западе. Это Гаммаж его не знает, а не он Гаммажа.

Фал-Кан миролюбиво рыкнул, и Фуртиг понял, что зашёл слишком далеко. Он, тем не менее, не отделался от желания противоречить.

Фал-Кан с хрипотцой в голосе, какую допускал в случаях обличения непокорных и неправых, заговорил:

— В наше время о Великом Предке положено говорить открыто и с почтением. Не задумывался ли ты, Фуртиг, почему в последнее время Он не жалуется нас своим вниманием? Ты успел вырасти, а от Великого Предка ничего не приходило за это время. Впрочем, судя по тому, как ты поступаешь, ты ещё недалеко ушёл от ребёнка, — Фал-Кан, не дожидаясь ответа, продолжил: — А всё потому, что Предок — он, кстати, никогда не называл себя Великим Предком, потому что не любил почести — а всё потому, что Предок слишком боится, что Демоны вернуться. Страх перед Демонами так глубоко проник в Предка, что он теперь призывает объединиться всех Людей. Как будто

Люди — это одна семья, один клан! Собрать все Народы вместе, надо же такое придумать!

Фал-Кан подёргал усами и вновь заговорил:

— Каждому воину известно: Демоны исчезли. Они убивали друг друга, и поэтому больше не были способны производить потомство. Их становилось всё меньше и меньше, пока не стало совсем. Откуда же им взяться теперь? Может быть, их захороненные кости вновь обраснут плотью, а тела оживут? И всё-таки Предок опасается возвращения Демонов. И этот образ мыслей завёл Предка на неверный путь. Когда от него пришёл последний дар, нам стало известно, что Предок раздаёт такие же дары другим Людям. И я со скорбью узнал, что Предок осмеливается говорить даже о союзе с Лайкерами, который был бы полезен для единой защиты от Демонов. Потому что, когда они вернутся, мы окажемся разрозненными и слабыми, не умея противостоять им. Когда я узнал о заблуждениях Предка, Старейшины приказали посланцам Гаммажа не посещать больше Пещеры. Мы отказались от даров Предка и больше не считаем его посланцев братьями по клану.

Фуртиг судорожно сглотнул. Так вот почему ничего не слышно про Гаммажа! Он оказался способен на такое! Фуртиг не знал этого раньше. Никто из Людей не доходил в грехе до того, чтобы делить оружие с врагами, даже если это потребуется для защиты. И если бы заблуждения Гаммажа не были столь ужасны, Фал-Кан не рассказал бы о них.

— Гаммажу донесли наши слова, — продолжал Фал-Кан, мотая хвостом, — и он понял их правильно. От него больше не приходили посланцы. Но от западных союзников мы знаем: среди нескольких Логовищ установлены флаги перемирия. Там собираются Люди, пришедшие неизвестно откуда. Мы не знаем, кто они. Но вполне возможно, когда Люди родного клана отвернули свои умы от безумных идей Гаммажа, он принялся кормить плодами своих измышлений других. Это позор для нас. И мы никогда не

говорили о нём, даже между собой. Только если этого требует великая необходимость, вот как сейчас, — и Фал-Кан совершенно искренне добавил: — Что касается отметины чужака, о ней следует рассказать всем воинам. Мы не столь богаты, чтобы позволять чужим пользоваться нашей территорией. Эту же весть надо сообщить западным союзникам. Они скоро придут на Состязания. Иди по-есть, воин Фуртиг. А я донесу твои слова до Старейшин клана.

Глава 2

О появлении гостей разведчики доложили после полудня. Однако до Пещер делегация добралась только к темноте. В этот сезон Состязания проводились в Пещерах, и гости должны были добираться сюда. На следующий сезон Состязаний Народ Фуртига должен будет пересечь большое расстояние, чтобы добраться до места проведения турнира.

Все молодые воины и те, кого не выбрали в прошлые сезоны, выстроились в ожидании начала испытаний. Нескольким воинов не пришли, потому что Старейшины поручили им неотложные дела.

Рассматривать гостей в упор считалось неприличным, но воины оглядывали друг друга, оценивая способности предполагаемых противников, сравнивая прошлогодних чемпионов и нынешних претендентов, шагающих рядом с малышами и женщинами, и бросая взгляды на кружок Выбирающих.

По мнению Фуртига, среди Выбирающих не было никого красивее Фас-Тан, девушки из пещеры Формура. Правда, соперники Фуртига были тоже интересны и сильны. Так что Фуртиг лишь вздохнул: у него не было почти никаких шансов привлечь внимание Фас-Тан.

Благодаря неким странным законам наследственности, которые явно прослеживались в линии её родственников, Фас-Тан обладала особым цветом и особой длиной волос,

что только придавало девушке красоты. Мягкое облако вокруг её головы было раза в три больше жёсткого меха на загривке Фуртига. И цвет, переходящий от тёмно-каштанового в почти молочный, но безо всяких пятен или полосок. Тёмный хвостик, пушистый, как и голова, был расчёсан гребнем из рыбьих костей. Таких гребней возле пещеры Формура появлялось великое множество. Их приносили те, кто надеялся заслужить внимание Фас-Тан, поймать на себе хоть один её взгляд. И если она принимала вещь, сделанную чьими-то неуклюжими руками, этого хватало воину, чтобы целый день гордо расхаживать у Пещер.

Понятно, что Фас-Тан будет оказана честь выбрать первой. А с её-то гордостью она, конечно же, выберет достойнейшего. Никакой надежды на то, что Первая Выбирающая, Фас-Тан, остановит свой золотой взгляд на нём, у Фуртига не было. Но плох тот воин, который не мечтает. И Фуртиг помечтал...

Однако его мечты перебила новая забота. Слова Фал-Кана о заблуждениях, почти предательстве Гаммажа, крепко засели у Фуртига в голове. Он перевёл взгляд с женщин соседнего клана на ряд воинов-соперников. У большинства из них с поясов свешивались охотничьи когти. Фуртиг разглядел также несколько подростков, которые шли в общей колонне, но без когтей, этих отличий взрослого воина. Поскольку охотничьи когти больше не приходили с дарами Гаммажа, воин мог добыть их двумя способами. Во-первых, унаследовав когти от отца, когда тот отправлялся в страну Последней Тьмы. Во-вторых, вызвав на поединок обладателя когтей и в честном бою взяв их как трофей, доставшийся победителю.

У Фуртига имелись когти, доставшиеся ему от отца. Он долго-долго оббивал когти молотком, чтобы придать им форму своих рук. Что, если завтра его вызовет на поединок какой-нибудь юнец без когтей и отнимет их? Фуртиг бережно коснулся своего оружия. Потерять их значило потерять всё.

Он вновь подумал о Фас-Тан, и на этот раз в нём поднялась ярость, подталкивающая выкрикнуть вызов медленно, в первое встречное усатое лицо ближайшего воина. Он знал, что никто не удержится от участия в Состязаниях, видя, как Выбирающие призывно колышут хвостиками и спокойно шествуют, не замечая, кажется, никого, но на самом деле отлично понимая, какие на них кидают взгляды.

В этом сезоне Фуртиг был единственным представителем Пещеры Гаммажа. Так как в прошлом сезоне его старший брат Фухан не привёл в пещеру девушку, Фуртигу на этот раз предстояло сделать два вызова, за себя и за брата. Фуртиг свернул в низкорослый кустарник, направляясь в Пещеру.

Там он пробрался на своё место и вздохнул. Народ был слишком малочисленным, чтобы рисковать жизнями воинов. Поэтому на Состязаниях никогда не доходило до смертельного исхода. Однако участника могли сильно избить или даже покалечить, если Предок лишал его своей милости.

А Гаммаж, Предок Фуртига, даже мысленно не присутствовал на Состязаниях. После рассказа Фал-Кана у Фуртига не осталось даже уверенности в милости Предка. Раздумывая, Фуртиг отодвинул светильник и зачерпнул из кувшина пригоршню-другую воды.

Почему Предок так боится возвращения Демонов? В последний раз их видели очень давно. Разве что — шерсть на загривке Фуртига встала дыбом — где-то в глубине Логовищ ещё остались живые Демоны...

Гаммаж, несмотря на то, что теперь обходит стороной Пять Пещер, мог узнать о существовании Демонов, мог научиться от них всему демонскому злу. И всё-таки Фуртиг верил, что Гаммаж в такой ситуации прислал бы чёткое послание, чтобы попытаться убедить хотя бы нескольких из Людей примкнуть к его плану, каким бы диким он ни выглядел.

Старшие часто обращались к прошлому. Они то и дело говорили с кем-нибудь, кто уже ушёл в страну Последней Тьмы. Как будто ушедший находится где-то рядом. Это умение видеть ушедших приобреталось Старшими только в очень преклонном возрасте. Впрочем, мало кто из Старейшин доживал до глубокой старости. Потому что чаще всего охотник внезапно погибал от удара рогов или от клыков дичи, за которой охотился. Или вдруг с холодами подступала неизлечимая простуда. Или нападали другие недуги, тучами увивавшиеся вокруг Пещер.

Наверное, все эти неприятности не достигали логовищ Демонов. Вот почему старый Гаммаж разглядел тени Демонов, крадущиеся к Народу. Скорее всего, это и есть правильный ответ: Гаммаж также обладает сверхзрением, помогающим видеть невидимое. А как спорить с тем, кто утверждает, будто видит невидимое? Вот и Гаммаж, замечательный мастер-изобретатель из Логовищ, под влиянием этих призрачных теней возвращающихся Демонов станет опасен для Народа, если продолжит сеять свои заблуждения среди чужаков. А ведь он проповедует свои идеи даже среди врагов! Так сказал Фал-Кан. Надо, чтобы кто-то отправился к Гаммажу и узнал, что же тот делает в действительности. Но идти придётся по-настоящему, а не просто болтать о «прогулке к Гаммажу», как это принято у одиноких юных воинов. На благо Народа необходимо, чтобы кто-то отправился к Гаммажу.

В последний раз к Гаммажу уходили четыре сезона Состязаний назад. Ушедший не вернулся домой. То был Фоскотт из Пещеры Фавы. Тогда Фоскотт победил на Состязаниях. Фуртиг попытался вспомнить, как выглядел Фоскотт, и пожалел, что вспомнил. Потому что Фоскотт был очень похож на Фуртига, того почти взрослого Фуртига, какого в последнее время отражали гладкие воды Бассейна у Больших Деревьев.

Фоскотт был также худощав, узкоплеч и гибок. Даже шерсть у него имела такой же окрас, дымчато-серый, почти

голубой в солнечном свете. Он тоже любил бродить в одиночку, и однажды показал Фуртигу находку, обнаруженную им в одном небольшом Логове, стоявшем на отшибе от Логовищ, где обитал Гаммаж. Найденная вещь представляла собой странный металлический ящик, одну сторону которого покрывала инкрустация из очень гладкого материала. Когда Фоскотт нажал на что-то в ящике, на гладком материале появилась картинка. Эта вещь, конечно же, была делом рук Демонов. И когда Старейшины в Пещерах увидели её, они отобрали ящик у Фоскотта и разбили его камнями.

Поглаживая охотничьи когти, Фуртиг размышлял о завтрашних состязаниях. Можно, конечно, забыть про Гаммажа и заняться устройством собственной жизни. Чем ближе подходило время схватки с противником, тем хуже чувствовал себя Фуртиг. Впрочем, когда выкрикнут вызов, Фуртиг ринется в бой, забыв обо всём. Это был закон, они все забывали страх, едва чуяли азарт битвы. Эти порывы не поддавались контролю. Сама жизненная сила Народа кидала их в схватку с противником.

Считалось неприличным заглядывать в жилища другого племени. Поэтому собравшиеся на встречу обитатели Пещер разбрелись по домам, а представители другого клана соорудили из повозки, в которой прибыли, палатку. Так что Фуртигу не пришлось оставаться в одиночестве долго. В пещере же вся семья окружила его.

Фал-Кан и двое младших Старейшин принялись выдавать Фуртигу очередные наставления.

— Не стоит надеяться на жеребьёвку...

Фуртиг предпочёл бы, чтобы на него не обращали внимание и оставили в покое. Неизвестно, чем его собственное убеждение в том, что он завтра провалится, хуже совета старших, тщетно скрывавших явные сомнения в его будущей победе. Но Фал-Кан говорил так, как будто мог завтра повлиять на выбор противника поподатливее.

Другой Старейшина, Фуджор, безучастно вылизывал руку

языком, обращая особое внимание на место, где отсутствовал один палец. Он лизал так тщательно, словно палец мог снова вырасти. Фуджор весь зарос густой шерстью и чаще других бегал на четвереньках.

— Верно, — поддакнул он, пока Фал-Кан напутствовал:

— У троих нет охотничьих когтей. Так что ты, воин, будешь лакомым кусочком для соперников. Помни, что за хорошее оружие дерутся яростней, чем за иную самку.

Фуртигу хотелось сорвать с пояса эти драгоценные когти и засунуть их куда-нибудь подальше. Но это запрещалось обычаем. Он должен будет выложить своё оружие на скалу Вызовов, когда настанет его очередь драться. Но несмотря на отчаяние, он осмелился заговорить со Старейшинами. В конце концов и Фал-Кан и Фуджор когда-то победили на Состязаниях. Не посоветуют ли они что-либо ценное новичку?

— Неужели Старейшины думают, что я окажусь побеждённым, что оружие, перешедшее ко мне от отца, достанется чужому Воину? Если да, то можете не рассказывать мне, как избежать этого поражения.

Фал-Кан критично взглянул в его сторону:

— Только воля Предка определит, кому быть победителем. А ты сообразителен, Фуртиг. Ты уже узнал, чему мы могли научить тебя. Мы старались. Посмотрим теперь, что ты сможешь сделать без нас.

Фуртиг умолк. Лучшее, что он мог сделать — это убраться подальше от этих двух Старейшин. Фуджор считался Старейшиной лишь по возрасту, а не по уму. А Фесан никогда не повышал голоса в присутствии Фал-Кана.

Из молодёжи, кроме него самого, клан располагал только мальчиками-подростками. Но они были ещё слишком малы и годились разве что на прокладывание тренировочных следов к завтрашнему занятию. В последнее время в Пещере Гаммажа жило больше женщин, чем мужчин. К тому же Выбирающие из Пещеры уходили в другие кланы после каждого Состязания. Семейство потихоньку рассеи-

валось. Вполне возможно, через некоторое время с ними произойдёт то же, что и с семьёй Рантла из нижней Пещеры. Там остались только Старейшины и Выбирающие, состарившиеся настолько, что уже не могли производить потомство. Да, гордый род основал Гаммаж, ничего не скажешь!

Фуртиг неторопливо сжевал пищу, положенную в его миску, добрался до своей лежанки и свернулся клубочком, готовясь ко сну. Если бы завтрашний день уже был позади! Если бы уже было известно, выиграл он Состязание или нет!..

Сквозь тьму до Фуртига доносился тихий шёпот двух его сестричек. Для них завтрашний день означал триумф и развлечение. Они будут не среди сражающихся, а среди Выбирающих.

Фуртиг попробовал было представить себе лицо Фас-Тан, но сладкое видение ускользало, на его место приходили более грубые материи. Фуртиг с отвращением подумал, как это позорно — вернуться в Пещеру без когтей, по обычаю пристёгнутых к поясу. И тут он ясно понял, что сделает. Он не уйдёт бродяжить, как его старший брат. И не останется в Пещерах, чтобы вечно выслушивать укоры Старшин. Он уйдёт к Гаммажу!

Утром Фуртиг не мог вспомнить, что видел во снах. Так что невозможно было истолковать какое-нибудь сновидение как предупреждение, посланное Предком. Поднимаясь с постели, Фуртиг не чувствовал себя сильнее, чем обычно. Наоборот, его угнетало нехорошее предчувствие и ему стоило труда сохранять обыкновенную маску безразличия, подобающую воину в столь великий день.

Когда настало время сбора на вытоптанной Площадке Состязаний, Фуртиг смело встал в ряды Вызванных на бой, словно он был сам Сан-Ло. Так звали лучшего бойца, выставленного против Пещер. Его рыжеватая короткая шерсть переливалась на солнце бурыми полосками, словно это золотистое сияние предсказывало скорые почести, ко-

торые возвысят Сан-Ло в глазах жителей Пещер и западного клана.

Фуртиг не питал необоснованных иллюзий: их отряд почти не имел шансов победить. Вместе с ним Пещеры выставили десять бойцов... В большинстве своём светлого окраса, но с разным рисунком. Два серо-полосатых брата — довольно заурядной расцветки. Ещё один боец — чёрный как ночь, и его два белоснежных брата. Эта бесшабашная троица всегда охотилась вместе и юноши были очень общительны. Далее два рыжих бойца, похожие на Сан-Ло, но помоложе. Ещё один — полосато-бурый с белым брюшком. И наконец Фуртиг собственной персоной, чисто-дымчатый.

Противники, согласно традиции присланные только от двух семейств, в основном выглядели более однообразно: чисто чёрные или в чёрно-белых пятнах.

Выбирающие привольно разлеглись на согретых солнцем камнях по одну сторону Площадки, с восточной стороны. Старейшины и семейные собрались с южной и северной сторон. Время от времени какая-нибудь из Выбирающих издавала призывный вопль, обещающий восторги страсти будущему избраннику. Только Фас-Тан незачем было привлекать к себе внимание подобным образом. Все и без того давно уже отметили её поразительную красоту.

Старейшина из Западного клана — его звали Ха-Джа — и Старейшина Пещер, по имени Кайджен, выступили в центр Площадки, подзывая первых воинов из каждой шеренги. Над головами подходящих попарно воинов Старейшины держали горшок, в котором были сложены жребии. Воины вытаскивали дощечки, на которых было написано имя противника. Наконец настала очередь Фуртига, все остальные уже вытянули свои жребии. Он нащупал в горшке всего две оставшиеся дощечки, вытащил одну и отошёл с нею в сторонку.

Наконец все воины снова выстроились в шеренги и, расчистив перед собой небольшие участки, установили вытянутые жребии.

Ха-Джа выкрикнул:

— Первая пара воинов!

Сан-Ло оскалился и выпустил когти. Кайджен сделал знак противнику Сан-Ло. Им оказался крепкий парень, весь в чёрной шерсти, нетерпеливо бьющий хвостом. Это была достойная пара для Сан-Ло.

Оба вышли к центральному камню, положили охотничьи когти рядом. В этом бою обходятся без оружия.

Ха-Джа и Кайджен подали знак сходитьсь. Противники вступили в круг, распушив хвосты, прижав уши и сощуриив глаза. Оба издали боевые кличи и закружились, выбирая момент для прыжка.

Они схватились, яростно царапаясь, брыкаясь мощными ногами и уворачиваясь. Даже привыкшие к подобным зрелищам зрители не могли различить, кто где, пока дерущиеся не отпрянули перед новой атакой. Ключья шерсти усыпали площадку, но воины снова издали боевой клич, их бойцовская ярость несколько не утихла от первого наскока.

И снова яростный безудержный клинч. Они покатались по земле, сея вокруг ключья шерсти. Боевой настрой захватил зрителей. Воины выкрикивали боевые призывы, едва-едва сдерживаясь, чтобы самим не вцепиться в ближайшего противника. Даже Старейшины присоединились к общему возбуждённому беснованию. Только Выбирающие оставались заученно-безразличными. Лишь глаза их приоткрылись пошире, а розовые язычки забегали по губам.

Сан-Ло победил. Когда дерущийся клубок распался, противник Сан-Ло побрёл прочь, волоча поджатый хвост и стирая кровь, сочившуюся из глубоких царапин на животе. Победитель от Пещер подошёл к камню и с горделивым звяканьем потряс охотничьими когтями, затем, выпятив грудь, вернулся в строй.

Бои продолжались. Два бойца от Пещер сдались противникам за явным преимуществом. Затем три боя подряд выиграли воины Пещер. Опасения Фуртига росли. Воинов западного клана оставалось немного и среди них был очень

сильный боец, почти такого же грозного вида как тот, что дрался против Сан-Ло. Похоже, что воля Предка не благоволила к Фуртигу.

Так и случилось. Ещё один бой выиграл сосед Фуртига по Пещерам. Но самому Фуртигу достался именно тот сильный воин. И увы, у него не было охотничьих когтей на поясе, так что Фуртигу предстояло испытать не одно поражение, а два.

С ужасом готовясь к неизбежному, Фуртиг вышел к камню, стараясь ничем не выдать неуверенности, положил охотничьи когти и повернулся к противнику.

В конце концов, он должен был принять бой. И Фуртиг издал боевой клич, концентрируя все силы. Бой начался и Фуртиг дрался, прилагая всё своё умение, всю выучку. Которой, к сожалению, оказалось мало. Его одержимости хватило на два яростных клинча, во время которых он получил множество ран от ударов по ногам. Это был не бой, а сплошной кошмар. Но Фуртиг не должен был сдаваться, надо было продолжать бой, пока...

Пока не наступила темнота, поглотившая его и растворявшая в тяжёлых видениях. И когда он очнулся на своём лежаке в Пещере, то подумал, что всё ещё продолжает видеть дурные сны. Он приподнял кружившуюся голову и обнаружил, что вся она облеплена целебными листьями. Превозмогая боль, он с надеждой дотянулся до пояса. Когтей не было. Он потерял оружие, утратил дар Гаммажа, переданный когда-то отцу. Он потерял надежду быть в Пещерах кем-то более авторитетным, чем безрукий Фуджор.

По всему видно было, что его доставили в Пещеру с наибольшей заботой. Но рядом никто не сидел. Фуртигу хотелось пить — жажда приносила новую боль. Но он заставил себя превозмочь страдания и встал, несмотря на ноющие ушибы и ссадины. Он дополз до каменной выемки с водой и трясущейся рукой зачерпнул пригоршню. Вторую порцию воды он не осилил. Но всё же пытался напиться,

так же отчаянно, как недавно дрался безо всякой надежды на успех.

Он не пошёл назад, к лежанке. И не потому, что хотел пить, а потому, что издали доносился шум праздника. Наверное, церемония Выбора закончилась, и теперь Выбравшие веселятся со своими избранниками. Фас-Тан .. Фуртиг старался не думать о ней. В конце концов, Фас-Тан — это только мечта, которой Фуртиг никогда не будет обладать.

Зато утраченные когти были настоящей потерей, из-за которой стоило, подобно малышу, отбившемуся от матери, зареветь в голос. Теперь Фуртиг потерял последнюю возможность остаться в Пещерах.

Но одно дело отправляться в Гаммажу при полной амунии, победителем. А идти в качестве побитого на Состязаниях, к тому же потеряв оружие... Для этого Фуртиг был слишком горд. И всё-таки он должен уйти к Гаммажу. У него есть право выбора — уходить или остаться, и он воспользуется этим правом так же, как и его ушедший брат.

Помимо прочего, всегда можно заявить своё участие в будущих Состязаниях. Впрочем, этого Фуртиг хотел меньше всего.

Однако уходить, не объявив своего выбора, Фуртиг тоже не собирался. Для такого шага он тоже был слишком горд. Некоторые проигравшие бывали так обескуражены, что уходили втихомолку, ночью, никому ничего не сказав в своих пещерах. Такой уход не для Фуртига! Он вернулся на лежанку. Надо подождать, пока он не окрепнет для похода.

Так он и лежал, болезненно раздумывая, прислушиваясь к шуму праздника и стараясь угадать, кого выбрали его сестрички. Победителей из западного клана, или воинов Пещер. С этим он и заснул.

Он проснулся, когда лучи солнца играли у входа в Пещеру. Стоял день, и лежанки Старейшин были пусты. Но в глубине Пещеры слышались звуки. А прямо перед Фуртигом, почти нос к носу, сидела, уставившись на него немигающими круглыми глазами, девочка-подросток.

— Фуртиг, — нежно произнесла она, осторожно снимая высохший целебный лист с его плеча, — Фуртиг, тебе очень больно?

Он ощутил, что ему не так больно, как раньше.

— Не очень, сестра по клану.

— Ты — сильный воин из Пещеры Гаммажа...

Фуртиг недовольно сморщился:

— Ты ошибаешься, сестра. Я проиграл в битве с воином из западного клана. Это Сан-Ло сильный воин, а не я.

Она покачала головой. Как и Фуртиг, эта девочка носила дымчатую шёрстку, но её шубка была длиннее и шелковистей. Фуртигу подумалось: Фас-Тан прекрасна из-за своей редкой окраски. Но когда для этой девочки придёт время стать Выбирающей, она тоже будет красавицей.

Она подтвердила то, что он и сам предвидел:

— Фас-Тан выбрала Сан-Ло. Сестричка Найя выбрала Мура из Пещеры Фолока. Но вот сестричка Ингар выбрала чёрного воина из западного клана.

Девочка поджала уши и фыркнула.

— Это тот, с кем я дрался, да, Ю-ла? — спросил Фуртиг.
— Что ж, он сильный воин.

Ю-ла снова покачала головой:

— Он сделал тебе больно. Сестричка Ингар не должна была выбирать того, кто причиняет вред брату по клану. Она больше не принадлежит Пещерам.

— Конечно нет, сестра. Выбравшая переходит в клан избранника. Так принято. Это жизненное правило.

— Плохое это правило — устраивать драки, — покусывая пальчик, она добавила. — Ты лучше, чем Сан-Ло.

Фуртиг хмыкнул:

— Я не взялся бы доказывать это утверждение, сестричка. Вообще-то, ты сказала неправду.

Ю-ла пробурчала:

— Да, у него сильные когти. Но слабая голова. Он не умеет думать. Нет, Фас-Тан просто дура. Она должна была выбрать не того, кто умеет драться, а того, кто умнее.

Фуртиг взглянул на девочку. Ведь она всего-навсего подросток, ей ещё целый сезон до поры Выбора. Но сказанное Ю-лой не было детским суждением. Он с проснувшимся любопытством спросил:

— Почему ты так думаешь?

Она гордо тряхнула головкой:

— Мы — из Пещеры Гаммажа. Предку были известны многие вещи, которые он присылал нам в помощь. Он научился делать эти вещи не путём турниров и драк. Вместо драк Предок охотился за знаниями. Женщины, братишка, порой тоже умеют думать. Когда я вырасту настолько, чтобы различать следы, я не пойду в Выбирающие. Как и ты, я пойду к Гаммажу! У него я буду учиться и учиться.

Она вытянула вперёд маленькие пушистые ручки, словно желая удержать знания, словно собирая их из воздуха.

Фуртиг осторожно возразил:

— Но Гаммаж с возрастом потерял разум...

И вновь она сердито фыркнула, на этот раз на Фуртига.

— Ты говоришь как Старейшины! Если кто-то не понимает нового, то, конечно, следует называть новшество вредным и недобрым! Лучше подумай, насколько велики знания Гаммажа, если то, что он присылал нам — лишь маленькая толика тех изобретений, какими он располагает. В Логовах, наверное, осталось немало полезных вещей.

— Но если опасения Гаммажа обоснованы, то Логова также грозят и Демонами.

Ю-ла сморщила нос:

— В Демонов, братишка, надо верить, когда сам их видел. А до тех пор надо брать с собой в дорогу всё, что может пригодиться.

Фуртиг привстал:

— Да, но откуда ты узнала, что я собираюсь уйти к Гаммажу?

Она тихо, мурлыкающе, засмеялась.

— Ты есть ты, братишка, и не можешь быть никем другим. Лучше взгляни, — и она вынула из-за спины

небольшую сумку, затянутую шнурком. Фуртиг лишь однажды видел такую сумку, но знал, что среди женщин они весьма ценятся. Согласно преданию такие сумки делала последняя подруга Гаммажа, потому что у неё были самые гибкие пальцы. Но с тех пор такие сумочки никто не делал.

— Откуда у тебя такая сумочка?

— Я сама её сделала,— ответила она с величайшей гордостью. И кладя сумочку ему в руку, добавила. — Это для тебя. И вот ещё.

Она достала вещь, которая потрясла его не меньше, чем сумка. Охотничьи когти! Не столь ухоженные, как его собственные, тускловатые от времени и поцарапанные. К тому же нескольких сегментов не хватало.

— Я нашла их среди камней у водной пещеры. Они сломаны, братишка. Но в конце концов, ты уйдёшь не с голыми руками. И я очень прошу тебя... Когда предстанешь перед нашим Предком, спроси у него: разве женщина из Пещеры Гаммажа не достойна изучать новое? И покажи ему сумку. Обещаешь?

Изумлённый сильнее, чем хотел бы себе позволить, Фуртиг прижал к груди сумку и когти.

— Будь уверена, сестричка. Я передам ему всё сказанное тобой, слово в слово.

Глава 3

Фуртиг осторожно пробирался вперёд. Ещё не рассвело, но для его глаз было довольно светло. Следовало пересечь обширное открытое пространство по западную сторону от Логовищ Демонов под прикрытием темноты. Он так решил, несмотря на то, что весь предыдущий день, проведённый в наблюдениях, не принёс информации о каких-либо признаках жизни. И сейчас, торопливо шагая по равнинной траве, он не мог обнаружить ни заметённых следов, ни других знаков, указывающих, что в Логова или из них кто-нибудь ходит.

Но чем ближе он подходил к Логовам, тем хуже становилось у него на душе. Даже издали было видно, что по высоте Логовища превосходят уступ, где располагались Пять Пещер. Какими Логовища окажутся вблизи, Фуртиг и представить не смел. И вот теперь, подойдя ближе, он едва не падал навзничь, задирая голову вверх в попытке оглядеть упирающиеся в небо вершины этих чудовищ.

Они просто ужасали. Войти внутрь означало для Фуртига добровольный поход в западню. Но как же Гаммаж? Он-то там, в Логовах. Впрочем, что если Предок умер? Тогда его молчание, длившееся вот уже несколько сезонов, могло быть объяснено смертью, а вовсе не тем, что его одолела неправильная идея.

Чутьё Фуртига значительно уступало в остроте нюху, скажем, Лайкеров. И всё-таки Фуртиг поднял голову, тщательно стараясь уловить основной запах. Народ Гаммажа всегда метил свою территорию. В лесах пометки оставались в виде царапин на деревьях, на равнине помечали оставленным запахом. Однако дувший со стороны Логовищ ветер не доносил никаких особых запахов, только пригибал траву. Пахло увядающими стеблями и травяной живностью. Мышь, кролик. Больше ничего.

Став на четвереньки, Фуртиг припустился охотничьей рысью, прислушиваясь к шорохам вокруг. Шуршала трава под ветром, под ногами Фуртига. От шелеста некуда было деться. Слева подпрыгнуло что-то испуганное. Кролик.

Трава кончилась. Впереди расстился гладкий, словно язык, вытянутый из пасти Логова, камень. Казалось, этот язык вот-вот слизнёт Фуртига. Спрятаться было негде — оставалось ступить на открытое пространство. Фуртиг бо-язливо поднялся на ноги.

Легко ползти на брюхе или пробираться на четвереньках, когда у тебя есть оправдание: мол, надо прятаться. Но сейчас Фуртиг не желал прятаться, понимая, что нужно вести себя храбро.

Он достал охотничьи когти, надел их. Да, когти были сломаны, они не совсем подходили к его рукам. Он как мог

исправил их. Конечно, Фуртиг никогда не забудет о собственных когтях, утерянном прекрасном оружии. Тем не менее, он испытывал огромное чувство благодарности к девочке по имени Ю-ла за её подарок. Теперь он был вооружён и готов к опасности.

Он взгляделся в ближайшую стену Логова. Она была испещрена равномерными выбоинами, которые располагались слишком высоко — Фуртиг не смог бы допрыгнуть до них. А ведь к Гаммажу должны вести какие-нибудь ориентиры, помогающие новичку добраться. Ведь всем было известно, что Гаммаж тепло встречает пришедших к нему.

Фуртиг снова принялся в поисках меток. Пахло птицами. Со стен свисали потёки помёта. И всё.

Придётся рискнуть без ориентиров проникнуть в Логова и попытаться найти что-нибудь там, внутри. Молодой воин осторожно двинулся вперёд, всматриваясь в каждую тень и запоминая путь.

В нём снова проснулось отчаяние. Кто построил эти громады? Как удалось положить эти глыбы одна на другую так высоко? Логова были сделаны не из целой естественной скалы. Какими же знаниями владели Демоны!

Взошло солнце, а Фуртиг всё искал какое-нибудь указание. Он пересёк две открытые площадки между зданиями. Они заросли травой, пожухлой от надвигающихся осенних холодов. Перед одним зданием растеклось небольшое озеро. Оттуда внезапно взвились болотные птицы, крича и хлопая крыльями.

Фуртиг пригнулся и замер. Птицы не могли взлететь из-за его появления. Тогда кто же их спугнул?

В этот миг он уловил волну горячего острого запаха и непроизвольно зарычал. Крыстоны! Их зловоние нельзя спутать ни с чем другим. Но что делают Крыстоны здесь? Известно, что они любят промышлять возле Логовищ. Но кто бы мог подумать, что они зайдут так далеко.

Фуртиг вжался в нишу первого же попавшегося дверного косяка. Сама дверь была огромна — раз в шесть выше Фуртига, из прочного целого куска материала. Фуртиг,

даже не будь она заперта, не сдвинул бы её с места. Если сейчас Крыстоны учуют его, он окажется загнанным в угол.

Крыстоны не принимают открытого боя, как это принято у Народа. Подобно Лайкерам, они посылают множество против одного. Будучи значительно выше и сильнее любого из Крыстонов, Фуртиг понимал, что ему не устоять перед всей оравой. Он подёргал хвостом, приглядываясь и пригнувшись к движению в кустах возле озера.

На дальнем берегу озера слышалось хлопанье крыльев и резкие крики — это три не сумевшие взлететь вовремя птицы отбивались от нападающих. Фуртиг не мог разглядеть дальнего берега из-за кустов, и никакого желания обзирать вражескую территорию не испытывал.

Внезапно шум стих. Навеное, охотники прикончили добычу.

Фуртиг передумал входить в Логова, кишацие Крыстонами. О нет! Он представил себе, что после Крыстонов могло остаться от Гаммажа. Обглоданные кости, не более.

Но как скрыться незамеченным? Фуртиг не мог точно сказать, по запаху или по звуку находят добычу Крыстоны. А может быть, они зоркие и просто выслеживают издали. Оставалось только замечать следы с возможной тщательностью. Но на открытом пространстве следов не заметишь.

Фуртиг принялся вспоминать о Крыстонах всё, что ему доводилось учить. Кажется, Крыстоны, в отличие от Народа, не лазят по деревьям. Они охотятся на земле, как Лайкеры. Скоро, пожалуй, он проверит свои познания в деле.

Стена справа была гладкой, зато слева стену густо покрывали трещины и выбоины, так что на ней только местами сохранилась ровная поверхность. До верхней кромки стены Фуртиг не достанет даже вытянувшись во весь рост. Но вскарабкаться, цепляясь за выступающую арматуру, он смог бы.

Фуртиг подпрыгнул, дотянулся до первого выступающего штыря арматуры, подтянулся, дрыгая ногами. Он оказался на узком выступе стены, внизу протянулся пыльный кори-

дор. Балансируя на выступе, он принялся разглядывать помещение.

Тут и там валялись какие-то предметы. На покрытом густой пылью полу не было никаких следов, разочарованно отметил Фуртиг. Значит, если он спустится, то его следы заметит самый глупый охотник. Фуртиг нерешительно побалансировал на краю. От спёртого и пыльного воздуха нестерпимо хотелось чихнуть. План полностью не удался. Лучше будет не спускаться вниз, в коридор, а остаться на открытом пространстве. Фуртиг оглянулся и краем глаза поймал некое движение в кустах перед Логовом.

Слишком поздно! Враги подобрались уже совсем близко, а ему нужно ещё добежать до стены, где можно будет прислониться спиной, чтобы встретить нападающих лицом к лицу.

Он прыгнул вперёд, на один из стоявших внизу пыльных предметов. Утонув ногами в мягком мусоре, Фуртиг скользнул пятками по полу, поднимая клубы пыли, затем когтями впился в опору.

В комнате было два выхода, оба обрамлённые арками и оба открытые. Всё, чего сейчас хотелось Фуртигу, заключалось в необходимости добраться до самого верха Логова, подобно тому, как воин перепрыгнул бы с одного дерева на другое, скрываясь от врагов.

Двери были совершенно одинаковы на вид, и Фуртиг выбрал ближайшую. За ней открылся длинный коридор, полный раскрытых дверей в пустые комнаты, похожие на пещеры. Только в этих пещерах было небезопасно... Не теряя времени на осмотр диковин, Фуртиг пустился бежать. Конец коридора перегораживала дверь. После нескольких тщетных попыток она сдвинулась на расстояние, достаточное, чтобы пролезть. Фуртиг протиснулся в щель и невольно отпрянул назад. Перед ним чернел зев глубокой шахты. Прямо за дверью начиналась яма, в которую можно было поймать взрослого быка. Фуртиг сплонул и вцепился когтями в дверь.

И не сумел зацепиться как следует. Не удержавшись на

узеньком краешке порожка, он остутился в пустоту. Закрыв глаза и расслабившись, он приготовился к худшему, со страхом ожидая, что вот-вот...

И вдруг понял, что не падает вниз камнем. А тихо и плавно опускается.

Фуртиг открыл глаза, всё ещё не веря, что скорая смерть отступила. В шахте было темно, однако воин разглядел, что опускается вниз на чём-то, напоминающем твёрдую площадку, плавно шедшую к фундаменту Логова.

Всем известно, что Демонам подчинялись большие силы. Но как они сумели заставить сам воздух стать твёрдым и выдерживать тяжёлое тело? Фуртиг вздохнул и понял, что сердце в его груди колотится чуточку медленнее. Он умрёт не сейчас, это ясно. По крайней мере эта загадочная подушка из воздуха, казалось, не сбросит его вниз. Подумав об этом, Фуртиг снова ощутил страх. А как долго выдержит воздушная подушка?

Он задумался, как бы самому заставить подушку перемещаться в нужном направлении. Ведь подушка как будто плыла вниз. А как вести себя в воде, Фуртиг знал. Он сделал несколько гребков руками и оказался значительно ближе к стене шахты. Как раз в это время он проплывал мимо какой-то двери. Он опускался всё ниже, но других дверей не попадалось.

Над ним раздался шорох. По шахте эхом пронеслись отдалённые крики. Это за ним последовали Крыстоны! Они проникли через открытую им дверь!

Что, если они прыгнут следом за ним? Фуртиг крепче сжал когти. Драться в подвешенном состоянии как-то не хотелось. Но выбора не было.

Однако, там, наверху, не спешили...

Возможно, не увидев его внизу. Крыстоны решат, что он разбился насмерть. Но скорее всего они знают секреты Логова и шахты, потому что живут здесь. Если так, то они должны будут постараться подстеречь его в момент приземления.

Встревоженный этой мыслью, Фуртиг забил в воздухе ногами и подплыл ближе к стене, выглядывая, за что бы зацепиться. Увы, мимо проплывали абсолютно гладкие стены. Напрасно он водил расправленными когтями по стене, в надежде найти выступ или крюк. Когти только скрипели, соскальзывая вниз без опоры или зацепки.

Он не мог сказать наверняка, сколько времени и как глубоко падал вниз. Со временем и пространством происходило что-то странное. Скорее всего, он был уже ниже фундамента Логова, а эта странная штука несла его всё дальше вниз. В Пещерах чем дальше уходишь под землю, тем безопаснее. Но здесь всё было незнакомым и Фуртиг почувствовал страх.

К тому же теперь он падал быстрее! Может быть, воздушная подушка начала рассасываться? Фуртиг приготовился к удару от падения. И приземлился.

Было так темно, что даже ночное зрение не помогало. Только вверху смутно светился провал шахты.

Он принюхался, определяя, как давно здесь побывали Крыстоны. Запах Крыстонов оказался давнишним. Другие запахи — а их было много — Фуртиг различал, но не мог сказать, чьи они.

Он приземлился на все четыре конечности совершенно инстинктивно. Теперь можно было встать в полный рост. Следовало поскорее определить, где же он. Царапание когтями показало, что с трёх сторон его окружали стены. Настороженные усы говорили ему больше, чем зрение. Со стороны, которую он ещё не царапал, в стене был проём, ведущий в туннель. Помня, как он поспешно влетел в дверь шахты, и что из этого получилось, Фуртиг не спешил войти в туннель. Он пошёл потихоньку, не вставая с четверенек, ощупывая пространство впереди с каждым новым шагом, поводя когтями, чтобы убедиться, что впереди твёрдая опора.

Так он и полз. Туннель — или это был коридор? — оказался не шире шахты, оставшейся позади. В стенах не

попадалось проломов и трещин, по крайней мере, он их не нащупал. Через каждые пять шагов Фуртиг пробовал встать в полный рост. Он надеялся найти над головой выход наружу.

Но наверху ничего не встречалось, но Фуртиг продолжал двигаться. Вдруг ему пришло в голову: а не поймал ли он сам себя, загнав в эту узкую ловушку, не хуже, чем это сделали бы охотившиеся за ним Крыстоны? И если его путь приведёт в тупик, то есть придётся вернуться к шахте, сможет ли он вскарабкаться наверх?

В это время его рука упёрлась в твёрдую поверхность. И тут же справа высветился поворот, открывающий выход в большой зал. Фуртиг высунулся, пробуя запах. Крыстоны — да, здесь бывали Крыстоны. Но кроме их запаха присутствовал ещё и очень знакомый запах. Так пахло от Людей, от представителей племени Фуртига. Но Люди и Крыстоны не могут жить вместе, это невозможно! Или, может быть, Гаммаж настолько потерял разум, что согласился на союз с Крыстонами?

Однако резкий, почти удушающий запах Крыстонов перебивал гораздо более сильный запах Людей. Теперь Фуртиг разглядел источник света. Это был небольшой проём в стене, до которого вполне можно было допрыгнуть и уцепиться когтями. Подтянувшись, Фуртиг сумел бы заглянуть в проём!

И он подпрыгнул, подтянулся и выглянул наружу. С той стороны проём обрывался такой же стеной. Висеть было трудно и следовало найти способ удержаться возле проёма подольше, чтобы успеть осмотреться. Запах Людей стал сильнее.

Фуртиг снял ремень и, расстелив на полу, отстегнул мешочки с припасами. Стащив с негнувшихся рук когти, он пристегнул конец ремня к когтям. Затем снова надел ремень. Подпрыгнув к проёму, он уцепился когтями и повис на ремне. Руки его остались свободными, а ногами Фуртиг упёрся в стену, обеспечивая равновесие.

А там... Под ним в комнате снаружи оказалось двое людей его племени. Они были пойманы, их держат взаперти, понял Фуртиг. Один из пленников был связан по рукам и ногам. У второго только руки спутывали ремни. Но зато из раны на ноге сочилась кровь, запекаясь в шерсти вокруг.

Фуртиг весь подался вперёд, стараясь приглядеться. Связанный не принадлежал племени Фуртига. Его светлые шерстинки были серо-палевыми по цвету, лапы и хвост покрывала бурая шерсть. Худое лицо заканчивалось узким подбородком, а глаза незнакомца горели голубым огнём. Рядом с контрастным голубоглазым незнакомцем лежал некто простой серой окраски с чёрными полосками. Самая заурядная расцветка среди Народа. Фуртиг подавил невольный вскрик.

Это был Фоскот! Ошибиться Фуртиг не мог: внизу распластался никто иной как раненый Фоскот, ушедший к Гаммажу и не вернувшийся назад!

И если эти двое находились взаперти в месте, где так сильно пахло Крыстопами, то легко было догадаться, кто поймал несчастных. Если бы Фуртиг обнаружил только одного пленника — незнакомца, наверное, не стоило бы особо волноваться. Каждый несёт ответственность прежде всего перед своей Пещерой, потом перед кланом, но чужие пусть выкручиваются сами. Впрочем, этот довод Фуртигу не больно-то нравился — ему претила сама мысль, что кто-то из людей, неважно, чужак или соплеменник, мог попасть в лапы Крыстонов.

Но там внизу был заперт Фоскот, а с этим нельзя было не считаться. Фуртигу слишком хорошо было известно, что происходит с пленниками Крыстонов. Пойманный становился ужином для каждого Крыстона, кто только мог впихнуть в пасть пригоршню-другую мяса.

Фуртиг не мог больше сдерживаться. Он свистнул, пытаясь привлечь внимание пленников. Так свистели в пещерах, когда требовалось подать сигнал тревоги. Вдобавок Фуртиг позвякал когтями.

Потом Фуртиг свистнул во второй раз — и Фоскот с трудом, как бы нехотя повернул голову и открыл глаза. Взгляд его направился в ту сторону, где, цепляясь из последних сил, висел Фуртиг. Но Фоскот его не увидел. Тогда Фуртиг позвал:

— Фоскот! Это я, Фуртиг!

И тут он сполз обратно вниз, потирая затёкшие суставы и стараясь унять сердцебиение.

Но вот раздался ответный свист, и Фуртиг радостно взмахнул хвостом. Он решил ещё раз забраться к дыре в стене. Всё равно оставаться в коридоре было нельзя. Но и прыгать вверх Фуртиг не хотел подолгу. Вот если бы у Фоскота хватило сил...

Однако на что могло хватить сил у Фоскота? Фуртиг при всём своём желании не сможет вытящить его в столь маленькое отверстие. Но, возможно, Фоскот знает другой путь к освобождению?

Прерывистым от напряжения голосом, Фуртиг позвал:

— Фоскот! Как можно освободить тебя?

Не поднимая головы, Фоскот чуть слышно ответил:

— Устройство... зовущее Гаммажа... Эту вещь... унесли стражники. Они... ждут своих Старейшин...

Фуртиг обессиленно соскользнул вниз по стене, в полной уверенности, что больше не сумеет взобраться наверх. Прислонившись к стене, он обдумывал услышанное. Вещь, которая зовёт Гаммажа, теперь находится у Крыстонов. Непонятно, что это за вещь. Но если она у стражников, значит, стражники снаружи. То есть, не здесь.

Фуртиг отцепил когти от пояса. Следовало найти выход отсюда, из этого туннеля. Шанс на удачу был невелик, но другого выхода не было.

Он двинулся прочь, в темноту. Через некоторое время впереди снова показался свет. Фуртиг обнаружил новое отверстие в стене, только зарешеченное. На этот раз проём был расположен невысоко, до него не требовалось допрыгивать. По ту сторону решётки располагалось довольно

большое помещение, освещённое несколькими светящимися стержнями, укреплёнными на потолке. И там, в этом помещении, были Крыстоны!

Фуртиг никогда ещё не видел живых Крыстонов столь близко. Каждый из них был вдвое меньше Фуртига — если, конечно, не принимать во внимание их омерзительные длинные хвосты. Кстати, у одного из Крыстонов вместо хвоста торчал короткий обрубок, покрытый шрамами. И по лицу этого Крыстона проходил большой шрам, из-за чего один глаз казался прикрытым. Этот Крыстон сидел у двери, разминая что-то, зажатое в руке.

Другой Крыстон тоже держал в руках некий предмет, как видно, захвативший целиком всё внимание стражников. Это был лист блестящего металла с прямоугольной переливающейся коробочкой сверху. Крыстон снял коробочку с подставки и поднёс к уху. Даже из своего укрытия Фуртиг расслышал гудение, исходившее из коробочки. Наверное, это и была вещь, зовущая Гаммажа, догадался Фуртиг.

Но как освободить Фоскота? Этого Фуртиг по-прежнему не знал. И всё-таки! Вещь, зовущая Гаммажа, была частью знаний Демонов. И Гаммаж овладел этими знаниями настолько, что даже простая вещь, предназначенная для того, чтобы звать, применённая правильно, могла оказаться не менее страшной, чем когти, вонзённые в горло Крыстону.

Фуртиг подполз к решётке и принялся рассматривать, как она укреплена. Он проводил пальцами, страшась быть услышанным или унюханным Крыстонами.

Фуртиг поддел крупноячеистую решётку когтями и та немного прогнулась. Этого было достаточно, чтобы начать действовать. Фуртиг испустил короткое решительное мурлыканье, какое издаёт охотник, увидев мышь, поджидаемую давно и с нетерпением.

Он мурлыкал трижды и был услышан. Рядом с решёткой появилась тень. Фуртиг ударил когтями, которые, прорвавшись в брешь, вонзились в плоть. Послышался сдавленный

крик. Фуртиг разодрал податливую замаску, вырвал решётку и, отбросив убитого Крыстона в сторону, ворвался внутрь.

Вещь, зовущая Гаммажа, валялась брошенной на полу. Второй стражник исчез, но Фуртиг слышал, как он, убегая, зовёт на помощь собратьев. Убежавший был тем бесхвостым толстым Крыстоном со шрамом. Впрочем, Фуртигу было не до него. Он добрался до вещи, зовущей Гаммажа.

Переливчатая коробочка и лист металла оказались такими горячими, что Фуртиг едва не выронил их. Металл не бывает таким горячим. Гудение стало гораздо громче. Но времени у Фуртига оставалось совсем немного — ведь скоро убежавший Крыстон вернётся, приводя подкрепление.

Фуртиг повесил вещь, зовущую Гаммажа, на грудь и ринулся к двери, ведущей в камеру пленников. Он откинул засовы и ворвался внутрь. Поддев крючковатым когтем путы на Фоскоте, разрезал их. И только тут разглядел, как ужасна рана Фоскота. С такой раной нечего было и думать уйти куда-то далеко.

— Дай мне... вещь Гаммажа, — Фоскот потянулся в вызывающему устройству на груди Фуртига, но поднятая было рука непослушно упала, и Фоскот тихо застонал.

— Нажми, — приказал он. — Там есть маленькое отверстие, сунь внутрь палец.

— У нас нет времени на разговоры, надо выбираться отсюда, — возразил Фуртиг.

— Нажми! — приказал Фоскот. — Эта вещь выведет нас.

Другой пленник внезапно подал голос:

— Воин впал в безумие, утверждая неслыханное. Не трать время, пришедший. Безумный воин бредит, рассказывая о вещи, проходящей сквозь стены.

— Нажми в отверстие!

Казалось, Фоскот и вправду бредил. Однако, повернув коробочку, Фуртиг действительно увидел отверстие. Он попробовал нажать туда пальцем и обнаружил, что его палец слишком толст для такой маленькой дырочки. Фур-

тиг попытался было просунуть внутрь острие когтя, но Фоскот запротестовал:

— Нет, металлом нельзя! Дай мне эту вещь! Подержи её передо мной.

Фуртиг опустил на колено. Фоскот, приподнявшись, высунул язык и дотронулся кончиком языка до отверстия в коробочке.

Глава 4

Фоскот явно содрогнулся от боли, но продолжал прижимать языком отверстие в коробочке. Было видно, что это доставляет ему мучение, но он держался, пока не выбился из сил. Потом, закатив глаза и уронив голову, он откинулся на руки Фуртига.

Второй пленник вновь проворчал:

— Зря теряем время. Или ты оставляешь нас здесь на корм Крыстонам или дашь мне возможность доказать, что я ещё воин.

В голосе незнакомца не прозвучало ноток просьбы. Фуртиг и не ждал просьбы. Не в обычаях Народа выпрашивать что-либо у чужих. Однако, оставив Фоскота и передатчик, он подошёл к незнакомцу и перерезал путы.

Затем Фуртиг снова вернулся к Фоскоту. Незнакомец был прав: благополучно выбраться из этих нор они не имели никаких шансов. Крыстоны выследят беглецов быстрее, чем те сумеют сориентироваться. Так что не следовало терять время. Но уверенность Фоскота придала ему сил.

Едва второй пленник ринулся к двери, как из-за неё донеслись вопли бегущих Крыстонов. Ну, всё пропало, подумал Фуртиг. Отчаянная попытка освободить пленников закончилась тем, что и он, Фуртиг, составит им компанию. Что ж, с ним когти, так что каждый вошедший Крыстон заплатит за свой ужин дорогой ценой.

— Глупец! — оскалился незнакомец. — Отсюда не выбраться.

— За нами придёт Грохотун, — тихо проговорил Фоскот. Незнакомец, услышав эти слова, только сильнее разозлился:

— Грохотун! Ты явно повредился в уме. Болтаешь о каких-то грохотунах, которых и на свете-то не бывает...

Тут он прервал речь на полуслове и ринулся к двери, готовясь к схватке. Однако, к удивлению Фуртига, Крыстоны не попытались ворваться внутрь сразу. Может, у них была причина пока не трогать пленников. А может быть, они обдумывали, как добраться до еды с наименьшими потерями в своём стане. Хотя, если только они хоть что-нибудь знали о Людах, то должны были понимать, что любой, кто рискнёт войти к пленным в первых рядах, умрёт.

Фуртиг вслушивался, стараясь по звукам определить, что же делают Крыстоны. Он не знал, есть ли у Крыстонов какое-либо оружие, кроме зубов. Поскольку они обосновались в Логовах, им, как и Гаммажу, могло повезти с открытиями бывших секретов Демонов. Обернувшись назад, Фуртиг подскочил на помощь Фоскоту, пытавшемуся встать на ноги в ожидании атаки Крыстонов.

— Будь начеку, — приказал Фоскот. — Когда придёт Грохотун, нельзя мешкать.

Его непонятная убеждённость наконец передалась и Фуртигу, хотя по-прежнему не было ясно, о чём же говорит Фоскот. Разве может обычное лизание языком какой-то коробочки вызвать что-либо необычное?

Второй пленник возился у двери, прилаживая к косяку ржавые металлические стержни в надежде соорудить нечто вроде засова. Вряд ли это спасёт пленников, но любое действие шло им только на пользу. Фуртиг взялся помогать незнакомцу.

— Это их остановит ненадолго, — пробормотал незнакомец, прилаживая последний стержень. Потом он подошёл к решётке под потолком, поднял голову. — Интересно, куда ведёт это отверстие? Ты ведь был с той стороны, когда заметил нас. Что там?

— Туннель. Но выход из него слишком узок.

Незнакомец подобрал ещё два прута, длины которых явно не хватало, чтобы перегородить дверь, и ударил ими в стену. Удар не оставил на стене ни царапины, ни даже ржавого следа. Пробить стену таким инструментом им не удастся. Он обстучал остальные стены, яростно, по-боевому, рыча и мотая хвостом. Фуртигу была знакома эта бессильная ярость пойманных в ловушку. Он пошевелил пальцами, пробуя, хорошо ли пристёгнуты когти. Ему тоже хотелось рычать от злости. Подошедший незнакомец сверкнул голубыми глазами в сторону когтей:

— Будь готов разрезать ими сеть.

— Какую сеть?

— Крыстоны издали бросают сеть, чтобы опутать жертву. Так поймали меня. И твоего друга, наверное, поймали тем же способом. Когда меня привели, он уже сидел здесь. Мы ещё не убиты лишь потому, что Крыстоны ждут своих Старейшин. Они что-то пытались нам сказать, но кто же понимает их поганую речь! Правда, знаками они показали, что хотят узнать от нас что-то важное, — незнакомец вздыбил шерсть на хвосте. — И они дали понять, что намерены пытать нас, чтобы добыть то, что их интересует. Так что советую умереть в бою, воин. Иначе ты можешь испытать нечто худшее.

С той стороны двери послышалось движение. Крыстоны пытались высадить дверь. Долго ли она продержится?

Фуртиг приготовился к броску на первых, кто ворвётся внутрь. Фоскот тоже приподнялся и горящими глазами следил за коробочкой переговорного устройства. Уши Фоскота наострились, словно он услышал что-то отдалённое.

— Готовьтесь, идёт Грохотун! Он выручит нас. Гаммаж не обманул!

Теперь и Фуртиг уловил содрогание каменного пола, отлетающее эхом от стен. Грохот немного походил на отдалённые раскаты грома, но ничего столь сильного, чтобы породить такие толчки, Фуртиг никогда и вообразить не мог.

Шум приблизился, грохотало уже почти за дверью. И там же, за дверью, неистово вопили Крыстоны.

— Отойдите в сторону! — скомандовал Фоскот.

Незнакомец, наверное, не расслышал. Фуртиг схватил его за руку и отташил подальше от надвигавшегося грохота. Незнакомец недовольно заворчал, но увидев предупреждающий жест Фоскота, замолк.

Фоскот с непонятно откуда взявшейся силой, напряжился, поднёс ко рту переговорное устройство и приготовился прижать языком отверстие, как будто ему должен был послышаться непонятный сигнал.

С грохотом теперь соперничали крики Крыстонов. Но это были не боевые кличи, а вопли ужаса и неподдельного страха.

Что-то ударило в стену снаружи. Крыстоны не могли бить с такой силой. Монотонные удары заглушались очень громким гудением. Вот дверь разломилась, но это было не всё. Вместе с дверью откололись и куски стены.

Фуртиг и незнакомец отпрыгнули подальше. В разломанную дверь не запрыгнул ни один Крыстон. Весь пролом заслоняла тёмная гладкая поверхность. Будто противоположная стена придвинулась вплотную к пролому. Но удары продолжались, круша и отбивая новые куски стены. Фоскот, совершенно не испуганный, наблюдал за происходящим так, словно именно этого и ждал. Он заговорил громко, стараясь перекрычить грохот механизма.

— Грохотуны — это старые слуги Демонов, они сохранились ещё со времён демонской жизни. Грохотун подчиняется этой вещи, — Фоскот показал на переговорное устройство. — Когда Грохотун проникнет к нам, надо быстро забраться на него, на самый верх. Он вынесет нас отсюда. Из этой проклятой дыры. Но следует поспешить, потому что слуги Демонов живут недолго. Когда в этой коробочке прекращается гудение, Грохотун тоже умирает. И мы не сможем разбудить его. К тому же никому неизвестно, как долго он проживёт.

С шумом и треском через разломанную стену внутрь проникла металлическая рука, чёрная, шарящая вокруг выломанной дыры, расширяя пролом. Едва рука просунулась внутрь, Фоскот вновь поднёс язычок к отверстию в переговорном устройстве. Рука замерла, словно указывая на пленников. За нею возвышалась тёмная громада Грохотуна.

— Выбираемся, быстро! — скомандовал Фоскот и попробовал подняться. Но не смог, так как был сдишком слаб.

Фуртиг повернулся к незнакомцу:

— Помоги мне!

Тот уже подбирался к Грохотуну и вернулся с явной неохотой: никто не любит, когда ему приказывают.

Вдвоём они подняли Фоскота. Для раненого даже их осторожное прикосновение было мучительным, поэтому он тихо застонал. Затем он умолк и Фуртиг с незнакомцем, кое-как протаскивая его через разлом, подняли товарища на самый верх прямоугольной машины.

У Грохотуна оказалось ещё несколько рук, теперь неподвижно застывших. У оснований рук Фуртиг с незнакомцем и уложили Фоскота. Как мог передвигаться этот странный механизм, понять было трудно: из-под массивного корпуса не высывалось никаких ног. Но то, что Грохотун безостановочно шёл, сметая всё на своём пути, подтверждалось разбросанными вокруг телами мёртвых Крыстонов.

Взобравшись наверх, Фуртиг вопросительно взглянул на Фоскота. Удастся ли теперь оживить этого демонского слугу? И захочет ли Грохотун нести всю компанию?

— Что нам теперь делать, брат? — спросил Фуртиг у Фоскота.

Но тот лежал молча, не открывая глаз. Незнакомец проворчал:

— Он не ответит. Похоже, он при смерти. А мы — что ж — мы по-прежнему в дыре, но на свободе. И я воспользуюсь этой свободой, как могу!

Прежде чем Фуртиг успел помешать ему, незнакомец спрыгнул с Грохотуна и бросился прочь, в темноту туннеля.

Фуртигу очень хотелось последовать за ним. Но его не пускал старый обычай не бросать соплеменника в беде.

Послышалось отдалённое сопенье и визги. Это спешили уцелевшие Крыстоны. Так что нельзя было утверждать, будто незнакомец выбрал самый правильный путь. Скорее всего, он убежал, чтобы снова быть пойманным.

Впрочем, и его с Фоскотом так же могли снова поймать. Фуртиг молился, чтобы Фоскот смог справиться с Грохотун-ном. Когда Фоскот коснулся языком отверстия в коробочке в первый раз, Грохотун пришёл. Фоскот коснулся кончиком языка снова — и грохотун перестал бить в стену. Значит, Грохотун слушается прикосновений к коробочке. Может, пока Фоскот лежит без чувств, у Фуртига самого что-нибудь получится?

Фуртиг поднёс отверстие коробочки к языку. Что там делал с этой вещью Фоскот? Наверное, несколько нажатий образуют систему сигналов. Но Фуртигу эта система не была известна. Единственное, что Фуртиг знал наверняка, так это то, что он очень хочет, чтобы Грохотун ожил и унёс их отсюда к Гаммажу. Если, конечно, Грохотун пришёл от Гаммажа, а не откуда-нибудь ещё.

Оставалось лишь попытаться. Торопливо, не думая, а не станет ли устройство сопротивляться вторжению чужака, Фуртиг прижал кончиком языка отверстие. И не отпустил, хотя язык сильно защемило.

В ответ бока Грохотуна начали тихонько вибрировать. Ожившие руки машины отодвинулись от стены. Грохотун стал потихоньку перемещаться. Фуртиг взглянул на Фоскота и увидел, что тот также потрясён. А Грохотун, кружась, разворачивался, и его руки уже подбирались к разломанной двери.

Они передвигались не слишком быстро, не быстрее пешей ходьбы. Зато Грохотун шёл безостановочно. Небывалое чувство силы охватило Фуртига. Он смог приказать этой вещи! Может быть, она не доставит их к Гаммажу, но сейчас, по крайней мере, она несла их прочь из плена

Крыстонов. Фуртигу не верилось, что эти вонючие дряни нападут, пока он и Фоскотт едут на грохочущем великане.

Правда, Фоскот предупредил, что никто не может сказать, как долго живут слуги Демонов. Фуртиг, однако, сейчас не думал об этом, радуясь полученному подарку судьбы.

Когда они выехали из коридоров, где обитали Крыстоны, освещение померкло. Но Грохотун зажёл собственный свет — на паре вытянутых впереди рук появились кружочки голубоватых огней.

Они передвигались по коридору искусственного происхождения, непохожему на обычные пещеры. Эти стены строили Демоны. Фуртиг и Фоскот осматривались, оглядываясь на каждом новом повороте. При всей заоблачной высоте Логовищ, казалось, под землёй скрывалось столько же этажей!

Фуртиг наострил уши. Конечно, беглецы не могли уйти далеко, это была только отчаянная попытка. Позади вновь послышались вопли Крыстонов. Что ж, теперь Фуртиг обладал небольшим преимуществом: он был наверху, значительно выше, чем смогут допрыгнуть Крыстоны.

Он пристегнулся ремнём Фоскота к рукам грохотуна, обеспечив себе, таким образом, возможность маневра, если таковой понадобится во время стычки. С когтями наготове, он спокойно ожидал Крыстонов.

Здесь пахло странными вещами. Кроме обычных запахов в подземелье витали запахи, которые Фуртиг не мог распознать. Молодой воин задумался, а в это время Грохотун остановился возле глухой стены. Значит, всё, чем помог им слуга Демонов — это дал небольшую отсрочку во времени. Фуртиг и Фоскот снова оказались пойманными.

Однако Грохотун, остановясь в движении, не прекратил деятельности. Его вытянутые руки двигались, производя странные движения вверх и вниз, высвечивая в стене то одно круглое пятно, то другое.

Послышалось глухое гудение. Стена сама собой разло-

милась, образовав большую трещину, гораздо шире той, какую рука Грохотуна пробила в стене темницы. Эта трещина была гладкой, словно ворота, оформленные в виде стены. Едва проход стал достаточно широк, Грохотун въехал внутрь хорошо освещённого помещения. Фуртиг оглянулся и увидел, что расколота стена встаёт на место, закрывая проход. Убедившись, что пролом позади закрылся, Фуртиг облегчённо вздохнул. По крайней мере, сюда Крыстоны не проберутся.

А Грохотун меж тем двигался всё медленнее и наконец затих, уронив руки по бокам. Фуртиг быстро подыскал доступное сравнение: теперь Грохотун был похож на большого умирающего паука. Когда механизм замер, Фуртиг поднёс к языку переговорное устройство. Пощипывания не ощущалось, жужжание тоже стихло. Всё получилось как и предупреждал Фоскот. Грохотун умер. Если, конечно, его состояние можно назвать смертью.

Они находились в залитом светом помещении. В широкий туннель выходили двери множества комнат. Немного посомневавшись, Фуртиг спустился с Грохотуна. Оставив Фоскота наверху, он направился к ближайшей двери, чтобы выяснить, что там.

Металлические ящики загромождали весь пол комнаты. Пахло чем-то сырым и едким. Фуртиг чихнул и затряс головой, выгоняя этот запах из ноздрей. Вокруг не было никакого движения и его настороженные уши не уловили ни одного звука.

Он вернулся к Грохотуну. Что-то надо было делать, ведь машина умерла, а Фоскот не мог двигаться сам.

Когда-то, ещё подростком, Фуртиг учился искусству определения следов. Опыт предков Народа отложился в подсознании каждого человека, так что следы угадывались сами собой. Но сейчас перед ним не лежало никакого следа, который требовалось бы угадать. Возбравшись к Фоскоту, Фуртиг сосредоточился. Если только Грохотун нёс их, направляясь к Гаммажу, можно было попробовать

взять след. Фуртиг прикрыл глаза и стал представлять себе путь, который следует пройти до Гаммажа.

Теперь мысли служили ему чутьём, зрением, слухом, помогая отыскать нужное. Так поступали до него некоторые мудрые охотники из Народа. А вот Фуртигу раньше не приходилось применять это умение на практике.

Фуртиг никогда не видел Гаммажа. Но у каждого, кто вырос в Пещерах, образ Предка прочно отложился в мозгу, будучи описанным множеством рассказов. Хотя, конечно, Гаммаж был самим собой, вопреки сознанию поколений, рисующих Предка великим, чудесным и поражающим воображение.

Фуртиг напряг мысли, стараясь вообразить, где же именно в Логовах должен скрываться Предок. И — ничего. Наверное, мысленный поиск не был его призванием. У каждого воина свои достоинства и свои недостатки. Вместе, кланом, можно дополнить своими знаниями и мастерством то, что не могут другие. И наоборот: тебе помогут в том, что не под силу тебе самому. Но сейчас Фуртиг остался в одиночестве. Где же Гаммаж?

Ощущение было похоже на тихое стрекотание в густой траве. Тоненький намёк на звук, столь далёкий, что, может быть, вовсе и не звук это был, а только шуршание воздуха. Но сердце Фуртига забилось в триумфе. Он сумел! Теперь его поведёт чувство взятого мысленного следа. Фуртиг открыл глаза и взглянул на Фоскота.

Как поступить с ним? Ведь Фоскот по-прежнему не мог идти, а Фуртиг по-прежнему не мог нести его. Придётся оставить Фоскота, а позже вернуться. Но вдруг та стена, которая дала им пройти, — не единственный вход в это помещение. А предприимчивость Крыстонов нельзя недооценивать. Задолго до того, как Фуртиг вернётся с подмогой, Фоскота могут снова взять в плен или убить.

Можно, конечно, поискать в этих коридорах нового слугу Демонов, который ещё жив. Пожалуй, это был их единственный шанс, так что стоило пойти и разведать.

Фуртиг приступил к осмотру. Он перебегал от двери к двери, часто останавливаясь и замирая у стен. Но не от осторожности, а от усталости, как-то внезапно навалившейся на него. После горячки бегства он понял, что очень хочет отдохнуть. В сумке, подаренной Ю-ла, нашлось несколько кусочков сушёного мяса. Но он ел с трудом, потому что не нашёл воды, чтобы запить. Да и где здесь можно найти воду?

Фуртиг решительно обошёл ящики, нагромождённые в первой комнате, и не найдя среди них ничего полезного, проследовал дальше. В следующей комнате стояло множество длинных столов, уставленных вещами, назначения которых Фуртиг не понимал. Он попытался обойти один из столов, но задел хвостом какое-то блюдо, и оно с грохотом свалилось на пол. Эхо бьющейся посуды многократно разнеслось по всему подземелью, и перепуганный Фуртиг подскочил, ища убежище.

Прыжок едва не стоил ему жизни, потому что он налетел на небольшой столик, точнее, вещь, выглядевшую как небольшой столик, и эта вещь начала двигаться. Фуртиг оскалился, рыча и ожидая атаки. Но столик просто покатился и остановился, ударившись в большой ряд столов.

Фуртиг подцепил когтями одну из тонких ножек столика. И осторожно потянул к себе. Столик двинулся на удивление податливо. Тогда Фуртиг стал экспериментировать уже без особого удивления.

Столик был настолько высок, что вытянувшись во весь рост, Фуртиг едва доставал подбородком до края столешницы, покрытой каким-то искристым веществом, которое от первого же прикосновения Фуртига рассыпалось в пыль. Фуртиг сдул эту пыль, оставив голую доску. Но главное, столик можно было двигать.

Толкая и таща, он подкатил столик прямо к боку Грохотуна. Разница в высотах была невелика, столик почти совпадал с поверхностью Грохотуна. Так что Фоскота вполне можно было перетащить с машины на столешницу.

У Фоскота снова открылось кровотечение из раны на ноге, пока Фуртиг трудился, перетаскивая его. Фуртиг осторожно уложил так и не пришедшего в себя соплеменника, от души надеясь, что тот не свалится.

Потом он пристегнул ремень к паре ножек столика и перекинул петлю через плечо. Идти было неудобно, столик часто ударял по спине. Если бы не лёгкость, с какой столик катился, Фуртиг не сдвинул бы с места этот груз. Но он решительно вывел свою тележку в коридор.

Он перестал чувствовать время. Наверное, день сменялся ночью, а ночь сменялась днём, пока он шёл и шёл. Иногда ему казалось, что больше идти он не сможет. Тогда он останавливался и, не отцепляясь от врезавшихся в плечи лямок, переводил дыхание, так что становилось больно под рёбрами. Он так сосредоточился на толкании столика, что больше ни о чём не думал. Кроме, конечно, того, что нужно дойти до места, до которого нужно дойти...

И так дальше, вперёд и вперёд, без конца, из коридора в комнаты, через залы в новые коридоры. Постепенно становилось светлее, прибавлялось незнакомых запахов. Он так и не уловил момент, когда началась вибрация, спрятанная в стенах. Его притупившееся чутьё упустило этот момент. Где-то рядом обитало что-то живое.

Фуртиг прислонился к стене. По крайней мере здесь не пахло Крыстонами. К тому же он шёл в правильном направлении.

Фуртиг огляделся. Оставшийся позади коридор заканчивался гладкой стеной. Если эта стена была такая же, как та, которую преодолел Грохотун, непонятным способом расколов надвое, то Фуртиг так пройти не сумеет. Поэтому он отцепился от ноши и подошёл к стене, чтобы рассмотреть её.

Но что это! Он снова почувствовал себя попавшим в шахту. Только теперь его несло не вниз, а вверх. Он двигался мягко, словно воздух подталкивал снизу.

Фуртиг бешено забил руками и ногами, в результате чего

ему удалось уцепиться за выступ у входа в шахту и выско-
чить из толкающего вверх потока воздуха. Охватившее его
ощепенение улетучилось прочь.

Понятно! Эта шахта делала то же самое, что и предыду-
щая, только наоборот. И ему было совершенно ясно, что
Гаммаж — наверху. Или тот, кого Фуртиг воспринял как
Гаммажа.

Теперь надо было попробовать, не подымет ли этот
поток стол с Фоскотом. Фуртиг подтолкнул тележку ко
входу в шахту. Тело Фоскота зашевелилось, приподнимаясь
вверх. Стол остался неподвижным. Значит, здесь поднимал-
ось только живое существо, а стол — нет. Фуртиг крепко
обнял Фоскота, отцепился от стола и поток стал увлекать
их вверх.

Подъём проходил медленно, но Фуртиг не возражал, так
как должен был следить за направлением своей мысли. Они
проходили один выход за другим. Каждый проём выводил
на очередной подземный этаж, открывающийся как пеще-
ра с двумя входами. Они плыли всё выше.

Проплыв четыре этажа, Фуртиг почувствовал — остано-
виться надо здесь! Не отпуская обмякшее тело Фоскота, он
плавающими гребками добрался до входа на очередной
этаж. У него еле хватило сил преодолеть несущий их поток
и добраться до пола коридора.

Осторожно уложив неподвижного Фоскота, он и сам лёг
рядом, измученно переводя дыхание. Что делать дальше?
Но никакого дальше не наступило, потому что он совер-
шенно выбился из сил. Не сейчас, не сейчас... С этой
мыслью он отключился, уронив голову на затёкшие руки.

Глава 5

Едва Фуртиг проснулся, как, даже не открывая глаз,
понял, что он не один. Он тихонько втянул воздух. Запах не
был мускусным, как у Крыстонов, скорее пахло кем-то
принадлежащим к его, Фуртига, племени. Но всё перекры-

вал запах, который, собственно и разбудил Фуртига. Еда! И не та сушёная еда, которая была сложена в его путевой запас.

Он лежал на плетёной циновке, но не такой, какие плели в Пещерах. Рядом с ним терпеливо держала в руках одуряюще пахнущую миску незнакомая женщина. Она выглядела так, что Фуртиг сразу понял: он у чужих. Поэтому он посмотрел на неё так грозно, что у любой другой шерсть встала бы дыбом, а горло само издало бы угрожающее шипение.

Шерсть, в том-то и дело! У женщины имелась гривка серебристых волос на голове и плечах. Всё же остальное тело покрывал тоненький пух, сквозь который просвечивала кожа.

А руки, державшие миску! Пальцы были тонкими и длинными, не то что культишки Фуртига. Он никак не мог понять, красива эта женщина или отвратительна. Она была настолько непохожа на женщин из Пещер, что Фуртиг устался на неё, словно подросток.

Она протянула миску и приказала:

— Ешь!

Её голос тоже не был похож на голоса, к которым он привык.

Фуртиг взял миску. Содержимое представляло собой измельчённые кусочки-полоски мяса, которые оказалось на удивление легко глотать. Он жадно ел, забыв обо всём вокруг. Женщина в это время не ушла, и он снова рассердился. У Людей считалось неприличным, когда женщина присутствует при мужской трапезе. Женщины и мужчины должны есть отдельно.

— Ты — Фуртиг из Пещеры Предка?

— Да, но откуда вам известно?

— Как откуда? Не ты ли доставил сюда Фоскота? А он знает тебя.

— Фоскот! — с момента пробуждения Фуртиг ещё не вспоминал о нём. — Как он? Его ранили Крыстоны!

— Да, он ранен, но его поместили в оздоровитель. Это

такое место, оборудованное Демонами, — в её голосе зазвучала гордость знания. — Мы овладели многими тайнами Демонов. Они умели не только убивать, но и лечить. Мы с каждым днём узнаём всё больше и больше. Если бы только нам удалось завладеть всеми их знаниями...

— И при этом не применять полученные знания в таких же гнусных целях, так, Лили-Ха?

Фуртиг удивлённо посмотрел поверх миски. Никто из Людей не ходит абсолютно бесшумно. Просто Фуртиг был так поглощён едой, что не расслышал, как подошёл кто-то ещё. И когда он взглянул, то едва не выронил миску.

— Великий Предок!

Он поставил миску, расплескивая соержимое, и склонился перед Предком, выражая почтительность.

Он был польщён и смущён, когда Гаммаж склонился к нему и, как полагается у Людей, потёрся носом о нос Фуртига.

— Ты — Фуртиг, сын Фуффора, сына Фору, сына другого Фуртига, который был моим сыном, — Гаммаж заговорил как заправский Старейшина, вспоминая всю родословную за много-много лет. — Добро пожаловать в Логова, воин. Кажется, твой первый визит прошёл довольно непросто.

Гаммаж был стар. Морщины выдавали его возраст. Он был гораздо старше любого знакомого Фуртигу Старейшины. И всё-таки в нём чувствовалось нечто, указывающее на большую мощь. Но мощь, скорее, духовную, нежели физическую.

Как и у женщины по имени Лили-Ха, у Гаммажа почти не было шерсти на теле. Правда, в отличие от женщины, Гаммаж был стар. Худошавый, но более костлявый, нежели мускулистый, он не носил обычный для Людей пояс. Зато плечи его покрывал длинный кусок материи, откинутый назад. Он был величав и грациозен. А с шеи Старейшего свисала цепочка из блестящего металла с кубиком, напоминавшим переговорное устройство, с которым шёл Фоскот.

И — руки! Ни у кого из Народа Фуртиг не видел таких рук, с длинными пальцами, тонкими и узкими. Даже у женщины Лили-Ха руки были не столь изящны.

Да, в действительности Гаммаж оказался ещё неординарней, чем утверждали старинные легенды о нём.

Гаммаж указал на миску:

— Поешь. Здесь, в Логовах, нам нужна вся сила, какую может дать пища. Крыстоны, — Гаммаж тихо рыкнул, — Крыстоны пытаются устроить здесь своё Логово. Крыстоны пытаются овладеть знаниями Демонов. А может быть, очень скоро здесь появятся и сами Демоны.

Теперь голос Гаммажа стал сплошным рыком бойца, вызывающего противника на бой.

— Но обо всём этом мы поговорим потом. А сейчас, Фуртиг, расскажи, что думают обо мне в Пещерах? Они по-прежнему считают меня сумасшедшим, который лепечет чепуху, словно несмышлённый малыш? Говори правду, воин, именно она важна для меня.

И Фуртиг, не в силах скрывать что-то от Предка, сказал правду:

— Старейшины — Фал-Кан — говорят, что ты собрался открыть секреты Демонов другим чужакам. Всем, даже Лайкерам. Они говорят, что ты...

— Что я предатель, да? — Гаммаж замотал хвостом. — Возможно, с их точки зрения так оно и есть. Пока. Но в один не слишком прекрасный день Людям придётся противостоять большому злу вместе с Лайкерами, вместе с Клыкастыми. О Крыстонах я не говорю, потому что знания Демонов указывают на такие особенности Крыстонов, что союз с ними невозможен. Более того, если Демоны вернуться, Крыстоны, скорее всего, вступят в союз с ними, чтобы окончательно погубить наши жизни.

— Как? Демоны могут вернуться?

В голосе Гаммажа звучала такая уверенность, что сомневаться не имело смысла. Если Гаммаж так уверен в будущей беде, то не лучше ли тогда заключить перемирие даже с Крыстонами, и бороться против общего врага?

Гаммаж соединил свои удивительные ладони — эхо от хлопка разнеслось по комнате:

— Время! Вот что нам нужно больше всего, и вот чего у нас может не оказаться. Поэтому нам придётся отказаться от многих необходимых вещей. Например, от того, ради чего в Логова пришёл Фоскот. Он обследовал дальний сектор Логовищ в поисках записей, принадлежавших Демонам. Фоскот не нашёл тайников с записями, зато обнаружил новую опасность — базу Крыстонов, расположенную на самых границах наших территорий. И если знания попадут к Крыстонам, если они овладеют этими знаниями хотя бы вот настолько, — Гаммаж показал двумя почти сложенными вместе пальцами, насколько, — то Крыстоны станут властелинами не только Логовищ, но и всего мира. Сообщи это своим Старейшинам, Фуртиг. Может быть, они выслушают тебя, несмотря на то, что до сих пор уши их были закрыты для плохих новостей.

— А что ещё искал Фоскот?

Гаммаж умолк, глядя куда-то за Фуртига, словно там на стене был начертан ясный, как охотничий след, ответ. Который, впрочем, Гаммаж не торопился дать.

— Фоскот? — повторил он, словно впервые услышал это имя. И снова бросил хитрый взгляд на Фуртига. — Фоскот сильно пострадал в стычке с Крыстонами. Он был полумёртв, когда ты доставил его сюда, воин. Но сейчас он выздоравливает. Демоны были столь велики, что держали в руках не только смерть, но и жизнь. Они забавлялись этими двумя силами, как будто держали в руках детские игрушки. Так дети беспечно перекидываются камешками, палочками, шариками. С той только разницей, что безумные игры Демонов закончились для них печально. Демоны умели множество поразительных вещей. С каждым днём мы узнаем о них всё больше. Например, они по желанию могли вызвать дождь или заставить сиять солнце. Но и этого им было мало, они стремились к большему, к власти над жизнью и смертью. И в конце концов их знания обернулись против них же.

Фуртиг осмелился задать вопрос только потому, что почувствовал, как извечное поклонение Предку отступило. Как будто он взобрался на высокую гору и осознал, что взбираться было не столь трудно, как казалось снизу. Несомненно, фигура Гаммажа впечатляла. Он был выше самых уважаемых Старейшин. Однако Гаммаж не ставил себя над остальными, и тем самым не унижал соплеменников, как это практиковали Старейшины Пещер.

— Но если Демоны умерли, почему ты говоришь об их возвращении?

Гаммаж снова помедлил:

— Умерли не все. Но выжившие не остались здесь. Мы обследовали их последнее Логово. И нашли там только трупы. Точнее, то, что осталось от них. Позже, когда мы обнаружили их банки информации, стало ясно, что некоторым Демонам удалось спастись. А значит, они могут вернуться. И это гораздо важнее, чем то, что пытался найти Фоскот в своём втором походе по Логовам. Но ты всё узнаешь, Фуртиг, — по-прежнему глядя в стену, повторил Гаммаж. — Ты всё узнаешь. Тебе столько ещё предстоит узнать. И столькому научиться. Мы узнаём всё больше тайн, принадлежавших Демонам. Если бы у нас было ещё хоть немного времени!

— Крыстоны грозят отнять у нас и это последнее время, — вмешалась Лили-Ха.

Фуртиг снова изумился. Одно то, что женщина не ушла при появлении Предка, было удивительно. И она, к тому же, посмела заговорить с Предком, указывая ему, словно ребёнку, на какие-то обстоятельства, с которыми Гаммаж должен считаться! Это было поразительно.

Впрочем, Гаммаж воспринял её вмешательство как должное. Он согласно кивнул:

— Верно, Лили-Ха, нельзя забывать сегодняшние нужды ради мечтаний о завтрашнем дне. Итак, сын Пещер, мы теперь увидимся не скоро. Нашу часть Логовищ тебе покажет Лили-Ха.

Он плотнее запахнул одежду и вышел походкой юного

воина. Фуртиг нерешительно опустил миску и взглянул на Лили-Ха. Понятно, что в Логовах не соблюдались обычаи Пещер. Но Фуртиг всё равно чувствовал себя неловко наедине с Выбирающей. Не зная, о чём говорить с этой незнакомой женщиной, он начал:

— Ты родом не из Пещер, так?

— Так. Я не из Пещер. Я родилась здесь, в Логовах.

И снова Фуртиг пришёл в изумление. Он много раз слышал, как охотники заявляли, что уйдут к Гаммажу. Но женщины к Гаммажу не отправлялись никогда. И то, что здесь, в Логовах, Люди вели нормальную человеческую жизнь, поражало. Впрочем, почему бы им не вести нормальную жизнь, оборвал себя Фуртиг. Это он слишком предвзят. Пусть так, но тогда где живут здешние женщины?

— К Гаммажу приходили не только люди его клана, — пояснила Лили-Ха, как будто читая его мысли. — По ту сторону Логовищ живёт другой клан Народа. Это там, далеко от ваших Пещер. Несколько сезонов назад Гаммаж отправил к ним своих посланцев. Те Люди приняли слова Гаммажа гораздо ближе, чем его родственники по клану.

Фуртигу показалось, что этим упрёком женщина высказала заносчивость, обычную для Выбирающей, когда та остаётся наедине с охотником. А Лили-Ха продолжала всё с теми же нотками превосходства:

— На земле тех дальних Людей сейчас живёт целое племя, состоящее из нескольких кланов. Оно образовалось ещё во времена матери моей матери. Но мы, рождённые здесь, отличаемся от тех, кто рождён вне Логовищ. Даже те, кто приходит к нам извне, другие. Мы, рождённые здесь, отличаемся, скажем, вот этим.

Она вытянула руку в одну линию с рукой Фуртига.

Его и её кожа были не столь различны. Но длинные тонкие пальцы Лили-Ха совсем не походили на коротенькие пальцы Фуртига. Лили-Ха убрала руку, явно гордясь собой.

— Вот что, — она помахала ладонью, — позволяет нам управляться с машинами Демонов.

— Так ты стала такой потому, что родилась среди этих машин?

— Гаммаж думает, что отчасти это так и есть. Но здесь множество странных мест... вот, скажем, оздоровители. В одном таком сейчас лежит Фоскот. Когда женщина собирается родить малыша, её тоже отправляют в такой оздоровитель. И она ждёт ребёнка там. И ребёнок рождается с изменениями. Моими руками я могу сделать гораздо больше, чем...

Она умолкла и Фуртиг закончил фразу сам:

— Чем я моими...

И он вспомнил, как прижимал отверстие переговорного устройства кончиком языка. Будь у него пальцы такой длины, язык не понадобился бы ни ему, ни Фоскоту.

— Да, чем ты своими руками, — нисколько не смущаясь, подхватила она. — Но Гаммаж хочет, чтобы ты осмотрел Логова. Так что пошли. Здесь, в этом Логове, у нас есть вещь, на которой можно ездить. Она перемещается только внутри Логова, хотя мы пытались заставить её ездить и снаружи. Мы не понимаем, почему она не едет наружу. Но достаточно пока того, что она ездит внутри.

Лили-Ха лихо подогнала к выходу из комнаты какую-то тележку, двигавшуюся легко и не такую огромное, как Грохотун. У тележки было два сиденья, настолько широкие, что Фуртиг понял: эта вещь была изготовлена для Демонов, а не для Людей.

Лили-Ха взобралась на переднее сиденье и ухватила руками за поручень. Фуртиг понял, что ей неудобно так сидеть, но Лили-Ха ничего не говорила, выжидая, пока он усядется позади. Затем она потянула поручень на себя и тележка пришла в движение. Она покатила вперёд легко и мягко.

Они ехали, и Фуртигу становилось понятно, что восторгаться тележкой незачем. Вещи, которые поражали его вначале, сменялись новыми вещами, ещё более поразительными. Лили-Ха рассказывала по ходу их поездки, как Люди пытались овладеть многими непонятными вещами,

как целые команды рабочих под руководством Гаммажа изучали эти приспособления, но так и не смогли найти им применения, несмотря на специальные знания.

Однако обучающие машины Гаммаж освоил очень давно. Их приводили в жизнь посредством узких дисков, соединённых лентой. Лили-Ха поместила такой диск в машину, нажала какие-то кнопки — на стене перед Фуртигом появились картины, а откуда-то из воздуха возник голос, вещающий на непонятном языке. Большинство звуков этого языка Фуртиг не смог бы воспроизвести.

Потом женщина принесла ещё одну вещь, слишком неудобную, чтобы держать её в руках, Фуртиг надел её на голову. Внутри по бокам были выступы, по размерам подходящие к расположению ушных отверстий. Когда выступы коснулись ушей, слова незнакомого языка стали понятными. Но значение по-прежнему оставалось туманным. Так происходило обучение: слушая и глядя на картинки, можно было узнать новое. Лили-Ха заверила Фуртига, что через некоторое время он сможет обходиться без транслятора, научившись понимать чуждую речь.

Фуртиг разволновался так, как не волновался со дня Состязаний. Тогда он точно знал, что проиграет. Теперь это было волнение победителя, а не побеждённого. Со временем (теперь он понимал, почему Гаммажа так тревожила нехватка времени!) и он, Фуртиг, овладеет всеми секретами Демонов.

Он уже хотел остаться здесь! Но комната, куда Лили-Ха привела Фуртига, чтобы показать обучающую машину, была заполнена Людьми, деловито работающими, занятыми делом. Наверное, они отвлеклись на Фуртига лишь потому, что так приказал Гаммаж.

Здесьние воины не были настроены к нему враждебно, нет. Они не выказывали беспокойства при виде незнакомца. Они обращались с Фуртигом как с подростком, который теребит взрослых. Как с не очень способным подростком, отвлекающим от дела. Гордость воина не позволила Фуртигу принимать с обидой такое обращение.

У большинства работающих были такие же длинные пальцы, как у Лили-Ха, и так же мало шерсти. Но попадались и похожие на Фуртига — окраской и строением тела. Они тоже не выказывали ничего, кроме безразличия.

Фуртиг постарался не замечать этого равнодушия, а сосредоточил внимание на их работе. Но увиденное показалось ему, тренированному воину, скучным. В свою очередь, он, воин, охотник (это звание было предметом его гордости!), защитник Пещер, был здесь никем. Так что результатом его с Лили-Ха осмотра явилась только глубокая тоска и желание вернуться к Людям своего племени.

Но вот они добрались до оздоровителя, где лежал Фоскот. Стоя в одном из кабинетов, они наблюдали сквозь прозрачную стену за тем, что происходило в соседнем помещении. Да-да, здесь можно было смотреть прямо через некоторые стены! Там, за стеной; на плетёной циновке лежал Фоскот. Освещение в той комнате за стеной было не таким как снаружи. Оно мерцало, словно ветерок, бегающий по траве. Фуртиг не мог найти этому сравнения лучше. Свет волнами переливался вокруг лежавшего ничком Фоскота.

Глаза раненого были закрыты. Грудь вздымалась и опадала, будто Фоскот крепко, без сновидений, спал. Перевязанная раненая нога больше не кровоточила, рана затягивалась в широкий шрам.

Фуртиг понимал, что окажись Фоскот в Пещерах, он не выжил бы. Слишком много воинов погибало и от меньших повреждений, несмотря на заботу лучших лекарей Пещер. Фуртиг вздохнул. Это было всего только одно из многих чудес, увиденных им в Логове. Но для него это чудо затмевало остальные, потому что результаты наглядно показывали мощь Демонов.

Он прижался ладонями к стене и придвинулся поближе, почти расплющив нос, чтобы получше разглядеть.

— Можно ли здесь вылечить лихорадку?

— Здесь можно вылечить всё. Любые болезни, почти все травмы и раны. Только одну болезнь оздоровитель не

лечит... — она сказала это с такой грустью, что Фуртиг обернулся. Высокомерие Лили-Ха куда-то пропало.

— Какую же?

— Как-то Гаммаж нашёл одну вещь... Она выпускает туман. Когда этот туман касается тела... — Лили-Ха содрогнулась. — Это самая злая вещь, какую мы только нашли у Демонов. Туман нельзя остановить, и горе тому, кто попадёт в этот туман. Ох! Даже думать о нём страшно. Гаммаж уничтожил ту вещь.

— Ну что, Фуртиг, каково твоё первое впечатление от Логова?

Позади них стоял Гаммаж. Он вновь появился неожиданно, без предупреждения — как это ему удалось?

— Логова полны чудес.

— Да. Чудеса на чудесах. А мы всего-то прикоснулись к малой толике того, что здесь хранится. Нам очень нужно время, ничего кроме времени, — Гаммаж снова вперил взгляд в стену, словно там было написано, где взять столь необходимое Народу время. Или словно мысли Гаммажа отгородили его от собеседников.

И вновь Фуртиг осмелился прервать молчание:

— Чего я не понимаю, так это как Демоны, обладая такими большими знаниями, пришли к столь страшному концу?

Гаммаж весело взглянул в глаза Фуртигу:

— Потому что они жадничали. Они умели только брать. И брали — от воды, от воздуха, от земли. Когда же они поняли, что напахали слишком много, когда взялись возвращать долги, оказалось поздно. Но некоторые смогли спастись. Мы ещё не расшифровали все записи, поэтому не знаем, кто и куда делся. Но, кажется, они улетели на небо.

— Как птицы? Но ведь у Демонов не было крыльев. Так было на картинке...

— Да, — отозвался Гаммаж. — Но мы получили свидетельства, что Демоны располагали какими-то летательными аппаратами. Так что часть Демонов улетела. Те же, кто

остался, усиленно работали в поисках средств, чтобы восстановить разрушенную природу. Но один из созданных ими препаратов и послужил причиной их гибели. Мы нашли две записи, где рассказывается об этом. От препарата развивалось заболевание, похожее на лихорадку. Некоторые умирали сразу. Другие оставались в живых, но у них менялся разум. Они становились похожими на Лайкеров, когда у тех изо рта течёт пена и они бешено рвут на клочки своих же соплеменников. Но у всех оставшихся в живых появлялся один и тот же симптом: они больше не могли воспроизводить потомство, — Гаммаж помолчал, как бы раздумывая, нужно ли говорить очередную мудрость. — Зато эта эпидемия имела и ещё один побочный эффект. Болезнь сделала нас, Людей, а также Лайкеров, Клыкастых и Крыстонов такими, какие мы теперь есть. Это, Фуртиг, мы тоже узнали из записей Демонов. Мы были для них животными, наподобие кроликов или оленей, за которыми мы охотимся для пропитания. Правда, первые Люди были в контакте с Демонами — об этом есть свидетельства. Несколько первых Людей жили в Логовах.

Голос Гаммажа стал тихим и печальным. Но в нём сквозила ярость.

— Демоны использовали нас для своих опытов и открытий. Они убивали нас, мучили, ставили на нас эксперименты. Они считали нас своими слугами, подчинёнными их демонской воле. Но так получилось, что мы стали разумными именно потому, что Демоны вымерли. Они заразили первых Людей той страшной болезнью, так как пытались отыскать противоядие. Заражённые Люди не умерли и сохранили способность давать потомство. Правда, женщины стали приносить меньше детей, чем раньше. И у рождённых детей появились физические изменения. А Демоны обнаружили, что их бессловесные слуги стали другими, когда уже поздно было что-то изменить. Однако признать новую породу разумных существ равными себе Демоны не захотели. Им претила сама мысль о том, что

кто-то живой останется после их гибели. Те, кто сумел вырваться из тогдашних Логовищ, и стали нашими прапрадедами. И прапрадедами Лайкеров. И прапрадедами Клыкастых.

А вот Крыстонам не потребовалось уходить из Логовищ, потому что Крыстоны малы размером. Они скрылись в подземельях, где Демонам трудно было отыскать их. Так Крыстоны и жили в темноте, вынынчивая своих воинов. А на поверхности в это время шла охота на Людей. Это было страшно, это было неразумно. То время поселило в нас ужас перед Логовами, поселило страх, заставлявший нас держаться подальше от поселений Демонов, даже когда последний Демон сгинул. Этот страх губителен для нас, потому что Люди потеряли время. Даже сейчас, когда мои посыльные рассказали в каждом племени о чудесах, ждущих Людей в Логовах, только немногие воины пришли сюда, сумев победить этот древний страх.

Фуртиг спросил:

— Но если мы овладеем знаниями Демонов, не случится ли так, что мы тоже начнём путать, где добро, а где зло, и в конце концов это погубит и нас, так же, как и Демонов?

— Но ведь мы не собираемся забывать их горький пример, Фуртиг. Посмотри вокруг! Разве здесь возможно забыть о случившемся? Нет, мы должны учиться только добру, никогда и никто из нас не будет иметь права сказать: я сильнее окружающего мира, этот мир мой, и я буду использовать его, как мне захочется.

Слова Гаммажа были удивительны. Вот только вызовут ли эти слова такой же восторг, услышав их, скажем, Фал-Кан или другой Старейшина в Пещерах? Фуртиг сомневался. Обитатели Пещер и племя на западе были вполне довольны той жизнью, какую вели. У них правила обычай. Воину полагалось делать это и это, говорить то и то, так же, как до него поступал и говорил его отец. Женщины становились Выбирающими и вели домашнее хозяйство так же, как делали их матери. Попробуй скажи им, что нужно поменять

привычный уклад, что нужно идти обучаться знаниям Демонов! Осмелившийся на такое, подобно отчаянным потомкам клана Гаммажа, встретит на своём пути громадные трудности, подумал Фуртиг. Гаммажу такие трудности и привидеться не могут. Ведь несмотря на возраст и почтенность Предка, Старейшины клана говорили о нём как о сумасшедшем только потому, что он сделал попытку изменить их обычаи, уклад жизни.

Глава 6

Когда Фуртиг слушал Гаммажа, вникал в мудрость Предка, он соглашался: да, ничего не может быть важнее овладения знаниями... надо учиться, потому что только знания принесут выигрыш в страшной гонке со временем. Фуртига поражало, что Логова, оказывается, были заселены новыми Людьми исключительно благодаря смелости его Предка. Разумеется, они должны найти защиту, которая убережёт их в случае вторжения чужаков.

Но душой Фуртиг не чувствовал восторга. Он был унижен до положения ребёнка, которого нужно терпеливо обучать житейской грамоте. А ведь Фуртиг был воином Пещер! Теперь же ему вновь предстояло пройти обучение, подобно тем, кто вдвое моложе его. Ведь здесь учились вне зависимости от возраста, а в зависимости от знаний, от способности усвоить эти знания.

Но он упрямо носил на голове ту плохо пригнанную штуку — транслятор — пока не начинало ломить виски. Он рассматривал картинки, появляющиеся на стене, слушал голос в наушниках, несмотря на то, что каждое третье из сказанных слов казалось ему бессмысленным. Однако наибольшее раздражение вызывал тот факт, что в залах для инструктажа все остальные ученики были намного моложе его!

И ещё его раздражало чувство собственного превосходства, с которым его воспринимали жители Логова. Их

заносчивость воздвигала непреодолимый барьер в общении. Когда Фуртиг обращался ко взрослым, те обычно отвечали очень кратко и вечно куда-то спешили. Если у тех и выдавались свободные часы, то Фуртигу доступ в помещения отдыха был закрыт. Никто не интересовался Фуртигом как человеком. Для всех он был лишь ещё одним вместилищем для знаний, которые следовало заложить внутри в кратчайшие сроки.

Он всё больше разочаровывался и это отражалось на учёбе. Впрочем, порой он узнавал столь интересные вещи, что тоска забывалась. Тогда он по-настоящему увлекался наукой. Особенно его ошеломила запись, повествующая о последних днях Демонов. Хотя ему было непонятно, почему Демоны решили сохранить эту ужасную запись. Разве что как документ, предупреждающий потомков?

Теперь он выучился ненавидеть по-настоящему. Никогда и никого он не ненавидел так сильно, даже Лайкеров. Правда, Крыстоны по-прежнему вызывали у него отвращение. Но после того, как он увидел помещения, где проводились опыты над Людьми, просмотрел записи, показавшие, как Демоны охотились на Людей, выживших после прививок страшной болезни... Злоба и жестокость Демонов настолько заражали безумием, что, просматривая записи, Фуртиг сам рычал, ворчал, бил хвостом и пару раз вцепился в изображение на стене когтями. Когда он пришёл в себя, вокруг собралась толпа младших учеников. Они с любопытством обсуждали, стоя в сторонке, не передалось ли старшему ученику злое бешенство Демонов. Но Фуртиг не устыдился своей ярости. Только так воин должен встречать врага!

Всё это время он не встречал Лили-Ха. И только дважды перед ним, как всегда неожиданно, появлялся Гаммаж. Предок туманно интересовался, всё ли в порядке, затем исчезал.

Фуртигу так хотелось поговорить, задать кому-то накопившиеся вопросы. Но его присутствие никого не волновало настолько, чтобы вступать в дискуссию. Чем они все были

заняты? Нашёл ли кто-нибудь, как сдержат натиск Демонов, если те вернутся? Фуртиг не знал этого, хотя безумно желал знать. Кто, кто и кто? Что, что и что? Однако вокруг не находилось никого, кто захотел бы ему ответить.

И вот в один прекрасный день он вернулся с занятий в комнату, где проживал. И обнаружил у себя на постели сидевшего Фоскота! Это была та самая комната, где Фуртиг когда-то очнулся после того, как добрался до Логова Народа. Ему отвели эту комнату в личное пользование. Логово было столь обширно, что места хватало с избытком для всех.

Фуртиг обрадовался Фоскоту — для него эта встреча означала найти равного себе, соплеменника, воина.

— Ты выздоровел!

Впрочем, не было нужды говорить это. Вместо кровотокачей раны на теле Фоскота белел тоненький шрам.

— Выздоровел, — широко улыбнулся Фоскот. — Но Расскажи-ка, братец, как ты поживаешь тут? А лучше Расскажи, как тебе удалось дотащить меня в Логово? Говорят, нас нашли у входа в подъёмную шахту. А я хорошо помню, что охотился весьма далеко от неё. И когда я отключился, мы с тобой находились на много этажей ниже. К тому же, куда делся Ку-ла? Это тот, который вместе с нами попал в плен Крыстонов.

Фуртиг неторопливо поведал, как Грохотун умер на полпути к Логову. Но Фоскот перебил его:

— Что Грохотуны умирают, я знаю. Но как ты справился с его управлением? Я этого не помню, наверное, был без сознания.

— Я проделал то же, что и ты, — объяснил Фуртиг. — Я коснулся отверстия в кубике языком. Мы подняли тебя на спину Грохотуна и он повёз нас. Но тот незнакомец, кого ты называешь Ку-Ла, не поехал с нами. Он пустился собственным путём, — Фуртиг мотнул хвостом. — Там повсюду сновали Крыстоны. Боюсь, что он не дошёл никуда.

— Жаль. Он мог бы помочь установить контакт с дальним племенем. Но как всё-таки ты управлял Грохотуном? Ведь прикосновение только оживляет Грохотуна, а отдать команду, куда двигаться, ты не мог, потому что не знал, как эту команду отдавать.

— Я и не отдавал никакой команды. Просто коснулся отверстия языком.

— И о чём ты в тот момент думал? — не унимался Фоскот.

— Что нам надо добраться до Гаммажа, о чём же ещё?

— Вот именно! — вскочил Фоскот. — Так я и думал! Можно сколько угодно касаться отверстия, но дело не только в прикосновении. Они говорят, что достаточно механически нажимать на пульт. Нет! Они неправильно учат! Нажимай на отверстие хоть один раз, хоть два, дело не в этом. Дело в том, что ты думаешь в это время. Оно работает от мысли, ты это доказал. Никакой системы отдачи команд ты не знал. Просто подумал, куда тебе надо куда-то попасть, и Грохотун повёз!

— Но потом-то он всё равно умер, — вставил Фуртиг.

— Кстати! — поинтересовался Фоскот. — Как ты меня доставил к шахте, когда умер Грохотун? Как ты нашёл дорогу?

— Ну... я... Я попробовал взять мысленный след.

— Персональная мысленная связь! — Фоскот в изумлении захлопал глазами. — Но как ты мог вступить в персональную мысленную связь с Гаммажем, если ты его никогда не видел?

— Наверное, у меня получилось потому, что я — его потомок по прямой линии. Вообще-то я не знаю, как это получилось. Просто получилось. Ведь если бы у меня не получилось, мы сейчас не сидели бы здесь.

И Фуртиг рассказал, как нашёл столик на колёсах, как тащил Фоскота, как поднялся по шахте.

Дослушав, Фоскот спросил:

— Гаммаж знает об этом?

— Нет. Меня никто не спрашивал. Наверное, они

решили, что ты указывал дорогу, — только теперь Фуртиг понял, что был так занят чудесами Логова, что не заметил, как с него самого никто не потребовал объяснений.

— Надо немедленно всё рассказать Гаммажу! Мало кто из нас умеет пользоваться мысленной связью, — хвост Фоскота так и ходил от восторга. — А про то, что можно установить мысленную связь с тем, кого никогда не встречал, я вообще не слышал. Это значит, что у нас начались изменения, которых не было раньше, и которые нам очень пригодятся.

Фоскот метнулся к двери, но Фуртиг остановил его:

— Подожди. Не сейчас. Мы же не уверены до конца.

— Как это не уверены? Пусть Гаммаж всё выслушает, проверит...

— Нет! — заворчал Фуртиг. — Я здесь на положении подростка, которому нужно учиться и учиться. Я наравне с несмышлёнышами, только что выползшими из материнской колыбели. Если я заявлю, что обладаю талантом, которого у меня на самом деле нет, меня станут воспринимать как ещё менее значимого. Этого я не хочу!

— Я тоже так думал когда-то, — ответил Фоскот. — Но единственное, что по-настоящему важно, это добавить свои знания и умения к уже имеющимся знаниям.

Теперь Фуртиг изумлённо уставился на Фоскота, высказавшего поразительную мысль. Конечно, воин всегда с готовностью защищает своё жильё, свою Пещеру в рядах клана. Но в мирное время воин занят только собой, он ходит в гордом одиночестве. Чтобы поддержать гордость этого одиночества, те, кто не добился успеха в битвах Состязаний, уходят прочь. Если бы сам Фуртиг не покинул Пещеры после неудачи на Состязаниях, его всем кланом воспринимали бы хуже, чем несмышлёныша-подростка. И вот теперь Фоскот предлагает просто так, без видимой причины подорвать свою репутацию. По крайней мере для Фуртига такая причина не была убедительной.

— Как ты думаешь, хоть кому-то, кроме Гаммажа, я был здесь интересен? — спросил Фоскот. — Для того, чтобы

добиться звания воина в Логовах, необходимо что-то привнести в общий вклад знаний, что-то, заслуживающее всеобщего внимания. У рождённых в Логовах воинская доблесть не считается заслугой. У них свои мерки. Здесь идут Состязания на свой манер.

— И как ты доказал им, что стоишь чего-то?

— Делая то, что делал, когда меня поймали Крыстоны. По-моему, когда получаешь одно, проигрываешь в другом, а сумма знаний и навыков у нас у всех одинакова. К примеру, как ты изучал охотничьи территории около Пещер?

— Я обежал их и подробно запомнил, так что могу и теперь отыскать их днём и ночью.

Фоскот постучал по лбу коротеньким пальцем:

— У нас вот здесь имеется место, куда откладываются знания. Пройдя однажды по тропе, мы безошибочно разыщем её в следующий раз. У рождённых в Логовах это чувство ориентации на местности отсутствует. Когда они выходят на охоту или на разведку, они метят территорию, чтобы потом узнать её опять. Но если пришли Крытсоны, то пометки оставлять нельзя, потому что они послужат прямым указанием для врага, как попасть на твою территорию. Поэтому разведку должны производить только те, кто не утратил чувство ориентации. Неужели ты, Фуртиг, до сих пор не понял, что имеешь преимущество, которого нет у остальных из нас? Если в клане Логова поймут, как ты можешь находить направление, ориентируясь на чью-то личность, мы станем более свободными в наших поисковых выходах.

— И тут же напоремся на Крыстонов? Для этого не нужно ориентироваться. Крыстонов легко учуять по запаху.

— Ну, Крыстонов мы выследим и без тебя. Это умеет каждый. Для этого даже не обязательно ходить на двух ногах, можно бегать на четвереньках. А ещё мы нашли штуку, которая летает по воздуху, хотя у неё нет крыльев. Это очередная машина Демонов. Когда она летит, та

собирает изображения местности, над которой пролетает, эти изображения она может пересылать на расстояние.

— Да? Так что же Гаммаж не послал эту машину, чтобы выручить тебя, когда ты попал в плен к Крыстонам? Она увидела бы это раньше, чем пришёл я, — перебил соплеменника Фуртиг. Ему претила сама идея летающей машины.

Однако Фоскот не шутил, а говорил серьёзно.

— По двум причинам. Во-первых, машина ещё не прошла испытания. Во-вторых, она работает, как и все другие слуги Демонов, недолго. То есть собирает информацию, но не может улететь далеко. Умирает. Приземляется, и ничем нельзя поднять её снова в воздух. Или эти машины слишком стары, или Демоны умели оживлять их каким-то другим способом.

— Почему же нельзя узнать, в чём дело, запустив те тонкие диски с лентами? Их дают обучающим машинам, и те рассказывают, что к чему. Ведь из таких дисков Гаммаж и другие узнают секреты Демонов.

— Это так. Но диски со знаниями хранятся не в одном месте, а во многих. Их находят то здесь, то там. Почему Демоны рассредоточили хранилища своих знаний — загадка. Гаммаж предполагает, что знания рассеяли, разделили по областям науки, хотя первоначально их хранили в одном месте. Не так давно было открыто, что где-то должен быть указатель хранилищ знаний. Но пока его существование под вопросом. Многое из того, чему мы обучаемся, построено на догадках. Даже слушая язык Демонов, мы понимаем лишь одно слово из двух. Другие термины Демонов мы не можем истолковать точно, хотя слышим их по многу раз. Поэтому когда выясняется точное значение слова, то для нас это праздник. Гаммаж давно надеется, что если мы соберём все знания Демонов, то сумеем научиться управлять и всеми слугами Демонов без ошибок, обеспечив надёжность контроля. А если мы овладеем слугами Демонов, то останутся ли для нас ограничения в деятельности?

— Вполне возможно... — пробормотал Фуртиг. — Ведь и

сами Демоны думали так же. А они были ограничены в своей деятельности смертью. Кажется, так.

— Да, для нас тоже существует такая опасность. Но что если Демоны вернутся и снова станут обращаться с нами, как со своими игрушками? Что тогда? Ты хочешь этого, брат?

— Чтобы с нами обращались как с игрушками?

— Разве ты не видел записи? — Фоскот негодуя забил хвостом. — Мы были игрушками Демонов, братец. Так было, пока они не принялись использовать нас по-другому, пока они не стали мучить нас болезнями, придуманными для живых существ. Ты хочешь, чтобы такое повторилось?

— Но откуда Гаммаж знает, что Демоны могут вернуться?

— В центре Логова находится устройство, назначения которого мы не понимаем. Это устройство посылает в небо сигнал. Мы попытались разрушить устройство, но оно так защищено, что мы не можем даже приблизиться. Оно работает с тех самых пор, как Демоны погибли. Из записей мы узнали о Демонах, которые улетели на небо. Если им удалось уцелеть и не умереть от болезни, которая унесла всё племя Демонов, то, возможно, это устройство подаёт им сигнал к возвращению.

Фоскот говорил так серьёзно, что уши Фуртига сами собой прижались к голове, а шерсть на загривке встала дыбом. Подобно Гаммажу, который умел увлечь своими высказываниями слушающего, Фоскот сейчас мог убедить в своей правоте любого.

— Но ведь Гаммаж уверен: если мы овладеем знаниями Демонов, мы сможем противостоять их вторжению.

— В лучшем случае, да. Но кого ты выберешь для битвы — воина, усиленного когтями, или воина без когтей? Оружие всегда даёт силу. Поэтому мы спешим отыскивать новые хранилища знаний и учиться всему. Возможно, именно следующий диск расскажет нам, как обращаться со слугами Демонов. Я уже рассказал, что Гаммаж предпо-

ложил наличие такого хранилища знаний. И я отправился на поиски. Но был пойман Крыстонами. Они умеют делать очень хитрые ловушки, брат. В одну такую я и попался, потому что мы не знали о нашествии Крыстонов в ту часть Логовищ. И я стыжусь, что был пойман, потому что больше думал о том, за чем охочусь, а не о том, кто может охотиться за мной. Меня подвела моя же собственная беспечность, и если бы ты не пришёл на выручку, я заплатил бы за неё полную цену.

— Но ты собираешься снова идти на разведку?

— Если понадобится, пойду. Теперь, Фуртиг, ты понимаешь, что мы с тобой можем предложить жителям Логова? Мы можем осуществлять разведку, используя весь арсенал техники, имеющийся в Логове. А если ты владеешь чем-то более совершенным, чем технические средства, то...

Фуртиг упрямо перебил собеседника:

— Я сам ещё ни в чём не убеждён. Пока ничего не доказано.

— Так докажи! — настаивал Фоскот.

— Интересно, как? Что мне, выследить Гаммажа снова? Это может любой обитатель Пещер.

— Не любой. Ты знаешь, что эта способность присуща немногим.

— Но всё равно эта способность не уникальна. Можно выследить тебя, можно — Гаммажа. Здесь нет ничего необычного. Просто тебе показалось необычным то, что я взял след Предка, ни разу до того не увидевшись с ним.

Чуть пошатываясь, будто его всё ещё беспокоила рана, Фоскот забегал по комнате.

— И всё-таки я хочу рассказать об этом Гаммажу. А ещё лучше, скажи ему сам. Тогда, может быть, он придумает, как это всё проверить наверняка.

— Подумаю, — упрямо повторил Фуртиг. Он чрезвычайно заинтересовало всё то, что рассказал ему Фоскот. Ему передалась вера Предка. Но Фуртиг не желал, чтобы его начали презирать обитатели Логова, окажись его заявленные способности ложными.

— Фоскот, а ты знал наверняка, что искать, когда попался в ловушку Крыстонов?

— Я искал тайное хранилище записей, которое, по предположению Гаммажа, должно быть обширнее всех уже открытых нами. Гаммаж хотел разыскать больше информации об устройстве, посылающем сигнал в небо. Нам приходится обходить помещение, где расположено устройство, стороной, потому что уже несколько воинов погибло в хитроумных ловушках, расставленных Демонами для защиты устройства. Когда возникло предположение, что существует новое хранилище знаний, Гаммаж попросил добровольцев отправиться на розыски. Я вызвался идти. Потому что мы, жители Пещер, обладаем чутьём и можем определить опасные места. Но меня поймали, когда я пробирался через сектор, который считал безопасным.

Кажется, Фоскот искренне верил, что жители Пещер обладают определёнными преимуществами перед жителями Логовищ. Но может быть, он только говорил так, потому что его тоже раздражало высокомерие обитателей Логова? Неважно. Фуртиг не собирался принимать вызов, брошенный здешними выскочками, пока у него не появится, чем доказать собственную состоятельность. И всё-таки Фоскот подсказал ему, как утвердить свои способности.

— Фоскот, а как далеко ты находился от этого тайного хранилища, когда тебя схватили Крыстоны?

— Довольно далеко. Я специально шёл вкруговую, так как опасался ловушек, оставленных Демонами. Когда я пытался пройти по следу, часть проложенного хода обвалилась, подняв большой шум...

— И ты оказался заваленным без выхода?

— Нет, завалило только след. Он был оставлен раньше. Вот, смотри, — Фоскот достал из сумки на поясе тонкую палочку. Он направил её острие в пол, провёл — и на полу осталась хорошо различимая тёмная черта. Рисуя и поясняя нарисованное, Фоскот принялся рассказывать, как можно было бы продолжить след в подземных лабиринтах. Фуртиг

никогда не видел, чтобы след рисовали, однако он быстро оценил преимущества метода и стал заинтересованно расспрашивать.

Фоскот довольно сказал:

— Ну, рисующая палочка, это ерунда! Вот пойдём, я тебе покажу настоящее оборудование!

Спрятав палочку, он направился к выходу. Фуртиг воодушевлённо последовал за ним. Они пришли в комнату, которую занимал Фоскот.

Здесь было не так голо, как в комнате Фуртига. Посреди комнаты стояли два больших стола, заваленные вещами, которые Фуртиг не сумел бы распознать ни с первого взгляда, ни со второго. Между тем Фоскот усадил его на кровать, сам придвинул стул и вытащил откуда-то небольшую коробку. По размерам коробка была как два сложенных вместе кулака. Фоскот направил её торцом в стену. Так же, как при работе с обучающими устройствами, на стене возникло изображение. Но это была не реальная картинка, а только ряды линий. Однако через некоторое время Фуртиг различил в этих линиях подобие рисунка, сделанного Фоскотом.

Тот положил коробку на кровать рядом с Фуртигом, подошёл к стене и, показывая на чертёж, заговорил:

— Смотри! Мы — вот здесь, — он царапнул когтем по стене, так что от оставленного следа картинка немного исказилась. Фоскота это не остановило. Он стал показывать, где расположены нижние и верхние коридоры.

Фуртиг уточнил:

— Но если у тебя есть такая штука, указывающая место, зачем искать что-то, беря персональный след?

— Потому что, — Фоскот, приблизившись к столу, шлёпнул по коробочке, и изображение исчезло, — каждая такая штука показывает ограниченное место, маленькую часть Логовищ. К тому же, если ты не нашёл нужной коробочки, показывающей ту часть Логова, какая тебе нужна, ты всё равно не сможешь ориентироваться.

— А что у тебя здесь? — Фуртиг указал на предметы, грудами сложенные на столах.

— О, эти вещи стоят того, чтобы их поискать. Вот эта сохраняет пищу горячей. Кладёшь горячую еду и спокойно идёшь на разведку. Потом открываешь эту штуку, а еда по-прежнему горячая.

При этом Фоскот продемонстрировал толстенный круглый кусок металла, который легко разделился на две половинки.

— Зачем это нужно, чтобы еда была горячей?

— Подожди, увидишь.

Фоскот соединил две части металлического цилиндра и подошёл к большому ящику, значительно превосходящему по размерам коробку, показывающую картинки. Он достал откуда-то сосуд, в котором Фуртиг рассмотрел куски мяса. Фоскот вынул один кусок, поместил его в полость ящика и накрепко закрыл дверцу.

Прошло несколько секунд и до Фуртига донёсся запах, какого он до сих пор ещё никогда не обонял. Пахло так вкусно, что рот сам собой наполнился слюной. А горло непроизвольно издало восторженное мяуканье, каким дети приветствуют кормушку с едой. Фуртигу стало стыдно от собственной несдержанности.

Но Фоскот сделал вид, что ничего не слышал. Он приоткрыл дверцу ящика и вынул мясо. Оно стало коричневым и пахло так, что Фуртигу пришлось сделать усилие, чтобы усидеть на месте, дожидаясь, пока Фоскот не угостит его. Мясо стало непохожим по виду ни на одно из кушаний, когда либо пробованных Фуртигом. Но вкус был очень даже неплох.

— Отлично приготовлено, да? — Фоскот снова взялся за цилиндр. — Демоны всегда готовили пищу, а потом складывали в такие вот штуки. В них еда не портится. Можно целый день ходить, взяв эту вещь с собой. Еда в ней остаётся горячей, как будто только что вынута из варочного устройства.

Потом Фоскот показал на широкую полосу, обвивавшую

юся вокруг его талии наподобие пояса, подогнанного по фигуре, правда, не слишком точно. Спереди на этом псевдо-поясе покачивался кружок непонятного материала. От прикосновения Фоскота кружок засветился.

— А вот это предназначено для тёмных мест, — пояснил Фоскот. — Это лампа для освещения.

Казалось, запасы сокровищ, найденных Фоскотом у Демонов, были неисчерпаемы. Тонкие заострённые пики, которые можно применять для чего угодно. Очень острый кривой нож, с лезвием как прямой коготь, разрезающий всё. Фуртиг увидел столько нового, что голова его пошла кругом, потеряв счёт увлекательным предметам.

— Где ты раздобыл всё это?

— Я приношу из разведок лишь то, что могу донести. Польза от этих найденных вещей иногда бывает понятна сразу. А некоторые находки приходится отдавать на изучение. А вот взгляни на это! — и Фоскот достал новую коробочку, наподобие той, которая рисует картинки. Но даже после нажатия на кнопку на стене не появилось изображения, хотя выходявший из коробочки луч начал перемещаться.

Фуртиг, не скрывая удивления, зашипел. Он увидел картинку, возникшую из луча. Словно он сам стоял на вершине самого высокого Логова и смотрел на местность неподалёку от Пещер. Там двигались какие-то животные — Фуртиг различил оленей. Словно эти крошечные существа жили внутри коробочки. Фуртиг протянул руку к изображению, но не смог дотронуться. Невидимая преграда отделяла его от картинки. А казалось, что всё на этой картинке настоящее.

— Они, там — живые, правда? — спросил он Фоскота. Невозможно было поверить в то, что изображение нереально.

— Нет. Порой картинка меняется и становится видно... Подожди-ка!.. — Фоскот внезапно умолк, потому что картинку внутри коробочки заслонил плотный туман. Однако он быстро рассеялся и...

Фуртиг закричал:

— Это же Пещеры! Вон там, Фал-Кан, Сан-Ло! Это Пещеры!

Глава 7

Фуртиг поднял глаза, отрываясь от изображения, и понял, что Фоскот так же завороченно, в немом изумлении, смотрит внутрь коробочки.

Наконец Фоскот коснулся руки Фуртига и приказал:

— Думай! Думай о каком-нибудь конкретном месте или о каком-нибудь конкретном человеке. Посмотрим, что получится.

Фуртиг не мог понять, зачем Фоскот вдруг принялся отдавать такие странные приказы. Но он почуял по голосу друга, что это важно. Глядя на коробочку, он послушно подумал о том, о чём ему было приказано думать. И снова изумился.

В коробочке опять всё заволочло туманом, Пещеры исчезли. Но едва Фуртиг подумал, появилось новое изображение.

— Ю-ла!

Она была как живая, будто пришла посмотреть, что же подделывает Фуртиг. Впрочем, конечно, это была не настоящая Ю-ла, а лишь её мысленное изображение.

Туман окончательно исчез и стала видна местность близ Пещер, небольшая возвышенность. Но это была не совсем та местность, которую помнил Фуртиг. Что-то переменилось. Листья вовсю падали с деревьев, а на траве виднелись оставленные заморозками седые проплешины.

И снова возникла фигура, обратив к ним лицо. Ю-Ла, но не такая, какой он видел её в последний раз, а такая, какой она, наверное, стала теперь, когда прошло время. Фуртиг вспомнил, как она просила передать свои слова Предку, и почувствовал себя виноватым, потому что до сих пор ничего не сделал. Надо будет сказать Предку как можно скорее.

Ю-Ла прикрыла глаза ладонью, будто заслоняя их от солнца. Нет, картинка не была воспоминанием, ожившим по волшебству. Происходившее внутри коробочки не являлось чьей-либо памятью, это была отдельная самостоятельная жизнь, не зависящая от чьих-либо воспоминаний.

— Кто она? — спросил Фоскот.

— Ю-Ла из Пещеры Предка. Она — дочь сестры моей матери, так что между нами родство. Но Ю-Ла намного моложе меня. На следующих Состязаниях, может статься, она покинет нашу Пещеру и уйдёт в другой клан. Среди всех наших Людей она одна по-доброму отнеслась к моему уходу, когда я отправился к Гаммажу.

И снова напалз туман, закрыв лицо Ю-ла. Больше в коробочке не появилось никаких картинок, настала темнота. Фуртиг обернулся к Фоскоту. Он ничего не понимал, но ощущал себя так, словно вступил в какую-то игру, правил которой не знает, и сделал что-то не так, показав себя полным идиотом.

— Что же это за штука такая? Почему она показывает то место, которое далеко отсюда, почему там появилась Ю-Ла?

Фоскот шагал взад-вперёд, размахивая хвостом и демонстрируя работу мысли.

— Ты снова показал, братец, что обладаешь новыми интересными способностями. В Логовах имеется множество вещей, которые действуют непонятно как. Эта коробочка всегда показывала множество картинок. Или бывала тёмной и пустой, вот как сейчас. Я сам видел в ней Пещеры, мой клан, который далеко, но который я помню. Но теперь ты показал, что умеешь видеть отдельную персону так, как она живёт и движется в этот же момент. Я думаю, это часть твоего умения брать мысленный след, того умения, которое привело тебя к Предку. Понимаешь, что это значит? Если мы сможем видеть человека, который нам нужен, просто думая о нём... — Фоскот указал на коробочку. Фуртиг и сам понял идею, а Фоскот с сияющими глазами продолжал:

— Ну-ка, братец, подумай теперь про учёбу!

И Фуртиг представил себе диски, которыми кормятся обучающие машины.

На поверхности коробочки тут же возникла новая картинка. Комната для обучения, в которой Фуртиг провёл многие часы. Два подростка со шлемами на головах. Лили-Ха, включающая машину. Комната была видна несколько секунд, затем изображение свернулось и исчезло. Фуртиг не смог больше восстановить его.

Однако Фоскот не был разочарован.

— Неважно, что пока не получается. Просто тебе не нравятся обучающие машины, или ты с ними ещё плохо знаком. Главное, что ты умеешь обращаться с этой коробочкой. Улавливаешь? Если мы все научимся видеть тех, кто нам нужен, как это умеешь ты! Разведчики всё отдадут за такие устройства.

То, что устройства чрезвычайно полезны в разведке, Фуртигу было совершенно ясно. Если бы в Пещерах имелось такое оборудование, можно было бы не бояться неожиданных нападений Лайкеров. Разведчики сообщили бы заранее о любой опасности. А может быть, удалось бы расставить эти коробочки незамеченными на подступах к Пещерам. Тогда и разведчиков можно было бы не высылать. Фуртиг обдумывал один способ за другим, пока Фоскот не оборвал его раздумья:

— Но возможно, братец, только ты один обладаешь таким талантом. Всё это предстоит выяснить. Поэтому — отправляемся к Предку!

Захватив коробочку, Фоскот вывел Фуртига из комнаты. Во время ходьбы по коридору Фуртиг вспоминал первый визит в Логова, когда он впервые увидел все эти чудо-шахты, которые поднимают и опускают с помощью воздушного потока. Позже Лили-Ха рассказала ему, что никто до сих пор не может найти, где же спрятано устройство, которое управляет шахтами. А первоначально работа этих демонских шахт была открыта, конечно же, Гаммажем, в его первый приход в Логова. Тогда Гаммаж просто сорвался в шахту. Но теперь жители Логова относились к

шахтам так же спокойно, как жители Пещер к прокладке следов.

Они поднялись по шахте, миновав три этажа, и оказались в помещении, несказанно поразившем Фуртига, несмотря на то, что в последнее время его способность удивляться сильно притупилась.

Широкая площадка одной своей стороной выходила прямо в открытое небо. А высота была такой, что Фуртиг невольно вжался в стену, стараясь держаться подальше от открытого пространства.

Фоскот, увидев замешательство друга, пояснил:

— Там непробиваемая стена, только прозрачная. Вот!

И Фоскот подошёл к самому краю обрыва, поднял руку и хлопнул ладонью по невидимой поверхности. Фуртиг взгляделся и заметил, что тут и там панорама смазана — это невидимая стена искажала свет. Не желая дальше показывать свою робость, Фуртиг собрал волю в кулак и тоже подошёл к краю, где уже стоял Фоскот.

Они находились высоко над землёй. Яркое утреннее солнце играло бликами на многочисленных крышах и стенах уходящих ввысь зданий. Фуртиг изумлённо рассматривал открывшийся ему вид. С земли никогда не задумываешься о том, насколько высоки Логовища. Это стало ясно видно только отсюда, с высоты. Фуртиг раньше и не представлял как далеко тянутся постройки. А они, казалось, заполнили собой всё пространство вокруг. Даже на едва различимом горизонте темнели силуэты Логовищ. Выглядело так, как будто Демоны покрыли своими домами всю поверхность планеты.

Фоскот заторопился:

— Пойдём. Позже ты можешь забраться ещё на несколько этажей выше и всё хорошенько рассмотреть. А сейчас надо рассказать о твоих способностях Гаммажу.

Фоскот беспечно шёл прямо вдоль пропасти, но Фуртиг, всё ещё побаиваясь, держался поближе к стене. Они завернули за угол башни, теперь вдали показался кусочек зелени. Это могли быть только деревья, словно Логовища в том

направлении внезапно иссякли, уступив место обычному миру

В конце коридора открылся мостик, соединяющий две башни. Фоскот беспечно прошёл по мостику, показывая, что проделывал этот путь не однажды. Фуртиг побаивался, но шёл следом, напряжённо глядя вперёд, опасаясь взглянуть вправо или влево, чтобы не zakружилась голова.

Он отроду не боялся высоты. Высоты не боялся никто из живущих в Пещерах. Но это были не Пещеры, а совершенно другой мир. Поэтому Фуртиг торопился попасть в безопасное место, почти наступая широко шагавшему Фоскоту на пятки.

В новом помещении не было прозрачных стен. Они пришли в простой большой кабинет, каких много в Логовах. Вот только стены здесь были освещены странным сиянием — его спирали свивались и развивались, образуя непонятные узоры. Фуртига эти завитки не интересовали, и он не счёл нужным вглядываться в них пристальней.

Зато пол оказался сделанным из какого-то мягкого пружинистого материала. Фоскот, не дожидаясь вопроса, принялся объяснять:

— Так отделаны все комнаты, где Демоны жили. У них здесь много необычного. Например, есть источники горячей и холодной воды, начинающие струиться от прикосновения рукой. Или вот эти звуки — послушай!

Но призывать Фуртига слушать не требовалось, он уже давно вслушивался в странную серию звуков, каких ещё не слышал доселе. Такие звуки не может издавать ни одно живое существо. Казалось, они лились прямо из воздуха. Низкие звуки, баюкающие. Нет, Фуртиг не мог точно определить, нравятся они ему или нет. Он просто слушал и удивлялся. Наконец он спросил:

— Что же создаёт эти звуки?

— Мы не знаем. Они появляются нерегулярно. Иногдаходишь в комнату и начинается звук. А когда выходишь из комнаты звук прекращается. А иногда эти звуки начинают-

ся с темнотой при включении освещения. Мы ещё столько не знаем! Чтобы узнать только часть здешних тайн потребуется пять жизней пяти долгожителей-Предков как Гаммаж.

— Но даже Гаммаж знает, что мы не имеем столько времени, и не проживём его спокойно, без вмешательства.

— Да, Гаммаж всё больше боится возвращения Демонов. Хотя он и не объясняет нам причин своей боязни. Если бы нас было больше! Знаешь, братец, Гаммаж уверен в одном. Когда наши предки скрылись из Логовищ от мучителей-Демонов, они не были похожи на нас. Я не имею в виду иной окрас шерсти или длину усов — так мы все отличаемся друг от друга, брат от брата. Нет, наши предки отличались на нас внутри. Некоторые оставались похожими на первых Предков, живших бок о бок с Демонами в Логовах, подчинённых прихотям Демонов и использованных по желанию Демонов. Но некоторые подверглись переменам. И их дети тоже, и дети их детей. Они все несли в себе отличия. Несмотря на то, что все Люди соприкасались со знаниями, усваивали эти знания каждый по своему, и Люди очень сильно отличались между собой и от клана к клану. Гаммаж, например, был настолько непохож на других, что его едва не выгнали из собственного клана ещё в детстве. Правда, он уже скоро доказал свою ценность. Он всегда верил, что в месте, которое внушало ужас его Народу, можно отыскать знания и мастерство. И он отправился в Логовища, хотя порой возвращался в Пещеры. Позже к нему стали приходиться те, кто тоже жаждал знаний, кто испытывал беспокойство и не был доволен обычной жизнью племени. Именно их непоседливость и пытливость стала нормой жизни здесь. Позже пришедшие привели подруг, сумевших приспособиться к жизни в Логовах. А потом появились первые Рождённые в Логовах. Они ещё легче усваивали знания. Гаммаж считает, что все, кто сюда приходит, несут в себе нечто, зовущее их в Логова за тем, чтобы достать сведения, спрятанные здесь. Он надеется, что когда-нибудь все Люди соберутся здесь. Это так необ-

ходимо! Им будут открыты все знания и все методы лечения, — Фоскот коснулся залеченной раны. — Тогда мы станем хозяевами здесь и по всему миру, населённому когда-то одними Демонами. А пока мы должны стоять накрепко, если вернутся Демоны, и не позволить им снова открыть охоту на Людей ради забавы, как это было с нашими Предками.

Они покинули комнату светящихся узоров и прошли ещё ряд помещений, мебелированных не только столами и кроватями. Стены здесь украшали картины, а на полу стояло множество кресел и стульев. По углам будто кто-то нагромодил друг на друга по пять-шесть циновок для сна, устроив мягкие лежанки. И всюду валялись ящики и контейнеры, незнакомые Фуртигу. Как в комнате Фоскота, все столы были тесно уставлены вещами, принесёнными из всех уголков Логовищ. Встречавшиеся им обитатели Логова не обращали на вновь пришедших никакого внимания. Почти все работавшие были женщинами. Они сидели в креслах или на подстилках, разложив на столах перед собой образцы и детали устройств. Некоторые из них, стоя возле целых механизмов, крутили ручки. Устройства звякали и гудели.

— Сюда приносят все непонятные маленькие механизмы, — пояснил Фоскот. — Вначале Гаммаж и Старейшины осматривают новые вещи, определяя, не опасны ли находки, потому что были несчастные случаи с непроверенными образцами. У Долара по запястье нет руки после неосторожного обращения с незнакомой вещью. Теперь каждый предмет проверяют. И только когда убедятся, что вещь неопасна, её отдают для исследования тем, кто пытается разгадать назначение предмета. Здесь собраны наши лучшие работники.

Фуртиг понял, что имеет в виду Фоскот: работавшие женщины ловко орудовали длинными, как у Лили-Ха, пальцами.

Сама Лили-Ха стояла в дверях очередной комнаты. Она

расправляла какую-то широкую ленту материала, казавшегося весьма объёмным, пока она не свернула его в маленький рулон.

К удивлению Фуртига она произнесла традиционное приветствие Пещер:

— Доброго утра и ясного следа воинам.

— И тебе доброго утра, Выбирающая, — ответил он.

— Выбирающая? — недоумённо повторила она. — Ах, да, я слышала о вашем обычае. Но здесь мы не соблюдаем этот обычай, воин. Однако, если вы ищете Предка, то он здесь. У тебя новая находка, Фоскот?

И Лили-Ха указала на коробочку в руках Фоскота. Он ответил:

— Нет, это просто новое применение знакомой вещи. Как видишь, Лили-Ха, даже мы, простые разведчики, порой можем делать открытия. Как некоторые.

Голос Фоскота принял защищающийся тон, словно ему хотелось утереть нос гордычке, рождённой в Логове. Фуртигу такие эмоции были весьма понятны.

— Любые знания только приветствуются здесь, — кратко ответила Лили-Ха и снова принялись сворачивать новый кусок материала в крошечный свёрток.

Гаммаж оказался не один в своём кабинете. Он сидел в одном из Демонских кресел, устроенных как правило так, что Людям оказывалось неудобно сидеть — разве что забравшись в кресло с ногами. Рядом с Гаммажем расположился крепкого сложения воин, чьё ухо было разорвано, а через подбородок тянулся длинный шрам. Положив ладонь на колено, он во время разговора жестикулировал другой рукой, которая вместо покрытой шерстью ладони заканчивалась металлической сферой, оснащённой когтями. Сфера пристёгивалась прямо к остатку культи ремешками. Наверное, это Долар, подумал Фуртиг.

И ещё там сидела Выбирающая. Про Долара можно было сразу сказать, что он нездешний, зато женщина всем своим видом показывала, что она рождена в Логове. На

чёрной и шелковистой шёрстке шеи и запястий поблескивали ожерелья из натуральных камней.

Ни она, ни воин не выказали никакого интереса к вошедшим. Но Гаммаж мурлыкающе воскликнул:

— Что ты принёс, Фоскот? Я же вижу, ты торопишься что-то показать мне!

Вместо Фоскота заговорила женщина:

— Он принёс одну из коробок, дающих изображение. У нас множество таких. Ими забавляются дети.

К величайшему торжеству Фуртига Фоскот ехидно заметил:

— Только вы не пользуетесь этими вещами так, как это делает наш собрат!

Гаммаж соскочил с кресла и подошёл поближе.

— А что он делает?

Фоскот и Фуртиг объяснили, а затем Фуртиг показал, что он может сделать. Получились два изображения. Сначала Пещеры, потом — Ю-Ла. Она занималась узкими кожаными полосками, переплетая их и связывая непонятно зачем. Было видно, что у неё ничего не выходит, и она этим огорчена. Однако Гаммаж, увидев её занятие, воскликнул:

— Посмотри-ка, Лоханна, что делает эта женщина!

Та долго рассматривала изображение, после чего спросила Фуртига почти с укором:

— Кто эта малышка?

В вопросе прозвучало столько нетерпения, словно Фуртиг скрывал какую-то жуткую тайну. Он вспомнил, что ему наказывала Ю-Ла и снял с пояса сделанную ею сумочку. Пора было передать просьбу.

— Это Ю-Ла из Пещеры Гаммажа. Вот эту вещь сделала она сама. И просила показать эту вещь Гаммажу.

Гаммаж принял сумочку, словно это была только что найденная ценность неслыханной важности, затем передал её Лоханне. Некоторое время та разглядывала сумочку так же пристально, а затем произнесла:

— Она должна быть здесь, с нами, о, Старейшина. Она

не рождена в Логове, но посмотри, что она пишет! И сейчас, взгляни! Она пробует перенять один из секретов Демонов, открыв его самостоятельно! Правда, она делает это неумело, но ведь она сама догадалась! Да, мир ещё не окончательно испортился!

— Похоже, не окончательно. Мы доставим эту девочку сюда, Лоханна. Ну, а теперь, — Гаммаж обернулся к Фуртигу, — расскажи нам, как ты заставляешь коробочку показать изображение того, что ты хочешь увидеть?

— Не знаю. Я просто начинаю думать о том, кого хочу видеть. И этот человек появляется. И эти Люди выглядят не так, как я о них думаю. Может быть, коробочка показывает, чем они занимаются, когда я начинаю думать. Но я не могу быть уверенным, ведь я не знаю, что они делают на самом деле в тот момент, когда я думаю о них.

Фуртиг не собирался объявлять наличие у себя таланта до тех пор, пока этот талант не будет доказан. Несмотря на восторги Фоскота, в присутствии женщины, рождённой в Логове, Фуртиг обязан был вести себя осмотрительно.

Фоскот приказал:

— Расскажи Гаммажу, как ты прошёл через Логова.

Фуртиг, робея, повторил свой рассказ. На это откликнулся однорукий воин:

— Не так уж странно. Мы знаем, что некоторые умеют брать мысленный след.

— Но Фоскот говорит о другом, — поправил Гаммаж. — Фуртиг не просто взял мысленный след. Он шёл по следу того, с кем не был знаком, он ориентировался на человека, с которым никогда прежде не вступал в контакт. Так что талант Фуртига отличается от умения брать мысленный след. Если у его потомства эта черта закрепится, мы в будущем получим довольно много. Что ж, Фуртиг, твой брат по Пещерам не зря торопил тебя рассказать нам о новом умении. Но что ещё ты сможешь увидеть? Может быть, Логова?

Фуртиг приподнял коробочку. Лицо Ю-Ла исчезло, занесённое туманом. Какое бы место представить — с людьми

или пустое? Он вообразил камеру, где его и Фоскота держали Крыстоны. Однако коробочка осталась тёмной.

— У меня не получается видеть места, где нет Людей, — сообщил он Гаммажу.

Тем не менее тот, кажется, отнюдь не был разочарован:

— Значит, твоё искусство связано с живыми существами. Подумай о ком-нибудь, кого ты знаешь в Логове.

Покусывая губу, Фуртиг задумался. И в его голове пронеслась идея! Сейчас его способности смогут подтвердиться наивернейшим способом! Он представил, что хочет увидеть второго стражника-Крыстона, который стерёг его с Фоскотом во время плена.

К его собственному изумлению туман в коробочке сгустился. Картинка появилась, но довольно неровная. Впрочем, детали всё-таки можно было различить. Это поняли наблюдающие за изображением, они тоже удивлённо о чём-то заговорили.

Крыстон лежал на полу в камере, где Фоскота держали в плену. Нога Крыстона была придавлена обломком стены, по-видимому, выбитом при движении Грохотуна. Крыстон был ещё жив, красные глазки сверкали, а рот открывался в беззвучном крике о помощи. Которая уже никогда не придёт, подумал Фуртиг. Скорее всего другие Крыстоны бросили своего воина как бесполезного калеку.

— Это же часовой Крыстонов! — закричал Фоскот. — Я видел его! Он стерёг камеру, где меня заперли!

Коробочка потускнела, изображение дёрнулось и пропало.

— Это стражник, который запер меня! — кричал Фоскот.

— Значит, ты умеешь брать след не только Людей, — попытожил Гаммаж. — Да, эти коробочки с изображениями, если научиться работать с ними, могут стать чем-то большим, нежели обычная детская игрушка. Лоханна, следует немедленно проверить всех, кто играл с этими коробочками, не получалось ли у них картинки того, о чём они думали. Даже играя. И могут ли дети контролировать,

что именно видят? Могут ли управлять появлением изображения, или эта способность присуща немногим.

— Разведчики! — вмешался однорукий воин. — Соберите разведчиков и покажите им, как пользоваться этими коробочками. Покажите им изображения. Мы будем теперь заранее предупреждены о готовящихся нападениях.

Он поднял искусственную руку и острием когтей почесал подбородок.

Уже стоявшая в дверях Лоханна поспешила уверить Гаммажа:

— Ты получишь ответ, как только он станет известен, Старейшина!

После её ухода Гаммаж сказал:

— Лоханна знает много в области обучающих машин. Жаль только, что у нас не так много записей, оставшихся издавна.

Фоскот беспокойно заёрзал, но Гаммаж продолжал говорить:

— Не надо принимать мои слова, как жалобу на ваши неудачные поиски, друзья. Ведь никто из нас не знал о вторжении Крыстонов в наш сектор Логовищ. Никто из нас не был предупреждён об этой опасности. Крыстонов нельзя недооценивать. Они приносят больше потомства, чем мы, самки Крыстонов плодятся чаще. Это мы, Люди, в результате заболеваний, переменивших нас, перестали быть плодовитыми. К тому же среди Крыстонов тоже наблюдается прогресс. Они тоже стали умны настолько, чтобы искать знания Демонов самостоятельно. Будучи маленького роста, они могут проникать в такие помещения, куда нам ход заказан. Очень трудно закрыть какую-либо часть Логовищ так, чтобы Крыстоны не сумели туда проникнуть. К тому же они расставляют хитроумные ловушки. Правда, у нас теперь есть кое-какое оружие Демонов. Однако, как и слуги-механизмы, оно ненадёжно и может отказать в любой момент.

Гаммаж покачал головой и продолжил:

— Но самое главное! Знания, расположенные в отдель-

ном хранилище, находятся на территории, куда вторглись Крыстоны! И если Крыстоны первыми доберутся до хранилища, мы окажемся в ещё большей опасности. Я уверен, что среди Крыстонов найдутся такие, кто сможет освоить знания и умения Демонов! А у нас так мало времени, так мало времени!

Глава 8

— Мы можем предпринять лишь одно, — медленно заговорил Фоскот. — Я снова пойду разведывать, где хранилище. Полагаю, теперь, зная о Крыстонах, я не попаду в ловушку.

Гаммаж покачал головой:

— Вспомни, младший брат, не ты ли только что покинул оздоровитель? Да, твоя рана затянулась, но если ты вновь подвергнешся испытанию, она может дать о себе знать. Помнишь, что произошло с То-То?

Фуртигу показалось, что Фоскот заупрямится и начнет протестовать. Но тот лишь вздохнул:

— Но если не я, кто тогда пойдёт? И если Крыстоны доберутся до хранилища, то как мы получим записи, которых так ждём?

— Он прав, — рыкнул однорукий Долар. — Если бы я только мог! — он зарычал ещё громче и ударил по столу когтями с такой силой, что на столешнице осталась глубокая отметина.

— Долар, друг мой, конечно, если бы ты мог, то пошёл бы сам. Но в разведке нужны ловкость и быстрота молодого тела, а их мы с тобой давно утратили.

Фуртиг, не узнавая собственного голоса, заговорил:

— Я обученный и умелый воин, Старейшина. И я умею ориентироваться, поэтому и попал сюда, в незнакомое место. Позволь узнать мне, что искать — и я готов отправиться в путь.

— Нет! — возразил Гаммаж. — Ты должен поработать с

генератором изображений до тех пор, пока не станет ясно, как это получается. Неужели ты не понимаешь, что для нас твоё умение генерировать изображение важнее?

Долар засомневался:

— Разве? Неужели это важнее, чем спасти хранилище знаний от Крыстонов? У нас всего шесть воинов, пришедших из внешнего мира, четверо из них сейчас отсутствуют, устанавливая контакты с дальними кланами и племенами. Если Фоскот не может идти в разведку, то кого же нам посылать? Рождённого в Логове? Но здешние мужчины выучивают путь только после того, как много раз пройдут по нему в чьём-нибудь сопровождении. А кто же их будет обучать ориентированию и водить? Но, конечно, если эта коробочка может пригодиться для разведки, нужно попробовать. Пусть Фоскот и этот молодой воин выяснят, могут ли они посылать в коробочку изображения разных мест, обмениваясь друг с другом информацией.

Это предложение показалось разумным, и остаток дня Фоскот и Фуртиг провели в экспериментах. Они прятались друг от друга в бесконечных коридорах верхнего этажа, перекликаясь и выслеживая. Когда наступала очередь Фуртига прятаться, он уходил, а Фоскот пробовал найти его по изображению места, появляющегося в коробочке. Однако у Фоскота ничего не получалось. Он не мог удержать ни одной ясной картинки. Правда, раза два туман в коробочке собирался в какую-то неясную фигуру, что вдохновило Фоскота на продолжение опытов.

Но вот, в очередной раз не найденный Фоскотом, Фуртиг вышел из укрытия и хотел уже предложить закончить бесполезное занятие. Но нашёл Фоскота в крайне возбуждённом и озадаченном состоянии.

— Слушай! — закричал он, едва увидев Фуртига. — Ты был в комнате со светящимися узорами на стенах. Ты подошёл к стене и положил ладонь на узор. И на поверхности стены отразился ещё один ты, ладонь к ладони стоящий рядом.

— Верно! — обрадовался Фуртиг. — Я был там и сделал именно это. Как раз перед выходом сюда. Значит, ты тоже научился создавать изображения!

Они вернулись к Гаммажу, чтобы доложить об успехах, и были встречены грустной новостью, которую принёс другой разведчик. Он направлялся к племенам, охотившимся на севере, но не достиг тех территорий, потому что путь отрезали поселения Лайкеров. Те, кажется, обосновались там надолго.

Гаммаж расхаживал по кабинету, словно мысли не позволяли ему сидеть спокойно. Уши поджаты, хвост ходуном — не знай Фуртиг, что в Логовах Состязания запрещены, он подумал бы, что Гаммаж хочет вызвать кого-то на бой.

— Записи утверждают, что когда-то Лайкеры были слугами Демонов в значительно большей степени, нежели мы, Люди. Люди только жили рядом с Демонами, но никогда не лизали им пятки, как это делали Лайкеры. Я надеялся... Впрочем, неважно! Но если Лайкеры начинают подтягиваться к Логовам, не значит ли это, что Демоны вот-вот вернуться? Что если Лайкеры помнят какой-нибудь условный знак, оставленный им Демонами? Что если теперь этот условный знак призывает Лайкеров снова собраться на службу Демонам? Впрочем, помня о страшной кончине Демонов, я на месте Лайкеров не торопился бы идти на этот зов.

— Лайкеры не живут в Логовах, — возразил Долар. — Они роют норы. А если и появляются в Логовищах, то никогда не остаются надолго.

Гаммаж кивнул:

— Да, если выходят охотиться, то небольшой группой. Но в этот раз с ними женщины и дети. Спроси Фай-Яна, он три восхода наблюдал за Лайкерами. Теперь нам следует разузнать обстановку.

— Мы можем её прояснить, Предок, — заговорил Фоскот. — Мы научились пользоваться этой коробочкой. Я увидел в ней Фуртига.

Гаммаж обернулся с быстротой подростка. Глаза его засияли жёлтым огнём:

— Вот как! — теперь он говорил как воин, вызывающий противника на битву, бросающий боевой клич. — Тогда мы сможем найти это хранилище! Может быть, спрятанные там знания Демонов помогут нам продержаться в Логовах. Даже если Лайкеры останутся нашими врагами.

— Останутся врагами? — Долар щёлкнул когтем. — А разве когда-нибудь было иначе? Или ты допускаешь, что они заключат перемирие с Крыстонами?

— Не исключено. В военное время лучше не говорить «этого не может случиться» о том, что может случиться. Надо быть готовым к любой опасности. И повторяю — хотя уже не раз говорил вам — что слова бесполезны. С Крыстонами нельзя быть ни в чём уверенным. Ты, Фуртиг, если отправишься туда, где могут встретиться Крыстоны, обязан помнить об этом: им нельзя верить ни в чём.

Фуртиг подумал, что здесь-то его можно было и не предупреждать. Он и сам это знал, ненавидя злых тварей давно и не собираясь мириться с ними. И вообще, воин может доверять только братьям по клану. Или, в крайнем случае, тем обитателям Логовищ, кто предоставил ему приют.

Он безучастно слушал наставления, запоминал информацию о приметах и пути — всё, что по крупичкам собрали ходившие в разведку, было полезно. Фоскот стал объяснять, где именно искать. Впрочем, его наставления были довольно неясными. Нужно будет ориентироваться по меткам, оставленным — или не оставленным — на стенах. И ещё должен будет помочь проводник.

Так Фоскот назвал коробочку, похожую на ту, какая оживила Грохотуна. Однако эта коробочка жужжала по другому поводу. Несколько сезонов назад разведчики обнаружили, что коробочка начинает жужжать вблизи дисков, на которых записаны знания Демонов.

Собрав инструмент, припасы и прочее оборудование для

разведки, Фуртиг направился в нижние уровни Логова. Никто не знал, как далеко проникли в Логова Крыстоны. И это несмотря на то, что на важнейших участках были выставлены постовые. Кроме того, в коридорах расставили Грохотунов, которые могли понадобиться в любой момент. Фуртиг прошёл мимо одного из них, не обращая на машину никакого внимания.

Наконец он достиг тёмного туннеля, служившего проходом не только для Людей, но и, вполне вероятно, для врагов. Он миновал множество дверей, не тратя время на обследование. Здесь не могло располагаться хранилище. Фуртиг бесшумно продвигался вперёд, напрягая зрение, наострив уши, пригнувшись. Запах, который Крыстоны не умели скрыть и который не мог забыть ни один воин Людей, выдал бы присутствие Крыстонов мгновенно.

Будучи охотником, Фуртиг знал, что многие животные обладают нюхом, более сильным, чем его, Фуртига, чутьё. Например, Лайкеры лучше различают запахи. Зато зрение Фуртига не уменьшалось в полумраке. И слух также входил в его преимущества.

В туннелях было не совсем темно. Через равные промежутки на стенах тускло светились небольшие вертикальные бруски. Наверное, когда-то они светили ярко, но со временем потускнели. Однако даже теперешнего света от них было достаточно, чтобы охотник различал путь.

Перед выходом Фуртиг основательно наелся, напился и выспался. Он нёс на поясе контейнер с водой и мешок с пищей. Оставшиеся ожидали, что он вернётся быстро, но Фуртиг предусмотрел возможные задержки в пути.

Под его подошвами мягко пружинила пыль, но Фуртиг ступал так легко, что в воздух та не поднималась. Он держал руку на спусковом крючке оружия, выданного Доларом из скромного личного арсенала. Оружие было неудобным, его рукоять, изготовленная для гораздо более мощной ладони, неудобно лежала в руке Фуртига. Чтобы пустить это оружие в действие требовалось нажать кнопку

— а до этого зарядить патроны в зарядник и заложить обойму внутрь. Кроме того, чтобы нажать кнопку, надо было снять удобные и привычные когти.

Но увидев оружие в действии, Фуртиг понял, что преимущества от него перевешивают неудобства. Демоны, приручившие молнии, умели упрячивать небесный огонь в своё оружие. Поэтому при нажатии на кнопку из него вылетало трескучее пламя, выстреливающее вперёд как нож из света. Предмет, которого касалось пламя, просто исчезал! Это было очень страшно. И как все вещи Демонов, оружие было ненадёжным. Разведчики нашли множество образцов этого оружия, но лишь несколько из «спрятанных молний» работали. Большинство найденных «молний» молчало, как будто жизнь в них иссохла за долгие годы бездействия.

Фуртиг свернул из главного коридора в узкое ответвление и стал считать тусклые светильники на стене. Насчитав четыре, он взглянул вниз. Там его ждало отверстие. Такое же, как через которое он проник в камеру, где Крыстоны держали пленённого Фоскота. Это отверстие Фоскот пометил как первую веху на пути Фуртига.

Фуртиг опустился на колени, натянул когти на ладони. Он решил зацепить когтями решётку отверстия, чтобы осмотреть путь. Фоскот рассказывал, что Крыстонов к нему привлёк шум, издаваемый им же самим. Поэтому Фуртиг действовал очень медленно...

Работая, он размышлял, насколько успешными оказались их с Фоскотом изыскания, и видит ли друг, находясь сейчас в Логове, что делает Фуртиг. Сосредоточившись на этой мысли, Фуртиг обследовал отверстие, положив решётку рядом с собой. Ход оказался довольно узким, но внутрь можно было забраться. Однако Фуртиг не спешил. Он знал, что подозрительные Крыстоны могли устроить ловушку. С другой стороны, иного хода не было, так как обвалившиеся стены и потолок перекрыли коридоры. Наконец Фуртиг решился. Он осторожно опустил решётку на прежнее мес-

то. Нельзя повторно идти путём, которым добирался Фоскот. За время учёбы в Логовах Фуртиг просмотрел великое множество разных ловушек, изготовленных Крыстонами. Некоторые из них было практически невозможно распознать, пока не попадёшься. Значит, следует найти другую дорогу в хранилище. Или, возможно, Фоскот, зная Логова, подскажет другой путь.

Фуртиг снова напряг воображение. На этот раз он подумал не о том, как связаться с Фоскотом. Он просто представил себе Фоскота.

Вообразил живо. Если бы не закрытые глаза, можно было бы сказать, что лицо Фоскота появилось перед взором Фуртига. «Я не знаю как быть дальше, — усиленно думал Фуртиг. — Помоги!»

Ему никогда не приходилось делать ничего подобного. Сработает ли его мысленное усилие, он не знал. И сможет ли Фоскот уловить, какая именно ему, Фуртигу, нужна информация, неизвестно. Ведь коробочка у Фоскота даёт только картинку, а не мысли.

Мысли...

Фуртиг не мог объяснить, как это у него получилось. Может быть, он действительно «услышал» мысли Фоскота. Но может быть, он услышал не пришедшую издалека мысль, а сам так горячо желал отыскать направление, что сознание схитрило и подсказало ему путь.

«Прямо-направо-вниз».

Фуртиг открыл глаза в полной уверенности, что услышанное не было его собственной мыслью. «Прямо-направо-вниз». Это значит, прямо по коридору, поворот, спуск вниз. Либо ему подсказали дорогу, либо впереди западня. Фуртиг рассудил, что лучше принять услышанное за подсказку верного пути.

Поэтому, оставив зарешеченное отверстие, через которое когда-то попал в ловушку Фоскот, Фуртиг двинулся дальше по коридору.

Он пробирался по прямому коридору, совершенно пус-

тому, если не считать нескольких дверей. Вдали ход перегородаживала глухая стена — коридор вёл в тупик, никаких поворотов направо не было видно. Правда, там показалась дверь, как раз справа.

Фуртиг вошёл в комнату. Внутри тоже было пусто, никакой мебели, а попасть в помещение можно было только через дверь, которую только что миновал Фуртиг. Однако в полу темнели два зарешеченных отверстия, из одного явно тянуло воздухом. Фуртиг наклонился, принюхиваясь.

Крыстонами не пахло. Как и затхлостью, характерной для всех этих подвалов. Фуртиг решил, что ему посчастливилось уйти с опасной территории. Или, возможно, ещё только посчастливится уйти.

Он попытался приподнять решётку, но та не поддавалась. Пришлось поддеть её когтями, чтобы сдвинуть. Когда наконец он отпихнул её подальше, обнаружилось, что открывшееся внизу отверстие значительно шире предыдущего. Некоторое время он так и оставался, склонившись над отверстием, раздумывая, видит ли его Фоскот. Потом достал один из выданных Гаммажем инструментов — небольшой, не длиннее ладони, стержень. Тем не менее, по мере вытаскивания хвостовика стержня, он вытягивался, став наконец по длине вдвое больше роста Фуртига. Этот длинный тонкий шест поможет Фуртигу избежать замаскированных ловушек. Разумеется, если сумеет правильно воспользоваться им.

Фуртиг решительно пополз вперёд. Было пыльно, ширины лаза еле хватало для передвижения на полусогнутых. К тому же стало так темно, что даже зрение Фуртига не позволяло что-либо разглядеть. Единственной надеждой оставался стержень-шест. Фуртиг шарил им впереди, выстукивая возможные препятствия. Иногда разведчики таким образом обнаруживали спрятанные в узких проходах ловушки. Впрочем, и разведчики порой терпели неудачи. Фуртигу почему-то именно сейчас припомнился один такой неудачник.

Шест уперся в стену впереди. Фуртиг поводил шестом по сторонам — всюду были стены. Однако воздух откуда-то продолжал поступать! Может быть, через какие-то отверстия в боковых стенах. Фуртиг ещё раз пошарил шестом по боковым стенам, но те были гладкими. Тогда лаз может уходить либо вверх, либо вниз.

Конечно вниз! Ведь и Фоскот передал мысленно, что придётся спускаться вниз. Фуртиг провёл шестом по полу и обнаружил отверстие, довольно широкое. Он подполз и, наклонив голову, попытался определить, глубоко ли внизу.

Было глубоко. Он безуспешно покачал в колодце шестом и вытащил его. Зато в стенах нашлось достаточно углублений, чтобы он смог цепляться когтями, замедляя движение. Впрочем, спуск всё равно оставался опасным, потому что определить, на какую же глубину придётся лезть вниз, Фуртиг не мог.

И Фуртиг пополз, несмотря на боль в руках, несмотря на онемевшие суставы. Он так и не добрался до дна, остановившись у первого же ответвления, идущего в горизонтальном направлении.

Усталый, потный, он дал себе немного передышки. Чутьочку отлежавшись, переведя дух, Фуртиг вновь взялся за шест и двинулся вперёд.

Новый проход оказался таким узким, что приходилось пробираться ползком. Зато запаха Крыстонов не ощущалось, поэтому было бы глупо не попробовать добраться до цели по столь безопасному пути.

Он скользил, извивался на животе, сгибаясь и разгибаясь как гусеница. Очень медленно... К счастью, шест не натёкся ни на какие препятствия впереди, а когда вдали забрезжил долгожданный свет, Фуртиг пополз вдвое быстрее. Он полз так быстро, насколько это позволял узкий проход, и вскоре наткнулся на очередную решётку. Подобно той, что выходила в темницу Крыстонов, эта решётка была вмонтирована под потолком. Фуртиг подполз ближе, чтобы заглянуть в помещение за решёткой. И он увидел!

Внизу, в комнате, находились Крыстоны! Ещё до того, как он разглядел их, донёлся характерный запах. Фуртиг замер, боясь шелохнуться. Усы его яростно распушились: запах Крыстонов перебивал запах крови. Там, у Крыстонов, был кто-то из Людей.

Он прислушивался к звукам внизу. Возня шла прямо под ним, но видно было немного. Донёлся приглушённый болезненный стон, сопровождаемый повизгиванием Крыстонов. Затем в помещение втолкнули полуживое тело.

Шерсть пленника заливала кровь. Но Фуртиг узнал Ку-Ла. Значит, тот не смог выбраться! Значит, он не только не убежал от Крыстонов, но и пострадал от их жестокости. И то обстоятельство, что Ку-Ла оставался жив до сих пор, указывало на жестокость Крыстонов, только и всего. Человек для Крыстонов не был ничем другим, кроме еды.

Фуртиг распластался по решётке, словно сейчас ему приносили информацию не только глаза и уши, но и вся поверхность тела. Он внимательно слушал возню и повизгивания Крыстонов. Но вот всё затихло. Фуртиг выждал подольше, чтобы убедиться в уходе Крыстонов, почему-то не оставивших стражи.

То, что сторожей не оставили, подтверждалось и действиями Ку-Ла. Он попытался приподнять голову, но усилие не принесло ему ничего, кроме болезненного стога. Дотянуться до ремня зубами он не сумел. К тому же Крыстоны были далеко не глупцы: Ку-Ла связали мастерски. Пленник оставил попытки дотянуться до ремней и с новым стоном упал навзничь, словно последнее движение окончательно обессилило его.

Ку-Ла происходил из другого клана, так что никакой необходимости вызволять чужака Фуртиг не чувствовал. Но Ку-Ла — тоже из Народа! На его месте мог оказаться он сам, Фуртиг. Или, скажем, Фоскот.

Одним словом, когда Фуртиг решительно пополз прочь от решётки, он понял, что не может уйти. Что-то не позволяло ему скрыться в безопасное место, бросив Ку-Ла,

оставив его в качестве корма для Крыстонов. Он вернулся к окошку, надеясь, что судьба за него решила сама, и решётку невозможно поднять.

Металл звонко звякнул, и Фуртиг застыл, ожидая, не вернутся ли Крыстоны. Ничего не произошло, поэтому, выждав, Фуртиг смелее принялся вскрывать отдушину.

Освободить крепления в утлах решётки оказалось непросто, но Фуртиг справился, потому что у него в поясе хранился целый запас различных инструментов. Ещё к поясу был приторочен моток шнура, который выглядел тоненьким, но мог выдержать вес не одного Фуртига, а нескольких человек. Ещё одно демонское изобретение: на вид этим шнурком нельзя было поднять даже ребёнка. Зацепив шнур за решётку как за якорь, Фуртиг скользнул вниз. Он много раз спускался подобным образом по лианам. Покачавшись, он спрыгнул вниз, готовый к нападению Крыстонов. Однако ничего не нарушило тишину, и он облегчённо вздохнул. Никто не попытался открыть дверь с той стороны, куда ушли Крыстоны.

Фуртиг одним прыжком подобрался к Ку-Ла. Тот взглянул полными изумления глазами, но ничего не сказал. Когда Фуртиг разрезал ремни, стягивавшие пленника, Ку-Ла даже не пошевелинулся. Он был так изранен, что Фуртигу стало плохо при одной мысли: кажется, здесь он уже опоздал с помощью. Было件нятно, что пробраться вместе с Фуртигом по здешним узким проходам Ку-Ла не сможет. Не лучше ли ему, как подобает воину, попросить у соплеменника лёгкой смерти — удара лезвием по горлу? Это лучше и честее, чем остаться добычей врага.

Фуртиг поднёс свои когти к глазам Ку-Ла, показывая, что выбор за пленником. Ку-Ла скользнул голубыми глазами по острию когтей и медленно, болезненно поднялся. Потом двинулся к свисавшему из отверстия шнуру, давая понять Фуртигу, что выбирает борьбу. Фуртиг уважительно молчал, обязанный принять чужой выбор.

Правда, в эту минуту он пожалел, что свернул в этот лаз,

что взялся выручать незнакомца, не принадлежавшего к его, Фуртига, клану. И ведь для этого Фуртиг отвлёкся от важнейшего задания, которое обязан был выполнить. Тем более, что незнакомцу он, Фуртиг, ничем не обязан, и кроме неприятностей это глупое спасание ничего ему не даёт. Фуртиг никак не мог понять, зачем он вообще взялся выручать Ку-Ла.

Тот никак не мог подняться на ноги, но упрямо полз к шнуру. Фуртиг поспешил помочь, хотя понятия не имел, как же он протащит беспомощного, израненного Ку-Ла через узкие ходы впереди. Но опасение, что Крыстоны могут вернуться в любую минуту, гнало его вперёд. Он обвязал шнур вокруг пояса Ку-Ла, сам же поднялся наверх в отверстие, намереваясь тащить Ку-Ла, сколько хватит сил.

Если бы высота оказалась хоть на вершок больше, Фуртиг не втащил бы тело наверх, просто не смог бы. Но он ухитрился подтянуть спасённого к окошку, а тот невероятным усилием поднял руки, уцепился за края отверстия и подтянулся в проём.

Фуртиг не стал тратить время на осмотр и перевязку ран Ку-Ла. Вместо этого он бросился ставить решётку на место. Лишь приладив её, он повернулся к Ку-Ла и достал свою фляжку с водой, справедливо полагая, что тот страдает от жажды не меньше, чем от ран.

Ку-Ла слабо прошептал:

— Куда мы теперь?..

Фуртиг снова возмутился. Хорошо этому типу задавать вопросы! А он, Фуртиг, в этих узких норах должен будет тащить на себе безвольное тело! Понятно ведь, что Ку-Ла не проберётся самостоятельно по тому пути, который проделал Фуртиг. Лучше всего было бы оставить Ку-Ла прямо здесь, в относительной безопасности, а самому идти, как задано. Наверное, Ку-Ла пришла в голову та же мысль, потому что он пробормотал:

— Крыстоны кинутся искать...

Конечно кинутся, подумал Фуртиг. И очень быстро обнаружат, что пленник скрылся через люк в потолке. Фуртига этот прогноз не радовал, поэтому он прикинул, чем бы задержать Крыстонов, когда они пустятся по следу. Он вынул шест и как распоркой укрепил им решётку. Крыстоны изрядно помучаются, ломая его.

— Нам остаётся только идти, — сказал он наконец, ещё не решив, куда именно они пойдут и как. Ведь Ку-Ла, даже если и сможет идти, будет двигаться очень медленно. Это глупое милосердие, разозлился Фуртиг, не принесёт ничего, кроме неприятностей.

Но, возможно, и Ку-Ла всё-таки принесёт какую-то пользу, когда они уберутся подальше от решётки. Надо будет спросить, вдруг он знает эти ходы, этот участок Логовищ.

— Ты сможешь ползти?

— Пока дышу, буду пытаться, — ответил Ку-Ла, словно давая клятву на крови. Фуртиг поверил его решительному тону. Он взял Ку-Ла за руку и помог тому уцепиться покрепче за свой пояс.

— Держись за меня, и — в путь!

Глава 9

Они лежали на небольшой площадке, где соединялись три хода. Фуртиг слушал прерывистое дыхание Ку-Ла, понимая, что силы того на исходе. Этому не требовалось особого подтверждения. Но Фуртиг вдруг снова отчётливо понял, что не сможет просто так, в одиночку, отправиться по своим делам, оставив израненного Человека умирать в этой дыре. Это чувство только злило Фуртига, но избавиться от него он не мог.

Ку-Ла сам нарушил молчание:

— Нет, мы пойдём дальше...

Итак, он будет драться, понял Фуртиг и облегчённо вздохнул. Конечно, было бы меньше хлопот, сдайся Ку-Ла,

подставив своё горло под избавительные острые когти. Но Ку-Ла не сдался, как видел Фуртиг, и даже в таком отчаянном положении будет бороться.

— Что именно ты ищешь? — снова заговорил Ку-Ла.

— Знания, — правдиво ответил Фуртиг. — Хранилище знаний, оставленное Демонами.

— Я нашёл его, — раздался слабый шёпот. — Я нашёл его до того, как меня захватили Крыстоны.

Фуртиг изумлённо завертелся, пытаясь в темноте разглядеть Ку-Ла. Несомненно, тот сказал правду. Но ведь только посланцы Гаммажа прочёсывали Логова в поисках знаний. Впрочем, решил Фуртиг, вполне возможно, чужак охотился за оружием, а найденные записи оказались для него бесполезными. Он требовательно спросил:

— Ты нашёл записи?

Теперь шёпот Ку-Ла стал увереннее. К нему постепенно возвращались силы.

— Да, я нашёл знания Демонов. Они хранили записи в свёрнутых в рулон лентах. Люди нашего Клана научились обращаться с ними. Надо только вставить такую ленту... — и Ку-Ла снова умолк.

Но ведь только клан Гаммажа знал про знания Демонов и научился читать их! С другой стороны, Ку-Ла говорил как человек, тоже умеющий пользоваться записями. Фуртиг, стремясь продолжить вопросы, дотянулся до плеча Ку-Ла. Тот болезненно вздрогнул. Но Фуртиг резко спросил:

— Откуда ты знаешь о том, как пользоваться записями?

— Я и мой клан... мы живём в большом Логове... на востоке... Мы разыскиваем знания Демонов... — шептал, задыхаясь, Ку-Ла.

Значит, другой клан, похожий на клан Гаммажа, тоже разыскивает знания Демонов! Но это же невозможно! Правда, Ку-Ла говорит, что их Логово больше. Но пока между Логовами не было контактов. А если так, то не значит ли это, что Народ клана Ку-Ла прячется не зря, а из каких-то своих, возможно, не слишком добрых намере-

ний?! Может быть, он, Фуртиг, вызволил из лап Крыстонов такого же врага, как, например, Лайкеры, или даже как древние злые существа — Демоны...

Но Ку-Ла продолжал рассказ:

— Мы сначала... нашли хранилище в маленьком Логове... А потом я пришёл искать здесь, — видно было, что ему трудно говорить, что он собирает силы, выговаривая слова. — У нас есть легенда... что мы когда-то... жили вместе с Демонами... и научились у них...

Фуртиг раздумывал, возможно ли, чтобы давно, в свои последние дни, Демоны относились к разным кланам Людей по-разному. Что, если они пощадили предков клана Ку-Ла, оставаясь безжалостными к другим кланам Народа. Фуртиг рассудил, что Демоны вполне могли оказаться способными на такое. Тогда становилось понятно, почему в уровне знаний клан Ку-Ла опережает клан Гаммажа. Но поскольку воины чужого клана вышли на охоту за знаниями, подобно воинам Гаммажа, вдвойне срочно следует доставить находки Гаммажу.

И ещё. Ку-Ла сообщил, что нашёл хранилище незадолго до того, как был схвачен Крыстонами. Но это значит, что хранилище либо расположено на территории, куда проникли Крыстоны, либо рядом с местом их обитания. Однако следовало выяснить, то ли это хранилище, куда направлялся Фуртиг.

— И где это хранилище расположено?

— В большом зале. Там стоит много машин, наподобие той, которая умеет пробивать стены, — теперь Ку-Ла говорил решительней, в голосе появилась сила. Наверное, мысль о находке вдохновила его и отвлекла от боли. — На стене напротив двери есть углубление, как будто кто-то приложил ладонь. Туда надо направить луч света, тогда дверь открывается.

Ку-Ла вздохнул и снова умолк. Фуртиг потряс его за плечо, но тот молчал, не шевелясь.

Испугавшись, что Ку-Ла умер, Фуртиг приподнял голову соплеменника и провёл пальцами, пытаясь определить,

дышит ли он ещё. Ку-Ла дышал. Но вряд ли стоило ждать от него дальнейших разъяснений. Придётся Фуртигу самому искать хранилище, находящееся неизвестно где. Лучше, наверное, будет ориентироваться по приметам, названным Фоскотом. Но в любом случае, больше Фуртиг не мог позволить себе бездействовать.

Спрятав лицо в ладонях, Фуртиг представил Фоскота. Это было легко, и он мысленно вновь прошёл путь, который проделал по ходам Логовищ. Особенно он сосредоточился, передавая, где находится сейчас. Он не знал, получит ли Фоскот это мысленное сообщение, но сделать больше ничего не мог. Нет, мог: Фуртиг снял с пояса фляжку с водой, вложил её в руку Ку-Ла и пополз по проходу прочь. Направо.

Вскоре он достиг очередного поворота, за которым снова начались отверстия, закрытые решётками. Он переползал от одного отверстия к другому. За решётками раскинулось гигантское помещение, сплошь заставленное ящиками и контейнерами. Кажется, это был огромный склад, в котором Демоны оставили свои сокровища. Фуртиг не мог даже представить, что же там может храниться, внутри ящиков и контейнеров. Даже если бы сбылась мечта Гаммажа и объединились бы несколько племён Людей, им всем понадобилось бы целый ряд сезонов, чтобы разведать и изучить это место. Ведь даже большая часть уже найденных вещей до сих пор оставалась непонятной по назначению, несмотря на тщательное изучение лучшими специалистами из числа обитателей Логова. Так что неизвестно, что они смогли бы использовать из здешних вещей, даже окажись у изучающих время для исследований.

Но вид этих сокровищ подействовал на Фуртига так, как действует на любого охотника только что найденный свежий след. Его пальцы непроизвольно сжались от желания поддеть когтями и вскрыть какой-нибудь контейнер, добываясь до содержимого. Увы, Фуртигу требовалось искать другое. Он заставил себя убраться от соблазна подальше.

Но за последним зарешеченным отверстием открылось уже другое помещение. Он прижался к решётке, чтобы лучше разглядеть, что за нею. Всё помещение пересекали ряды машин, безмолвных и безвольных Слуг Демонов. Из зала вела куда-то одна-единственная дверь. Может быть, Фуртигу повезло и он случайно обнаружил тот самый склад, который искал и нашёл Ку-Ла.

Но вряд ли это было помещение, которое описывал Фоскот — слишком много различий. Фуртиг поискал стену с отпечатком ладони, о котором говорил Ку-Ла, и в полумраке не разглядел ничего. Он принюхался и прислушался, не переставая разглядывать помещение вниз. Там витал обычный для подземелий запах, о присутствии неподалёку Крыстонов ничего не говорило. Если это и есть хранилище, о котором рассказал Ку-Ла, то Крыстоны не охраняют его. Фуртиг задумался, стоит ли проверить на собственной шкуре, это хранилище описал Ку-Ла, или другое.

Он уже привычно снял решётку, спустил вниз шнур, достав до пола. Если это то самое хранилище, которое разыскал Ку-Ла, то оно должно превосходить всё, что нашли и сумели понять в знаниях Демонов и Фуртиг и все Люди других кланов. Ведь Ку-Ла сказал, что его народ издавна жил рядом с Демонами, а значит, успел перенять от них многое. Вот это Фуртиг и докажет своей вылазкой в хранилище!

Прежде чем начать поиски в помещении, он посмотрел, что с дверью. Та оказалась заперта, но лучше было забаррикадировать её изнутри — для верности. Фуртиг осмотрелся, но не заметил ничего достаточно тяжёлого и объёмистого. Оставалось только надеяться, что Крыстоны, если зайдут сюда, произведут достаточно шума и поднимут достаточную волну воню, чтобы их можно было учуять издали.

Фуртиг поспешил к стене, о которой говорил Ку-Ла, и ничуть не удивился, действительно обнаружив там углубление. Оно располагалось довольно высоко, значительно выше глаз Фуртига, пришлось искать его на ощупь.

Да, но Ку-Ла говорил, что на углубление надо направить свет. Неизвестно, чем надо посветить, чтобы дверь открылась. У Фуртига было только оружие Демонов, плюющееся молниями. Он решил, что если молнии не подействуют, дверь придётся выломать. Если она, конечно, поддастся.

Фуртиг достал демонское оружие. Долар научил его, как регулировать силу выстрела. Она менялась при перемещении маленького рычажка возле прицела. Таким образом регулировалась мощь света. Фуртиг поставил рычажок так, чтобы огонь молний был как можно слабее.

Справившись с этим, Фуртиг навёл оружие и нажал спуск. Он слишком волновался, впервые применяя оружие непонятной мощи.

Углубление раскалилось докрасна. Однако стена разломилась надвое, как будто её царапнули когтем, и створки, глухо шелестя, медленно поползли в стороны, словно были запечатаны очень долго, а теперь их силой заставили сдвинуться. Фуртиг победно рыкнул.

Но даже ликуя, он не решился беспечно войти в помещение, дверь которого может захлопнуться как мышеловка. Любопытство уступило место врождённой осторожности, и он начал думать, как обезопасить себе выход из хранилища.

Дверь всё ещё была открыта, но Фуртиг решил для начала запустить внутрь какую-нибудь машину из тех, что стояли неподалёку, наподобие той, на какой он доставил Фоскота, — эти механизмы легко передвигаются. Даже если ни одна из них не оживёт, их можно просто толкнуть. Фуртиг направился к ближайшему ряду машин, выбирая самую маленькую, чтобы легче было справиться. Подходящих размеров почти не попадалось, но в конце концов он взял одну машину и начал подталкивать её к двери.

Тут он вспомнил про устройство Гаммажа, умеющее распознавать местонахождение записей. Собственно, он вспомнил о нём потому, что оно громко зажужжало внутри мешочка, куда было спрятано, указывая, что Фуртиг на верном пути.

Это воодушевило его и он с удвоенной силой налёг на машину, толкая её к двери так, чтобы дверь, даже если ей захочется закрыться, застопорилась. Вкатив машину в проём, он взобрался на её поверхность, чтобы убедиться, что дверь не захлопнется.

По потолку помещения, куда заглянул Фуртиг, тянулась световая трубка, так что можно было разглядеть неширокий ряд контейнеров, таких, в каких обычно хранились записи. Фуртиг приблизился к одному из контейнеров и, запустив когти в ящик, потянул. Ящик подался вперёд, открывая упаковки записей. Фуртига поразило количество — по два ряда уложенных в ящик коробок! Если в каждом ящичке спрятано столько же записей, сколько в этом, то это, несомненно, то самое хранилище, которое мечтал отыскать Гаммаж.

Фуртиг прошёлся вдоль стеллажа, открывая один ящик за другим. Большинство ящичков также плотно заполняли записи, как и первый; это стало ясно задолго до того, как он добрался до конца стеллажа. Только последняя секция ящичков оказалась пустой. Но даже это было несущественным по сравнению с огромным числом записей в остальных ящиках.

Прислонившись к стене, Фуртиг задумался, как же доставить найденное в Логово Гаммажа. На его поясе болталась сумка, но в неё войдёт не более трёх-четырёх горстей записей. Кто же знал, что найденная сокровищница окажется такой огромной? И как он сумеет определить, какие из этих знаний наиболее важные? Самым разумным было бы перевезти отсюда сразу всё, если и не доставив записи к Гаммажу, то по крайней мере, перепрятать их в безопасное место. Которое нужно будет ещё найти среди уже пройденных ходов и труб.

Фуртиг принялся за работу. Он методично складывал записи в сумку и переносил их в ход, по которому добрался сюда. Затем снова возвращался за новой порцией записей. Он чувствовал усталость, ещё когда тащил Ку-Ла. Теперь

слабость наваливалась всё ошутимей, но он продолжал работу.

Так он сделал десять ходок и устал настолько, что уже пошатывался. Теперь хорошо было бы выкатить машину из проёма и дать двери захлопнуться, заметая следы, чтобы ни один Крыстон, сунься они сюда, не догадался о хранилище. А ещё следовало замаскировать перенесённое в узкий проход богатство, чтобы, опять же, к нему не подобрался Крыстоны. Но у Фуртига на это совершенно не осталось сил. Последним рывком он поднялся и негнушимися руками прикрепил отодвинутую решётку к отверстию, ведущему в хранилище.

Груда коробок с записями рассыпалась, потому что он упал прямо на них. Фуртиг был уверен, что оставлять записи вблизи хранилища нельзя. Он наполнил сумку, а сколько сумел захватить, сгрёб в руках. И вот, нагрузившись, он двинулся по узкому проходу назад.

Вскоре он дополз до развилки ходов, где оставил Ку-Ла. Тот зашевелился.

— Значит, ты нашёл хранилище... — Фуртиг не мог сказать, прошептал это Ку-Ла, или ему только послышалось.

— Да, нашёл. Теперь надо всё перенести сюда, — Фуртиг разжал руки и коробки посыпались на пол. Он вытряхнул сумку и, не тратя сил на объяснения, отправился к покинутому тайнику.

Он не помнил, сколько раз так ползал взад-вперёд. Он только помнил, что дать себе передышку опасно, и надо двигаться снова и снова. И лишь когда целая стена из коробок поднялась возле Ку-Ла, он прилёг рядом.

Что-то настойчиво влезало под его ладонь. Он приподнялся, чтобы оттолкнуть этот предмет, и понял, что под его рукой фляжка с водой, та самая, которую он оставил для Ку-Ла. Фуртиг подтянул её, открыл и сделал два глотка.

Вода освежила, зато теперь он почувствовал голод. Он выпрямился, насколько это было возможно, дотянулся до

сумки с едой. Ку-Ла, которому Фуртиг вложил в руку кусочек сушёного мяса, тоже принялся есть, и это обнадеживало. Если Ку-Ла может есть, возможно, он не настолько изранен, как боялся Фуртиг. И возможно, Ку-Ла сумеет ползти сам, а тогда их возвращение не будет выглядеть столь невыполнимым.

Но пока что Фуртиг не решался пускаться в путь. Немного поев и ещё меньше выпив, он вытянулся, насколько позволяло узкое пространство, заваленное записями. Он должен был отдохнуть, потому что слишком измучился.

Неизвестно, сколько он пробыл в полудрёме. Он очнулся от звука — что-то тихо звякало рядом. Фуртиг схватился за ручку оружия. Кто-то перебирает записи! И услышал голос Ку-Ла:

— Проснулся! А я пересчитываю наши находки.

Фуртиг понял, что его разбудил стук коробок с записями. Ку-Ла разбирал их, сортируя по какому-то неведомому признаку. Фуртиг протянул руку и понял, что куча коробок рядом пропала. И что означают слова «наши находки», сказанные Ку-Ла? Неужели Ку-Ла собирается предъявить права на эти записи? И это после того, как Фуртиг спас его от гибели! Ведь нашёл записи Фуртиг, а не Ку-Ла, который ничего не вынес из хранилища, потерпев неудачу!

Впрочем, ссориться не имело смысла, потому что никто из них не предъявит настоящие права до тех пор, пока не сумеет выбраться из опасного места. Фуртиг был уверен, что несмотря на отчасти восстановленные силы, Ку-Ла не сможет выйти отсюда тем путём, каким пришёл Фуртиг. А это означало, что Ку-Ла придётся оставить здесь, бросив с ним большую часть записей, либо надо будет попытаться найти другой ход, которым они смогут выбраться вдвоём.

Они лежали в самом широком месте площадки, где соединялись три хода. Фуртиг знал, что два этих хода ведут неизвестно куда, а третий, возможно, выведет ещё глубже на территорию, захваченную Крыстонами. Хотя, кто знает, может, туда Крыстоны ещё не пробрались.

— А каким путём ты проник сюда? — спросил Ку-Ла.

— Если возвращаться тем путем, придётся карабкаться вверх. А даже спускаться было трудно, я действовал обеими руками.

— Эти серые вонючки повредили мне руку, а на одной я не поднимусь, — прервал его Ку-Ла. — Но ты сумеешь взобраться.

— Нет, — жёстко ответил Фуртиг. — Скорее всего Крыстоны уже засекли, где я шёл, где брал записи. Тебя унести я не смогу. И записей могу захватить лишь немножко. А оставлять такую замечательную добычу Крыстонам...

— Записи важнее, чем я. Ведь так, воин? Послушай, а почему ты отважился спасти меня? Ведь ты не мог знать, что мне известно, где хранятся записи. И я не из твоего клана, я не твой брат по охоте. Не в обычае твоего или моего племени помогать чужакам.

— Не знаю, зачем я это сделал, — искренне ответил Фуртиг. — Я только знаю, что не могу бросить Человека, неважно, из моего клана или нет, на съедение Крыстонам. Наверное, я научился этому у Предка.

— Ах, да, ваш Предок! Я много слышал о том, какие непривычные идеи у него рождаются. Будто бы все Люди, все кланы должны заключить длительное перемирие. Один из посланцев вашего Предка говорил об этом с нашими Старейшинами. Но мы не увидели в его речи большой мудрости. Тогда.

— А теперь ты думаешь по-другому? — заинтересовался Фуртиг.

Неужели Гаммажу хватило доводов, чтобы своим посланием склонить к сотрудничеству даже племя, не состоящее в родстве? И это при том, что в собственном клане Гаммажа никто не слушал...

— Да, теперь я думаю по-другому. Хотя я не Старейшина. Ты не оставил меня на съедение Крыстонам. А ведь я бросил — и тебя, и человека из твоего племени — незадолго до этого. Ты знал, что я вас предал, но вернулся ко мне,

когда нашёл то, что искал. Так что я начинаю понимать ценность того, к чему призывает ваш Предок. Сообща мы сможем совершить то, чего не добьёмся поодиночке.

Фуртиг добавил:

— Мы ещё ничего не добились. И не добьёмся, пока не попадём в ту часть Логовищ, где обитают Люди, а не Крыстоны. И пока не доставим туда свои находки. Так что пора идти.

Фуртиг наугад взял несколько коробок с записями, укладывая их в сумку как можно плотнее. Остальные так и остались лежать возле стены — бросить их на развилке трёх ходов было не хуже и не лучше, чем в любом другом месте. Затем Фуртиг сконцентрировал мысли, пытаясь связаться с Фоскотом.

Не было никакой возможности проверить, действует ли мысленная связь. К тому же чем дальше Фуртиг удалялся от Логова, тем больше сомневался в существовании этой связи.

Он снова поел и попил — вместе с Ку-Ла. Воды осталось совсем немного, и неизвестно было, дотянут ли они на этих скудных запасах до какого-нибудь источника в пути. Но Фуртига это не волновало, потому что главной трудностью, заботившей его по-настоящему, было пространство, лежавшее между ними и кланом Гаммажа.

И он снова пополз, таща за собой Ку-Ла, который цеплялся когтями за пояс Фуртига. Поворот налево. Невозможно было сказать, сколько комнат находилось под ходом, по которому они ползли, потому что на этом пути решёток не попадалось. К тому же в полной темноте трудно точно определить расстояние. И время тоже. Но ход вёл прямо, без тупиков и ответвлений. Фуртигу оставалось только надеяться, что они двигаются в ту часть Логовищ, где живут Люди.

Он пытался определить направление с помощью чутья, как делал это на пути в хранилище. Но то ли его талант хождения в потёмках внезапно исчерпался, то ли этого

таланта вообще не было, только им пришлось ползти в полной темноте без всякого ориентира.

Наконец впереди показался свет. Фуртигу уже было всё равно, что там, он просто спешил ползти, как будто свет стал для него таким же насущным, как пища и питьё. Приблизившись, Фуртиг понял, что здесь свет был сильнее, чем обычные отблески, проникающие через решётки отдушин в комнатах. Отверстие, до которого они доползли, показалось им ослепительно ярким после крошечной тьмы ходов. Оно вело наружу, на открытое пространство. И это несмотря на то, что Фуртиг знал, что они находятся несколькими этажами ниже поверхности. Сквозь решётку в ход залетал дождь, оседая на шерсти.

Это был колодец, построенный внутри Логова. Противоположную стену колодца скрывала пелена дождя. Стены колодца были гладкими, без выбоин и без решёток. Только в одном месте проломленная стена чернела краями трещин. Фуртиг подумал, что такой разлом может получиться, если молния ударит в камень. Если, конечно, правильно ударит. С другой стороны, ему известно оружие Демонов, метальное молнии. Хотя оно, наверное, не разрушило бы стену с такой силой. Но что, если у Демонов имелось и другое оружие, более сильное, которым легко разбить толстую каменную стену? Как это умеют, например, Грохотуны. Может быть, эту дыру тоже пробил какой-нибудь Грохотун-гигант. Говорят же старые легенды про ужасные войны, которые Демоны вели перед тем как стинуть, перебив друг друга. Этот пролом, возможно, остался свидетельством тех жестоких времён.

С другой стороны, эта дыра, возможно, выведет их в ту часть Логовищ, куда они стремятся. Фуртигу так надоело ползать по узким ходам! В этих норах было что-то потустороннее, Фуртиг ощущал давление стен, иногда ему казалось, что даже мысли его спрессовались и он утратил способность думать. Ему очень хотелось на простор. А от разлома как раз доносился свежий поток воздуха, обещавший простор, подгоняя Фуртига к действию.

— Я знаю это место! — обрадовался Ку-Ла. — Я видел этот колодец, только я тогда был наверху, а не внизу.

Он подполз, отодвигая Фуртига от решётки и выворачивая шею, чтобы взглянуть вверх.

— Нет, — добавил он, — отсюда не разглядеть. Но наверху есть площадки, откуда можно смотреть на дно.

Тот факт, что это место знакомо Ку-Ла, не слишком обрадовал Фуртига. Значительно лучше было бы, попали они в местность, с которой знаком он сам. Однако Фуртиг ничего не сказал, а только отодвинул Ку-Ла, чтобы внимательнее разглядеть пролом в стене. Да, трещина проходила не слишком далеко. Фуртиг уверил себя, что они вдвоём смогут добраться до неё. Он привычно принялся выставлять решётку. Отвинчивая болты, он поделился с Ку-Ла мыслью попробовать добраться до пролома.

— Да, может быть, эта щель послужит нам хорошей дверью, — согласился тот.

Сняв решётку, Фуртиг выскользнул наружу. Сейчас даже падавший на шерсть дождь был приятен, хотя в обычных условиях влага считается неудобством, которого следует избегать. Он спрыгнул на дно колодца, расплескав собравшуюся внизу воду. Вода закручивалась в воронки и исчезала в отверстиях под стенами.

Осмотревшись, Фуртиг подал знак Ку-Ла. Тот верно говорил: наверху проходил целый ряд окон. А ещё выше виднелся мост, соединяющий стену, возле которой стоял Фуртиг, с противоположной. Таких мостиков, наверное, когда-то было несколько, но и от нынешнего уцелело только несколько пролётов у стен. Середина моста обрушилась, остались только перекладины.

Никаких признаков жизни, к тому же дождь стирал запахи. Оставалось только попытать удачи. Фуртиг вытянул шнур и, забросив его наверх, подёргал, проверяя прочность зацепления. Ку-Ла помогал. Капли дождя смывали с его лица хлопья запёкшейся крови.

Фуртигу почему-то не нравились окна наверху. У него

вновь появилось чувство, часто посещавшее его в Логовах: за ним наблюдают. К тому же он терпеть не мог оставаться на открытом пространстве, даже ненадолго.

С Ку-Ла пришлось повозиться, он не мог преодолеть нужное расстояние одним прыжком. Еле-еле, с помощью Фуртига, Ку-Ла подтягивался к дыре в стене. Казалось, прошла целая вечность, пока они наконец не добрались до пролома.

Глава 10

Сплёнутая сетью, Айана лежала, глядя на экран визаскрин в потолке кабины. В таком положении она провела множество посадок корабля, когда проходила практические тренировки. Но сегодняшняя посадка отличалась от тренировочных — она была настоящей, а не имитацией, проведённой на безопасном Эльхорне-2. Там, на тренировках, они всегда знали, что это не взаправду, несмотря на смоделированные перепады давления и подставные опасности.

От осознания этой разницы внутри делалось холодно. Застраивший в желудке комок подступал всё выше к горлу по мере того как корабль, вынырнув из гиперпространства, вошёл в Солнечную систему. Неизвестно было, можно ли полагаться на старые вычисления, поэтому никто не мог сказать наверняка, что они двигаются к той самой планете, с которой когда-то их предки начали свою дорогу к звёздам.

Но показания историоскопа и записи, собранные в различных источниках и прослушанные дома — это одно. А путешествие в неизвестность, чтобы выяснить, что легенда, а что правда — это совсем другое.

Айана вспомнила, как была поражена, когда нашла своё имя в списке отобранных для полёта. Потом она прошла все испытания, все многомесячные физические тренировки, все курсы ментальной настройки. И всё для того, чтобы сейчас лежать в крошечной кабине и видеть на экране, как приближается незнакомая звезда, зная, что в случае удачи они

приземляются в мир, который не посещался никем с Эльхорна сотни планетных лет.

Защитная сеть верхней ячейки зашевелилась. Это Тан старался устроиться поудобнее. Впрочем, защитная сеть оставляет мало места для движения. Вечную непоседливость Тана не смогли выбить даже месяцы подготовки, жёсткой и изматывающей. Исследовательский азарт был у Тана в крови. С самого детства он стремился всюду поспеть, никогда не удовлетворяясь тем, что находил, стремясь к новым горизонтам. И именно благодаря этой его черте с ним было так интересно жить на Эльхорне. Поэтому-то Айана и последовала за ним в проект полёта на новую планету. Но беспокойство характера может втянуть в опасную ситуацию, это Айана тоже знала. Что касается Тана, то порой кто-нибудь близкий, кто имеет на него влияние, должен обуздывать его слишком бесцеремонные порывы.

Айана посмотрела на сеть с Таном. Тот в полном порядке, но надолго ли? Он нетерпелив, как все специалисты, имеющие квалификацию Первопроходцев. Едва они опустятся на планету, Тан выскочит из космошлюпа, хотя это и запрещено. Правда, Айана надеялась, что этого не случится. Что-то её угнетало, непонятное и плотное, как туман. Депрессия началась, едва корабль вышел из гиперпространства и Айана взглянула на экран виза-скрина. Точки света на экране — это миры, ждущие корабль, подумалось Айане. А тьма, сомкнувшаяся вокруг корабля, — тёмные руки, пытающиеся схватить и не отпускать. Воображение, подумала она, содрогаясь, воображение всегда подводило её. На последнем экзамене её чуть было не отчислили из команды. Ей так и сказали: из-за воображения. Её оставили в команде только потому, что она хорошо уравнивала темперамент Тана. И она иногда чувствовала обиду, что её взяли только из-за этого качества.

— Ага! Вот и наши планетки! — в голосе Тана не послышалось и намёка на депрессию. — Значит, расчёты по системе корневых уравнений верны!

Почему ей не хочется разделить его ликование, Айана не

знала. Ведь Тан радуется потому, что они отправились в путь почти без ориентиров. Переселенцы с Первых Кораблей уничтожили все следы своего прошлого. И многолетние исследования почти ничего не дали, хотя в компьютеры постоянно закладывались результаты всевозможных поисков. Эти собранные по крупицам данные и составили маршрут их полёта.

С того времени, как на Эльхорн опустились два Первых Корабля, прошло пятьсот планетарных лет. По какой-то таинственной причине люди Первых Кораблей уничтожили всю информацию о планете, с которой прибыли, на которой были созданы космические корабли, доставившие их так далеко. Новоприбывшие колонисты смешались с местным примитивным племенем, ассимилировались к местной жизни и с категорическим фанатизмом пресекали попытки потомков узнать причину давней миграции с родной планеты. Два или три поколения рождённых на Эльхорне так ничего и не узнали. Позже, когда не стало первых поселенцев и их запретов, поднялась новая волна любопытства. В одном из кораблей нашли потайную каюту, где сохранились записи маршрута. Впрочем, записи оказались несколько подпорчены, а в нескольких местах явно прослеживались купюры. И колонисты энергично взялись за восстановление знаний, потому что никто не хотел, чтобы последующие поколения жили в неведении. Около сотни лет шли поиски происхождения эльхорнцев, пока наконец почти все ресурсы Эльхорна не были переведены на решение именно этой задачи. Правда, были и сопротивляющиеся. Они появлялись в каждом поколении. Они настаивали на том, что у предков наверняка имелась веская причина скрывать прошлое, и что поиск этой причины может привести к новым бедам. Последователи такой точки зрения были в силах помешать и этому полёту, не появившись Облако.

Айана представила все последние годы жизни, связанные с проблемой Облака. Вначале проблема казалась пустяковой. Учёные решили организовать добычу редких металлов, чьё присутствие в породах острова Искар на юге показали детекторы геологических приборов. Однако работать на южном

острове было невозможно: выбросы действующих вулканов содержали смертоносные газы. По старым чертежам учёные создали машины, роботов, подобных тем, какие были у поселенцев с Первых Кораблей. Этих роботов и переправили на Искар для добычи руды. Но несмотря на защитные устройства, ядовитые газы разъели оболочки роботов, повредив точные «мозги» машин. Тогда учёные предприняли меры химической, а не механической защиты от газов. Что и привело к катастрофе. Роботы на Искаре оказались выведенными из строя, а работы в шахтах не выполнены. И самое главное — появилось и стало расти Облако.

Оно не поднималось вверх, в воздух. Оно ползло по поверхности планеты, медленно и неотвратно. Казалось, это не сгусток паров, а целеустремлённое живое создание. Постепенно оно покрыло весь Искар, на котором, правда, почти не было живых организмов, так что погибнуть было некому. Но потом Облако поползло через море.

От контакта с ядовитыми газами вода тоже сделалась ядовитой. Водные формы жизни погибли, а те животные, которые пытались бегством спастись от вымирания, заражали животных во всё новых районах. Заражённые животные тоже погибали, хотя и не так скоро. Что касается людей, то они не смогли противостоять гибели мира. Знания колонистов были ограничены, так как знания народа Первых Кораблей долгое время методично уничтожались. Поэтому никто не смог противостоять Ужасу с Искара. Люди должны были или остановить Облако, либо убраться от него подальше в безопасное место. Убраться всем народом.

Вначале был создан Путейскатель, затем всё работоспособное население Эльхорна приступило к восстановлению Кораблей первых колонистов. Никто не знал, смогут ли Корабли снова выйти в космос, работая нормально. А Путейскатель установили на маленьком космошлюпе, которым был оснащён один из Первых Кораблей.

И вот космошлюп с Путейскателем вышел в космос, неся на борту четверых. Каждый из команды был специалистом в

собственной области, но мог заменить остальных по другим специальностям. Айана — врач и историк. Тан выполняет обязанности разведчика и на него же возложена задача обороны. Джейсель — капитан, он же консультант по жизненным вопросам для всей команды, он же навигатор. Масса — пилот и, по совместительству, техник. Их было четверо, и против них вся солнечная система, с которой когда-то бежали их предки, поселенцы с Первых Кораблей. Они бежали в таком страхе, что уничтожили всё, напоминавшее об их прошлом.

Что, если планету, откуда бежали предки, тоже покрыло Облако? А может быть, и того хуже (хотя что может быть хуже?), может быть, люди там охотились друг за другом, убивая. Старые записи свидетельствовали, что и такое бывало. К счастью, на Эльхорне племя людей не восстановило обычаи настолько, чтобы хвататься за оружие при выяснении отношений.

Чем ближе к цели подводил Путешественник, тем больше Айана страшилась того, что команда может обнаружить на планете.

По корабельному времени они уже несколько дней летели по солнечной системе, где когда-то жили их предки. Они летели к третьей планете от солнца — в этом разногласий не было. Компьютеры утверждали, что именно эта планета наиболее приспособлена к условиям для жизни. Команда это знала.

Все эти дни Джейсель пробовал поймать ответ на сигналы корабельного передатчика. Но безуспешно. Молчание радиоэфира производило пугающее впечатление. Однако оно не могло остановить их. Корабль вышел на околопланетную орбиту.

Тут они убедились, что планета не безжизненна. По крайней мере, когда-то на ней существовала разумная жизнь. На континентах располагались пятна громадных массивов городов. Их изображения передавали днём камеры внешнего обзора, а по ночам города светились (впрочем, среди городского освещения попадались и большие участки тьмы). Но ответа на радиосигналы по-прежнему не поступало.

Джейсель постоянно находился за пультом, но его слова по всему кораблю доносила радиосвязь. Он недоумённо подвёл итог:

— Вот этого я не понимаю. Приборы показывают наличие высокоразвитой цивилизации. Но на наши сигналы никто не отвечает, вообще никакой радиосвязи на всей планете.

— А огни! — запротестовала Масса. — Города освещаются!

Айана хотела сказать то же самое. Несмотря на то, что внизу проносились целые полосы неосвещённых, тёмных участков, хотелось видеть не эту пугающую тьму, а пятна света, появившиеся, едва день сменялся ночью. Хотя тёмных участков было больше.

— А вы не подумали, — вмешался Тан, — что освещение может включаться автоматами, которые реагируют на интенсивность освещения, а не чьей-то рукой? А тёмные участки означают, что там автоматика испортилась!

Он высказал то, о чём все они думали. Его объяснение было наиболее вероятным, но Айану не порадовало. Если корабль кружит в небесах планеты, которая мертва, и если люди покинули этот мир, то не поджидает ли их там, внизу, прежняя опасность? Может быть, на планете остался ужас, который погнал уцелевших людей прочь, в космос. Она хотела отвернуться от экрана, но не смогла. Какое-то жестокое очарование таилось в этих ландшафтах внизу.

— Мы не сможем найти посадочное поле без сигналов маяка, — сказал Джейсель. — Но, по-моему, я услышал какие-то сигналы!

Они как раз пролетали освещённую сторону планеты. Айана следила за контурами океана на экране. Соотношение суши и воды на планете было примерно одинаковым, в каждом полушарии находилось по два материка.

Джейсель уловил сигнал, когда корабль пролетал над одним из материков.

— Сигнал ослаб, — сообщил он. — Попробуем поймать его снова.

— Это нам сигналият. Хотят знать, кто мы и зачем явились, — Тан явно ожидал угрозы.

«Почему он ждёт враждебности?» — подумала Айана. Возможно, он тоже решил, что люди Первых Кораблей покинули планету перед лицом опасности, и помнит об этом. Ведь и самой Айане передалось это чувство страха. Но если внизу их поджидают враги, то не лучше ли вообще, не приземляясь, убраться прочь. Однако Айане также понимала, что Тан никогда не согласится на такое.

Впрочем, Джейсель, как техник, объяснил всё по-своему. В сигнале не содержалось никакой информации, он посылался автоматами. А значит, он мог быть предназначен только для одного: указывать путь тому, кто появится из космоса.

Они решили следовать указаниям маяка, хотя Айана слабо сопротивлялась. Но Масса заметила, что нельзя бесконечно кружить по орбите, а другого указателя всё равно нет. Компьютеры не давали никакой информации, только жадно поглощали показания внешних датчиков. Поэтому экипаж приготовился к жёсткой посадке.

Айана улеглась в лежаче в своём ярусе, защищённая специальной посадочной демпферной техникой. Она не смотрела на экраны, радуясь, что сейчас не её очередь дежурить у пульта и на эти картины снаружи смотреть не обязательно.

Привычная посадочная суета приглушила в ней все чувства. Она только ощущала тяжесть в теле, поэтому постаралась расслабиться. Она столько раз поступала именно так во время практического обучения, но, оказывается, имитация события далеко не то же самое, что само событие. На некоторое время Айана отключилась от происходящего, но вскоре поспешила прийти в себя, словно стряхивая привидевшийся кошмар. Затем, повинаясь зову долга, встала, высвобождаясь из защитной сети. И лишь когда кокон сети мягко улёгся в гнездо, Айана вдруг осознала, какая тишина стоит на корабле. Умолкло гудение и рокот. Значит, корабль приземлился и двигатели отключились.

И корабль не просто кое-как приземлился — кабина ни в

какую сторону не отклонялась. То есть, они приземлились по всем правилам, возможно, даже с помощью посадочных ракет. Значит, Джейсель совершенно правильно взял ориентир на сигналы маяка.

Встав, Айана почувствовала вес. Она сделала два неуверенных шажка, придерживаясь за поручень и высматривая, где же Тан.

Он лежал неподвижно на своём лежаке. Из уголка его рта стекала тоненькая струйка крови. Но едва она протянула руку, чтобы коснуться разведчика, он открыл большие серые глаза и торжествующе взглянул на неё:

— Мы всё-таки сделали это! Мы долетели!

Наверное, он понял, что корабль сел, по наступившей тишине. Тан принялся распутывать защитную сеть.

— С тобой всё в порядке, Тан?

— Как никогда! Мы всё-таки долетели!

Тон, каким он выпалил эти слова, пояснил Айане истинные мысли Тана. Значит, он сильно сомневался, что полёт прой­дёт успешно.

Он пулей выскочил из каюты и, оставив Айану далеко позади, первым домчался до кабины управления. По переговорной связи уже звучал вызов — он и Айана срочно требовались на сбор. И это ещё раз подтверждало, что чудо, в которое Айана тихо верила, произошло: они сели благополучно.

Вид вокруг корабля, демонстрируемый виза-скрином, был успокаивающим. Видимо, корабль действительно приземлился в месте, служившем когда-то космопортом. Можно было различить старые растрескавшиеся посадочные полосы, сигнальные огни, следы ракетных выхлопов. Вдали виднелись громады башнеподобных зданий, невиданных на Эльхорне.

Что удивило их, так это здания вдали. Никаких следов разрушения, но и признаков жизни не наблюдалось. Джейсель, не отрываясь от приборов, покачал головой:

— Ничего. Эфир пуст. Только сигналы маяка, по которым мы сели. Но маяк установлен давно.

Как давно? Этот вопрос, наверное, повис на губах не только у Айаны, но и у всего экипажа. И кем и для чего? Если

они прилетели в безжизненный и молчаливый мир, то в чём его ужас?

Масса тоже занималась приборами:

— Воздух... ничего вредного для нас. Пригоден для дыхания. Гравитация... на один-два пункта ниже той, к какой мы привыкли на Эльхорне. Однако для нас такая гравитация вполне допустима.

— Как можно сравнивать всё это с Эльхорном! Здесь столько надо исследовать и разведать! — широким жестом Тан обхватил всю ширь пространства, уместившегося в экране виза-скрина: на экран наплывали громады зданий. Наверное, там город, подумала Айана. Только ни в одном знакомом ей городе не было таких высоких башен, упирающихся шпилями в небо, не было такого множества кварталов.

Никакой зелени, никаких растений... Даже трава не смогла пробиться сквозь камень. И на всём космодроме они были одни.

Джейсель, откинувшись назад в кресле, заявил:

— По-моему, мы прибыли в необитаемый мир.

— Это слишком самоуверенное заявление, — возразил Тан. — Прежде всего надо как следует осмотреться. Может быть, кто-то очень хочет, чтобы мы поверили, будто планета необитаема. И тот факт, что ты передаёшь послание мира старым кодом, не означает, будто кто-то на планете это послание примет и поймёт. Сколько времени прошло с тех пор, как отсюда поднялись Первые Корабли? Нам говорили, что прошло пятьсот планетарных лет. Но ведь никто не знает, сколько космических лет Первые Корабли добирались до Эльхорна. Как никто не знает, сколько космических лет добирались мы от Эльхорна сюда. А перемены случаются при жизни одного поколения!

Он, конечно, говорил дело. Но Айана с неприязнью слушала его. С каждым его словом окна домов становились всё больше похожи на подглядывающие за ними насмешливые глаза. В этих бесконечных нагромождениях домов найдётся множество мест, где легко спрячется каждый, кому не хочется быть найденным.

Джейсель принял решение:

— Сидеть в корабле нет смысла. Нам придётся выйти наружу с целью выполнения миссии. Либо взлетаем, чтобы начать поиски другого посадочного места, другого окружения.

Айана и остальные дружно затрясли головами. Они не уйдут, не проведя исследований! Раз уж они сели, лучшее, что они могут сделать — это погрузиться в работу.

Айана, хотя и не без труда, подавила в себе страх. Даже если все люди на этой планете погибли, об этом должны остаться свидетельства. Наверняка где-то имеются записи. Возможно также здесь найдутся записи, способные помочь обуздать Облако, или другие сведения, полезные для их миссии. Долг команды — провести всестороннюю разведку, а не предаваться необоснованным страхам. Но что-то внутри Айаны протестовало при этой мысли: её страх был обоснованным, и подавлять его было нелегко.

Они собрались на мостике корабля. Тан уже отпер оружейный отсек и раздал всем бластеры. Так что каждый при выходе нёс бластер на пояс. Только Масса осталась дежурить у пульта, готовая включить защитные устройства при первом подозрении на что-нибудь опасное.

Солнце пригревало, хотя дул ветерок. Айана не почуяла в его волнах никаких запахов. В её родном мире такой воздух бывал осенью по утрам. И этот ветерок казался самым обычным.

Джейсель склонился к обожжённой поверхности посадочной полосы, потрогал старый след копати.

— Давненько здесь не взлетали, — сообщил он, водя по следу радиодетектором. — И сам космопорт построен очень давно.

Показания радиодетектора были очень низкими.

Тан, положив руки на пояс, поворачивался вокруг, словно виза-камера обзора. Он был восхищён.

— Вот это были строители! Целый мир, целая планета застроена! И ждёт нас!

— Не думаю, чтобы нас тут поджидали, — усмехнулся в ответ Джейсель. — У меня такое чувство, будто за нами следят.

Тан рассмеялся и уверенно раскинул руки, словно обнимая всё вокруг:

— Призраки! Духи! Можете следить, сколько угодно! Я вам говорю: люди вернулись, они вернулись к себе домой.

Он указал на здания вдаль и добавил, обращаясь уже к команде:

— Так что давайте-ка посмотрим, что нас там поджидает.

Всё-таки длительное обучение смягчило в нём всегдашнюю нетерпеливость. Он не стал подгонять всех остальных немедленно отправляться и завоёвывать поджидающий город (если там, вдаль, и вправду раскинулся город). Он оставил команду размышлять над тем, сразу соглашаться или выждать, занявшись другими важными делами. А сам Тан взялся вытаскивать из складского отсека части флиттера, который необходимо было собрать, чтобы на нём облететь все окрестности.

Солнце уже давно перевалило за полдень, когда Тан наконец собрал каркас флиттера. Из корабля появился Джейсель. Он вынес множество брусков, соединённых шнуром.

Тан оторвался от работы:

— Что ты хочешь делать, Джейсель?

— Поставлю сигнализацию вокруг флиттера. Ночь, наверное, будет тёмной, незванных гостей без приборов не разглядишь.

Это сигнально-защитное устройство было самым лучшим. Никто не сможет перешагнуть через натянутый шнур, потому что вокруг создавалось силовое поле, отталкивающее пришельца. Кроме того, любая попытка незнакомца проникнуть за барьер отозвалась бы на корабле сигналом тревоги.

Тан не возражал против установки сигнального устройства. Он только пробормотал:

— Мышеловка для привидений.

Он собирал оставшиеся детали, пока Джейсель устанавливал последние датчики сигнального устройства. Корабль, если трап поднят, сам по себе — неприступная крепость, обеспечивающая полную безопасность находящемуся внутри экипажу.

Однако Тан не торопился войти в корабль и намертво задраить люки. Он снова оглянулся на громады башен вдали:

— До завтра! — прокричал он на прощание всему незнакомому миру. Айана, услышав эти слова, подумала, кому он обещает прекрасное завтра?

Да, завтра. Завтра Тана нельзя будет удержать ничем. Он уйдёт в разведку, описывая круги на флиттере сначала рядом с кораблём, а потом всё шире и шире; Тан с каждым разом будет уходить от корабля всё дальше и дальше, по маршруту, заложенному в аппаратуру на борту флиттера. Аппаратура соберёт данные о внешней среде, и тогда станет ясно, что же там, вдали, жив город или пустынен. Аппаратура зафиксирует присутствие любой жизни. Так что экипаж не останется беспомощным...

«Почему это я подумала, что мы беспомощны? — Айана остановилась. — Ведь мы не будем сидеть сложа руки и ждать худшего». На испытаниях во время подготовки к полёту все сложные тесты показали, что она психически уравновешена, а значит, годна к полёту. Но когда их корабль достиг этой солнечной системы, Айана почувствовала, как что-то чужое и враждебное вселилось в её разум, цепляя душу холодными лапами. Она не могла понять, откуда пришёл этот страх. Она, медик, учёный специалист, пугалась каких-то тёмных окон! Она снова подавила эту боязнь, не давая ей вырваться наружу.

Экипаж поужинал. Порции корабельного рациона сегодня казались особенно безвкусными. Хорошо бы отыскать местные фрукты или какую-нибудь другую пищу, которая окажется съедобной. В третью или даже вторую вылазку наружу Айана придётся отправиться по обязанности — чтобы определить, нет ли вокруг микробов, способных вызвать болезни. Придётся надеть на себя неудобный, сковывающий движения защитный костюм, но она научилась работать в таком ещё в Эльхорне.

— Тан! Айана! — раздался в динамике голос Массы. — Посмотрите на экраны!

В окнах вдали показался свет. Теперь корабль не окружала

сплошная стена мрака. Масса скомандовала камерам обзора взять больший сектор панорамы, чтобы собравшимся за ужином членам экипажа было лучше видно. В окнах то одной, то другой башни появлялся свет. Хотя далеко не во всех зданиях включилось освещение, отметила Айана, оправившись от изумления. Кое-где свет сиял, заливая целые кварталы. А местами в домах светились только отдельные окна.

Несколько зданий вообще тонули во мраке. Но такое неравномерное освещение указывало на наличие обитателей! Там, вдали кто-то живёт! Обязан жить.

— Ты видишь, Тан! — Айана не просто указывала. она пыталась уговорить Тана изменить план вылазок на завтра. Не стоит лететь в одиночку в такое угрюмое настороженное место на маленьком лёгком флиттере. Конечно, флиттер имеет кое-какие защитные устройства. Но сработают ли они против этого гигантского, непонятного, чужого... Конечно, Тан должен воспринять эти огни вдали как признаки жизни. Но тогда следует переместиться в какой-нибудь другой город, увиденный с орбиты. Однако когда прозвучал ответ Тана, Айане стало ясно, что убедить его невозможно ничем.

— Эти огни ничего не доказывают! Можешь не волноваться, Большеглазка! Это наверняка работает автоматика, только в нескольких местах электрическая проводка испортилась. К тому же у меня костюм оснащён защитным полем.

Ей нравилось, когда он называл её уменьшительным именем — Большеглазка. Это было тайное словечко, известное только им двоим. И тот факт, что Тан использовал его, доказывал, что тёплая близость между ними по-прежнему сохранялась. Но сейчас это слово причинило боль, потому что Тан употребил его, поддразнивая Айану, смеясь над её заботой. Айана отвернулась от огней на экране и, закрыв глаза, попыталась уснуть. Наверное, ей снилась безопасная жизнь на Эльхорне. Такая жизнь, какую Айана вела до того, как отправилась в это дикое и рискованное путешествие.

Глава 12

За поворотом послышалось рычание, знакомое Фуртигу по вылазкам прежних дней. Невольно шерсть на его спине встала дыбом, уши поджались, а изо рта вырвалось злое шипение. Ку-Ла отозвался таким же шипением. Но через мгновение они поняли, что из очередного коридора доносился вовсе не боевой клич Лайкеров...

Нет, это был вопль боли, а не победный вой охотника, загнавшего жертву. Фуртиг по-пластунски дополз до конца коридора, чтобы выглянуть наружу через прозрачную стену.

За нею действительно оказался Лайкер! Он бился в чём-то невидимом, было ясно видно, что одна нога Лайкера — нет, ещё и рука! — попали в какой-то неведомый силоч. Лайкер злился и боялся одновременно, он щёлкал челюстями, стараясь разгрызть невидимый капкан. Вот он дотянулся и... голова Лайкера тоже оказалась в невидимой сети! Дёргаясь и извиваясь, Лайкер упал, и через миг оказался спелёнутым этой невидимой сетью, так что не мог даже пошевелиться. Теперь он только рычал и всхлипывал.

И тут они выбежали из укрытия, которое даже Фуртиг с его острым зрением не сумел разглядеть. Крыстоны, серобурый клан! Они надели на Лайкера, нисколько не опасаясь шутики, поймавшей пленника. Вот они подхватили жертву и потащили его. К тому самому зданию, куда Фуртиг намеревался идти! С тех пор, как они миновали пролом в стене, Крыстонов не было ни видно, ни слышно. Их запах также не чувствовался. И всё-таки они были здесь, охотились и собирали добычу. Значит, следовало уйти отсюда.

Он вернулся к Ку-Ла и рассказал об увиденном.

— Захлёстывающий капкан, — пояснил тот. — Крыстоны покрывают всё вокруг него чем-то таким, что ты не чувствуешь спрятанную ловушку, но как только наступишь, капкан захлёстывает тебя крепко-накрепко.

— Верно, они таким способом изловили Лайкера. Он наступил, и его захлестнуло. Даже связывать не понадобилось.

— Вот-вот. Мы не знаем, как они делают эту штуку. Наверное, у них есть какое-то вещество, отбивающее запах. К сожалению, проверить догадку можно только на собственной шкуре.

Фуртиг поднял с пола сумку с записями, подал руку Ку-Ла.

— Но что делает Лайкер в Логовах? Может быть, явился на разведку?

— Может быть. А может быть, так же как мы, охотился за знаниями.

Ку-Ла со стоном приподнялся. Фуртиг знал, что раны Ку-Ла очень опасны, и что тот движется вперёд на чистом упрямстве. Фуртиг всё больше уважал Ку-Ла за упорство, с каким тот преодолевал боль. Теперь Фуртиг не задавал вопросов, почему взял на себя риск спасти Ку-Ла — потому что он считал его таким же другом, как и Фоскота.

— Они потащили Лайкера в то Логово, — предупредил Фуртиг. Было жестоко подгонять бредущего из последних сил Ку-Ла, но нельзя было медлить, оставаясь в этих опасных переходах. К тому же наконец-то Фуртиг услышал в сознании слабенький сигнал. Он теперь знал, куда нужно идти, чтобы добраться домой.

Ку-Ла отозвался, еле выдыхая слова на ходу:

— Да, Крыстоны отправились в то Логово. Но они вроде бы не любят верхних этажей, а предпочитают подвалы.

Они обогнули стену. Фуртиг предпочитал держаться поближе к укрытию. Он и так плохо переносил открытое пространство, а сегодня им слишком много пришлось ходить по открытым местам. Он чувствовал себя муторно, порывы ветра и дождя, бившие по стенам сверху, лишь усиливали это гнетущее чувство.

А за поворотом за прозрачной стеной внезапно открылось новое большое поле. И Фуртиг замер — там был свет, и этот источник света двигался!

Пятно света поднялось с земли в воздух, будто нечто летающее несло зажжённую лампу невероятных размеров.

Пятно перемещалось по воздуху, то поднимаясь выше, то замирая. За пеленой дождя Фуртиг не смог рассмотреть, куда оно улетело.

— Небесный корабль, — вдруг хрипло выговорил Ку-Ла.
— Небесный корабль Демонов. Демоны вернулись!

Фуртигу очень не хотелось, чтобы эти слова оказались правдой. Он вдруг понял, что никогда не воспринимал всерьёз разговоры о возвращении Демонов. Но Ку-Ла говорил столь уверенно, что эта убеждённость передалась и Фуртигу.

Демоны вернулись! Даже в Пещерах такое утверждение употреблялось только как страшное предупреждение для малышей. Но вырастая, те больше не боялись подобных высказываний. Теперь же оказалось, что от детских сказок в памяти осталось достаточно, чтобы заледенить кровь.

Но что это за корабль? Разведчик, посланный сюда, подобно тому, как люди посылают воина или двоих-троих, чтобы выяснить мощь противника? А также, чтобы выяснить расположение, ресурсы местности, как лучше нападать и защищаться, если клан решит выступить в поход...

Разведчиков обычно ликвидируют. Для маленького клана потеря разведчика — само по себе предупреждение. В таких случаях кланы не выступают в поход, а ищут другие земли. А ведь ни один клан не многочислен настолько, чтобы намеренно терять своих разведчиков. Которые, кстати, и без того гибнут в силу чисто случайных обстоятельств.

Но старые легенды гласили, что Демонам нет числа. Значит, потеря нескольких разведчиков для Демонов не будет ощутима, потому что в племени много воинов. Наверное, у Гаммажа может быть точная информация на этот счёт. Должна быть.

Всё ещё разглядывая источник света, обозначающий корабль Демонов, Фуртиг приказал:

— Надо идти. И побыстрее.

Фуртиг приподнялся, опираясь о стену. Сверху над зданием, почти задев его, пронеслось нечто громадное,

значительно больше любой птицы. Внизу, где замерли разведчики, света не было, за прозрачной стеной не горел ни один светильник. А при дневном свете, с надеждой решил Фуртиг, эта штука не должна разглядеть их, ведь она пролетела так быстро. Фуртиг откуда-то знал, что при необходимости эта махина легко сможет пробить прозрачную стену, схватив их на месте.

Он поддержал Ку-Ла свободной рукой:

— Пошли!

Тому не требовалось понукания, он и так шагал изо всех сил, несмотря на боль. Увиденная вещь Демонов заставила Ку-Ла забыть о ранах.

Они повернули в очередной раз за угол коридора, и Фуртиг облегчённо вздохнул. Прозрачная стена кончилась, их окружал твёрдый камень, закрывающий от чужих взоров. Впрочем, радоваться безопасности пришлось недолго, потому что вскоре они вышли на один из подвесных мостиков между зданиями. Фуртиг высунулся вперёд, прикрыв глаза ладонями. Дождь и ветер неистово хлестали вокруг. Но впереди, через мост, возвышалось здание, где совсем недавно они с Фоскотом испытывали прибор для передачи мыслей. Оставалось всего-навсего перейти мост — и они с Ку-Ла окажутся на родной территории.

Вот только перейти по этой скользкой узенькой качающейся верёвочной полоске будет нелегко. За себя Фуртиг не боялся, даже несмотря на штормовой ветер и дождь. Люди его клана обладают цепкостью. Но вот Ку-Ла...

Тот, очевидно, всё понял без слов, потому что спросил:

— Что там, за мостиком?

Он почти рычал от усталости.

— Там Логово, где живут Люди моего клана.

— Значит, там более или менее безопасно. Стоит попробовать добраться туда.

— Хочешь рискнуть?

Конечно, Ку-Ла не мог не видеть, что перебраться через мост будет очень нелегко. Но если Ку-Ла решится, то Фуртиг сделает всё, чтобы помочь.

Фуртиг достал из сумки старый испытанный шнур, чтобы связать свой пояс с поясом Ку-Ла для страховки. Но Ку-Ла замахал рукой:

— Не надо. Я поползу на четвереньках. Уж если падать, то давай по одному.

— Тогда иди первым, — предложил Фуртиг. Он понятия не имел, что предпринять, если Ку-Ла, идущий без страховки, поскользнётся. Но всё-таки лучше, чтобы Ку-Ла был на виду, тогда он хоть что-нибудь сумеет сделать. Пожалуй, на четвереньках будет лучше идти не только Ку-Ла, но и им обоим. Так они не только устоят перед ветром, но и с той летающей штуки их будет труднее различить. Если им не повезёт, и она вернётся.

Дождь колотил по раскачивающемуся мостику. Ку-Ла впереди двигался очень медленно. Ничего на свете Фуртигу не хотелось так сильно, как немедленно перепрыгнуть через эту неловкую фигуру и со всех ног припуститься к безопасной двери на дальнем конце мостика. Но он полз позади Ку-Ла, гремя сумкой с записями, сдувая воду с усов и лица. Он не поднимал голову, чтобы не видеть, далеко ли ещё до входа. Он только смотрел на Ку-Ла.

Тот дважды останавливался и, распластавшись, неподвижно лежал, позволяя струям дождя стекать по шерсти. Но когда Фуртиг трогал его, Ку-Ла сам поднимался и упорно полз вперёд.

Они миновали половину пути, хотя сами не могли сказать точно, сколько прошли. Когда возник звук. К ним приближалась летучая штука Демонов. Фуртиг и Ку-Ла вжались в мостик, замерев, чтобы не обнаружить себя.

Летучая штука не клекотала, как это делают птицы. Она не говорила как живое существо. Она издавала ровный монотонный звук: бур-бур-бур! Она зависла над ними, сначала слева, затем, облетев, справа. Фуртиг сжался, представляя, как огромные когти, выпущенные из её нутра, приближаются, впиваются в него и уносят прочь. Он был так поглощён видением, что не заметил, как урчание —

бур-бур-бур — стало потихоньку удаляться, а затем и вовсе стихло. Он лежал, распластанный на мостике, живой, не-вредимый и способный двигаться дальше. Летучая штука убралась! Но что если, испугался Фуртиг, она забрала Ку-Ла!

Он открыл глаза и увидел, что Ку-Ла уже ползёт вперёд.

Только бы эта штука больше не вернулась! Фуртиг не верил, что им удалось так легко спастись. Он чувствовал угрозу, а чутью следовало доверять: врождённое чувство опасности неоднократно спасало ему жизнь. Летучей штуки следовало опасаться как никого и ничего до сих пор он не опасался и не избегал.

Тан ткнул пальцем в угол экрана. Неплохо поработалось сегодня. Он улыбнулся своей удачливости. Эта удачливость не раз и не два удивляла тренеров Эльхорна, готовивших Тана к полёту. Безо всяких на то усилий с его стороны, он ухитрялся быть в нужное время в нужном месте. Во время испытаний он мог вдруг куда-то сорваться или сделать движение, понятия не имея, зачем он так поступает. И оказывался в выигрыше.

Замеры на наличие живых существ никак не давали чётких результатов, пока он не наткнулся на тех двоих на мостике. Ему повезло: он застал живые формы на открытом пространстве. Целых две особи, впрочем, он не мог уверенно сказать, сколько их там было: «они» свернулись клубками во время полёта флиттера. Они словно по команде замерли, так что он смог заснять их как положено.

Но, разумеется, эти клубки не были людьми. Он заметил их, едва они взобрались на мостик и поползли, извиваясь и скользя, почти на брюхе. Ничто в них не говорило в пользу гуманоидного происхождения. Тан представил, как бы люди ползали на четвереньках, были бы они похожи на увиденных сегодня существ, или нет. Пожалуй, сходство нашлось бы. Правда, увиденные им существа были значительно меньше. Может, он увидел детей? Но зачем детям понадобилось в

такой штурм лезть по мостику от одного здания к другому? Нет, скорее всего это были взрослые особи негуманоидного происхождения.

Тан перестал улыбаться. Ведь до сих пор никто не знает, что же заставило Поселенцев с Первых Кораблей бежать на Эльхорн. А чтобы заставить целый народ покинуть родную планету и пуститься в опасное путешествие через космос, нужна очень веская причина. К тому же люди улетали отсюда навеки и в большой спешке. Они летели, чтобы поселиться и жить в другом мире.

Тан просмотрел ещё несколько записей, сделанных приборами «Поиска форм жизни». Живые существа были зафиксированы не в зданиях, как следовало бы ожидать, а в широком диапазоне вокруг. Хотя здания и освещались по ночам. Виды живых существ были представлены довольно широко. Айана, когда просмотрит записи, сделает вывод по поводу их разнообразия. Дело не только в том, что наблюдение велось с различных расстояний. Варьировались именно виды существ. Для начала надо будет показать ей запись тех двух неуклюжих существ на мосту.

Однако по всем признакам ни одно из обнаруженных существ не соответствовало человеческому облику. Кстати, именно поэтому Тан совершил несколько облётов на флиттере над самой поверхностью, бесстрашно кружа между зданиями, чтобы собрать как можно больше информации.

Город был выстроен людьми, в этом не приходилось сомневаться. Из истории собственной расы Тан хорошо помнил, как выглядят города, и теперь сразу отличил архитектуру, присутствующую предкам. Но если приборы не зафиксировали присутствия людей, то кто живёт в этом мире?

Возможно, город заселили враги, о которых нет свидетельств в хрониках. Или это не враги, а всего лишь игра воображения? Если это всё-таки враждебная форма жизни, то она представлена теми двумя существами, которых он сегодня видел. Тогда чем быстрее экипаж распознает, что это за существа, тем лучше.

Тан развернул флиттер прочь от города и направился к кораблю, спеша доставить собранную за день информацию.

Звуки «бур-бур-бур!» затихли вдали. Ку-Ла полз вперёд так быстро, что Фуртиг испугался, не сорвётся ли напарник. И ещё! Впереди, возле входа, кто-то шевельнулся.

Крыстоны? А может быть, Лайкеры? Фуртиг приготовился пустить в ход оружие Демонов. В последние часы он научился встречать самое худшее, даже в Логове, населённом Людьми. Но вот он различил впереди пушистую физиономию. Кто-то из его клана вышел на помощь Ку-Ла.

Гаммаж раскинулся на широкой постели. Только постукивание пушистого хвоста, свёрнутого колечком, выдавало его удивление, вызванное рассказом Фуртига. Добытые знания передали обитателям Логова для изучения. А группа разведчиков под предводительством Фоскота направилась вниз, в ходы, туда, где Фуртиг оставил похищенные из хранилища записи.

Ку-Ла отправили в оздоровитель. А Фуртиг живо отвечал на расспросы Гаммажа, хотя глаза его непроизвольно закрывались. К своему удивлению Фуртиг понял, что Гаммажа совершенно не волнует появление летающей штуки.

Обитатели Логова уже знали о приземлении корабля Демонов. Его приближение было предсказано, но не людьми, а металлическими слугами, которые умели наблюдать невидимое. Когда предсказатели подали сигнал, Люди обратили на него внимание и высказали несколько предположений о причинах поднятой тревоги. А разведчики, действуя незаметно, пронаблюдали приземление корабля.

Были подготовлены все инструменты и устройства, способные помочь защититься от вторжения Демонов. И одновременно были предприняты все действия для того, чтобы обратить любые последствия визита Демонов себе на пользу.

— Они — настоящие Демоны, — сообщил Гаммаж. И

видя, как устал Фуртиг, добавил. — Выпей отвар из листьев, мой сын по клану. Тебе необходимо согреться и приободриться.

Пока Фуртиг пил из чашки, поданной Лили-Ха, Гаммаж терпеливо молчал. А Лили-Ха не ушла, устроившись в уголке дивана и явно давая понять, что имеет право на участие в разговоре. Она неотрывно смотрела на Фуртига и этот взгляд приводил его в замешательство. Ему казалось, что она смотрит, проверяя, насколько правдив его рассказ.

Запах горячего питья и вправду бодрил, вливая в жилы новый заряд энергии, придавая силу и смелость. На вкус питьё также оказалось отменным. Разлившееся внутри тепло поначалу навело на Фуртига сон, но парочка новых глотков привела его в состояние необычной бодрости. Он отставил чашу, полагая, что еда — не самое важное, а самое важное сейчас — дело.

— Через стёкла, позволяющие близко видеть, мы хорошо разглядели Демонов, — продолжал Гаммаж. — Демоны вытащили из корабля множество деталей. Из этих частей они собрали летающую машину. Но собрали только к вечеру, перед самым наступлением темноты. Поэтому Демоны вернулись в корабль и закрылись там наглухо, предполагая, что снаружи их может подстеречь опасность. Мы заметили четырёх Демонов, хотя их может быть больше, просто остальные не выходят из корабля.

Один из них наутро появился из корабля и вылетел на летающей машине, несмотря на штормовой ветер. Он поднялся в воздух и кружил среди Логовищ, то поднимаясь, то снижаясь, как будто искал что-то. Однако мы не определили ни способ его поиска, ни что именно Демон искал. Откуда нам знать, что у Демонов на уме!

— Он засёк нас, когда мы перебирались через мостик, — вставил Фуртиг. — Но он не стал нападать на нас, просто полетал вокруг, а потом убрался.

— Он вернулся на корабль, — заговорила Лили-Ха. — Вероятно, когда он висел над вами, он понял, кто вы.

Гаммаж задумчиво покусывал кончик ногтя.

— Вы с Ку-Ла доставили целую сокровищницу знаний. Но хватит ли нам времени применить эти знания, неизвестно. Если Демоны захотят вновь поселиться в Логовах, боюсь, мы не сумеем противостоять им.

— Но мы можем вернуться в Пещеры. Точно так же, как когда-то ушли из Логовищ наши предки, на которых охотились Демоны.

— Это шаг, который мы предпримем в последнюю очередь. Как ты убедился, сын по клану, Логова велики. В них много ходов, по которым мы можем перемещаться незаметно. Демоны не смогут угнаться за малым народом по нашим тайным ходам. Демоны слишком велики для них.

— Да, но мы можем оказаться между двух врагов в этих ходах, — высказал Фуртиг мучившее его опасение. — С одной стороны Демоны могут вновь начать охоту за Людьюми. А с другой стороны Крыстоны с удовольствием добьют нас.

Гаммаж снова покусал ноготь:

— А ещё и Лайкеры...

Фуртиг согласен был сколь угодно долго сидеть вот так у Гаммажа, попивая тёплый бодрящий напиток, ощущая, как просыхает мокрая шерсть и разливается по телу тепло. Но ему очень хотелось спать. Даже если Демоны оккупируют ближайший коридор, воину надо иногда спать. И чтобы не заснуть, он отпил ещё немного из чашки. Гаммаж в это время говорил:

— Лайкеры не из тех, кто спокойно простит поимку своего разведчика. В отличие от нас, они сражаются стаей, плечом к плечу. И они отправятся на выручку своего воина всей стаей.

Сказанное Предком не было новостью ни для кого. Убив Лайкера, любой получит в ответ целую команду воинов, рвущихся отомстить за друга. Вот почему Лайкеров так боятся.

А Гаммаж всё ещё говорил прописные истины:

— Лайкеры на охоте ориентируются по запаху. Они

придут на выручку своему воину и выследят Крыстонов. Те, разумеется, уйдут в свои подземные ходы, чтобы скрыться от Лайкеров. Но если Лайкеры появятся в Логовах, они учуют не только Крыстонов, но и нас. Вот почему, едва Ку-Ла выйдет из оздоровителя, он отправится к своему народу и попросит их присоединиться к нам. Он говорил, что его Народ знает о Демонах и о клане, живущем в Логовах. Мы вместе можем придумать, как спасти всё, что добыли. Если нам придётся уйти в Пещеры или другое место для жилья, понадобятся многие для того, чтобы перенести все наши вещи, записи, приборы. Так что Ку-Ла пойдёт в свой клан. А ты, Фуртиг, отправишься к своему клану, в Пещеры. Ты скажешь им, что Зло вернулось, и что для борьбы с ним нужны все воины клана, и что другие кланы стали на путь борьбы.

— Думаешь, они послушают меня, Предок?

— Ты рассуждаешь по-детски, сын по клану. Ты приведёшь доказательства, которые убедят Старейшин. К тому же ты пойдёшь не один.

— Понятно, со мной пойдёт Фоскот, — Фуртиг не стал говорить, что в клане Фоскот имеет едва ли не меньший авторитет, чем сам Фуртиг. Конечно, Гаммаж так давно не живёт в Пещерах, что уже забыл тамошние обычаи.

— Кроме Фоскота, — ответил Гаммаж, — с вами отправится Лили-Ха. Она сама выбрала эту дорогу. Она, как и ты, возьмёт с собой оружие, какого в Пещерах ещё не знают. Вы скажете, что оружие является подарком клану, и что его будет больше, если Старейшины выделяют воинов нам в помощь. Так что твоя, Фуртиг, задача будет нетрудной...

С этим Фуртиг не мог согласиться! Но и возразить было нечего. А Гаммаж продолжал:

— Хорошо бы найти того Лайкера. Если он ещё жив, его следовало бы освободить и отправить назад, к его народу. Это даст нам возможность начать переговоры о перемирии. Иначе они нагрянут в Логова и придётся воевать с ними

вместо того, чтобы всем вместе объединиться против Демонов. Теперь у нас появился общий враг, общий даже с Лайкерами.

Гаммаж снова вернулся к своей излюбленной мечте! Что даже враждующие племена должны объединиться перед лицом общей угрозы. Слушая его, можно было поверить, что все и впрямь так и сделают. Того и гляди, Гаммаж предложит послать парламентария с просьбой о перемирии к самим Крыстонам!

Но Гаммаж не зашёл в своих мечтах столь далеко. Он помотал хвостом и закончил:

— Мы предложим мирный договор Лайкерам. С Крыстонами... Нет, с ними мы не будем вступать в переговоры. Они так же подлы, как и Демоны, всегда были такими. Но всех, кто может объединиться, мы должны просить сделать это. Однако, по-моему, сын клана уже спит, несмотря на то, что глаза его открыты. Лили-Ха, помоги ему!

Фуртиг слышал приглушённые голоса. Чья-то мягкая ладонь коснулась его руки. Он встал и в полусне направился за огоньком лампы, которую кто-то нёс перед ним. Он шёл, пока не добрался до собственной постели, куда и свалился без чувств.

Демоны... Крыстоны... Лайкеры... Сон победил их всех.

Глава 12

— Животные! — едва Айана выговорила это слово, как поняла, что это не так. Да, экране показывал существа, покрытые шерстью. Но они носили пояса, и на поясе у одного болтался лазерный пистолет!

Существо было вооружено, и его оружие было не хуже того, что имелось в арсенале корабля!

Она ещё раз просмотрела доставленную Таном запись. Не хватало освещения, чтобы различить подробности, но чем больше Айана вглядывалась, тем больше находила красноречивых деталей. Это не животные, нет. Но и не гуманоиды.

Некоторое сходство с людьми, тем не менее, обнаружилось. Одно из существ несло груз — сумку или даже две — на спине. Обычно так навьючивают животных. Например, горков с Эльхорна Горк — потомок древних птероящеров, наполовину покрытый бронёй, наполовину оперением, не может летать... Айана почувствовала укол ностальгии при мысли о животных Эльхорна. Но поклажа на спине одного из здешних существ не доказывала, что это существо является слугой человека, подобно горку. К тому же существо несло и лазерный пистолет. На кого же они похожи...

От раздумий её оторвал вопрос Джейселя:

— Так ты полагаешь, это животные?

— Нельзя уверенно сказать об этом. Один из них несёт на поясе лазерный пистолет.

— Вот показания другого регистратора жизненных форм. Там нечто подобное. И в этой записи то же самое, и в следующей, — Масса, просмотрев доставленные записи, вывела на экран карту местности, где были расставлены значки, обозначающие обнаруженные формы жизни. — Вот здесь, здесь и здесь. Различные формы жизни, всего три вида, — и она отметила на карте три знака, жёлтый, красный и синий.

Жёлтая пометка пришлась на здание, где были обнаружены карабкающиеся по мосту комочки. Красный знак отмечал нижние этажи того же здания.

— А синие рассыпаны дальше, по округе! — это вмешался Тан, довольный результатами. Он задал работу компьютерам! А то, что удалось засечь тех двоих на мосту, — частичка самой настоящей удачи. Знаменитой удачи, верной Тану!

Айана взглядела в экран, узнавая привычным глазом медика повреждения тела:

— Существо, которое ползёт первым, ранено, — сообщила она. — У него кровь на шерсти.

Может быть, они сейчас наблюдают фрагмент чужой жизненной драмы, подумала она. Драмы, похожей на те, какие хранились в старых записях. Что, если это двое друзей? Один выручает другого из беды...

— Вот как! — восхитился Тан. — Может быть, они воевали?

Айана подняла глаза, удивлённая интонацией Тана. Тот радостно поблескивал глазами и был явно счастлив.

Чтобы воспитать хорошего поискового разведчика, нужно много терпения. По всем показателям, которые считаются необходимыми, тренеры в своё время выставили Тану высшие отметки. Но этому предшествовало жесточайшее обучение. Тан обогнал других претендентов, успешно прошёл все испытания и добился места в экипаже. Но он уже не был тем Таном, к которому её, Айану, прикрепили для уравнивания.

Айана хорошо понимала, что её место на корабле получено не столько благодаря её умению выполнять работу, сколько благодаря тому факту, что она, Айана, является взаимодействием к Тану. У неё имеется то, чего недостает ему. Джейсель с Массой тоже были подобраны по тому же принципу. Если бы они не дополняли друг друга, их не поставили бы в одну команду, обязанную жить стеснённо на протяжении всего полёта. Их характеры подбирались так, чтобы заранее исключить малейшие конфликты.

Но сейчас в поведении Тана появилось нечто отталкивающее. Тан, прошедший курс выживания, временами шокировал Айану. Он мог спокойно смотреть, как бьётся в конвульсиях чьё-нибудь израненное тело и безразлично рассуждать о причине увечий. Ему словно хотелось пронаблюдать, как же подобные увечья были нанесены. Айана не могла поверить, что это был разум того самого человека, чьё тело она так любила.

Масса, нахмурившись и не обращая внимания на восклицания Тана, заметила:

— Но мы не получили ни одного свидетельства наличия гуманоидных форм жизни. А город, бесспорно, выстроен людьми. Мы сели на специальном космодроме, точно таком же, какой наши отцы построили на Эльхорне. Правда, на Эльхорне космодром не окружён городом. А здешний город столь велик, что даже Тан не успел провести исчерпывающего обследования. Какого мы от него ждали.

Масса покачала головой, словно поддразнивая Тана.

— Ожидали? — возмущился Тан. — Мы ожидали чего угодно! Этот мир заставил Поселенцев с Первых Кораблей сорваться с места и ринуться в космос! Все здешние тайны лежат себе и дожидаются, пока мы их не откроем!

— Кажется, именно от этих тайн, — сухо вставил Джейсель, — наши предки и бежали в такой панике. Так что в погоне за тайнами не следует забывать, что далеко не каждая открытая тайна окажется полезной. Некоторые тайны, возможно, лучше бы вообще не открывать. К тому же, — Джейсель указал на экран, — город обитаем. И ещё следует помнить, что Поселенцы с Первых Кораблей улетали отсюда в таком страхе, что долгие годы спустя держали в секрете само существование планеты.

— У нас такое оружие, какого эти животные и не видели, — нетерпеливо перебил Тан.

Джейсель невозмутимо возразил:

— Животные с лазерными пистолетами? Если эта планета хранит тайны, то большая часть этих тайн уже наверняка находится в руках — или, если угодно, лапах — этих существ. Которые, конечно, захотят сохранить свои тайны нераскрытыми. Мы должны действовать очень осторожно и неторопливо. Или, в случае, когда наша осторожность окажется недостаточной, мы должны прекратить контакты с этим миром.

Джейсель не делал особого упора на эти слова. Но в них всё-таки послышался приказ. Айана очень надеялась, что общее соглашение считать Джейселя командиром удержит Тана от безрассудных поступков, заставит его подчиняться. Пусть тратит свою беспокойную энергию на полёты по городу и больше ни на что.

Казалось, следующий день оправдывал надежды Айаны. К полуночи шторм утих, а рассвет обещал погожий день. В окнах зданий как всегда мерцал свет. А некоторые окна оказались даже не окнами, а целыми полосами стекла по всей длине здания. Лучи восходящего солнца играли на этих полосах.

Тан взмыл на флиттере — на этот раз с целью выяснить, как далеко простирается город. Борт флиттера набили всевозможным оборудованием, собирающим данные для компьютерной обработки. Оставшаяся команда не сразу закрыла люк. Вначале они установили датчики, способные зарегистрировать любое существо, приблизившееся к кораблю. Лично Джейсель настроил и установил систему сигнализации. Закончив работу, он уверенно подытожил:

— Никто не проскользнёт через барьер. Травинка, принесённая ветром, и та заставит сигнализацию сработать.

Айана не спешила уйти в корабль. Она поднесла ладонь к глазам, затеняя солнце, и постаралась разглядеть флиттер в воздухе. Но Тана не было видно. Наверное, он сразу взял курс прочь от космопорта, не тратя времени на облёты в округе.

То пушистое существо, его раненый друг... Наверное, они давным-давно добрались до здания, куда ползли. У них было достаточно времени для этого. Почему-то эти существа показались Айане смутно знакомыми. Вроде бы в свидетельствах поселенцев с Первых Кораблей были какие-то упоминания...

Но эти свидетельства, как правило, давным-давно лишились многочисленных деталей, а именно детали и бывали порой столь важны.

Странное чувство чего-то знакомого снова пришло к девушке, когда она вернулась к себе в каюту. И вернулось с необычной стороны. Ей почему-то стало грустно и захотелось перебрать пакет с дозволенными личными вещами. В её пакете хранилось немного личных вещей, подобранных странным образом, почти безо всякого смысла. Цветок, засушенный между двумя листочками пермапласта, сохранил живость сине-лиловых лепестков. Как в тот день, когда она сорвала его. Обкатанный водой камушек, память о ручье возле её дома на Станции Виви. Камушек представлял собой кусочек горного хрусталя, причудливо вкрапленного в тёмный кусок другого минерала. И ещё в пакете была Котя.

Айана изумлённо уставилась на игрушку. Всегда, от века, по традиции, жившей повсеместно, для детей изготавливали

игрушечных мягких и пушистых зверьков по имени Котя. Айана берегла свою Котю, потому что игрушка была последней вещью, которую для Айаны сделала мать. Мама изготовила игрушку перед самой своей смертью, случившейся от неизвестной болезни, против которой на Эльхорне не знали лекарств. У каждой Коти было четыре ноги, хвост и круглая голова с усами вокруг маленького ротика и ушками торчком. Глаза игрушек изготавливались из пуговиц или из разноцветных камушков. Каждый ребёнок любил и хранил свою Котю. Происхождение Коти вели от детских игрушек, прилетевших вместе с детьми Первых Кораблей.

Однажды Айане довелось увидеть настоящих первых Коть, запечатанных для сохранности в пермапласт. На тех Котях тоже была шерстка.

Котя! Может быть, это ошибка со стороны Айаны сравнивать мускулистое существо на мостике с игрушкой. Но если бы кто-нибудь взялся изготовить подобие того существа из более мягких материалов, чем мускулы и кости, то получилась бы Котя! Айана уже вскочила, чтобы сообщить эту новость Джейселю и Массе, но остановилась, поражённая новой мыслью. Разглядывая Котю, она поняла, что при ближайшем рассмотрении сходства находится всё меньше и меньше. И то, что Айана связала наличие Коть с существованием живых представителей этого вида на планете, не значит, будто у неё есть доказательства толму. Игрушечная Котя и заросшее шерстью вооружённое примитивное существо (если это, конечно, не животное), карабкавшееся между здешних зданий... Нет, никто из экипажа не поверит, что здесь есть какая-то связь. Глупо даже ожидать этого.

Фуртиг поставил тарелку с мясом на колени и изо всех сил пытался проявить за едой хорошие манеры, не чавкая и не набивая рот. Он был зверски голоден, но рядом, поглаживая хвост, прилегла на подушку Лили-Ха. Она еле слышно мурлыкала, словно была погружена в приятное сновидение. Что, впрочем, не мешало ей вылизывать из

шерсти призрачные пылинки. Фуртиг не сомневался, что она не упустит любое его движение. Поэтому он умерил аппетит и постарался управляться с едой так, как это делали обитатели Логова.

Лили-Ха заговорила:

— Летающая штука снова поднялась в воздух. Она не стала летать над Логовом, а направилась к западу. Её заметил Долар и ещё двое разведчиков. Внутри летающей штуки сидел Демон.

— Значит, летающие штуки — не слуги, которые работают сами по себе? — Фуртигу было приятно говорить с Лили-Ха. Уже само её присутствие во время трапезы заставляло его гордиться тем, что он с честью выполнил трудное задание, прошёл через множество приключений, о каких иной воин может лишь мечтать, а потом сумел хорошо отдохнуть и набраться сил для новых рискованных вылазок.

— Похоже, что не слуги, — ответила она. — К тому же летающая штука была собрана из частей, которые Демоны привезли с собой на корабле.

То, что она так подробно объясняет, удивило Фуртига. Он ведь вчера слышал то же самое от Гаммажа! Но Фуртиг вспомнил об этом лишь сейчас. Он поднял глаза, но не заметил во взгляде Лили-Ха никакой насмешки.

— Если Демоны собрали эту вещь из привезённых деталей, — продолжала она, — значит, у нас в Логове должны найтись такие же детали, из которых можно собрать такие же летающие штуки. Гаммаж распорядился начать поиски.

Фуртиг не сомневался, что будь у Гаммажа достаточно времени и средств, он добьётся того, что у людей появится Летатель, скопированный с Демонской штуки. Другое дело, что заставить кого-нибудь из Людей летать в нём будет гораздо сложнее. Впрочем, Гаммаж первый начнёт испытания, это несомненно. Сам же Фуртиг предпочёл бы всё равно путешествовать по твёрдой надёжной земле. И во-

евать, если придётся, тоже на суше. Хотя Летатель обладает бесспорными преимуществами: он может подняться выше любого дерева, на которое взбирается разведчик для лучшего обзора. Летатель может гораздо лучше обозреть всё сверху. Вот как сейчас, когда он летает над Логовищами. С другой стороны, кроме крыши, с Летателя ничего не увидишь. Разве что Демоны изобрели устройство, позволяющее видеть сквозь стены, кто и что находится внутри. Если же у них такого устройства нет, то Летатель имеет преимущество только во время обозрения открытой местности.

Фуртиг проглотил последний кусок мяса и со всей мыслимой утончённостью вылакал подливу со дна чашки. Обитателям Логова жилось неплохо. У них даже бывала рыба к столу. Рыба водилась в маленьких озерах внутри здания (кажется, рыба не была нужна ни для чего иного — только постоянно быть готовой к употреблению в пищу). Кроме того, в Логове имелись помещения, где разводили кроликов и птицу. Их кормили и держали взаперти, пока не возникала необходимость пустить кролика или птицу на еду.

Пещерным обитателям приходилось постоянно заботиться о пище. Хотя, конечно, научись кланы Пещер держать птицу и скот в загонах, в случае неудач на охоте, у клана всё равно была бы еда. Что ж, у Демонов есть что перенимать, есть и чему поучиться у обитателей Логовищ.

Он облизал края чашки, вытер языком губы, собрав последние крошки еды.

— А что с тем Лайкером? — Фуртиг в душе верил, что безумный план Гаммажа заключить перемирие с Лайкерами провалится. Хотя ему было интересно, во что же выльются задумки Предка. Он видел достаточно примеров реализации идей Гаммажа.

— Долар направил туда отряд, оснащённый двумя Грохотунами. Крыстоны очень боятся этих слуг, потому что не знают, как остановить Грохотуна, когда он идёт, руша на своём пути всё подряд. Грохотуны пробьют дорогу для

наших воинов, а те, я надеюсь, освободят Лайкера. Кстати, Фоскот обнаружил твоё хранилище записей. Сейчас их доставляют в Логово. Ку-Ла пока что в оздоровителе. Но скоро он выйдет и отправится к своему клану.

Фуртиг встал.

— И мне пора отправляться в Пещеры.

Он больше не чувствовал себя усталым. И шерсть его уже не выглядела грязной и свалявшейся от пыли, которой было полно в нижних норах. Он застегнул пояс, обратив внимание, что в отдельном отсеке по-прежнему оставалось оружие Демонов — метатель молний. Наверное, было решено, что теперь это оружие принадлежит ему, Фуртигу.

Такое оружие произведёт впечатление на Старейшин. А ещё Гаммаж вчера говорил, что Фуртигу выдадут и другие виды оружия, чтобы убедить Людей клана. Чем скорее Фуртиг проложит свой след к Пещерам, тем лучше, думал он, проверяя, всё ли готово.

— Всё готово, — согласилась Лили-Ха. Её участие в вылазке было вызвано прежде всего необходимостью провести его кратчайшим путём из Логова, проложив след прямо в Пещеры.

Перед выходом Фуртиг отдыхал. Он проспал весь день и поднялся уже к вечеру. Когда по земле поползли тени, в которых легко затаиться, трое разведчиков отправились в путь. Они шли по гулким коридорам, по просторным комнатам, хранившим воспоминания о живших в них и стигнувших Демонов. Лили-Ха шла первой. Плечи её оттягивала поклажа, к поясу было прикреплено такое же оружие, что и у Фуртига, и те же инструменты. Фуртиг и Фоскот шли следом, готовые при необходимости отразить любое нападение.

Хорошо бы подольше оставаться под прикрытием крыш Логовищ, думал Фуртиг. Он никак не мог забыть летучую машину и до сих пор не понимал, почему же Демон не убил их, когда засёк на мостике. Ему абсолютно не хотелось получить с небес смертельный удар. Хотя бы потому, что с земли на такой удар трудно ответить.

Если Демоны умеют видеть в темноте, то даже ночной поход не слишком поможет отряду. Начиная с окраин Логовищ, разведчикам постоянно придётся искать укрытия, а в случае необходимости даже зарываться под землю. Фуртиг хорошо помнил, какое громадное открытое пространство ждёт их впереди — от последних зданий до зарослей, где разведчик его уровня легко скроется. Он уповал лишь на то, что ночь будет облачной и они проскочат.

Наконец Лили-Ха вывела их к окну, из которого уже была видна эта открытая местность. Они добрались до окраин Логовищ. Фуртиг сверился со своим чувством ориентирования на местности. Группа находилась чуть севернее той точки, из которой он вышел, когда пересёк чистое поле по пути в Логова.

Он внимательно разглядывал участок, который предстояло пройти. У самого Фуртига тёмная шерсть, его нелегко будет различить в темноте. Фоскот тоже тёмного окраса. А вот Лили-Ха — другое дело. Мало того, что у неё шерсть серебристого цвета, так ещё и самой шерсти немного, хорошо видна светлая кожа, которую так просто углядеть с высоты.

В ответ на его сомнения она достала какой-то свёрток из мешка за плечами:

— Взгляните-ка, лесные воины!

Она развернула комок непонятного вещества и...

Фуртиг нагнулся, стараясь разглядеть, что же держит в руках Лили-Ха. Но даже его острое зрение подвело, потому что смотреть на это было невозможно. Фуртига затошнило, ему захотелось разорвать в клочья эту мерзкую субстанцию, ложившуюся на Лили-ха. А она разворачивала противную вещь всё шире, целиком закутываясь в неё. Пока, наконец, только голова Лили-Ха не осталась видна из-под покрывала, постоянно меняющего очертания.

— Это ещё один из секретов Демонов, открытый не столь давно. У Гаммажа два таких покрывала, он разрезал надвое одно большое. Спрятавшись в такое покрывало, я

могу спокойно идти где угодно. Никто не может смотреть на эту материю без риска повредить зрение. Так что не беспокойтесь за меня, воины. Пойдёмте, и как можно скорее. Летатель Демонов предупреждает о своём появлении гудением. Если вы услышите его гул, прячьтесь там, где сможете найти укрытие.

— Я буду ждать вас возле деревьев, — добавила она. — Счастливого пути.

Теперь на неё стало совсем невозможно смотреть. Она закуталась в противную материю с головой, и Фуртиг с облегчением отвёл глаза. Он только слышал, как она выскользнула из окна, направляясь вперёд.

— По-моему, у Демонов найдётся ответ на любую трудность, — пробурчал Фоскот. — Будем надеяться, что эти секреты смогут обернуться и против них самих. А Лили-Ха идёт неплохо! Такое прикрытие, как у неё, пожалуй, пригодились бы во время охоты и нам с тобой. Как ты считаешь, брат по клану?

Окно было достаточно широким, они легко сумели выбраться из него. Фуртиг спрыгнул на землю почти радостно. Как приятно было вдохнуть свежий влажный воздух вместо вечной цементной пыли в жилищах Демонов. Он не смотрел вперёд, чтобы не портить глаза сверканием лунного света на маскировочном одеянии Лили-Ха. Вместо этого он вспомнил охотничью выучку и ещё раз проверил ориентацию.

Было нелегко постоянно вслушиваться, не идёт ли звук с неба, ожидая возможного возвращения Летателя. Только добравшись до поросли на краю опушки, Фуртиг облегчённо фыркнул, распрямляясь во весь рост.

— Неплохо мы пробежались, — откликнулся Фоскот. — Но где же наша...

Фуртиг огляделся. Ударивший в ноздри запах не был запахом Лили-Ха. Запах принадлежал Клыкастым, причём неподалеку прошёл не один из них, а несколько. Это удивило Фуртига: Клыкастые не проявляли никакого инте-

реса ни к Логовам, ни к прошлому, они вообще редко появлялись в этих местах.

Между Людьями и Клыкастыми был заключён мирный договор. Два народа жили на одной территории. Но Клыкастые питались корнеплодами и овощами. Правда, сами Клыкастые, представляющие изрядные запасы мяса, вполне годились в пищу Народу. Но связываться с Клыкастыми значило навлекать на себя смертельную опасность, так что их никто не отваживался тревожить, а тем более охотиться на них.

Теперь Фуртиг услышал и глуховатое похрюкивание. Это переговаривались Клыкастые. Никто из Людей не умел говорить на языке Клыкастых, невозможно было повторить их слова, кроме отдельных охотничьих и воинских, часто употребляемых, возгласов. Но Клыкастые понимали язык жестов и могли объясниться на нём.

Что сулит появление Клыкастых — предупреждение? Известно ли им о Летателе? Возможно, именно поэтому они прячутся в тени.

Фуртиг издал длинный вопль, предупреждая о своём приближении. И не дожидаясь, пока за ним последует Фоскот, вступил в полосу густого тяжёлого смрада, обозначавшего место, где расположились похрюкивавшие самцы.

Подойдя ближе, он увидел, что Клыкастые выстроились боевым клином. Опустив большие головы, увенчанные длинными клыками (отчего этот народ и получил своё имя), самцы стояли неподвижно, зорко поглядывая маленькими глазками. Парочка самцов помоложе с правого края рыла землю копытами, что служило предупреждением их готовности вступить в драку.

Фуртиг понял, что перед ним не семья Клыкастых, как можно было бы ожидать. Среди них не было ни женщин, ни детей, одни воины. Отряд возглавлял Старейшина, а в арьергарде толпились несколько юнцов, ещё не основавших собственные семьи. Фуртиг знал этого старейшину Клыкастых, отмеченного широким шрамом через всю переносицу. В отличие от Людей Клыкастые никогда не

пытались ходить на двух конечностях, передвигаясь на четырёх ногах. И у них не было оружия, кроме того, каким снабдила их природа. Но вместе, действуя коллективно и обдуманно, они представляли не меньшую силу, чем воины Пещер или Логовищ.

Фуртиг отметил, что самцы чрезвычайно раздражены и приближался с осторожностью. Неизвестно, что может вытворить Сломанный Нос, будучи в таком состоянии. Фуртиг, не подходя чересчур близко, уселся на землю, обвив хвостом ноги в знак мирного настроения.

Один из молодых Клыкастых недовольно захрюкал. Ещё один копнул землю копытом и обнажил клыки, морща нос. Фуртиг не обратил на них внимания. Командует здесь Сломанный Нос, а не они. Фуртиг немного выждал, демонстрируя, что пришёл не только с мирными намерениями, но и с уважительной причиной, затем вытянул руки и принялся старательно пересказывать, как прилетел корабль Демонов, как появился Летатель.

Один из юнцов снова хрюкнул, но кто-то оттер его плечом, приказывая, чтобы замолчал. Воодушевлённый, Фуртиг стал снова рассказывать то же самое, только медленнее. Ведь сейчас происходил не обычный обмен новостями между двумя племенами. Фуртиг рассказывал привычными жестами о совершенно незнакомых явлениях. Ему явно не хватало жестов для полноты рассказа.

Он повторил рассказ дважды и теперь собирался подождать, чтобы выяснить, понял ли Сломанный Нос, о чём речь. Фуртиг с замирающим сердцем ждал, казалось, бесконечно долго. Хряк-старейшина был совершенно неподвижен. Фуртиг решил было, что рассказал непонятно и зашевелил руками в попытке повторить рассказанное. Но Сломанный Нос хрюкнул, останавливая его.

Из клина вышел один воин, помоложе. Он неуклюже присел на корточки, балансируя так, чтобы передние конечности, увенчанные копытами, оказались свободными для разговора на языке жестов.

Обмениваться новостями было нелегко. Но когда Фур-

тиг наконец выслушал рассказ Клыкастого, шерсть на его загривке встала дыбом и он негодуяще зашипел.

Клыкастые тоже заметили, как прилетел корабль Демонов, хотя саму посадку не видели: Логовища заслоняли. Тем не менее неожиданная вспышка в небе встревожила Сломанного Носа. Он достаточно стар, чтобы понимать, что осторожность и безопасность — две стороны одного явления. Поэтому он отослал женщин и детей в скалистые предгорья, считавшиеся хорошим укрытием. Там есть ущелье с одним-единственным входом, которое легко защитить от нападения. С обороной легко справится даже пара молодых самок, опасных, как и самцы. А сам Сломанный Нос вместе с самцами отправился разведать, что же там за странный огонь. Обследовав края равнины, простирающейся за Логовищами, они решили, что никакой опасности нет, после чего вернулись в скальное укрытие. Но когда вчера днём они собирались покинуть скалы, появился Летатель.

Они все почувствовали себя странно: каждого охватила непонятная слабость. Даже Сломанный Нос не мог объяснить, что это было такое. А из Летателя протянулось нечто, чему нет названия... что-то вроде длинного корня. Этот корень захватил двух детёнышей и поднял их в нутро Летателя. После этого Летатель скрылся.

Сломанный Нос решил выследить обидчика и напасть, отомстив по всем правилам. Он был достаточно разумен, чтобы не нападать сразу, а вначале выследить лагерь врага. И то, что он своими глазами увидел, как Летатель исчез среди Логовищ, потрясло его. Потому что эта местность была для него незнакома, и здесь могло скрываться слишком много опасностей.

Глава 13

— Если они охотятся за Клыкастыми, — подал голос Фоскот, — значит...

Фуртиг снова зарычал. Детёныши Клыкастых — не родные для Людей. Но если сегодня Летатель ловит кого-нибудь из племени Сломанного Носа, то завтра, возможно, будет пойман кто-то из обитателей Пещер, родственник Фуртига.

Он сомневался, что кого-либо из пленников можно будет освободить. Наверное, и старейшина Клыкастых думал так же, зная, что и предпринятая им вылазка против Логовищ окажется бесполезной.

Да, пока Люди в одиночку противостоят Демонам. Но что если идеи Гаммажа, касающиеся объединения, справедливы и для Клыкастых? Фуртиг потёр руками шерсть, стараясь подобрать жесты, необходимые для объяснения.

Но тут он удивлённо услышал враждебное хрюканье со стороны одного их юных самцов. И мгновением позже уловил запах Лили-Ха. Она подошла и села рядом с ним, успев где-то скинуть маскировочную накидку, искажающую размеры. Появление Лили-Ха натолкнуло его на мысль, как объясниться со старейшиной Клыкастых.

Фуртиг принялся медленно жестикулировать, стараясь вложить как можно больше смысла в движения пальцев и ладоней, помогая рисунками на земле. Светила полная луна и прогалинка, на которой они расположились, была залита светом.

Кажется, Клыкастые поняли. «Эта женщина родом из Логовищ. Наряду с другими жителями Логовищ, она исследует тайны Демонов. Это нужно для того, чтобы бить Демонов их же оружием». Закончив речь, Фуртиг, не поворачивая головы, заговорил с Лили-Ха.

— Покажи им что-нибудь, доказывающее мощь обитателей Логова.

На участке почвы, откуда только что отступил Фуртиг, засияло пятно света. Младшие самцы нервно завопили, но Сломанный Нос остался невозмутим. Ему как Старейшине подобало хранить спокойствие и превосходство.

Фуртиг повёл рукой в сторону светлого пятна:

«Это — один из секретов, отобранных у Логовищ, —

объяснил он жёстами. — У нас в запасе много и других секретов. Очень много. Так что Демоны не захватят нас беспомощными. К тому же у них только один корабль, и на нём мы насчитали всего четырёх Демонов».

Молодой хряк зажестикულიровал в ответ:

«Возможно, это разведчики, которые идут впереди целого племени. А за ними явятся многие и многие».

«Возможно. Но мы предупреждены и готовы к этому. Существует множество мест, где можно скрыться. Даже в Логовищах».

Фуртиг потихоньку воодушевился переговорами. Кажется, он сумеет заключить союз с Клыкастыми (исполнив мечту Гаммажа!) раньше, чем достигнет собственного клана и услышит скептические возгласы своих Старейшин.

«Разве в Логовищах не опасно?»

«Опасно. Нижние уровни заполнили Крыстоны».

На этот раз фыркнул Сломанный Нос. Крыстоны всё-таки понятнее, чем Демоны. Даже если Клыкастым не доводилось сталкиваться с Крыстонами напрямую, то уж про их ловушки знали все.

Фуртиг зажестикულიровал, стараясь говорить максимально вежливо:

«У нас мало времени для беседы с Клыкастым Народом. Борьба с Демонами — забота нашего Народа. Нам надо донести эту весть в Пещеры».

Он был прав, Клыкастые предупреждены и теперь могут сами решить, что делать: каждый раз убегать при появлении Летателя или плечом к плечу встать на борьбу. Фуртиг начал последнюю фразу:

«Мы идём к нашему Народу. А вы берегитесь Летателя. Лучше прятаться от него под прикрытием кустов».

Сломанный Нос хрюкнул, отдавая отряду приказ. Самцы послушно развернулись и затопали под нависающие ветви. На поляне остался только старый хряк с переводчиком. Тот сообщил:

«Мы остаёмся здесь, чтобы следить за Летателем».

Фуртиг обрадовался, что Клыкастые выбрали сотрудничество. Их маленькие глазки на больших головах казались подслеповатыми, но на самом деле Клыкастые отличались отменным зрением, к тому же, когда этот клан вступал на тропу войны, более страшного и неистового врага не мог отыскать никто из живущих. Пока они на посту, каждый незнакомец, покидающий Логова, будет обязательно замечен часовыми Клыкастых. И ещё Фуртиг подумал, что даже ничего не имея из оружия, кроме клыков, этот народ будет опасен и самим Демонам, вздумай те ходить по лесу без своих машин, пешком. Несмотря на вес, несмотря на громоздкость, Клыкастые умели совершенно бесшумно пробираться меж зарослей. И умело маскировали собственный запах тем, что подбирались с наветренной стороны, Клыкастые не единожды наголову разбивали Лайкеров в кровавых стычках.

Айана уставилась на тарелку. Из мяса сочился аппетитный сок. Натуральный. Остальные жадно ели: длительное питание по раскладкам полётного «Рациона Е» оправдывало аппетит. Тесты показали, что мясо абсолютно безвредно, а по вкусу такое же, как мясо лучших животных Эльхорна. Однако Айана смотрела на свою порцию с отвращением. Она поднесла к губам кусочек и поняла, что не сможет проглотить его. Да что же такое с нею происходит!?

Тан вовсе жевал и рассказывал:

— Их целое стадо! Теперь у нас всегда будет полно еды, прямо под рукой.

Айана продолжала разглядывать мясо. Оно было замечательно приготовлено; ещё пока мясо жарилось, от него шёл такой аромат, что у Айаны непроизвольно текли слюнки. И ведь ей, как и всем, не терпелось отведать натуральной пищи после многих дней питания корабельным рационом. Она, как и все, мучилась, что мясо готовится так долго.

Тан тем временем говорил:

— Вот что такое настоящая удача. Не успел я вылететь

за город, как наткнулся на этих зверей. На них никто не охотился целую вечность. Поймать одного-двух не составит никакого труда.

Айана вскочила. Она подавляла в себе противодействие, прилагая усилия воли. Но дольше молчать не смогла, слова сами вывалились у неё:

— Но откуда нам знать, что это всего только животные?

Конечно, она сказала глупость. Но ведь обнаружены же те пушистые существа на мосту. Окажись они без оружия, без инструментов, и их можно было бы принять за животных. Но Айана была уверена, что они не животные. Существа, которых они зажарили, внешне сильно отличались от тех пушистых, это верно. Однако, что команда знает о жизни этого мира? Ничего! Тогда как она, Айана может есть мясо, если оно, вполне может стать, ничто иное как плоть разумного существа...

Эта мысль, подспудно терзавшая её очень давно, привела Айану в такой ужас, что она зажала рот ладонями и, оттолкнув Джейселя, ринулась прочь из столовой, на свежий воздух корабельного мостика. Но люк был задраен на ночь. А ей так хотелось вдохнуть свежего воздуха, не смешанного с запахом этого жаркого, которое совсем недавно казалось столь аппетитным, а теперь вызывало лишь отвращение.

Айана открыла задвижки и сдвинула дверь люка, затем высунулась, полной грудью вдыхая ночной воздух. В это время чьи-то крепкие руки схватили её за плечи и втащили внутрь.

— Что ты делаешь? — Тан сильно разозлился. — Выставляешь себя идеальной мишенью?

Всего несколько раз в жизни она слышала в его голосе столько угрозы. Он с силой оттолкнул её подальше от люка и принялся запирать задвижки. Отчаянно моргая, Айана тёрла ушибленную руку. Нельзя, чтобы Тан увидел в её глазах предательские слёзы.

Закрыв люк, Тан обернулся к ней. Во взгляде его сквозила прежняя злость.

— Так зачем ты устроила эту сцену? — казалось, между

ним и ею никогда не существовало ни проблеска добрых чувств.

Его враждебность придала сил девушке:

— Для того, чтобы подтвердить сказанное мною. Мы слишком мало знаем об этой планете. Ты воспринимаешь всех, кого зарегистрировали приборы, как животных. Но они не животные, и ты это знаешь, хотя бы подсознательно. А теперь ты предлагаешь одного из них съесть.

Она увидела, что Тан ещё больше разозлился, и на мгновение умолкла, затем добавила:

— Мы ведь не знаем, кто они!

— Тебя надо лечить,— он проговорил это с ледяным спокойствием, что было гораздо хуже открытой ярости. В подобном состоянии Тан просто не воспринимал каждого, кто пробовал вступить с ним в переговоры. — У тебя не в порядке с головой. Ты видела тушу, которую я добыл. Это туша животного.

Он подошёл ближе и посмотрел на Айану сверху вниз по-прежнему холодно:

— Да, пожалуй, тебе и впрямь пора подлечить мозги. Ведь ещё во время тренировок тебя признали неуравновешенной.

— Откуда тебе это известно? — возмутилась Айана.

Тан рассмеялся, но это был смех злого торжества:

— У меня свои способы узнавать то, что я хочу. Всегда полезно знать слабости тех, с кем имеешь дело. Да, я читал твой тренировочный Эль-рапорт, милая Айана. И неужели ты думаешь, будто я не сумею воспользоваться сведениями, почерпнутыми оттуда, так, как это нужно мне?

Он схватил её за плечи и затряс, демонстрируя одновременно силу мускулов и своей воли. Как будто хорошая встряска могла выбить из Айаны затаённые, но с точки зрения Тана вредные, мысли. «Какой же он... какой же он...» — подумала она.

Айана молчала, но не потому что испугалась Тана, а потому что ей наконец стало понятно, какой же он...

Тан не собирался выслушивать её, он, по-видимому, полагал, что она абсолютно послушна его воле:

— И больше никаких дурацких выходов, ясно? Можешь не есть мясо — если ты решила умереть с голоду, это твоё личное дело. Но чтобы больше я не слышал твоих идиотских мыслей!

Но ведь ни Джейсель, ни Масса не идиоты, подумала Айана. И они-то не обязаны слушаться Тана во всём. Если бы они приняли всерьёз то, что она хочет сказать им. Но сейчас нужно всё хорошенько обдумать. Пускай Тан пока что думает, что взял верх. Впрочем, он, кажется, и без того не сомневается в своей победе. А Тан тем временем уверенно развернул Айану, подтолкнул её вперёд и повёл по лестнице вверх, в каюту. Он вёл её молча, но не отпускал.

Самое неприятное, что ей придётся по-прежнему находиться с ним в одной каюте, подумала Айана. Нынешний ужас перевешивал чувство одиночества, которое раньше заставляло её стремиться к Тану. А теперь Тан не оставит её в покое, она знала это. Оставался только один выход. На корабле есть небольшая медицинская лаборатория, туда никто, кроме Айаны, не имеет доступа. Если она закроется в лаборатории, пока не обдумает всё как следует...

Она взбиралась по ступеням, лихорадочно размышляя. Предположили, Тан думает, что подавил в ней сопротивление. Медицинский отсек находится на один пролёт лестницы выше. Впрочем, вряд ли он сейчас отпустит её туда. И всё-таки она рванулась, добежала до двери отсека и закрыла за собой замок. Она ждала, что Тан начнёт яростно дубасить в дверь снаружи. Но за дверью стояла абсолютная тишина.

Пятясь и прислушиваясь, Айана добралась до кушетки, предназначенной для пациентов. Она смотрела на дверь, но так как её никто не пробовал открыть, Айана расслабилась и села на краешек кушетки.

Она почувствовала слабость, её знобило. Эта стычка напугала её, как не пугало ничто иное. Тан читал её Эль-рапорт! Значит, он знает все её слабые стороны и может использовать это знание, чтобы получить преимущество. Каждый раз её слабость будет использована, чтобы умно-

жить его силу! И её протест лишь даст ему повод предъявить новые требования, несправедливые, но необходимые Тану. Она сыграла на пользу ему! Она целиком в его руках!..

Айана попыталась взять себя в руки и принялась размышлять. Что ж, Тан постарался выбить её из колеи. Поэтому следует не уделять слишком много внимания происшедшему, а сообразить, как себя вести. Во всяком случае, она теперь знает, что из себя представляет Тан. Он совершил ошибку, дав Айане понять, что может контролировать её разум. Она неплохо мыслит, что бы там ни было записано в Эль-рапорте. У неё непредвзятый и конструктивный образ мышления. Значит, пора дать ему поработать, а не добивать себя паникой, страхом и слабостью.

Ей придётся стоять на своём в одиночку, не дожидаясь поддержки Джейселя и Массы. Ведь если уж Тан оказался не тем, кого она когда-то любила и знала, то кому вообще можно доверять? Только себе самой и своему опыту. Айана оглядела медицинский отсек — хранилище её опыта. Не может быть, чтобы здесь не нашлось то, что ей нужно.

Она подняла голову и перестала горбиться, как это делала раньше, словно ожидая удара кинжалом между лопаток. Это была уже не та Айана, которую Тан считал своей собственностью. Это была Айана, принадлежавшая самой себе!

Прогалины хорошо освещала луна, но тропинки в зарослях были почти неразличимы в темноте. Однако Фуртиг легко находил путь по памяти, он шёл так же свободно, как по освещённым тротуарам в Логовах. Эти места служили охотничьими угодьями Народу из Пещер.

Ночь изобиловала звуками. Перекликались ночные птицы, вышедшие на свою охоту, шелестели насекомые, шуршали мелкие зверьки, замирая, учуяв запах чужаков.

Фуртиг дышал полной грудью и с удовольствием ступал по почве, а не по камню коридоров. Он наконец-то шёл в Пещеры! Он радовался каждому уловленному запаху, каждому долетевшему звуку.

Лили-Ха, несмотря на то, что всю жизнь прожила в Логовах, шла быстро, не отставая от двух охотников. Правда, она часто смотрела по сторонам, но это потому, что всё здесь было ей в диковинку. Казалось, окружающее не вызывало у неё никакой тревоги, один чистый интерес.

Они остановились у родника, столь памятного Фуртигу. Решили не только попить, но и поесть — припасы съестного были захвачены из Логова. Каждый ел и прислушивался, не появится ли за лесными звуками равномерный гул Летателя, вышедшего на охоту.

— Если их всего четверо, можно разгромить их, — задумчиво сказал Фуртиг. — Допустим, они разведчики. Если они не вернутся из разведки, их клан поймёт, что лучше не соваться сюда.

— Мы не знаем, для чего они ведут разведку, — возразил Фоскот. — Если они всего лишь ищут новые территории для поселения, и не возвратятся из такого поиска, то для их народа это будет и вправду предупреждением — не соваться.

— Нельзя судить о действиях Демонов по тому поступку, который мы совершили бы, будучи на их месте, — Лили-Ха как всегда говорила со вдумчивостью, присущей обитателям Логова. — Демоны не обязаны думать так же, как и мы.

Фоскот фыркнул:

— Может, они вообще не думают. Вспомни, что говорят старые легенды о последних днях Демонов. Тогда, согласно легендам, Демоны совсем потеряли рассудок, они стали охотиться друг за другом и убивать друг друга. Точно так же, как охотились и убивали наше племя. Кажется, эти четверо прилетевших, взялись поступать точно также. Схватили же они юных Клыкастых — явно безо всякой цели!

— Снова нельзя уверенно говорить, зачем они это сделали, — возразила Лили-Ха. — Может быть, они берут молодых особей, чтобы изучить обычаи мира, с которым они так жестоко расправились когда-то.

— Не думаю, — ответил Фуртиг. Доказать правоту предположений Фоскота он не мог. Но что-то говорило

ему, что Фоскот говорил верно. Фуртиг как будто воочию видел похищение маленького Клыкастого из клана Сломанного Носа. Фуртиг заговорил:

— В таком случае, они должны были поймать меня с Ку-Ла, когда видели нас на мосту.

То, что Клыкастые рассказали о способности Летателя захватывать добычу, паря в воздухе, озадачивало Фуртига. Его и Ку-Ла было очень легко поймать на мосту. Конечно, попытайся Демон поймать их, Фуртиг пустил бы в ход оружие, плюющее молнии. Но почему Демон позволил им скрыться? Может быть, Демон разглядел оружие, плюющееся молниями и не стал ввязываться в драку? Если так, то Гаммаж был прав, приказав раздать оружие как можно большему числу Людей. Это бесспорно преимущество в борьбе.

Лили-Ха словно прочитала его мысли:

— Ты вооружённый воин, а не беспомощный подросток! Что, если Демон не хотел, чтобы жертва доставила ему какие-либо хлопоты, и выбрал наименее опасных, — она вдруг переменяла тему и устало спросила. — Долго ещё до этих ваших Пещер?

— Если мы не сбились с верного направления, то придём завтра, вскоре после рассвета.

Они шли под деревьями, а там, где деревья редели или на полянах, прикрывались ветками. Любой открытый участок преодолевали бегом, прислушиваясь, не раздаются ли звуки Летателя. Но вот Фуртиг услышал переключку первого поста охранников, сменяющихся на вахте. Уже рассветало, их отряд выбрался на возвышенность, за которой, ещё выше, начинались Пещеры. Клич часовых передавался по цепочке от самого дальнего поста до Пещер, пока не достигал Старейшин. Фуртиг не мог понять, узнали ли его часовые, или просто передали сообщение, что идут Люди.

Но тот факт, что они беспрепятственно прошли к Пещерам, говорил о большой чести, оказанной гостям. Пока они шли, часовые и стражники безучастно проходили мимо по своим обязанностям, не трогая отряд. Их никто не остано-

вил до того момента, когда еле дыша, они стали взбираться на последний склон перед Пещерами. Только тут из сухой травы поднялась фигурка, покрытая серой, переливающейся на солнце шерсткой. Она, несмотря на маленький рост, держалась с достоинством и прямоотой.

— Ю-Ла! — на Фуртига при виде девочки нахлынули тёплые воспоминания. Как она помогла ему уйти к Гаммажу, снабдив оружием — когтями, как она верила в него...

— Это ты, брат по клану, — ответила Ю-Ла. В голосе её прозвучала такая усталость, будто она была кормящей матерью не одного поколения малышей. Она перевела взгляд на Лили-Ха и губы её сами собой издали тихое шипение. И Ю-Ла заговорила с таким презрением, словно произносимые слова были ругательствами:

— Какую странную Выбирающую ты привёл с собой, Фуртиг!

Вот чего он не предусмотрел, а должен был предвидеть! Точно так же, как воин поднимает уши и ворчит при виде незнакомого воина, женщина, увидев незнакомку, обязательно зашипит.

— Ты ошибаешься, Ю-Ла, — объяснил он. — Это не Выбирающая. Это Лили-Ха, она родом из Логовищ. В Логовах свой закон, там они могут выбирать только среди своего клана.

Ю-Ла всё равно рассматривала Лили-Ха с не меньшим подозрением:

— Да, она не похожа на Выбирающих из Пещер.

— Твой брат по клану сказал правду, — заговорила Лили-Ха. В её низком голосе слышались мурлыкающие нотки, а тон был очень дружелюбный. — Я пришла не для того, чтобы выбирать из Пещерных воинов. А для того, чтобы поговорить с вашей Старшей Выбирающей о близкой опасности для всех нас. Это очень важно.

Лили-Ха подошла ближе, и Ю-Ла, казалось, вняв её словам, повернулась ей навстречу. Они обе высунули розовые язычки и их кончиками коснулись щёк друг друга — в знак дружбы.

— Пещера, где живёт Ю-Ла, открыта для Лили-Ха из Логова, — провозгласила Ю-Ла. Затем она обратила взгляд на того, кто стоял позади Фуртига. — Но с тобой ещё один незнакомец, Фуртиг!

— Не совсем так, сестричка по клану, — ответил Фоскот. — Когда-то я покинул Пещеры в поисках Гаммажа. Меня зовут Фоскот. Но ты, возможно, не слышала моего имени, потому что уже идёт четвёртый сезон с тех пор как я ушёл из Пещер.

— Фоскот, — повторила Ю-Ла. — Так ты из Пещеры, где живёт Кей-Лин. Старшая Выбирающая упоминала твоё имя.

Фоскот удивился:

— А кто сейчас Старшая Выбирающая?

— Фей-Линг.

— Фей-Линг? Значит, у меня есть близкие родственники в Пещерах! Фей-Линг — младшая сестра моей матери.

Ю-Ла вновь обратилась к Фуртигу и поддразнивающее промурлыкала:

— Ну, а ты, Фуртиг! Узнал все тайны Демонов у Гаммажа?

— Не все, сестрёнка. Только некоторые, — он указал на оружие, метящее молнии. — Но мы принесли вести от Гаммажа, гораздо более важные, чем простой рассказ о тайнах. Мы должны говорить со Старейшинами.

— В Пещерах большие перемены, — поспешила сообщить Ю-Ла. — Теперь у нас два совета Старейшин, потому что с нами объединился западный Народ. Они заняли Пещеры нижнего яруса. С исконных земель их согнали Лайкеры. Западный Народ потерял в борьбе с Лайкерами пятерых воинов и одного Старейшину. Есть опасения, что Лайкеры могут напасть и на нас. У них большой отряд.

Фуртиг жадно слушал. Возможно, теперь Старейшины скорее согласятся с предложениями Гаммажа. Если они поймут, что не смогут отстоять Пещеры даже силами двух объединённых племён, то, возможно, пойдут на переговоры с Логовами.

Надо будет им рассказать и о Демонах и о том, что они сделали с юными Клыкастыми. Может быть, Старейшины согласятся вступить в борьбу. Но почти наверняка без союза с Лайкерами и Логовищами, потому что Логова притягивают и Демонов, и Крыстонов. Хорошо будет, если Старейшины согласятся, или плохо, Фуртиг не мог судить. В конце концов он всего лишь обязан донести до Старейшин предупреждение об опасности.

Он решительно зашагал вперёд. За ним — Ю-Ла. Она то и дело поглядывала на него, словно стараясь разглядеть, что же на уме у соплеменника. Но больше вопросов с её стороны не последовало. Казалось, она радовалась уже тому, что Фуртиг вернулся.

Ю-Ла быстро подружилась с Лили-Ха, и Фуртиг в душе надеялся, что и другие женщины племени воспримут Лили-Ха так же. Если Лили-Ха с тем же успехом убедит женщин Пещер, что не собирается отбивать у них воинов и не представляет угрозы как соперница, то женщинам не с чего относиться к ней враждебно. К тому же в сравнении, скажем, с Фас-Тан, Лили-Ха с её редкой шерстью выглядит непривычно, почти уродливо. Правда, Фуртиг уже привык к виду этой уроженки Логова, ему внешность Лили-Ха казалась даже приятной. Однако, во спасение их задачи, он надеялся, что остальным жителям Пещер внешность Лили-Ха не покажется слишком привлекательной.

Если Лили-Ха и чувствовала превосходство своего положения, то никак этого не показывала. Наверное, она тоже рассудила, что чем некрасивее она будет казаться, чем скромнее, тем быстрее будет принята дружелюбно! Некрасивая, не такая как они, чужая... Впрочем, именно такой Лили-Ха никогда и не была — ни некрасивой, ни чужой.

Айана металась по тесному медицинскому отсеку. Её тело затекло, мускулы ныли. В конце концов она выработала план. Но этот план мог оказаться неудачным, так как зависел от множества случайностей. И большинство этих случайных

факторов вступит в действие только по истечении некоторого времени. Она представить не могла, сколько ещё придётся отсиживаться здесь, размышляя, какие шаги предпримет Тан, и что она предпримет в ответ.

Итак, время и терпеливость. Она должна запастись терпением, это самая безопасная линия поведения. Правда, терпения ей всегда не хватало.

Айана потёрла щёки ладонями. И поняла, что замёрзла и мелко дрожит. Это нервная дрожь, решила она. Ей вдруг захотелось посмотреть в зеркало, чтобы увидеть, как выглядит новая Айана, та, которая знает горькую правду, и которая может жить дальше или умереть — в зависимости от того, как сложатся обстоятельства. Тан больше никогда не увидит прежнюю Айану. Но ведь и он, обращаясь с ней, надевал на себя маску.

Она обвила себя руками, затем, пошатываясь, подошла к шкафчику, вделанному в стену. Она не просто оконечела, у неё кружилась голова, будто весь мир шатался. Она достала из шкафчика упаковку таблеток, положила одну под язык. Ей было совершенно всё равно, что таблетка горькая.

Затем она быстро просмотрела содержимое полка. И наконец нашла то, что искала, — упаковку ампул и флаконы. Найдённое станет её оружием и защитой. Надо только подумать, куда это всё спрятать.

Глава 14

— Вот так обстоят дела.

Фуртиг обвёл взглядом Старейшин, затем всех, кто собрался, чтобы выслушать его. Обитатели Пещер сидели рядами вокруг Совета. Но на их лицах он не мог прочесть ни одной эмоции. В свете лампы, присланной Гаммажем, глаза собравшихся казались оранжевыми, красными или зелёными огоньками. Что ж, по крайней мере посланцев Гаммажа выслушали, а не сразу выставили вон.

Перед ним лежало оружие, принесённое от Гаммажа. Он

продемонстрировал действие каждого образца. Здесь были два метателя молний, ещё одна трубка могла выпускать тонкий луч, от которого мишень покрывалась льдом. Хотя на дворе стоял отнюдь не сезон холодов.

Четвёртый экземпляр несла Лили-Ха, потому что она одна умела с ним обращаться. Это было самое страшное оружие. По счастливой случайности воин мог избежать выстрела из первых двух видов оружия. Однако от оружия, которое демонстрировала Лили-Ха, скрыться было нельзя. Из трубки вылетали маленькие иглы. Рассыпавшись в воздухе, они образовывали что-то наподобие паутины. Они втыкались и обволакивали того, на кого был направлен выстрел, — в данном случае Лили-Ха выбрала мишенью Фоскота. Едва иглы коснулись его тела, как, словно по сигналу, паутина целиком обхватила Фоскота, не позволяя ему даже пошевелиться. Несмотря на то, что нити паутины были едва видны, Фоскот не смог ни растянуть, ни разорвать её. Только когда Лили-Ха разрежала паутину, вся она осыпалась на землю мелкими хлопьями.

Однако, несмотря на демонстрацию достижений, Старейшины оставались невозмутимыми. Остальная публика встревоженно и восторженно шипела и завывала: кто бы мог подумать, что такие вещи есть на свете! Лили-Ха откровенно заявила: эти, показанные чудеса, немногочисленны. Но в Логовах спрятано бесконечное множество чудесных вещей.

На эти слова откликнулся Ха-Ханг, Старейшина из западного племени:

— Ты говоришь, что в Логовах живут другие Люди. Но ты же сказала, что Крыстоны представляют силу и угрожают. И ты сказала, что явился отряд Демонов-разведчиков. Но если Демоны вернулись, лучше всего отдать им Логова. Наши предки спасли свои жизни тем, что удалились в леса, когда Демоны принялись охотиться за ними.

— Не совсем так, Старейшина, — заговорил Фоскот. — Вспомни старые легенды! Нашим предкам удалось скрыть-

ся потому, что Демоны потеряли разум и взялись истреблять друг друга, забыв про наших предков. И прошло много сезонов, во время которых наши предки скрывались и воспроизводили потомство, которое не выживало, прежде чем клан стал достаточно мощным, чтобы перестать убегать и прятаться.

— Но явившиеся ныне Демоны не потеряли разум и не истребляют друг друга. Откуда нам знать, что они не развяжут охоту на нас?

Фуртиг заговорил, не дожидаясь, пока ответит Фоскот:

— Старейшины! В те времена у наших предков не было ни мудрого Гаммажа, ни знаний, отобранных у Демонов нам в помощь, ни оружия. По сравнению с нами можно сказать, что клыки их были коротки, а когти тупы, как у новорожденного. Возможно, прибывшие Демоны — только разведчики. Но зачем бывают нужны разведчики нашему Народу? Вот зачем: мы посылаем их вперёд, когда нужно найти новые места для охоты. Если наши разведчики возвращаются с плохими известиями или вообще не возвращаются — как мы поступаем? Посылаем разведывать новый отряд. Но не в том направлении, оказавшемся ловушкой! Несомненно, сегодняшние потомки Демонов преодолели безумие и желание уничтожать всё вокруг себя, подобно тому, как мы преодолели страх перед Логовами. Однако легенды самих Демонов об этом их прежнем мире наверняка содержат старую угрозу: в них должно говориться, что в этом мире на каждом шагу подстерегает опасность. И если разведчики Демонов не вернутся, то остальные...

Это был лучший аргумент его речи, факт, понятный каждому жителю клана.

— Демоны, Крыстоны... А Гаммаж хочет, чтобы мы все, и Пещерные кланы и прочие, объединились и воевали с ними! — это заговорил Фал-Кан. Он почти рычал, и на его слова слушатели тоже отзывались рычанием. — Может, Гаммаж предложит мирный договор и с Лайкерами?

Тут вмешалась Лили-Ха. По праву Выбирающей она

могла говорить, не опасаясь, что её перебьют. И даже Фал-Кан не осмелился зашипеть на неё, чтобы она замолчала.

Лили-Ха протянула вперёд ладонь с необычайно длинными пальцами и указала на Старшую Выбирающую, сидевшую рядом с Фал-Каном и державшую у груди рождённого недавно малыша.

— Скажи, Старшая Выбирающая, ты хотела бы, чтобы твой младенец пошёл на корм Демонам? Чтобы они съели его как мясо?

При этих словах поднялся рёв, засвистели в воздухе хвосты, самцы прижали уши, а воины помоложе выставили когти, явив готовность к сражению.

— А ведь Клыкастые тоже думали, что им ничего не грозит. Кто из вас осмелится отобрать малыша у мамыши-Клыкастой?

Обрисованная картина повергла всех в немоту. Каждый знал, что во всех лесах нет воина страшнее и яростнее, чем самка-Клыкастая, когда её детёнышу что-либо угрожает.

— А Демоны, — продолжала Лили-Ха, — похитили детёнышей Клыкастых. Погрузили их на Летящую штуку и увезли прочь. Так можете ли вы утверждать, будто находитесь в безопасности в лесах, если Летатель Демонов может, когда ему захочется, напасть на вас или даже убить таким оружием, как это. В Логовах есть тайные ходы. Они узки, Демонам в них не пройти. Наш единственный шанс победить Демонов — это уничтожить их тем же способом, каким они уничтожали когда-то нас. И бороться с ними надо сейчас, пока их мало. Кстати, почему вы воюете с Лайкерами, но не воюете с Клыкастыми?

Никто из Старейшин не успел ответить на вопрос Лили-Ха, потому что в беседу вступил Фуртиг. Он адресовался большей частью к молодым воинам, не успевшим стать блюстителями вечных обычаев.

— Почему мы воюем с Лайкерами? Да потому что Лайкеры, как и мы, питаются мясом. Угодий же для охоты не так уж много. А Клыкастые едят траву и коренья, эта

пища нам не подходит. Но если вам встретятся одновременно Лайкер и Демон, кого вы предпочтёте убить первым? Если, конечно, будет хоть один шанс убить их. Вот и Гаммаж говорит, что в первую очередь надо избавиться от Демонов, потому что этот враг страшнее. К тому же в Логовах много пищи, из-за этого нет смысла воевать с Лайкерами. Что касается Крыстонов, то они вредят везде одинаково, и в Логовах, и в лесах. Против них приходится сражаться постоянно.

Причём от Крыстонов может быть ещё больше вреда, потому что они тоже охотятся за знаниями Демонов, какие нужны нашему народу. Так говорит Гаммаж. Кто захочет, чтобы в небе появились Летатели, управляемые Крыстонами, чтобы с этих Летателей Крыстоны ловили себе в пищу наших детей, Выбирающих, воинов?

Фуртиг поддал ногой остатки смирительной паутины, показывая, как Крыстоны будут ловить. До всех дошло, что он имел в виду, и вопли протеста стали ещё громче. Воевать с Лайкерами — это понятная сторона жизни, к тому же здесь противники уважают друг друга. Но Крыстоны другие: при одной мысли о них во рту появляется отвратительный привкус. К тому же в некоторых легендах говорилось, что когда-то Люди и Лайкеры жили вместе, будучи вынужденными находиться в рабстве у Демонов в Логовах. Но Крыстоны для обоих народов — Людей и Лайкеров — от века были просто добычей.

— Значит, ты говоришь, Демоны опасней Лайкеров? — заговорил Ха-Ханг. — Но наших воинов убивают не Демоны, а Лайкеры. И кто такой для нас детёныш Клыкастых?

Челюсть Ха-Ханга с одной стороны когда-то лишилась переднего клыка, а уши его были исполосованы шрамами. Совершенно ясно, что это Старейшина-воин, а не Старейшина-мудрец, решил Фуртиг.

В ответ на речь Ха-Ханга Фал-Кан разразился аплодисментами:

— Отменно сказано!

Фуртиг понял, что они проиграли. Причём нельзя сказать, что Старейшины неправы, проявляя осторожность. Он и сам не знал, чью сторону занять до того самого момента, как не услышал про схваченного детёныша Клыкастых. К тому же тогда, на мостике между Логовами, во время облёта их Демонской машиной, Фуртиг испытал такой ужас, что теперь хотел рассказать каждому из собравшихся, насколько страшна атака Летателя с воздуха.

Да, клан может укрыться в Пещерах. Но что если Демоны выставят патруль, и Людям невозможно будет куда-нибудь выйти из Пещер? Что если Летатель сядет прямо на скалы перед входами в Пещеры? Фуртиг наконец проникся идеями Гаммажа: от Демонов можно ожидать чего угодно.

Но тут встала Выбирающая из Пещеры Фал-Кана. Она сама состояла в родстве с Гаммажем.

— Дело не только в том, как защитить Пещеры и как укрыться в них. У нас тоже есть малыши. И если мы не сможем защитить их, как не сумели защитить самки Клыкастых...

— Клыкастые живут на равнине, а мы в Пещерах! — рыкнул Фал-Кан.

— Так вот, если мы не сумеем защитить, — продолжала Выбирающая, — то, по-моему, надо прислушаться к тому, что говорит Выбирающая из Логова. Наши дети не смогут вечно жить в Пещерах. Пусть Выбирающая из Логова расскажет, как они там заботятся о своих детях, как защищают их. Пусть расскажет, какие у них есть знания, чтобы лучше воевать. Ведь это интересно каждому воину.

На этот раз Фал-Кан не стал перебивать её речь.

И Лили-Ха начала рассказ. Она говорила не о сражениях, не о том, какая в Логовах нужда в воинах. Она просто рассказывала о жизни в Логове, какой она видится Выбирающей. Она рассказала о том, какие методы лечения были открыты, как Выбирающие, ожидая малышей, проводят время в оздоровителях, как дети, рождённые в оздоровителях, растут крепкими и очень умными, развиваясь чрезвычайно

быстро. Лили-Ха рассказала, как пополняются запасы пищи, рассчитанные на случаи неудачных охот: в Логове не бывает голода. Она рассказала столько, чтобы Выбирающие поняли: в Логовах каждая из них может сделать свою жизнь интересной и не столь тяжёлой.

Многое из того, что упоминалось в рассказе Лили-Ха, Фуртиг видел в Логове собственными глазами. Но были и детали, какие могла рассказать только Выбирающая, адресуясь к другой Выбирающей. Таких речей Выбирающие обычно не ведут прилюдно, поэтому Старейшины недовольно заёрзали, думая, не указать ли на нарушение обычаев. Однако Выбирающие — а кто чтит обычаи прилежней Выбирающих! — заворожено слушали. А вскоре и воины, как заметил Фуртиг, увлеклись описанием жизни в Логовах.

Лили-Ха говорила прекрасно, это признали все. В первом ряду среди Идущих-к-Выбору сидела Ю-Ла. Она то и дело переводила взгляд с почти безволосого лица Лили-Ха на Выбирающих из клана. Фуртиг в свою очередь тоже смотрел — то на Лили-Ха, то на Ю-Ла. И вдруг он поймал взгляд Фоскота!

Наверное, Фоскоту не было в новинку то, что рассказывала Лили-Ха. Потому что Фоскот абсолютно не слушал. Подавшись вперёд, он неотрывно глядел на Ю-Ла! И на лице его появилось выражение, весьма знакомое Фуртигу. Точно так же он сам, оказавшись среди Тех-Кого-Не-Выбрали, смотрел, как идёт мимо Фас-Тан. Помахивая хвостиком и глядя сквозь них, она шла и как бы говорила: вы, Те-Кого-Не-Выбрали, не существуете для меня, вас нет в моей жизни.

Ю-Ла... Но ведь она ещё совсем ребёнок! Ещё целый сезон, прежде чем она встанет в ряд с Выбирающими. Фуртиг посмотрел на Ю-Ла с непривычным удивлением. Нет, она уже не ребёнок. Это он заметил ещё в момент их встречи по возвращению в Пещеры. Однако то, что Ю-Ла выросла, не произвело на Фуртига особого впечатления.

Но ведь она скоро станет Выбирающей! Фуртиг предста-

вил, как налетевший демонский Летатель забирает Ю-Ла, и чуть не зарычал вслух. Он сжал кулаки и зацарапал воздух, словно у него на руках были надеты охотничьи когти.

Однако времени обдумать эту тему у него не оказалось: Лили-Ха умолкла, зато заговорила Старшая Выбирающая.

— Сёстры по крови! Нам предстоит очень многое обдумать. Старейшины, Воины и Те-Кого-Не-Выбрали! Народ Пещер пока не может дать точного ответа, что делать: одно или другое. Мы не готовы решать.

Никогда в жизни Фуртиг не слышал, чтобы Выбирающая говорила так смело. Но Старейшины, наверное, сласшали такое, потому что ни один из них не возразил против принятого Старшей Выбирающей решения. Слушавшие начали расходиться. Выбирающие держали путь в Пещеры. Лили-Ха направилась к Старшей Выбирающей.

Фуртиг и Фоскот принялись собирать разложенное для демонстрации оружие. Собрав его, они последовали в темноту, шагая бесшумно и не привлекая к себе внимания. Стоявший на освещённом лампой пятачке часовой сделал вид, что не заметил ни Фуртига, ни Фоскота.

Фуртиг шёпотом спросил:

— Как ты думаешь, Лили-Ха сумела убедить их?

— Откуда я знаю, что у этих женщин на уме, — ответил Фоскот, потуже затягивая завязки на сумках. — Но если случается, что под угрозой жизнь всего народа, и особенно детей, то решения принимают Выбирающие. И если Выбирающие Пещер решат, что в Логовах безопаснее, чем в Пещерах, то всё племя должно будет отправиться к Гаммажу.

Понимает ли Тан, что находясь здесь, в медицинском отсеке, Айана получает некоторое преимущество? Айана присела на кушетку. Она понятия не имела, сколько времени проспала. Но проснувшись, девушка поняла, что страх и отчаяние больше не мучают её. Может быть, она оказалась такой беспомощной перед Таном именно потому, что её

вырастили, воспитали и обучили с целью быть его половиной и взаимодополнением?

Впрочем, если её готовили к этому, то подготовка не удалась. Отныне и навёки она, Айана, будет сама собой, будет думать и решать самостоятельно. Она — не приложение к Тану.

«Как же я могла... — думала Айана, вспоминая годы на Эльхорне, полёт на корабле, — как же я могла... Словно спала, а потом проснулась. Но ведь и Тан изменился!» И теперешний раскол между ними произошёл не столько из-за перемен в ней, сколько потому, что переменился он.

Она помнила его смелым, не боящимся трудностей, целеустремлённым и любознательным. Теперь все эти черты усилились и стали отрицательными, превратившись в нетерпимость и жестокость, которых раньше не было и в помине. Словно долгий путь к миру, который они искали, повлиял на него в худшую сторону. А может, и на неё повлиял?

Но если это так, то как чувствуют себя Джейсель и Масса? Переменились ли они в результате полёта? Если да, то получается, что их единой, тщательно притёртой друг к другу команды больше не существует. Как же им теперь работать, как выполнять обязанности?

Тут Айана обнаружила, что рядом с нею на кушетке лежат упаковки таблеток. Она сама вытащила их из шкафчика и положила рядом, прежде чем задремала. Чего же ей хотелось на самом деле — спрятать яд или принять его? Кажется, стычка с Таном вывела её из равновесия значительно сильнее, чем она сама предполагала. И это несмотря на всю психологическую подготовку.

Но если она, медик, в момент страха, угнетённости духа, депрессии, оказалась способна, вопреки клятве служить на благо жизни, вооружиться отравой, на что могут решиться остальные члены команды? Ей надо уничтожить таблетки, чтобы впредь, если в голову придёт мысль покончить с собой, нечего было глотать.

Впрочем, таблетки могут приносить как вред, так и

пользу, так что, пожалуй, лучше оставить их лежать как лежали. Комплект препаратов был специально подобран для полёта, и если таблетки пропадут, их нечем будет заменить. Лучше не уничтожать их, а спрятать.

Никто не знал медицинский отсек с его потайными местечками лучше, чем Айана. Она тщательно осмотрелась, выбирая тайник поукромнее. Наконец она нашла подходящую нишу и спрятала в неё пакет с медикаментами — за обшивку.

Спрятав, Айана решила вернуться к своему мучителю. Когда-нибудь ей ведь всё равно пришлось бы покинуть безопасный отсек и выйти наружу. Может, ей удастся объяснить своё затворничество внезапным приступом эмоциональной нестабильности, показав всем, в том числе и Тану, что теперь всё позади, она в полном порядке, спокойна и тверда.

По пути в свою каюту она не встретила никого. Внутри корабля вообще не было слышно ни звука — Айана дважды останавливалась, чтобы прислушаться. Без привычной вибрации работающих двигателей тихий корабль казался выключенным из привычного течения событий, казался безжизненным, а многочисленные отсеки — пустыми.

«Так тихо, словно все умерли!» — вдруг подумала Айана. Она закусила губу: внутри снова поднимался страх, предупреждая, что он никуда не делся. Да что же это с ней!

Она так и не придумала никаких возражений против обвинений, которые, возможно, предъявит ей Тан, предъявят остальные. Пусть сначала выскажутся. Девушка даже не знала, осталась ли она сама собой в этом новом мире. Возможно, что-то на этой планете повлияло на её разум, выбило её из привычной жизненной колеи. Пожалуй, так думать было утешительней, чем сознавать внутри себя страшную, сводящую с ума ненормальность по сравнению с другими.

В каюте тоже было пусто, и кроме того отсутствовал защитный костюм Тана. Значит, Тан ушёл. Но — куда?

Айана поднялась в рубку управления. Там тоже никого не было. Куда же они все делись, оставив её одну? В пустом корабле, на планете, откуда их предки скрылись после такой

катастрофы, о которой не рискнули даже оставить упоминаний...

Почти падая, она сбегала по трапу вниз, в каюту Джейселя и Массы. По пути она учуяла запах пищи и заглянула в кухонный отсек. Там за столом сидела Масса, держа на коленях миску с горячим питательным составом. Никаких следов мужчин в столовой...

— Масса!

Та подняла глаза, и Айана поразились её виду, забыв, что хотела расспросить, где же мужчины.

Масса была старше Айаны на один или два планетарных года. Но вокруг неё всегда витал ореол такой уверенности, что само её присутствие, несмотря на привычную неразговорчивость, успокаивало. Возможно, отборочная комиссия признала её годной к полёту именно из-за этого свойства, полезного для команды.

Масса всегда держалась замкнуто и умела поставить кого угодно на место. Наверное, Джейселю это не мешало, когда он оставался с Массой наедине. Но Айана, всегда потихоньку завидуя Массе, ни разу не видела, чтобы та в чём-либо хотя бы однажды выступила против Тана.

Однако сейчас Масса не выглядела как обычно, невозмутимо-спокойной. Она будто не спала всю ночь, и глаза её были красными и запавшими, как после долгого плача. Она взглянула на Айану с нескрываемой ненавистью.

Но именно враждебность в качестве хоть какой-то эмоции пробила стену равнодушия между двумя женщинами. Может быть, Масса тоже поняла, что Джейсель стал другим?

— А где Тан и Джейсель? — Айана проскользнула вдоль пищевой установки, налила себе миску питательного состава. Она старалась не обращать внимания на настроение Массы. Более того, сам факт, что Масса тоже нервничала, действовал на Айану успокаивающе.

— Она ещё спрашивает! Что ты сделала с Таном? Он стал просто неизменяемым!

— А что с ним?

— Он уговорил Джейсея пойти с ним! Пешком, без флиттера! Может, они уже куда-нибудь попали. Тан же совсем неуправляемый!

Масса высказала самое худшее, что думала о коллеге. Айана при этих словах едва не поперхнулась пищей:

— Пешком?!

Двое, в огромном массиве пустых зданий! Они могут заблудиться или попасть в западню.

— Вот именно, пешком! — подхватила Масса. Она посмотрела на циферблат настенного хронометра и добавила. — Они ушли два полных цикла назад.

— Но почему ты не свяжешься с ними через переговорное устройство?

Масса указала на вмонтированную в стену панель: «Автосигнал включён. Однако они уже полцикла молчат. Я повторяла вызов, но никто не отзывается. Если они заговорят, мы тут же услышим».

— Значит, по сигналу можно будет запеленговать их местонахождение, — заключила Айана.

— Да. Но какая от этого польза? Стоит ли нам идти следом? Как раз это я и обдумывала, — Масса упёрлась в стол локтями и опустила подбородок на ладони. Затем безразлично повторила. — Это я и обдумывала, пытаясь решить. Если мы оставим корабль и выйдем следом за мужчинами, то нас могут поймать те ужасы, что подкрадываются по ночам.

— Какие ужасы?

— Рано утром Тан вышел и собрал записи аппаратуры слежения. Записи не очень чёткие, но можно было различить какой-то вид мелких живых существ. Они появились на открытом пространстве между зданиями и просигналили старинным опознавательным кодом, но смысл их послания остался непонятен. Там, где они появились, не было места, чтобы посадить флиттер, поэтому Тан с Джейселем отправились к этим существам пешком. И вот что я хочу сказать: те существа — не люди!

— Но выйти пешком, значит, нарушить всё, чему нас учили! Это противоречит правилам безопасности!

Масса пожала плечами:

— Кажется, Тан решил, что старые правила не годятся на новом месте. Он пришёл и стал уговаривать Джейселя. Не оценивать обстановку, а именно уговаривать. Он заявил, что Джейсель не почувствует себя мужчиной до тех пор, пока не вступит в контакт с теми существами, пока не выйдет им навстречу. Я пыталась отговорить их, но ни тот, ни другой не стали слушать. Их словно обоих подменили, они перестали быть теми членами экипажа, которых я знала. Но знаешь, Айана, порой мне кажется, что и я стала другой. Может быть, этот мир изменяет нас?

От прежнего спокойного достоинства Массы ничего не осталось. Глаза её, обращённые к Айане, испуганные и усталые, бесцельно перебегали с предмета на предмет. Значит, Айана была не одинока в своих опасениях: Масса чувствует то же самое! Этот мир изменяет людей на свой непонятный лад, и по сравнению с тем, какими они были, изменяет в худшую сторону.

— Если бы мы только знали, — медленно начала Айана, — почему Первые Корабли улетели отсюда. Может быть, мы сейчас лицом к лицу сталкиваемся с той же самой причиной? А как нам защититься, если мы даже не догадываемся, в чём опасность? Война с пушистыми существами, которых Тан засёк на мосту? Или с другими существами, которые сегодня вызвали Тана неизвестно куда? А может, какая-нибудь болезнь? Здесь может быть опасным что угодно.

— Я знаю только то, что Джейсель стал другим. И Тан больше не похож на себя. Я сама порой не понимаю себя. Ты квалифицированный медик, Айана. Здешний воздух, как показывают приборы, вполне безопасен. Но вдруг в нём всё же содержится какой-нибудь ядовитый газ, медленно отравляющий нас? Или действует что-то другое? Прячущееся, скажем, в тех зданиях, вытянутых рядами, как рёбра скелета в незасыпанной могиле, которую оставили такой в назидание. Может быть, что-то там заставляет нас сходить с ума? — голос Массы задрожал, она заломила пальцы. Айана остановила её:

— Масса! Не придумывай, чего нет!

— Почему это — нет? И что именно есть, а чего нет? Разве я придумываю, говоря, что Джейсель потерял остатки здравого смысла, выйдя в погоню за теми призраками возле зданий? Джейсель последовал за Таном, а значит, оба они поступили безо всякого разумного резона. Как можно говорить, что этого нет, что я это придумываю!

— О, конечно, ты не придумываешь! — Айана старалась говорить ровно и убедительно. — Однако ты ведь не можешь сейчас помочь им. Разве что...

Она не успела придумать, что может предпринять Масса, чтобы помочь, потому что в этот момент ожило переговорное устройство и они обе замерли, глядя на него и вслушиваясь в каждое слово еле слышимого сигнала.

«Требуется... медицинская помощь... Айана...»

— Джейсель! — рванулась Масса. — Он ранен!

— Нет. Это не Джейсель ранен. Джейсель ведёт передачу, разве ты не узнала его, Масса? А раз он говорит с нами, значит, помощь нужна не ему.

Радиоголос лишает индивидуальных особенностей. Но за время подготовки на Эльхорне вся команда так долго практиковалась в связи через переговорные устройства, что каждый научился различать, кто ведёт передачу по скорости речи.

Значит, Тан, которого кто-то или что-то из этого мира заманило подальше от корабля... попал в беду. Иначе Джейсель не вызвал бы её, Айану. Что ж, от неё ждут действия, и она знала, что делать.

— Поймай направление, — приказала она Массе. — Возможно, мне понадобится твой сигнал, чтобы взять ориентир по возвращении назад.

— Но я тоже пойду!

— Нет! Им нужен медик. А корабль нельзя оставить без присмотра. Твоё место здесь, Масса.

Кажется, Масса хотела возразить, но не стала. Только плечи её понурились, и Айана поняла, что убедила коллегу.

— Я возьму с собой переговорное устройство, маленькое,

поясное. Масса, подготовь его для меня, пока я одеваю защитный костюм!

— Но что, если там западня?

Айана решила, что реальности надо смотреть в лицо.

— Значит, придётся идти в западню.

Глава 15

Стояло безоблачное утро, ничто не предвещало ни дождя, ни шторма. Солнце грело. Даже, пожалуй, припекало, особенно на оплавленных полосах, оставшихся после некогда стартовавших кораблей. Айана двигалась к громоздящимся впереди серовато-белым громадам зданий. Ей было тяжело нести полный комплект медицинской аппаратуры первой помощи вкупе с исследовательскими приборами и переговорным устройством, которое она использовала и как компас.

У тех, кого она отправилась искать, было такое же переговорное устройство, по его сигналам Айана и ориентировалась. Как долго ей придётся искать, она не знала. Инстинктивно ей очень хотелось припустить бегом, но разум говорил, что безопаснее передвигаться медленно, не привлекая излишнего внимания. Сообщений от Джейселя больше не поступало, но оставшись на корабле, Масса немедленно регистрирует любой новый сигнал, а затем передаст его Айане. Правда, Айана почему-то была уверена, что сообщений от Джейселя больше не будет.

Девушка подошла к зданию с подозрительно тёмными окнами. Она всей кожей чувствовала, что за ней кто-то следит. Но чтобы добраться до места, на которое указывал пришедший от Джейселя сигнал, надо было преодолеть все на свете страхи.

Издали казалось, что здания образуют вокруг посадочного поля сплошную стену, однако вблизи стало видно, что между двумя зданиями в нужном направлении убегала узенькая и извилистая улочка. Сделав шаг-другой, Айана уже не могла видеть за спиной корабль, закрытый домами. Но сигналы

переговорного устройства гнали её вперёд. Она шла правильным путём.

В начале улицы мостовую сплошь покрывали песок и глина, принесённые ветром. Дальше по улочке ветер не мог проникнуть и было довольно чисто. С обеих сторон на первых этажах зданий не было ни окон, ни дверей, только гладкие стены, как в крепости. Однако выше окна выходили на улочку. И только когда Айана дошла до перекрёстка с другой улочкой, появились здания с окнами и дверьми на уровне земли. Двери были захлопнуты, и Айана не пробовала открывать их. Сигналы переговорного устройства вели её дальше, за угол, через улицу, в глубь города. Она подумала, что на Эльхорне последние двести лет гордились умением строить города. Но по сравнению со здешними, эльхорнские города казались не более чем пирамидками из детских кубиков. И всё же здешнее великолепие пришло в такой упадок!

Следов какой-либо катастрофы вроде войны или стихийного бедствия нигде не осталось. Просто в городе стояла необычная тишина. Да, тишина, но не пустота! С каждым шагом Айана ожидала, что спрятавшиеся живые существа покажутся, перестав быть невидимыми и неслышимыми. У Айаны не было с собой детектора жизненных форм (его унёс Тан), но она знала, что здесь кто-то есть. Она постоянно держала руку на рукояти паралазера, внимательно глядя по сторонам и ожидая, что вот-вот, из того подъезда, из той двери...

Она вновь свернула за угол — так велели сигналы. И замерла. Впереди что-то прошелестело! Айана была уверена, что это не игра воображения: она успела краешком глаза уловить движение за одной из дверей. Инстинктивно она понимала, что лучше всего убежать отсюда прочь. Но сигналы переговорного устройства подгоняли: где-то совсем рядом Джейсель и Тан, или один из них, слали ей вызов. Так что необходимость перевешивала инстинктивную осторожность.

Девушка шла по самой середине улицы, подальше от стен. Открытое пространство давало ей хоть небольшое, но преимущество. Так она дошла до двери, в которой заметила

движение. Дверь была приоткрыта и за ней ничего не шевелилось. Она не стала заглядывать внутрь, только содрогнулась, пройдя мимо и оставив это неизвестное существо за спиной.

Пришлось пересечь ещё одну улицу, и тут Айана впервые увидела нечто, совершенно отличающееся от монотонной серости остальных улиц. Настоящие заросли, множество растений, слегка подёрнутых увяданием осени. Громадные ветви свисали с прямоугольников металлических решёток. Вглядевшись в ржавые прутья, Айана поняла, что перед нею заросший каркас разрушенного здания. Даже если здесь когда-то была не только арматура, лианы, побеги и прочая зелень обвели это здание до скелета.

Большинство растений уже умерло, но из-под высохших корней и листьев поднимались новые побеги. Но здесь царила не зелень, а скорее сероватые оттенки, словно не растения, а призраки растений пустили корни и разрослись.

Сигналы вели её прямо в середину зарослей. Как пробраться сквозь толику растительности...

Она растерянно шла вдоль края зарослей в поисках входа. И вскоре обнаружила еле приметную тропу, выжженную среди густой стены зарослей. Зачем тому, кто проломил этот ход, подумала Айана, потребовалось продираться именно здесь?

И ещё ей очень не понравились две лианы, свисавшие прямо над просекой, обе призрачно-серого цвета, толщиной в два пальца. Они образовывали две петли и выглядели так, словно висят здесь давно, хотя вряд ли они могли вытянуться раньше, чем полдня назад.

Натянув защитные перчатки и удостоверившись, что незащищённых участков тела не осталось, Айана стала пробираться по тропе, раздвигая ветви. Те легко обламывались, оказавшись полыми трубками, из которых начинали сочиться красноватые струйки сока. Тошнотворный запах гниения был так силен, что Айану едва не стошнило. Обломанные лианы сворачивались, убегая обратно в толщу растительной стены, из которой их выдернули. Айана заставляла себя идти вперёд, не обращая на них внимания.

При каждом шаге ботинки погружались в мягкий перегой,

испускавший фонтанчики пыли. Вскоре она стала задыхаться от этого запаха и вынуждена была надвинуть на лицо защитную маску. Она и представить себе не могла, что же здесь было раньше. Разве что обвитые лианами столбы — бывшие опоры для существовавшей когда-то крыши.

Она несколько раз перерубала лианы, загоразживавшие дорогу. Это было нетрудно, потому что растительность не сопротивлялась. И всё равно Айана испытывала такой ужас от каждого контакта с растениями, что даже в защитных перчатках еле-еле заставляла себя касаться этих ужасных лиан.

Наконец она забралась в самое сердце этого сада ужасов, если, конечно, его можно было назвать садом. Перед ней открылось прямоугольная широкая нора, ведущая куда-то вниз. По краям, как ни странно, совсем не было зарослей. Скорее всего это был вход куда-то, а не случайный провал: края отверстия кто-то аккуратно выложил камнем. И — никаких лиан.

Сигнал звал вниз, в ход. Айана зажгла наручный фонарик и осветила внутрь норы. Какое-то помещение... До пола было не слишком высоко. Если она повиснет на руках, то сумеет спрыгнуть вниз. Правда, костюм помешает прыжку, но выбирать всё равно не приходилось.

И она спрыгнула вниз. Вскочив на ноги, девушка осветила вокруг фонариком и обнаружила, что во всей комнате есть лишь одна дверь, за ней начинался коридор, куда Айана и отправилась.

Что могло заманить сюда Тана и Джейселя, думала она. За чем они погнались? Ей всё сильнее чудился запах западни. Но ведь Джейсель вызвал её сюда. А он не стал бы подвергать ни её, ни Массу откровенной опасности. Впрочем, возможно, на соображения Джейселя больше не следует полагаться.

Под землёй сигналы стали громче и настойчивее. Судя по ним, она на была верном пути, близка к тому, чтобы спасти коллег. Тем более, что повернуть назад всё равно было невозможно.

Она держала фонарик в одной руке, в другой наготове паралазер. И тут девушка замерла, напряжённо вслушиваясь.

Впереди послышался странный звук. Не человеческий голос, и не топот тяжёлых ботинок, дополняющих защитный костюм. Нет, слышно было какое-то шуршание. Она ждала, не зазвучит ли человеческая речь, не позовут ли её, подтверждая, что здесь свои. Сама она не подавала голоса, подавленная страхом. Ей пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы пойти дальше.

...пересечение коридоров. Гудение сигнального устройства перешло в один сплошной звук. Она была уже очень близка к цели. Направо, в новый коридор...

— Айана...

Джейсель! Во рту у неё абсолютно пересохло, она не смогла выдать в ответ ничего, кроме хриплого стона. И девушка побежала на свет, показавшийся из коридора справа.

Фуртиг сидел у ручья, вытекающего из подземного родника. Утро обещало быть погожим. Он принялся: замечательный воздух вокруг. В Логове быстро перестаёшь замечать, как редко там удаётся глотнуть свежего воздуха. Правда, кое-где в Логовах культивируют растения, но там не бывает таких деревьев как в лесу. Кажется, подобно Людям, рождённым в Логовищах, выросшие там растения меняются и перестают быть похожими на своих диких собратьев. Но сейчас Фуртиг расслабился, отдыхая от всего, на чём лежит злое клеймо знаний Демонов.

Бесспорно, утро обещало быть прекрасным. Что не означало, будто миссия Фуртига столь же прекрасно завершится. После речи Старшей Выбирающей, произнесённой на общем собрании, ни Старейшины, ни даже молодые воины не обронили ни слова в адрес Фуртига. Он счёл это дурным знаком: Народ Пещер от природы любопытен. И если воины не спрашивают об оружии, о жизни в Логовах, значит, они молчат из-за того, что настроены враждебно.

— Хороший денёк!

Это вышел и спускался вниз по склону Фоскот. Он провёл ночь в Пещере у своих родичей. Он съехал на пятках к самой воде и потёр влажной ладонью недавно затянувшийся шрам, словно тот всё ещё побаливал.

— Кто-нибудь разговаривал с тобой? — спросил он Фуртига.

— Никто. Они ведут себя так, будто я вернулся с неудачной охоты, — проворчал Фуртиг.

— И со мной тоже. Но будем надеяться, что выступление Лили-Ха убедило Выбирающих.

Фуртиг раздражённо зашипел, хотя Фоскот говорил правду. Когда дело касалось безопасности всего клана, окончательное решение принимали Выбирающие.

— Привет воинам, встречающим рассвет!

Они одновременно повернули головы.

Уперев руки в узкие бёдра, неподалёку стояла Ю-Ла. Она покачивала хвостом, в такт шелестящим вокруг неё сухим травинкам. Ю-Ла была ниже ростом, чем Лили-Ха, но её фигурка уже заметно округлилась. Да, ещё сезон и она сядет в ряд с другими Выбирающими, чтобы оценивать воинов, ищущих её внимания как награды.

— Не мы одни встаём до зари, — ответил Фуртиг. — Что подняло тебя с постели, сестричка по клану?

— Сны, — она вдруг широко распахнула руки, воздев их к небу, — сны и желания. Как долго я мечтала, чтобы мои желания сбылись, чтобы то, что приходит во сне, осуществилось.

— Что же за мечта у тебя? — хрипло спросил Фуртиг.

— Что я иду к Гаммажу, что я изучаю то, чего нет в Пещерах, что я могу сделать собственными руками гораздо больше того, что умею делать, оставаясь здесь.

Она поднесла к лицу ладони, разминая пальцы. Пальцы её рук были не такие длинные, как у Лили-Ха, но и не коротенькие, как у большинства женщин Пещер.

— Что бы ни решило племя, я уйду с тобой, брат по клану, — заявила Ю-Ла, обращаясь к Фуртигу. — Я гово-

рила с Лили-Ха, она согласна взять меня к Гаммажу. Я, как и воин, имею право выбора, я имею право уйти к Гаммажу.

— Это так, — согласился Фуртиг. Она была права. Если ей будет лучше в Логове, если она хочет идти туда и учиться тамошним премудростям, у неё есть право поступить так.

Наверное, таким и будет выход из положения. Даже если Старейшины сумеют удержать в Пещерах тех из племени, кто верен обычаям, найдутся и такие, кто захочет уйти к Гаммажу: молодёжь, которая увеличит силы, собранные в Логовах. Кажется, Ю-Ла умела читать мысли. Она спрыгнула к воде и зачерпнула пригоршню влаги:

— Думаю, Старейшины и Выбирающие скоро выскажут своё решение. Прошлой ночью во второй Пещере состоялся большой совет. Речь шла о спасении детей, и все слушали внимательно. Лили-Ха несколько часов подряд отвечала на вопросы. Так что пока вам ничего не сказали, не стоит думать, будто всё провалилось.

Разбрасывая брызги, она поиграла в воде ладошкой. Совсем как ребёнок. Глядя на неё, Фуртиг снова вспомнил Фас-Тан. Та вела себя так, будто кроме неё никого нет на свете, даже когда все воины клана заискивающе смотрели в её сторону. И снова он увидел, как пристально и изумлённо Фоскот смотрит на Ю-Ла. Так же, как смотрел накануне, вечером.

Он едва не зарычал, но сдержался. Ю-Ла, он ведь знает её так давно! Это ведь она помогла ему уйти к Гаммажу! Ю-Ла очень красива. Но если она встанет в ряды Выбирающих и обратит свой взгляд на него, Фуртига, будет ли он рад, ответит ли ей?

Его собственные мысли удивили его не меньше, чем внимание Фоскота к Ю-Ла. Что будет, если Ю-Ла выберет его, Фуртига? Да, он любит её, но совсем не так, как Фоскот. Если понадобится, Фуртиг будет защищать Ю-Ла от любой опасности. Но искать её внимания на Состязаниях он не стал бы. Он не настолько любит её.

И он задумался, участвовать ли ему дальше в Состязаниях, пытаясь привлечь взор Выбирающих. Понятно, что уже

никогда, ни при каких условиях он не завоюет благосклонности Фас-Тан. Далеко не всем воинам удавалось заслужить даже мимолётный интерес этой красавицы. И многих других Выбирающих. А между тем Те-Кого-Не-Выбрали продолжали жить, занимались своим делом. Хотя многие из них покинули свои кланы.

Ему повезло. Он найдёт, чем заняться в Логовах. Даже если он не сравняется с жителями Логова в умении управлять машинами Демонов, там всегда нужны разведчики и воины для борьбы с Крыстонами. Да, ему очень повезло. И даже втайне он не мечтал о том, чего не сумел бы достичь. Что до Фоскота и его любви к Ю-Ла... если у них всё образуется, будет просто замечательно.

Однако сейчас не время было думать о Выбирающих и планировать обзаведение семьями. Сейчас надо было думать, как спасти уже имеющиеся семьи от опасности.

Ю-Ла оказалась права: Выбирающие поняли, что жить в Логовах безопаснее, чем в Пещерах, где детей может унести Летатель. Точно так же, как он унёс детенышей Клыкастых. Что касается угрожающих Логову Крыстонов и Демонов, то Демонов здесь и сейчас всего четверо, и они не представляют смертельной опасности для племени. Ну а с Крыстонами Люди борются от века, самые первые легенды упоминают об этой борьбе. Значит, ещё до того как луна, сияющая на небе, уйдёт в фазу Тёмных Ночей, Гаммажу следуют ожидать прихода кланов в Логова.

Но Ю-Ла пожелала уйти в Логова раньше, вместе с ними троими. Они договорились, что к ночи вчетвером выступят в путь.

Они вышли в темноте, опасаясь Летателя, хотя его нигде не было слышно. Он не появился и к тому времени, когда четвёрка добралась до поста Клыкастых.

А у Клыкастых были новости. Их разведчик заметил на дальнем крае территории Клыкастых странную вещь. Там был установлен флаг перемирия, возле него оставлены еда и питье. Всё это предназначалось для Лайкера, которого оставили рядом. Он выглядел так, будто едва-едва начал

поправляться после сильных ран. Его оставили там Люди из Логовищ. К ночи того же дня на него наткнулись разведчики его же племени. Они забрали собрата с собой, а флаг перемирия не разорвали на клочья, как обычно делали.

Более того, Лайкеры стали вдруг собираться в стаи, поскольку отовсюду прибывают их разведчики. Похоже, что в самое ближайшее время Лайкеры станут лагерем в ближайших лесах.

— Значит, наши отбили Лайкера у Крыстонов, — понял Фуртиг. — Но это ещё полдела. А вот объединить Людей и Лайкеров под флагом перемирия — вещь доселе неслыханная.

— Да, — согласилась Лили-Ха. — Но ведь Лайкеры не разорвали флаг. Он стоит там, где установлен. А это значит, что они не отказываются от переговоров. Более того, они собирают свои кланы. Наверное, для того, чтобы говорить с нами, как мы говорили с Людьми Пещер. Но если так, то...

— Нельзя верить Лайкерам! — перебил её Фуртиг. — Даже если Демоны окажутся тем самым злом, каким их рисуют легенды, Лайкерам доверяться не следует.

Ю-Ла поддержала Фуртига, повторив детали старых легенд:

— Конечно, ведь Лайкеры издавна жили вместе с Демонами. И прямо от Демонов научились Злу.

— Но ведь и Люди когда-то жили вместе с Демонами, — напомнила Лили-Ха. — Наши Предки покинули Логова только тогда, когда Демоны ополчились на Людей со всей демонской злобой и жестокостью. Вы оба правы в одном: у Гаммажа должны найтись очень сильные аргументы, чтобы заставить Лайкеров заключить договор о мире. И для этого недостаточно просто вызволить Лайкера от Крыстонов. Но будем думать, что это лишь первый аргумент Гаммажа.

Фуртиг задумался о судьбе установленного флага перемирия. Даже если Лайкеры не свалили его и не разорвали в знак отказа от переговоров, мало кто из Людей, из

воинов, отважится подойти к флагу для переговоров — без оружия, полагаясь только на порядочность другой стороны. Каких же храбрецов назначит Гаммаж? Или найдутся добровольцы? И как догадается парламентарий в какое время отправляться на переговоры? И что, если Лайкеры выставят в ответ свой собственный флаг?

Фуртигу вдруг захотелось как можно скорее добраться до Логова, чтобы узнать, что произошло за время их отсутствия. А вдруг к Демонам прибыло подкрепление? Но слова Клыкастых успокоили его: никакого второго корабля с неба не было замечено.

Сломанный Нос и его воины пообещали оставаться здесь, чтобы вести наблюдение, сообщать о перемещениях кланов и поднимать тревогу в случаях опасности. Присутствие наблюдателей Клыкастых гарантировало, что по этому пути отныне ходить будет безопасно.

Впереди ждали Логова. Четвёрка посланцев вышла на открытое поле из леса и побежала через него со всей мыслимой осторожностью.

Айана стянула с рук защитные перчатки, скатав их, пока не придёт необходимость надеть снова. Джейсель лежал рядом, глаза его были закрыты, на лбу выступила испарина. Но она знала, что болеутолитель уже начал действовать. К тому же рана оказалась не столь опасной, как того боялась Айана. Если удастся вовремя доставить Джейселя в корабельный обновитель, через день от его раны останется только свежий шрам.

Одно лишь озадачивало Айану. Медицинский комплект у Джейселя на поясе остался нетронутым. У Тана тоже был свой. Полученную рану Джейсель вполне сумел бы обработать самостоятельно. Зачем же они слали ей панические сигналы?

Сейчас она не могла расспросить их, потому что была занята, следя за пациентом. Тан безучастно стоял, прислонившись к стене, и не проявлял никакой инициативы. Джейсель тоже молчал. Было похоже, что он сильно преувеличил серь-

ёзность ранения. Айана оглядела помещение: может быть, здесь содержался какой-то яд в воздухе? Но разбрызганный ею аэрозоль-очиститель должен был уже нейтрализовать всякий яд.

У неё было мало времени на раздумья — рядом стоял Тан. Девушка старалась не смотреть в его сторону, но непроизвольно время от времени поглядывала на него. Однако Тан не проявлял к ней никакого интереса. Казалось, он был полностью поглощён тем, куда непрерывно смотрел: что-то должно было произойти в помещении за приоткрытой дверью. Или там скрывалось нечто, что он желал видеть.

— Что там такое? — негромко спросила она. Однако слова отозвались неожиданно гулким эхом.

Тан посмотрел на неё и в его глазах промелькнул такой странный блеск, что Айана содрогнулась. От холода, царившего в подземелье, её защищал костюм. Но Тан смог вогнать её в дрожь одним взглядом.

— Скоро появится ещё один пациент для тебя, — ответил Тан. — Это очень важная персона. Мы вступили в контакт, Айана, представляешь, как нам повезло?

— Контакт? С кем? Или — с чем?

— Со здешними жителями. Знаешь, здесь находится хранилище информации. Они показали нам записи, показали машины. Знания Поселенцев Первых Кораблей ничто по сравнению с тем, что мы сможем узнать здесь, Айана! Если у нас будет время.

— Что ты имеешь в виду?

— Наши новые друзья не одни охотятся за информацией. Здесь есть конкуренты и, возможно, они уже на подходе. Между здешними племенами идёт война, как в старое доброе время. Кстати, тебе известно, какая здесь была война в старину?

Теперь он подошёл ближе, и Айане пришлось поджаться во весь рост: девушке не нравилось, когда он вот так возвышался над ней.

— Так вот, здесь шла война между людьми и животными!

Запомни, Айана, между людьми и животными. Твари, вооружённые только клыками и когтями, посмели вообразить себя равными человеку! — Тан раскраснелся от возмущения и засопел. — Но были и другие! Человечество, которое в те дни стало совсем немногочисленным, обрело друзей и помощников, которых так жаждало. Когда люди покинули планету, помощники людей остались здесь. Они остались для того, чтобы защищать всё, созданное человеком: его идеалы, его знания, добытые ценой его собственного труда. Всё это надо было защищать от притязаний обнаглевших животных. Наши помощники и сейчас ведут войну с животными. Но теперь это и наша война тоже!

Помолчав, он продолжал:

— Они нуждаются в твоей помощи, Айана! Здесь есть помещение медицинского назначения. Там собраны все достижения по поддержанию человеческого здоровья — вдумайся только, — какие только были открыты за всю историю человечества. Они пытаются удержать это помещение в борьбе с животными. Им очень нужна наша помощь. Один их вождь, гений по сравнению с остальным племёнem, получил серьёзные раны во время битвы с животными. Он сейчас помещён в тот самый медицинский центр, и ему нужна твоя опека. Ты только подумай, Айана! Эти медицинские комплексы, предназначенные для восстановления здоровья, упоминаются в наших хрониках! Всё это можно увидеть, изучить, настроить. Ты должна сообразить, как там всё работает, и помочь вождю. Такой случай! О, это настоящая удача!

Она выговорила слова раньше, чем подумала: «Знаменитая удача Тана».

Он закивал головой:

— Именно! Удача Тана! Она помогала нам, и она поможет нам снова завоевать этот мир для человечества! Однако, слушай! Они идут!

Вначале Айана не слышала ничего, кроме тяжёлого дыхания Джейселя. Затем послышались лёгкие шажки. Из-за двери показался луч света, и появились помощники, которых так ждал Тан. Айана всхлинула и отшатнулась.

Они не были похожи на тех пушистых существ, которых Тан заснял на мосту. А именно их Айана бессознательно ожидала увидеть. Но вошедшие помощники человека выглядели на редкость отвратительно.

Они ходили на двух ногах, но у них были мерзкие длинные безволосые хвосты! Они были низкорослые: самый высокий из них едва достигал её колена. Редкая шерсть пробивалась сквозь голую кожу то там, то здесь. Один из пришедших, пониже ростом, был буроватого цвета, двое других — белого. Из пастьей удлинённых голов с узкими физиономиями выступали острые зубы. Над высокими лбами поднимались настороженные уши.

Айана возненавидела их с первого взгляда. С безмолвным ужасом она смотрела, как Тан вышел вперёд, чтобы поприветствовать высокого белого помощника. Кажется, это и был вождь пришедших. Тан склонил к нему голову.

На шее у этого существа висела небольшая коробочка. Вытянув руку — или, всё-таки, лапу? — существо коснулось коробочки. Из неё послышалось пищание, свист, затем звуки сложились в произнесённые с искажениями, но всё же понятные слова:

«Вождь... ждёт... поторопитесь, поторопитесь!»

Тан кивнул в сторону Айаны:

— Она здесь, она готова идти.

— Нет! — вскричала Айана. Ни за что на свете, ни за какие знания человечества она не согласится идти в норы этих ходячих ужасов.

Тан сделал шаг в сторону, отрезая ей дорогу к отступлению. Она не могла даже вырваться.

— Маленькая дуручка! — он схватил девушку за руку так сильно, что она задохнулась от боли. — Если ты не хочешь идти на собственных ногах, мне придётся влить тебе снотворную инъекцию. Тогда тебя понесут наши помощники. Разве ты ещё не поняла, что никакие твои дурацкие идеи не помешают моим планам?

Она знала, что Тан поступит, как обещал. Если она пойдёт сама, то по крайней мере заполнит дорогу. А тогда,

возможно, ей удастся скрыться. Если же Тан вколет ей снотворное, а эти твари понесут, то не останется никаких шансов.

— И не вздумай попытаться обмануть их. Они не животные. Джейсэль имел возможность убедиться в этом, — Тан ощерился, словно у него самого выросли клыки.

Он толкнул Айану так, что она отлетела к двери. Охрана ублюдков сомкнулась вокруг неё в плотное кольцо.

Глава 16

Айана остановилась и принялась осматриваться, сначала с любопытством, затем с растущим восхищением. Это отвлекло её от повизгиванья существ, стоявших рядом. Она позабыла даже о Тане, который шёл следом за конвоирами, и с которым она не разговаривала с самого начала кошмарного шествия. Это он разыскал и привёл сюда самого главного вождя, облысевшего, с пучками белой шерсти. Тан беседовал с ним, оставив Айану в дальнем углу, подальше от компании чудовищ. А то, что это компания чудовищ, Айана была твёрдо уверена.

Но что здесь было за оборудование! Айана знала всё, самые мелкие детали, касающиеся медицины, известные со времён Первых Кораблей. Вдобавок Айана изучала комбинированные методы, созданные теми, кто читал записи Первых Поселенцев до неё.

Девушка медленно осматривала большое помещение, хорошо освещённое и разделённое на множество кабинок, перегородки которых были не выше её плеча. Это был медицинский центр, о каком её учителя вряд ли смели даже мечтать.

Некоторые приборы были ей знакомы из предыдущей практики: приборы для диагностики, для операций, для оздоровления. На некоторое время Айана отвлеклась настолько, что забыла о присутствии мерзких существ рядом. Она шла вдоль стеллажей, останавливаясь возле известных ей приборов и проходя мимо незнакомых, а также мимо непонятных. Да если бы это всё заработало, она сумела бы вылечить целый народ!

Протянув руку, Айана коснулась прозрачной стены, за которой располагался оздоровительный кабинет. Если бы это устройство работало! Неизвестно, сколько времени простояло оборудование, прежде чем им решили воспользоваться. Надо подумать, как запустить те приборы, которые известны ей. Они, кстати, вовсе не выглядели пострадавшими от времени. Но если вдруг они откажут, она не сумеет ни выявить причину отказа, ни починить их.

Она миновала несколько кабинок и...

Запах крови! Реки крови! Залитый кровью большой стол.

Айана содрогнулась, увидев, что было свалено там. Среди общей стерильности центра этот угол произвёл впечатление пощёчины, вернувшей Айану к ужасной реальности, напомнившей, зачем Айана здесь. Сваленная в углу стола гора окровавленных инструментов говорила, что здесь поработал скорее мясник, нежели доктор. Что же здесь творили эти маленькие чудовища, с которыми Тан, кажется, заключил какое-то соглашение?

— Ну, и что ты обо всём этом думаешь? — слышался за её спиной голос Тана. — Говорил же я тебе, что здесь хранится больше, чем даже можно вообразить. Но сейчас Уду желает знать, сможешь ли ты с помощью этих приборов излечить их вождя.

Девушка вновь содрогнулась, оглянувшись на залитый кровью стол, и заставила себя не думать о нём. У неё нашлись силы хрипло проговорить:

— Некоторые из здешних приборов описаны в наших учебниках, а некоторые мне незнакомы. К тому же неизвестно, подведена ли сюда энергия.

— Уду должен знать.

Айана вдруг поняла, что Тан обращается с этим гадким существом как с человеком! Из коробочки транслятора на груди существа донесли шелестящие и щёлкающие фразы:

— Кое-где энергия подведена. К тому же имеется материал для пробных испытаний.

— Материал? — Айана не могла заставить себя ни

смотреть на мерзкое существо, ни адресоваться прямо к нему.
— Что он имеет в виду?

— Я так понял, что они здесь немного экспериментировали самостоятельно. Брали животных, которые попадают в близости, к себе в плен. И использовали их, так же, как это делали наши предки. Потому-то эти животные, оставшись без людей, и вообразили, что они здесь — первые. Это были подопытные существа.

Из коробочки послышалось новое щёлканье:

— Да-да! Мы — помощники Великих, мы всегда помогали вам! Мы работаем. Другие тоже пытаются овладеть машинами. Так же, как и мы. Многие животные скрылись от нас. Многие затаились и ждут, чтобы убивать нас, чтобы всё разрушить. Они уничтожают записи, ломают машины. Если их не остановить, скоро здесь ничего не останется.

— Вот видишь! — воскликнул Тан. — Если мы не остановим разрушительные действия зверей, то можем всего этого лишиться.

— Не теряйте времени, — верещал Уду. — Шимог умирает. Пусть эта учёная женщина применит свои знания, чтобы Шимог поправился.

Айана проглотила подступивший к горлу комок:

— Я должна осмотреть его.

— Конечно, конечно! Он там, — Тан прошёл мимо окровавленного стола, будто не замечая ничего. Айана последовала за ним, спеша убраться подальше от этого кошмара. Но теперь она знала, что не выполнит приказ Тана, а сделает по-своему. Ни за какие знания на свете она не станет помогать этим тварям.

«Даже если это повлияет на исход твоей миссии? — спросил кто-то внутри неё. — Даже если от этого будет зависеть, погибнут или останутся жить те, кто сейчас ждёт результатов экспедиции, там, на Эльхорне?» Ах, Эльхорн остался так далеко, а эти твари были так близко, совсем рядом. Она шагала за Таном, взвешивая, что бы сделать, как освободиться от этих кошмарных существ.

Они вошли в кабинет, где собралось множество хвостатых

существ. Несколько стражей стояли возле дверей, двое караулили возле большой кушетки. На кушетке лежало существо, превосходящее размерами Уду, но тоже поросшее пучками шерсти.

Его брюхо сильно вздулось, а тёмная шкура была исполосована царапинами. Он редко и тяжело дышал, как будто это стоило ему больших усилий. Айана подошла поближе, опустилась перед кушеткой на колени. Стражи послушно расступились.

Существо чуть повернуло голову и взглянуло на Айану. Девушка не испытала ни капли жалости к нему! Потому что взгляд этих глаз был осознанным и злобным. Это был разум, но чужой и холодный. Он, поняла Айана, абсолютно далёк от всего человеческого, он — воплощение зла, заключённого в отвратительное тело.

Установить, что именно повредил Шимог, было невозможно, довольствуясь только внешним осмотром. Она могла только сказать, что он болен. Однако, является ли эта болезнь присущей всем жителям планеты, либо ей подвержен только данный вид, Айана не знала. Симптомов этой болезни она не встречала раньше.

— Что надо сделать с ним? — нетерпеливо потребовал Тан.

Айана понятия не имела, что с ним делать. Разве что... По дороге сюда она заметила камеру для восстановления жизненных функций. Если к ней подведено питание, она должна работать. Это ему поможет.

— Ты сможешь управлять теми машинами? — проскрипел Уду. — Сможешь?

— Я знакома с инструкциями по эксплуатации, — ответила Айана, стараясь не обещать этому чудовищу ничего. — Я попробую включить устройство и испытать его работу, прежде чем вы поместите внутрь вашего вождя.

— Тебе понадобятся животные для экспериментов?

— Это рискованно: восстановитель работает в одном направлении — или восстанавливает жизненные функции, или отнимает их.

— У нас много подопытного материала.

Больше Уду ничего не сказал ей, но, по-видимому, отдал какой-то неслышимый приказ, потому что несколько существ из эскорта поспешно удалились.

Айана поднялась с колен:

— Я должна осмотреть камеру восстановителя.

Выйдя из помещения, где витал противный запах, аура чёрной ненависти, она вернулась к кабине с прозрачной стеной. Внутри камеру восстановителя устилало мягкое покрытие, а объём был достаточен, чтобы разместились двадцать таких существ как Шимог. Или пять человек.

Не открывая двери внутрь восстановителя, Айана прошла к пульту управления камерой. Поскольку диагноз был неясен, следовало установить программу полного лечения. Да, вот знаки, известные по учебникам! Теперь нажать вот эту кнопку общего включения... На пульте заиграли световые индикаторы — он работал! И...

Айана обернулась, услышав непонятные звуки.

Она едва не упала в обморок. Рядом с нею ползали, скулили, захлёбывались плачем и кровью новые существа! Кошмар, кошмар, кошмар! Её голова упала, и она поняла, что Тан хлопает её по щекам, чтобы привести в чувство.

— Это только животные, ясно тебе? Подопытные животные, для экспериментов! Конечно, Крыстоны не церемонятся с врагами. Но ведь и враги не щадят Крыстонов!

Айана закусила губу. Неужели это говорит тот самый Тан? Нет, это не её любимый человек, а кто-то другой, проявившийся, когда они приземлились в этом проклятом мире. Будь он проклят!

Отвратительные Крыстоны между тем заталкивали в камеру восстановителя искалеченные, искромсанные, израненные тела. Затем дверь восстановителя закрыли.

— Давай, пробуй! — скомандовал Тан. — Докажи, что камера работает! Попробуй как в плюс, так и в минус.

Мысли Айаны путались. Она заставила себя сосредоточиться. Несчастные, искалеченные существа. Надо быть милосердной к ним, надо разрешить им умереть без мучений.

Айана включила питание. Она не смотрела внутрь, через стекло, она просто дала полную мощность, надеясь, что это убьёт сразу, милосердно и немедленно. А ей надо наконец собраться с мыслями и понять, что делать дальше.

Помогать Тану и Крыстонам она ни за что не будет, это решено. Здесь преимущество получит тот, кто предпримет первый ход. И если Айана хочет выбраться живой из этой переделки, она должна начать действовать прежде, чем Крыстоны поймут, что она им не союзник.

Тан отобрал у неё паралазер, но в её комплекте найдётся кое-что получше паралазера. Надо только добраться до комплекта.

— Нужно немного подождать, пока восстановитель придёт в действие, — сказала она, оборачиваясь к Тану. — А Шимогу пока придётся дать болеутоляющее.

— Так дай ему болеутоляющее!

Отведя взгляд от камеры оздоровителя, Айана проследовала назад, в помещение, где лежал Шимог. Итак, она открыто объявила, что собирается сделать. К счастью, медицинские познания Тана не шли дальше названий лекарств, комплектующих походную аптечку. И что такое правильная доза, он тоже не представлял.

Не глядя на Уду, Айана сказала:

— Я дам вашему вождю снотворное. Он будет спать до тех пор, пока я не испытаю камеру оздоровителя и не помещу его туда.

Уду протестующе оттолкнул её от Шимога (неужели он почуял хитрость с её стороны?):

— Нет! Докажи, что лекарство безвредно. Сначала попробуй его на Моге!

Подошёл один из стражников. Уду повторил:

— Пробуй на Моге.

— Хорошо.

Она поднесла инъектор к запястью Крыстона и нажала на поршень. Крыстон, похлопав слипающимися глазками, вздохнул и свалился на пол.

— Ты сказала правду, — проскрипел Уду. — Мог спит. Хорошо, пусть теперь спит Шимог.

Наклонившись к Шимогу, Айана сделала ему инъекцию. Это была самая лёгкая часть её плана. Вращая инжектор, она сделала вид, что закрывает колпачок. На самом деле она открыла инжектор на полную мощность. Теперь она была вооружена и сможет обработать за один приём не одного пациента, даже не приблизившись к врагам.

Доза, влитая в Мога и Шимога, была минимальной по сравнению с тем объёмом, который она теперь зарядила в инжектор. Но теперь ей требовалось обработать Тана, а он выше и сильнее любого Крыстоны.

Именно потому, что он выше и сильнее, она решила сначала обработать его, а потом уже остальных.

Она вновь склонилась к Шимогу, словно желая убедиться, что тот нормально спит. А потом, резко обернувшись, подняла подготовленный инжектор и направила мощную струю препарата прямо в лицо Тану. И не ожидая, когда снотворное подействует, принялась обрабатывать Крыстонов.

— Ты!.. Ты!.. — Тан слепо шарил руками в поисках девушки. Он уже вцепился в её запястье, но тут его хватка ослабла и он рухнул на пол. Рядом с ним, обмякнув, валялись Крыстоны, для которых её атака тоже оказалась совершенно неожиданной.

Айана кинулась собирать свои принадлежности, аптечку. Никто не знает, сколько Крыстоны проспят под действием человеческого снотворного. Но за это время она должна убраться отсюда как можно дальше. Но прежде следовало выполнить одну неприятную обязанность. Надо было убедиться, что несчастные существа в камере умерли лёгкой смертью, что никто из них не остался мучиться от боли.

Прямо, прямо по коридору, туда, где урчал пульт управления камерой восстановителя. Она заглянула в камеру...

Этого не могло быть!

Но это произошло.

Айана обеими руками вцепилась в стекло, глядя, что тво-

рилось в камере. Там продолжался безумный сон. Она знала, что оторванные конечности, отрезанные органы не отрастают вновь. Но искалеченные существа, безжалостно брошенные в камеру, чтобы умереть и отмучиться, вдруг оказались живыми и почти невероятными!

Как же так? Ведь она дала полную мощностъ! Неужели, растерявшись из-за Крыстонов, она включила не полную мощностъ разрушения, а полную мощностъ восстановления? Похоже на то. Во всяком случае раны, после которых, как она думала, не выживают, успешно зажили на этих несчастных существах внутри камеры.

Да, но если то, что она увидела, правда, то теперь оставить излеченных в камере нельзя! Она не может уйти отсюда одна. Когда очнувшиеся Крыстоны обнаружат её уход, они выместят злобу на этих существах. И как выместят! Получается, бросив этих зверей, Айана обречёт их на новые мучения.

Но вдруг эти существа только выглядят здоровыми? Ведь она не знает, наружный эффект от лечения наблюдается сейчас, или окончательный. И сколько времени ей позволено медлить, чтобы убедиться: её пациенты в камере и впрямь здоровы?

Айана открыла аптечку. Снотворного осталось вдвое меньше той дозы, что она извела на Тана с Крыстонами. Значит, придётся следить, чтобы не очнулись стражы Шимога. Её единственный шанс на спасение — снова усыпить их в момент пробуждения. Но что, если явятся новые Крыстоны? Шимог их возждь... Или кто-то решит сменить часовых...

Но ведь Тан был вооружён бластером! И у него бластер, отобранный у неё самой.

Айана побежала обратно. Перевернув Тана, она вытряхнула с его пояса всё, что может послужить оружием. На пути к камере, проходя мимо окровавленного стола, она сбросила с него гору инструментов, осквернённых тем, что были применены для пыток, а не для лечения.

Некоторое время она металась между помещением, где

спали Крыстоны, и камерой восстановления. Во второй раз приблизившись к «общей спальне», она услышала повизгивание. Мгновением позже пять Крыстонов, которых она подстерегла, затаившись со взведённым паралазером в руке, опять улеглись рядом с остальными «помощниками Людей».

Не ждать, что Крыстоны не поднимут тревогу, было глупо. Узнав об её действиях, они пришлют подкрепление, причём, возможно, в таком количестве, что даже бластер не спасёт. А процесс лечения в камере невозможно ускорить! Правда, каждый раз глядя через стекло на происходящее внутри, Айана всё больше изумлялась. Её предки были способны на настоящие чудеса!

Но если они достигли таких поразительных результатов в умении возвращать жизнь, то что же её отняло у самих предков? Что убило этот город, а предков заставило стать Поселенцами с Первых Кораблей?

Крыстоны хвастливо объявили себя помощниками людей, жившими и работавшими бок о бок с людьми в старые времена. Айана знала, что в результате вырождения внешний вид организмов видоизменяется, как, впрочем, и менталитет. Но ей всё же не верилось, что люди могли дружить с Крыстонами.

С Крыстонами...

Само слово показалось ей знакомым. Она принялась вспоминать, где же могла слышать его.

Кстати, те, другие, которых они считают животными, тоже напоминали кого-то. Ну да, в этом она убедилась раньше: они были похожи на Котю. Вспомнить бы, что за всем этим скрывается...

— Крыстоны, — повторила она вслух. — Крыстоны... Крысы!

Теперь она вспомнила: крысы! Перед глазами проплыла запись лекции. Крысы были лабораторными животными, используемыми для экспериментов! Но те, подопытные крысы, были небольшого размера. Что же изменило маленькую крысу, ходящую на четырёх конечностях, что превратило её в прямо-

ходящего разумного Крыстона? Или это произошло в результате экспериментов? Что-то в словах Крыстонов было неправильным: они всегда служили только подопытными животными, а никакими не помощниками человека. Если бы ей удалось узнать, что же в действительности произошло на этой планете!

— Крысы! — снова повторила Айана. Само слово на слух было неприятным и обозначало тварей, вызывающих неприязнь. Она ещё раз взглянула на пациентов. Те мирно спали в камере, дыша легко и свободно. Восстановление шло успешно. Жаль только, что оно шло слишком медленно: промедление могло подвергнуть их новой опасности.

Существа в камере принадлежали той же породе, каких Тан засёк на мостике. Но собранные здесь не были вооружены. Стало совершенно очевидно, что они были прямоходящими, и отнюдь не животными. Они напоминали Котю. Но не мягкую игрушку, а нечто другое. Тоже пушистое существо из детских игр. Может быть, наименование этих существ натолкнёт на верную мысль...

Наконец она вспомнила — словно по экрану виза-скрина промелькнула яркая вспышка:

Название «Котя» происходило от слова «кошка»!

— Кошка! — воскликнула Айана, словно зовя невидимую спящую кошку.

Значит, Крыстоны солгали. Именно кошки были в древние времена настоящими друзьями человека. И когда дети тех, кто покинул солнечную систему, не смогли больше играть с настоящими ласковыми зверьками, их заменили любимые игрушки — Коти.

Однако существа, собранные в камере, не представляли собой кошек в старом смысле этого слова. Айана уловила сходство лишь в некоторых деталях. У существ сохранились усы, острые ушки, умеющие стоять торчком, и ещё хвосты.

К тому же один из пациентов не принадлежал к кошачьей породе.

Она снова взглядела. Тоже с хвостом, но без кошачьих

усов. И хвост был не гибкий, а лицо — вытянутое, с обвислыми ушами. Значит, здесь оказались собраны не только кошки. Но кто тогда? Айана снова призвала на помощь воспоминания. И вспомнила: собаки! Собаки, старинные друзья человека!

Итак, в брошенном человеческом доме новая порода кошек-людей и новая порода собак-людей воюют против новой породы крысо-людей. Но куда тогда делись сами люди? Давно ли они исчезли? И куда вообще пропали? И не повинны ли Крыстоны в исчезновении людей? Нет, в это она не верила. Даже при том, что мерзкие твари могли сформировать целые армии, они не сумели бы одолеть людей, вооружённых оружием наподобие того, какое она видела на поясах у тех кошек-людей, заснятых Таном.

Один из пациентов зашевелился. Он открыл большие зелёные глаза и взглянул прямо на Айану. Затем отодвинулся к дальней стене камеры и, прижав уши к голове, выставил вперёд руки, оснащённые когтями. Это был явный жест угрозы.

Конечно, ведь он думает, что она помогает Крыстонам! Хотя у неё и у этого существа общий враг. Но как это объяснить? Может быть, он сам поймёт по обстановке...

Холодный оценивающий взгляд зелёных глаз смущал Айану. Она отвернулась от камеры, в последний раз проверяя, не проснулся ли кто из стражи. Восстановление шло медленнее, чем ей хотелось бы. И если кошко-люди вместе с собако-человеком накинутся на неё...

Конечно, она может применить оружие. Но тогда она не вступит с ними в контакт и не узнает правды. Да и сама она вряд ли сможет выйти невредимой из места, обитатели которого имеют обычай беспощадно охотиться друг за другом.

Айана вернулась к Тану. Тот по-прежнему лежал там, где она его оставила. Следует дать ему возможность спастись. Он не поддержал её, он встал против неё. Но он — соплеменник Айаны. Она знала, что эти противные твари, узнав, что произошло, нападут на Тана. Значит, надо вернуть Тану его

паралазер, а на Крыстонов извести остатки снотворного. Чтобы они ещё спали, когда Тан очнётся. К тому же нельзя было забывать, что могут появиться новые Крыстоны.

На входной двери не было замков. Айана, собрав все предметы, какие смогла донести, сложила их под дверь в баррикаду. Дверь она закрыла изнутри.

Девушка так устала, что ноги её заплетались, когда она вернулась от двери к камере восстановителя. Правда, у неё имелись поддерживающие пилюли. Их должно было хватить, чтобы поддержать силы на время марш-броска прочь отсюда. Но ей не хотелось принимать стимуляторы до поры до времени. Кроме них в запас входил Е-рацион — один тюбик на пояс.

Она повернула колпачок тюбика, чтобы содержимое разогрелось, и выдавила полужидкую смесь в рот.

Затем она обратила внимание на пациентов в камере. Время лечения близилось к завершению, скоро ей пора будет переходить к действию.

Пациенты в камере пришли в себя. Кошко-человек, пришедший в себя первым, уже стоял на ногах. Айана видела, как он склонился к самочке, чьи раны, свежесзатянутые, краснели на коже широкими шрамами. Он пытался приподнять её. Собако-человек тоже очнулся и отодвинулся от кошко-людей в дальний угол камеры, словно ожидая нападения.

Внезапно раздался какой-то резкий звук. Айана выхватила оружие. Но поняла, что это гудело сигнальное устройство на пульте: программа восстановления закончилась. Звук потихоньку утих. Видимо, автоматика отключила камеру. Индикаторы показали, что программа выполнена.

Теперь предстояло освободить пленников-пациентов. Айана поняла, что боится. Из камеры на неё смотрели явно недружелюбно. Однако она вооружена, а они слабы и безоружны.

Держа в правой руке паралазер, она отперла замок камеры левой рукой. Дверь распахнулась.

Все они сбились в кучу, готовые прорываться с боем. Три кошко-человека впереди, собако-человек — за ними. Айана

слышала шипение и рычание. Ей не хотелось пускаться в ход паралазер, ведь тогда её недавние пациенты снова могут оказаться пойманными Крыстонами.

— Не надо! — конечно, они не понимали её слов. Но она говорила, будто они всё-таки могли уловить смысл простых фраз. — Не надо! Я — друг!

В ответ — поджатые уши и выставленные когти. Если они кинутся, ей придётся выстрелить. Иного выхода не будет.

— Я — друг!

Новое рычание. Шаг за шагом она отступала от камеры, пятясь и открывая им путь к двери, через которую сюда вошли Тан с Крыстонами. Через которую привели сюда её саму. Всё ещё держа паралазер наготове, она сделала жест, который, как она надеялась, будет понятен: уходите.

Они двигались медленно, скованно. Однако безо всяких признаков болезненности. Они уходили, не спуская с неё подозрительных глаз, не отворачиваясь. Но миновав дверь, они ринулись прочь и несколько мгновений Айана слышала только их удаляющиеся шаги.

Девушка облегчённо вздохнула. Курс лечения был закончен. Теперь следовало выбираться отсюда. Она ещё раз прошлась, оглядывая валявшихся Крыстонов и «обрабатывая» их минимальной силы выстрелом паралазера. Затем она склонилась над Таном и вложила паралазер в его расслабленную руку.

Он застонал, и Айана испуганно отскочила, опасаясь, что он схватит её. Он вот-вот должен был очнуться. Надо уходить поскорее. Айана повернулась и, подобрав аптечку, побежала в том же направлении, что и её недавние пациенты.

Она боялась зажигать лампу на поясе — чтобы не привлекать внимания. К счастью, вокруг оказалось достаточно освещения, хотя и тускловатого, разобрать дорогу было можно. Она сконцентрировала внимание, припоминая, каким путём её привели сюда. Однако вначале следовало принять энергетические пилюли: она уже выбилась из сил и задыхалась, от быстрого бега в груди кололо. Айана порылась в аптечке, нашла средство. Двух таблеток будет достаточно. Она проглотила их.

Горечь обожгла рот. Но она поспешила вперёд, не дожидаясь, пока начнётся действие стимулятора. Она миновала уже несколько поворотов, когда усталость начала отступать. Пришла лёгкость, ясность ума, сознание всесильности. На неё напала эйфория, которая была побочным эффектом от слишком большой дозы лекарства. И девушка напомнила себе, что это чувство всесильности обманчиво.

Ещё один коридор, но правильно ли она идёт? К несчастью, все здешние коридоры были слишком похожи один на другой. И где-то ведь остался Джейсель! Айана попыталась найти отметины, которые оставляла по дороге. Но не обнаружила ни одной. А впереди коридор вновь разветвлялся в нескольких направлениях. Лишь бы вспомнить, куда же ей идти, лишь бы вспомнить!..

Она не ждала нападения. Из тёмного ответвления, не замеченного девушкой, кто-то выпрыгнул и обхватил её мохнатыми лапами. Затем последовал удар такой силы, что Айана потеряла сознание.

Глава 17

Фуртиг изучал пленника. Перед ним, связанный, лежал Демон! Правда, они поймали женщину, а не воина. Но всё равно, это Демон, а Демонов надо бояться. Он слышал, как дыхание Демона с шипением вырывалось наружу. Рядом с ним стояли Лили-Ха и Ю-Ла, уже немного освоившаяся с легендарными чудесами Логовищ. За ними вошли двое коренных жителей Логова. Это были мужчины. Они принесли коробку с уложенным на ней мотком провода.

Женщина-Демон пришла в сознание. Когда её поймали, она неловко упала и ударилась головой. Поэтому они так легко связали её. Она даже не успела вытащить оружие. В комнату вошёл Джир-Хаз, воин, благодаря которому удалась поимка женщины-Демона.

Фуртиг обратился к Лили-Ха:

— Ты сможешь объясниться с нею на языке Демонов?

— Надеюсь. Ведь когда мы слушаем записи Демонов, мы понимаем, что там говорится. Правда, мы не пробовали повторять их речь. Но может быть, с помощью этого, — она указала на принесённую коробку с проводом, — переговоры получатся. Может быть, наша речь изменится настолько, что она поймёт нас.

И тут женщина-Демон заговорила сама. Она глядела то на одного из присутствующих, то на другого. Сначала Фуртиг уловил в её глазах боязнь и обрадовался: это лишний раз доказывало, что Люди способны нагнать страх на Демонов. Но затем в её глазах появился вызов. И женщина-Демон заговорила, обращаясь к Лили-Ха. Она говорила слишком быстро и так нечленораздельно, что Фуртиг ничего не сумел разобрать.

Но Лили-Ха, с детства привыкшая слушать речь Демонов в записях, кажется, кое-что поняла.

— Она хочет знать, где находится. И кто мы такие.

Один из пришедших подключил провода к коробке. Лили-Ха поднесла к губам диск транслятора, соединённый с проводом, и заговорила:

— Мы в Логове Гаммажа. Мы — Люди.

Лили-Ха говорила медленно, тщательно выговаривая слова.

Было странно слышать, как Лили-Ха произносит звуки привычного языка, а рядом из транслятора льётся непонятное бульканье чужой речи.

Лицо женщины-Демона имело странные очертания. Ни у одного разумного существа такого глупого лица просто не может быть. Поэтому невозможно было по лицу судить о том, что женщина-Демон думает. Однако Фуртиг отважился предположить, что она изумлена.

А Лили-Ха продолжала:

— Говори медленно. Мы понимаем речь Демонов, но наши губы не в силах повторить её.

Фуртиг увидел, как женщина-Демон облизнула сухие губы. Она не могла даже пошевелиться, так крепко была связана. Они связали её, предварительно сняв одежду.

Оказывается, у Демонов нет шерсти. Только несколько верхних кож, которые снимаются одна за другой.

— Вы — люди-кошки?

Даже Фуртиг понял эти слова, произнесённые с незнакомым акцентом.

— Кошки? — удивилась Лили-Ха. — Нет, мы не кошки. Мы — Люди. Зачем вы явились к нам?

Женщина-Демон повернула голову к Джир-Хазу:

— А что вы хотите сделать со мной? Вот этот был в камере восстановителя. Оттуда его и других выпустила я.

— Кто же может знать цели Демонов! — обратился к присутствующим Джир-Хаз. — Да, я попал в оздоровитель вместе с Тиз-Зон, А-Саном и одним из Лайкеров. Крыстоны замучили нас почти до смерти. А она заставила Крыстонов поместить нас в оздоровитель. Чтобы вылечить нас и снова отдать Крыстонам на забаву. Не так ли, Демон?

И он зашипел, склонившись к ней ближе.

Женщина-Демон ответила:

— Я могла убить вас. Но я позволила вам уйти.

— Это правда? — Лили-Ха обернулась к Джир-Хазу.

Он замотал хвостом.

— Мы рассказали об этом Старейшинам. Да, женщина-Демон позволила нам уйти. Несомненно, Крыстоны хотели развлечься, гоняясь за нами по ходам. Зачем же ещё Демонам было лечить нас и выпускать на свободу?

Женщина-Демон завозилась, пытаясь освободиться от пут. Её лицо покраснелось.

— Крыстоны! Я попала к ним против своей воли!

— Там был ещё один Демон, мужчина, — перебил Джир-Хаз. — Он был с Крыстонами до того, как появилась она. И он не стоял рядом с нею ни когда она лечила нас, ни потом, когда отпустила нас на волю. Спроси у неё, где этот Демон-мужчина?

Лили-Ха перевела вопрос. Теперь женщина-Демон лежала смиренно, словно поняла, что не справится с верёвками.

— Я оставила его с Шимогом. Я дала им снотворное, чтобы они спали, пока ваши друзья и я не успеем скрыться.

— Зачем? — Лили-Ха спросила так недоумённо, что Фуртигу стало ясно: она почти верит, что женщина-Демон лжёт. В самом деле, как может Демон пойти против соплеменников, как может Демон помочь Людям? Конечно, женщина-Демон лжёт, она готова предать Людей при первой же возможности, поверь они ей.

— Я видела Шимога... я видела, что они сделали с вашими соплеменниками. Я лечу раны, а не наношу их.

Джир-Хаз вскочил, крича:

— Все Демоны лгут! Тот, другой Демон, оставался с Крыстонами, пока эта лечила нас. Она потом вернулась к нему и к Крыстонам, чтобы показать, каким путём мы убежали.

Фуртиг задумчиво молчал, но обвинения Джир-Хаза повели его мысли в другом направлении. Он спросил:

— Но, Джир-Хаз! Когда ты поймал её, она была одна, ведь так? Или она привела Крыстонов и того Демона-мужчину?

— Вот-вот! — заговорила Лили-Ха. — Если она вышла на охоту за вами, то почему одна? Ты сказал нам, что послал А-Сан вперёд, когда вы бежали от Крыстонов. Вылеченный Лайкер отправился своей дорогой. В результате перед ней лежало три ответвления коридоров со следами в каждом из них. Какой след она взяла?

Джир-Хаз помотал хвостом и медленно произнёс:

— Ни один не взяла. Она свернула в четвёртый коридор, который вёл в нашу часть Логовищ. И это верно, она была одна. Когда мы схватили её, то подождали, прежде чем уйти. Но за ней никто не последовал.

— Значит, надо принять как факт, что она не охотилась за вами. Когда она лечила вас, брошенных в оздоровитель, когда она выпустила вас на свободу и показала вам, каким путём скрыться, она была одна. Это так?

— Да, это правда, — согласился Джир-Хаз.

— Следовательно, ты рассказал нам правду о том, что видел сам. Но и эта женщина говорит правду: она не охотилась за вами, она не помогает Крыстонам.

Джир-Хаз недовольно запротестовал:

— Она — Демон!!!

Молчавшая до сих пор Ю-Ла встала рядом с распростёртой женщиной-Демоном и заговорила:

— Посмотри, она вовсе не воин, — Ю-Ла дотронулась кончиками когтей до тела Демона. — Она не умеет убивать. **И** сама она мягкая, её легко убить, она вся незащищена. Да, она большая, как все Демоны. Однако вряд ли её следует воспринимать как врага, вооружённого до зубов. Если она освободила Джир-Хазу и остальных, то почему не спросить её, зачем она это сделала? Она говорит, что лечит раны, а не наносит их. Так спросите, как она лечит? И что она делала у Крыстонов?

— И еще, Лили-Ха, — добавил Фуртиг, — спроси её, зачем она пошла в Логово? И сколько ещё Демонов хотят прийти сюда за нею?

Конечно, ответ Демона может быть и лживым. Но спросить надо.

Он сильно жалел, что Гаммаж сейчас не с ними. Но Предок отправился вести мирные переговоры с Лайкерами. Он-то, конечно, лучше всех определил бы, где правда, а где ложь. Однако Лайкеры ответили на приглашение на переговоры, установив свой собственный флаг рядом с флагом Людей. Это означало, что Лайкеры согласны говорить. Возможно, Лайкер, которого освободила из крыстоновского плена женщина-Демон, был очередным разведчиком, высланным для передачи того же приглашения. Если да, то сейчас он пересказывает историю освобождения своему народу. И неизвестно, как повлияет его рассказ на исход переговоров.

Демон тем временем медленно давала ответы. Да, они прилетели с неба. Да, их четверо на корабле.

Всё это было и так известно. Она не сообщила ничего нового. Тогда её спросили о Крыстонах, чтобы проверить, правду ли она скажет. Она пришла с корабля, потому что один из членов команды передал сигнал-просьбу о помощи. Она пришла и нашла этого члена экипажа больным.

Она оказала ему медицинскую помощь. Тогда второй член экипажа, подружившийся с Крыстонами (хотя как можно дружить с этими вонючками!), приказал ей оказать медицинскую помощь вождю Крыстонов. Он угрожал, что если она не вылечит вождя, с нею разделяются по-крыстовски.

Чем больше Фуртиг вслушивался в её речь, тем больше сказанного понимал. И несмотря на то, что он не меньше Джир-Хаза ненавидел каждого Демона, Фуртиг не мог не признать, что эта женщина говорит правду.

Когда она говорила о Шимого, в её голосе прозвучало искреннее отвращение. Это Фуртиг понял, потому что уже привык к звучанию демонской речи. И тут Лили-Ха задала неожиданный вопрос, повернувший всё дознание в новую сторону.

— Значит, Крыстоны утверждали, что от века были помощниками и друзьями Демонов? Но нас учили другому. В последние дни Демонов, когда те потеряли разум, Крыстоны стали врагами всех. Наш Народ и Лайкеры жили с Демонами одной дружной компанией, это правда. Но потом Зло, взращённое Демонами, обернулось против них самих. Они стали охотиться за каждым живым существом, убивая кого попало.

— Что это было за Зло? — тревога в голосе женщины-Демона показалась удивительной — ей-то какое дело! Но она упрямо продолжила. — Какое Зло? Повторяю, мы прибыли, чтобы установить причину, из-за которой наш народ много веков назад покинул эту планету, уничтожив все упоминания об её существовании. Если вам это известно, расскажите мне, почему они улетели отсюда? Что заставило их улететь?

Она смотрела то на одного собравшегося, то на другого, ожидая ответа. Она просила ответа, она так волновалась, что Фуртиг поверил: женщина-Демон говорит и переживает вполне искренне.

Прежде чем ответить женщине-Демону, Лили-Ха попросила Фуртига:

— Развяжи её.

Он послушно взялся за когти, но увидев, как насторожился и рычит Джир-Хаз, приостановился. Всё-таки Демоны слишком подозрительны.

— Развяжите её, — повторила Лили-Ха. Она обернулась к Джир-Хазу. — Чего ты боишься? У неё нет никакого оружия, даже когтей. Думаешь, она одолеет нас всех?

Фуртиг подошёл к женщине-Демону, и та задержалась, увидев на его руках когти, закричала, вырываясь из пут, до того, как он их перерезал.

— Не бойся, — сказала Лили-Ха, — он хочет снять с тебя верёвки. Он не причинит вреда.

Женщина-Демон замолчала. Затем спросила:

— Что вы намерены сделать со мной?

— Хотим показать то, что ответит на твой вопрос лучше, чем мы. Пойдём!

Они привели женщину-Демона в комнату для обучения. Лили-Ха включила устройства для обучения и поставила записи о последних днях Демонов. Записи были не слишком качественные, в них не хватало многих подробностей, словно те, кто делал их, утратили профессиональные навыки. После просмотра Лили-Ха рассказала об обычаях Людей, об учении Гаммажа, о Логовах.

Они говорили долго. Фуртиг покинул беседующих: его ждало множество дел, а безоружная женщина-Демон вполне обойдётся без его присмотра, находясь в компании женщин-Людей. Выбирающие, как известно, имеют чутьё не хуже, чем у воинов. А им следовало заняться Демоном, оставшимся на территории Крыстонов. Как далеко на территорию Крыстонов сумели углубиться разведчики Демонов? Этот вопрос волновал всех, даже однорукого Долара.

Правда, к вечеру в Логова стали прибывать отряды подкрепления. Но это пришли не Люди из Пещер Фуртига. Это прибыл объединяться Народ Ку-Ла. Они принесли не только припасы пищи и оружие. Они доставили записи о последних днях Демонов, найденные среди прочих катушек с информацией в Логовищах на северо-западе. Туда

разведчики Гаммажа никогда не проникали. Детей и Выбирающих пришедшего Народа разместили в глубине Логова, на наиболее безопасных этажах. А воины присоединились к воинам Логова и отряду Фуртига.

Затем начали поступать донесения разведчиков. Демон, которому женщина-Демон оказывала помощь, самостоятельно выбрался наружу из подземных ходов и дополз до корабля. Там он скрылся от наблюдавших. На корабле закрыли все окна, словно готовясь в этой крепости переждать нападение. Теперь в корабле скрывалось двое Демонов. Четвёртый Демон, мужчина, остался у Крыстонов, но за ним тоже велось наблюдение.

Этого Демона выследил юный воин из племени Ку-Ла. Этот воин, худой и низкорослый настолько, что мог пролезать по узким ходам Крыстонов, увидел следующее.

Ходы Крыстонов привели его в подземное помещение, где были собраны машины наподобие Грохотунов. Крыстоны пришли туда вместе с Демоном, и, кажется, взялись готовить машины к нападению на Людей. Хотя машины, кажется, и без того действовали.

С этой новостью Фуртиг и Долар отправились к женщине-Демону, которая находилась под присмотром Лили-Ха. Выбирающие накормили женщину-Демона и по её просьбе вернули одежду — кожи, которые она носила. Когда вошли воины, женщина-Демон и Лили-Ха как раз мирно беседовали с помощью транслятора.

— Ну-ка, спроси её, — резко начал Долар, — что Демон-мужчина делает в хранилище машин вместе с Крыстонами? По нашим сведениям, они собираются напасть на Людей! Мы должны знать, как работают те машины!

Лили-Ха перевела вопрос. Отвечая, женщина-Демон адресовалась прямо к Долару:

— Существует много машин разного назначения. Вы не можете мне рассказать или показать хотя бы одну из них? Тогда я скажу, для чего она.

Долар щёлкнул когтями: машины и есть машины, какая

разница! И как можно описать, чем одна отличается от другой? Он повернулся к стоявшему рядом воину и приказал:

— Принеси коробку для просмотра изображений.

Юный воин-разведчик, вернувшийся из машинного зала Крыстонов, попутно открыл очень полезную вещь: он нашёл коробку, которая умела записывать изображение всего, что находилось перед нею.

Ящик для просмотра установили прямо перед женщиной-Демоном и включили запись, сделанную найденной коробкой. Но оказалось, что и сам просмотрный ящик знаком женщине-Демону: она немедленно нажала на правильную кнопку. И на противоположной стене комнаты возникло изображение размером не больше двух ладоней Фуртига, но достаточно чёткое.

Женщина-Демон, посмотрев запись, сказала:

— Я не знаю предназначения большинства этих машин. Их по крайней мере три вида. Но вот эта, возле которой стоит Крыстон, выстреливает пламенем. Она похожа по действию на оружие, которое вы забрали у меня, только машина мощнее и пламя от неё идёт широкой полосой. По-моему, остальные машины также предназначены для военных действий.

Она умолкла, продолжая смотреть запись в поисках чего-то знакомого.

— Военные машины, — повторил Долар. — Вот чего надо было бояться! Если Крыстоны нападут на нас, то с такой техникой сумеют победить.

Демон-женщина заговорила, обращаясь к нему:

— Вы многое рассказали и показали мне. Можно я тоже поделюсь с вами знаниями? Хотя мне трудно будет объяснить это...

Она сплела пальцы рук, словно ей было тяжело подбирать слова, не выворачивая собственное тело.

— Я — врач. Моё призвание — лечить. Этому меня научили, когда я была ещё маленькой. Нам неизвестно,

почему наши предки, жившие когда-то здесь, покинули свои Логова. Но в нашем мире, там, где мы теперь живём, тоже произошла катастрофа. Поэтому мы и явились сюда — чтобы найти место для жилья на нашей прежней родине. Или чтобы найти помощь. Но когда наш корабль сел на планету, мы, экипаж, почему-то стали другими. Не такими, как прежде, и чужими друг другу. Мы стали... нет, я не могу сказать! Но вот вы говорите, что Демоны в последние дни потеряли разум и обратились ко злу. Я чувствую, что зло и безумие до сих пор присутствует на этой планете и действуют на нас! Зло заставляет нас снова нападать друг на друга, заставляет нас враждовать. Это верно, что нашу болезнь можно излечить, если быстро улететь отсюда. Но если болезнь запустить, она станет неизлечимой.

Она закрыла лицо руками. Плечи её вздрагивали. Фуртиг никогда не думал, что ему доведётся увидеть такое: Лили-Ха подошла к женщине-Демону и обняла ту за плечи, успокаивая. Словно ласкалась к любимой подруге-Выбирающей.

Айана высвободилась из тёплых объятий женщины-кошки. Хотя это тепло обещало давно позабытый уют. Она вытерла мокрые от слёз щёки. То, что ей довелось увидеть, было ужасно. Но все эти события действительно когда-то произошли на планете. Неудивительно, что её предки в такой панике улетели отсюда.

Заболевание по-прежнему носилось в воздухе. И недомогания телесного плана были только следствиями поражения разума. Ей достаточно было увидеть лицо Тана, снующего среди машинного зала, чтобы определить, насколько он поражён заболеванием.

Люди-кошки называли этот город Логовами. Это и впрямь были Логова Тьмы — несмотря на работающее освещение. Логовах могут как лечить, так и убивать. Кто научит выбирать среди скопления знаний, на пользу эти знания, или во вред? Одно и то же явление на пользу одному организму и во

вред другому. Ей, медику, это было известно лучше, чем кому-либо. Возможно, экипаж, собравшись вместе на корабле, станет ничем иным, как посланцами смерти.

Но то, что вознамерился совершить Тан, всё равно недопустимо! Кроме того, надо предупредить людей-кошек. Она лишь мельком видела Гаммажа, в самом начале своего пребывания в Логове. Надо сказать старому вождю, что его идеи насчёт объединения различных народов верны, это шаг вперёд. Но вечная жажда чужих знаний — нет! Не стоит выцарапывать обрывки и свидетельства былых достижений. Это путь, ведущий к гибели. Точно так же, как Крыстонов и объединившегося с ними Тана их путь приведёт к гибели. Несмотря на военную технику, которой завладели Крыстоны.

Айана решительно встала: об этом надо говорить сегодня же, чтобы завтра не было поздно. Если Тан вместе с армией вонючек приведёт в действие те машины, то они выпустят на свет силу, которую не смогут удержать. Ведь это оружие было создано древними, оно сложно в обращении, вряд ли Тан сумеет по-настоящему овладеть им.

Люди-кошки ждали от неё ответов на свои вопросы, но у неё этих ответов не было. Конечно, Джейсель и Масса помогли бы ей здесь. Но согласятся ли они помочь? К тому же она понятия не имела, что произошло между Джейселем и Таном, прежде чем они позвали её на помощь. Но это лишь подтверждало слова Тана: Крыстоны, если их разозлить, представляют опасность. Возможно, Джейсель и Тан повздорили из-за носившейся в воздухе болезни — безумия?

Айана питала слабую надежду, что так и было.

Она постаралась объяснить это людям-кошкам как можно доступнее.

— В машинном зале много механизмов, которые мне непонятны. Но мне могли бы помочь разобраться те, кто остался на корабле.

Она пробыла среди людей-кошек достаточно, чтобы научиться понимать выражения их лиц. Она видела, что на неё смотрят враждебно, особенно тот мужчина с ушами, исполосованными шрамами. Но она говорила правду: Джейсель и

Масса лучше её разбираются в машинах. А терять время нельзя.

Люди-кошки переговаривались между собой, рыча и шипя. Однако никто ничего не сказал ей. Наконец мужчины встали и покинули помещение, оставив Айану с женщинами-кошками, которых, как она теперь знала, звали Ю-Ла и Лили-Ха.

Лили-Ха, внимательно глядя в глаза Айаны, задала вопрос:

— Ты — Выбирающая?

— Кто такая Выбирающая? — не поняла Айана.

Кажется, обе женщины-кошки удивились её незнанию. Затем Лили-Ха пояснила:

— Когда приходит время рожать детей, твоё тело само говорит, что готово к этому. Вот как моё, — она провела длинными пальцами по животу. И добавила, показывая на худенькую фигурку Ю-Ла. — А она ещё не готова рожать детей. Когда женщина понимает, что хочет детей, воины показывают ей свою силу и ловкость — чтобы женщина могла выбрать среди них самого ловкого, самого лучшего отца для её детей. Вы тоже так выбираете?

Айана опустила глаза. Она выбрала для себя не рождение детей, а другое занятие. Впрочем, выбирала не она, это её выбрали. Выбрали как определённый набор определённых параметров, способных удовлетворять и взаимодополнять другой набор подходящих параметров. Ведь, пожалуй, её специально исподволь готовили соответствовать Тану! Пожалуй, так оно и было. А когда здешний воздух растворил оболочку, созданную тренировками и выучкой, она мгновенно стала чужой для Тана, а он для неё.

Айана смущённо призналась:

— Я не выбирала. Его выбрали для меня. То есть, меня для него.

Лили-Ха долго молчала, наконец спросила:

— Значит, у Демонов нельзя, чтобы женщина выбирала сама?

— Нас подобрали друг для друга потому, что на корабле

летело всего четверо, каждый должен был обладать определёнными навыками и подходить для общения с остальными.

— Всё равно это неправильно, — прошипела Лили-Ха. — Когда Выбирающая находит воина, она показывает, что он самый лучший. Он уже никогда не станет для неё врагом. Мне жаль, что с тобой так обошлись, ты, наверное, очень страдаешь от этого.

Лили-Ха положила руку на плечо Айаны:

— Хорошо, что сейчас ты не ждёшь малыша, не то ты страдала бы ещё сильнее.

— Это верно, — согласилась Айана.

Её больше не держали как пленницу, и она не была одинока. Странно, но женщины-кошки — Лили-Ха, Ю-Ла и другие — стали ей близки. Они приходили, принося еду, или просто оставались рядом, сидя и глядя на неё. Она не считала их любопытство раздражающим или назойливым. Наоборот, их присутствие непонятно почему успокаивало.

Некоторые приносили с собой малышей на руках, баюкая или утешая с ними игры.

Однако Айана беспокоилась, несмотря на уют. Ведь она помнила, что где-то Тан и Крыстоны готовят военные машины. Она никогда не забывала об этом. Даже во сне, под мурлыкающее пение Лили-Ха, сидевшей рядом и расчёсывавшей длинный пушистый хвост.

Они разбудили её рано утром, когда серый рассвет едва коснулся окон. Кроме Лили-Ха в комнате находились два воина, один из них тот, со шрамами. И ещё молодой невысокий воин, которого она видела в первые дни. Он говорил неумело, ему пришлось воспользоваться транслятором:

— Тебя зовёт Гаммаж. У него очень важное дело.

Говоривший зашагал по комнате, таская за собой транслятор. Айана отметила, что его оружие — металлические когти — прикреплено к поясу, который является у этого народа единственной одеждой. Люди-кошки были покрыты мехом, то густым, как у этого мужчины, то реденьким, как у Лили-Ха. Но никакой одежды они не носили.

Они прошли по коридорам, миновали два спуска вниз, после снова поднялись вверх и наконец достигли комнаты, где собралось множество воинов и женщин.

В центре восседал сутулый и седой старик, его морщинистая кожа выдавала более чем почтенный возраст. С усталых плеч свисал плащ из блестящей материи, придавая вождю особое достоинство. Впрочем, он и без плаща выглядел бы важным. Айана вспомнила, что видела его ещё когда её только-только доставили в Логово, связанную.

Это был Гаммаж, вождь и правитель людей-кошек, мечтавший передать своему народу знания Демонов.

Он взглянул прямо на Айану, едва она ступила на порог. В руках вождя был диск транслятора, сам транслятор лежал рядом на полу.

— Мне сказали, — отрывисто начал он, — что твои друзья на корабле могут разобраться в военных машинах.

— Да, это так.

Вождь людей-кошек представлял собой синтез человеческого и кошачьего. Неудивительно, подумала Айана, что облечённый таким достоинством, он сумел много лет удерживать и объединять вокруг себя ищущих знания воинов.

— Твои друзья помогут нам или встанут на сторону Крыстонов? — прямо спросил Гаммаж.

Она так же прямо ответила:

— Не знаю.

— Тогда ты отправляешься на корабль, — приказал Гаммаж.

Глава 18

Фуртиг остался за дверью, наблюдая как остальные провожают женщину-Демона из Логова. Теперь она шла одна в направлении видневшегося вдаль корабля. Люди вернули ей устройство связи, чтобы она смогла послать сигнал о своём возвращении тем, кто заперся на корабле. Фуртиг отдал ей метатель молний. Прояви она малейшие

признаки предательства, он был готов перерезать её пополам лучом другого метателя молний. Лили-Ха, стоявшая так близко, что движением руки он задевал волосы на её коже, не спешила поднимать своё оружие и держать под прицелом уходящую женщину. Она настаивала, что женщине-Демону можно доверять, что та хочет предотвратить дурные поступки Крыстонов и мужчины-Демона. Воинам было трудно воспринять всё это как правдивые события: кто же пойдёт против соплеменника!

Однако Лили-Ха клятвенно заявила перед Старейшинами, что эта женщина-Демон не была Выбирающей, что её заставили насильно соединиться с тем мужчиной-Демоном, который примкнул к Крыстонам. И что она не хотела от него детей — и не имеет, — и что теперь она поможет Людям.

Неисповедимы пути Демонские, подумал Фуртиг. Но и людские пути стали ему непонятны: провожать женщину-Демона вышли не только Люди его клана, но и жители Логовищ и Люди клана Ку-Ла. И те, кто всё-таки пришёл из Пещер. А чуть поодаль в дверях, глядя ей вслед, стояли Лайкеры.

Фуртигу и в голову не могло прийти, что все эти Люди окажутся способны сотрудничать, что он объединится с ними всеми в один клан. Гаммаж и два спасённых от Крыстонов разведчика уговорили Лайкеров выслать небольшой отряд, одних наблюдателей. Однако Лайкеры прислали воинов, готовых ринуться в бой в любую минуту.

Издали донёсся незнакомый звук. Это открылся люк корабля, выпуская трап. Женщине-Демону всего-то и нужно было добежать туда, чтобы, отгородившись от мира, остаться под защитой корабля. И Фуртиг сомневался, успеет ли кто-нибудь из Людей выстрелом остановить её. Лили-Ха прижалась ухом к сигнальному устройству — это женщина-Демон подавала сигнал. Лили-Ха слушала, о чём женщина-Демон говорит с теми, кто оставался внутри корабля. Женщина-Демон не сбежала. Она вообще замерла

на месте. Очень долго ничего не происходило. Из люка корабля никто не появлялся. Фуртиг даже испугался, что за время этого долгого ожидания Демоны подготовят какое-нибудь невиданное оружие и убьют всех собравшихся поблизости Людей.

Но, как оказалось, Лили-Ха не зря клялась, утверждая, что женщина-Демон выполнит обещанное. Наконец на трап вышла из корабля неторопливая фигура. Вышедший Демон был так закутан в свои шкуры, что больше походил не на живое существо, а на неуклюжих слуг Демонов, ненадёжных и валяющихся в Логовах.

Вышедший спрыгнул с трапа и направился к стоявшей неподалёку женщине-Демону. В нескольких шагах от женщины-Демона вышедший остановился и протянул вперёд неуклюжие толстенные ладони (почти такие же неуклюжие, как у Фуртига, когда он пытался сладить с тонкими инструментами), потом отстегнул какую-то пряжку у горла. Голова вышедшего Демона отпала в сторону, оставшись висеть на плече.

— Это вторая женщина, — сообщила Лили-Ха. — Айана зовёт её Массой.

Фуртиг уже примирился с мыслью, что у Демонов в жизни есть собственные имена. Как у Людей, как у Лайкеров. Даже как у Крыстонов. Но тот факт, что Демоны могут жить обычной мирной жизнью, по-прежнему ошеломлял его. Они не должны быть никем, кроме как злобными тварями из старых сказок.

Рядом с Лили-Ха стал Долар.

— О чём они говорят? — спросил он.

— Та, что с корабля, задаёт вопросы. Где Айана была, и что произошло с нею. Айана рассказывает, что обнаружила на планете большую угрозу, о ней надо долго рассказывать. Айана спрашивает про другого Демона, Джейсея. Масса сердится. Она говорит, что её мужчина болен, и Айане надо поскорее осмотреть его и вылечить. Масса спрашивает, где Тан, при этом она продолжает сердиться. Она говорит, что

именно Тан позволил Крыстонам ранить Джейселя. Что Тан, очевидно, потерял разум.

Долар подхватил её слова:

— Конечно! Потерял разум, как все Демоны! Которые сначала сходили с ума, а потом умирали. Нам надо остерегаться, чтобы эта же болезнь не поразила нас самих. Что они ещё говорят?

— Айана рассказывает, что Тан представляет большую опасность, что если его не остановить, он посеет на планете смерть и войну.

Масса отвечает: пусть Тан катится куда хочет, а им надо сесть в корабль, взлететь и вернуться домой.

— Так просто? — изумился Фуртиг. Он зарычал сам и услышал, как рычит рядом Долар. Эти Демоны с такой лёгкостью собрались убраться отсюда, оставив своего безумного соплеменника на произвол судьбы! Но как с ним справятся Люди? Нет, этих двух женщин надо уничтожить, пока есть возможность сделать это. Прямо сейчас! Тогда останется только больной Демон в корабле. Но он тоже потерял разум и не сможет управляться с оружием. Хотя, возможно, он захочет придти на помощь тому Демону, который сейчас в Логовах у Крыстонов.

— Айана говорит: «нет», — продолжала Лили-Ха. — Она говорит, что Тану надо помешать. Иначе они никогда не выполнят того, за чем прилетели, не узнают правды.

— А зачем они прилетели? — спросил кто-то из подоспевших воинов.

— Об этом Айана говорила сегодня утром с Гаммажем, — сообщил Фуртиг. — Они должны были выяснить две вещи. Почему их предки покинули этот мир, и почему сейчас разрушается их новое обиталище у новой звезды. Гаммаж пообещал, что когда мы победим Крыстонов, Айане будет разрешено провести эти исследования.

— Легче сказать, что мы победим Крыстонов, чем победить их, — проворчал кто-то позади. Фуртиг обернулся и увидел, что это Фал-Кан.

И тут Фуртиг, не смущаясь присутствием Старейшины, ответил:

— Будь как будет. Но Демоны тоже ищут знания. У Гаммажа договор с этой женщиной-Демоном. Теперь она должна убедить остальных Демонов сдержать обещание.

— Та, которую зовут Масса, — Лили-Ха замахала рукой, призывая к тишине, — говорит, что ничего не предпримет, пока Айана не окажет медицинскую помощь Демону по имени Джейсель. Если ему станет лучше, Масса подумает, как помочь нам.

— Но если Демоны скроются внутри корабля, мы не сможем наблюдать за ними! — беспокоился Долар.

Лили-Ха ответила:

— Айана пойдет туда не одна. Я иду с нею.

Идти в Логово Демонов! Фуртиг подался вперед, выхватывая охотничьи когти. В другой руке он сжал метатель молний.

— Одна ты не пойдёшь! — заявил он с необычным волнением. Которого, впрочем, остальные, кажется, не заметили. Долар поджал хвост, делая вид, что ничего не происходит.

Лили-Ха отдала Старейшине устройство связи:

— Оно включается вот так. Хотя я не знаю, будет ли слышно нас, когда мы войдём в корабль. Будем надеяться, что связь останется.

Не глядя на Фуртига, она выступила на открытое пространство из дверей и, помахивая хвостом, пошла к Айане. Фуртиг с гордостью следовал за нею, стараясь сохранить такой же невозмутимый вид.

Демон-женщина по имени Масса первая заметила их и вскрикнула от ужаса. Лили-Ха, оставившая переговорное устройство в Логове, принялась объясняться на языке жестов, указывая на корабль.

Айана обернулась и закивала головой. Фуртиг улавливал фрагменты разговора с помощью другого транслятора. Айана говорила с Массой гораздо быстрее, чем когда беседовала с Людьми. Так что разобрать было нелегко.

— Мы идём к Джейселю, — объявила Лили-Ха.

Масса повернулась ко входу в корабль. Слоистые кожи мешали ей двигаться, делая её неповоротливой. За ней шла Айана. Лили-Ха и Фуртиг шагали следом. Так они и поднялись по трапу внутрь.

Принюхавшись, Фуртиг учюял среди многочисленных новых запахов нечто противное. Идти пришлось по ступенькам, составленным из нескольких стержней. Фуртиг взял метатель молний в зубы, так как вынужден был цепляться всеми четырьмя конечностями. Внутри корабля всё очень походило на западню.

Но он не забывал осматриваться — когда ещё представится случай взглянуть на чудеса Демонов, надо всё получше запомнить.

В небольшом отсеке находился мужчина-Демон. Он лежал у стены, места в отсеке хватило лишь на то, чтобы поместились две женщины-Демона. Фуртиг и Лили-Ха наблюдали за ними через дверь. Лицо мужчины-Демона покраснело, голова бессильно моталась из стороны в сторону. Глаза были полузакрыты. Когда они остановились на Фуртиге, тот понял, что Демон на самом деле не видит его.

Айана принялась хлопотать над больным. Она вынула ящик, соединённый проводами со множеством пластинок и приставила эти пластинки к голове и груди больного Демона. Сама она наблюдала за панелью равномерно пощёлкивавшего прибора. Затем она взяла два стержня, вытащила из внутренностей стержней тонкие острия, с которых стекала коричневая жидкость и приставила эти острия к запястьям больного Демона. Затем — к груди, затем — к горлу.

Она ещё не закончила процедуру, а голова Демона уже перестала бессильно раскачиваться. Он замер, хотя глаза всё ещё были закрыты. Затем Айана медленно, словно желая, чтобы Люди поняли сказанное, обратилась к Массе:

— Он уснул и проснётся здоровым. Это инфекция от раны, ничего серьёзного. Но планета может отравить нас далеко не одним способом, Масса.

Масса бережно положила ладонь на руку спавшего, вглядываясь в его лицо.

— Это всё Тан подстроил! — заявила она. — Так что с Таном?

— С ним то же самое, что погубило наших предков, живших здесь, — Айана складывала инструменты. — У него безумие. Теперь он собирается разрушить всё, что может. Помоги нам остановить его, Масса. Помоги.

— НАМ? Кому это — нам, Айана? Ты собираешься помогать этим животным? — Масса посмотрела на Фуртига с Лили-Ха и в глазах её появился страх.

— Они не животные, Масса. Они — Люди. Это Лили-Ха, а это Фуртиг. Они живут здесь, они хозяева этой жизни. Здесь много Людей. Их создали наши предки.

— Так это роботы?

— Нет, — покачала головой Айана. — Вспомни старые записи, Масса. Помнишь, у предков были кошки, были собаки? Были крысы. Вспомни свою любимую игрушку — Котю.

Фуртиг увидел, как страх на лице Массы сменяется удивлением:

— И что? Это были животные!

— Да, когда-то. Но мы тоже когда-то были животными. Я пока не знаю точно, что здесь произошло. Скорее всего безумие, распространившееся на людей и погубившее их, не оказало влияния на некоторые виды животных. То есть, они не погибли, но стали видоизменяться. Они изменялись незаметно. Однако пока люди погибали или уничтожали друг друга, поднялись новые племена. Люди — бывшие кошки, Люди — бывшие собаки, Крыстоны — бывшие крысы. И именно с Крыстонами подружился Тан, а они такие противные, такие мерзкие! Злобные, безжалостные! С их помощью он хочет пустить в действие военную технику, чтобы уничтожить весь мир. Когда-то наши предки старались остановить подобное самоубийство. Теперь мы должны сделать то же самое.

Масса прижала ладонь спящего Демона к своей щеке.

— Я не знаю, где ты всего этого набралась. Однако Тан и впрямь напустил Крыстонов на Джейсея. И ещё поплатится мне за это!

Лили-Ха заговорила полушёпотом:

— Эта женщина, Масса, тоже не была допущена выбирать себе воина в пару. Однако, если бы ей разрешили, она выбрала бы этого воина. Масса поможет нам, потому что она ненавидит тех, кто причинил ему вред.

Они вышли из корабля вчетвером. Каждый из них нёс коробки и контейнеры припасов и оборудования.

Они доставили всё это к месту сбора воинов Гаммажа. Сюда собрались не только Люди, но и Лайкеры, краем глаза следившие за воинами Людей (те в свою очередь исподтишка разглядывали Лайкеров). Привёл своих бойцов Сломанный Нос — они стояли поодаль, похрюкивая и принюхиваясь, кружком, в центре которого беседовали Гаммаж и Сломанный Нос.

Пока Гаммаж объяснялся жестами и словами, невысокий воин выкладывал на полу рядом с беседующими кубики, представляя таким образом план Логовищ.

— Пройти можно здесь и здесь, — объяснял Гаммаж. — Вот здесь — стены. Они могут поставить машины войны только здесь и здесь. У каждого выхода из подземелья дежурят наши разведчики. Они подадут сигнал тревоги.

— Но пока этот сигнал дойдёт до нас, мы потеряем время, — вмешался Старейшина Лайкеров. Он объяснялся неуклюжими жестами, но понять его было можно.

— Наш разведчик передаст нам сообщение быстро, — Гаммаж указал на Фуртига.

Старейшина Лайкеров жестами выказал нетерпеливое непонимание:

— Как же? Ведь он здесь, а разведчики там!

— Он увидит их сообщение в голове, — пояснил Гаммаж.

Фуртиг надеялся, что Гаммаж не ошибается, что умение Фуртига принимать мысленные сообщения разведчиков работает по-прежнему. Одна из коробок связи была у

Фоскота. Вторым владел невысокий ловкий воин из клана Ку-Ла: у него с Фуртигом тоже получался мысленный контакт. Их было двое, иначе Фоскот не уследил бы за двумя выходами из подземелья в одиночку.

Вождь Лайкеров изумлённо взглянул на Фуртига. Если он и не поверил словам Гаммажа, то ничем не показал этого. Возможно, он уже повидал всяких чудес в Логовах и теперь не удивлялся, даже услышав столь непривычное заявление.

Гаммаж повторил вслух, чтобы слышали все — и Люди, и Лайкеры, и женщины-Демоны:

— Итак, выходов из подземелья два. Остановить Крыстонов надо, едва они выберутся. Мы собрали всех слуг Демонов, все машины, и поставили их неподалёку от Крыстоновских ходов готовыми к запуску. Правда, это задержит их лишь ненадолго. Даже с такими метателями пламени, — он указал на оружие на поясе Айаны, — мы не сможем остановить их.

— Масса! — позвала Айана.

Та изучала изображение, появившееся на стене. Это была последняя запись, сделанная разведчиком в подземелье. Тан и Крыстоны готовили военную технику.

— Вот это — накопители мощности! — Масса провела рукой по изображению. Её слова ничего не прояснили Фуртигу. — Если накопленную мощность распылить в виде излучения...

— Они взорвут сами себя! — подхватила Айана. — А мы сможем сделать это?

— Если найдём достаточно мощный передатчик. Но достанет ли он до подземелья? К тому же сила взрыва будет такой, что невозможно предугадать, что случится потом...

— Но если они выведут машины... и используют их...

Масса оглядела разношерстную толпу вокруг:

— Кому мы здесь чем-нибудь обязаны, Айана? И потом, ведь Тан тоже погибнет, если мы включим передатчик.

Айана тоже оглянулась — на Лили-Ха, на Гаммажа, на Сломанного Носа, на Фуртига, на Людей Ку-Ла, на жите-

лей Пещер и Логовищ, на Лайкеров. Она смотрела, словно видела их впервые.

— Тан сделал свой выбор,— медленно проговорила она. — А мы в долгу перед всеми стоящими здесь. Это очень старый долг. Наши кровные предки вывели этих Людей на путь, по которому они идут и по сей день. Наши предки принесли этим Людям Зло, и если мы не остановим Тана, Зло вернётся сюда. Значит, мы в ответе за тех, кому дали жизнь. Наше древнее безумие дало толчок этой новой жизни. И если мы допустим, чтобы разразилась война, жизнь будет снова уничтожена. Мы обязаны сделать всё возможное, чтобы сохранить жизнь.

— Значит, ты берёшь на себя ответственность за последствия? — Масса спросила с вызовом, словно готовясь к битве.

— Да, я беру на себя ответственность.

— Что ж, пусть будет по-твоему.

Масса проследовала в Логово, изредка останавливаясь при виде хранившихся там ценностей. Айана будто побудила её к действию. По указанию Массы из комнат в коридоры были доставлены многие предметы, назначения которых Люди не понимали. Предметы погрузили на тележки, чтобы доставить всё в нижние этажи.

Наконец оборудование транспортировали к точке, которую нападавшие обязаны будут миновать, чтобы достичь территории Гаммажа. Из доставленных вещей устроили баррикаду. Масса взобралась на самый её верх, устанавливая какую-то аппаратуру, перевитую проводами. Она принесла эту аппаратуру из корабля, а часть доставили из Логова.

Фуртинг не видел всех этих приготовлений. Он сидел в штабе у Гаммажа, принимая сообщения разведчиков. У его ног резвились два подростка, готовые в любой момент ринуться прочь, чтобы донести сообщение до последней линии обороны.

А в это время незанятые на линии обороны жители Логова вытаскивали наружу вещи, приборы, детей, всё

ценное. Масса предупредила, что в результате взрыва может разрушиться и само здание.

Воины деловито выгружали прибывавшие с этажей тележки. Наконец пришла пора выйти наружу последним из тех, кто ещё оставался в Логове. Гаммаж, Долар, ещё трое Людей, две женщины-Демоны, два Лайкера.

— Уходим, — вздохнул Гаммаж. Он осунулся и выглядел почти прозрачным. Казалось, все его года навалились на него разом. Долар поддерживал его под руку. — Эта женщина-Демон говорит, что может на расстоянии управиться с оружием при помощи предмета, который держит в руке.

Тогда Фуртиг, не оборачиваясь, сказал:

— Я не смогу принять сигнал на расстоянии, превышающем эту дистанцию.

Он сказал это с чувством, похожим на голод внутри. Но это был не голод, это было желание жить.

— Я не могу уйти отсюда, — сказал он, понимая, что не уйдёт, так как должен поддерживать связь с разведчиками. Которые тоже не оставят своих постов — ни Фоскот, ни юный воин из клана Ку-Ла.

— Но... — замялась Айана.

Долар замотал хвостом, выражая сочувствие.

Надеясь, что голос его не дрожит, Фуртиг обратился к женщине-Демону тоном отважного воина, готового к битве:

— Сколько времени пройдёт, прежде чем вы запустите вашу машину?

Айана посмотрела на запястье, где была прикреплена круглая вещица с тёмными делениями. Одна из полосок на круге медленно двигалась.

— Стрелка пройдёт от этой отметки до этой, прежде чем мы запустим нашу машину после получения сигнала атаки.

Она сняла ленту, на которой крепился диск, измеряющий время, и протянула её Фуртигу.

Фуртиг повернулся к Гаммажу:

— А сколько времени понадобится, чтобы военная тех-

ника, захваченная Крыстонами, достигла места ловушки? Я имею в виду после того, как мы узнаем, что они начали атаку.

Гаммаж, покусывая коготь, поглядел в сторону, откуда ждали атаки.

— Если военная техника идёт с такой же скоростью, что и Грохотуны, и если на некоторое время их задержит наш завал из машин, — Гаммаж умолк, потому что вошла Лили-Ха. Она внесла плоский поднос из металла, на котором покоилась небольшая пирамидка. Фуртиг знал, что при помощи такой вещи обитатели Логова измеряют время.

— Когда получишь первый сигнал тревоги, зажги вот это, — Гаммаж коснулся пирамидки когтем. — Пусть горит до моей отметки — вот здесь! Когда догорит, подавай сигнал нам. Понял, Фуртиг?

Он понял. У него будет совсем немного времени между первым сообщением от разведчиков во главе с Фоскотом до подачи сигнала Гаммажу и обороняющимся.

— Мальчики уйдут вместе с вами, — Фуртиг указал на двух подростков. Он сорвал с дивана покрывало и, разорвав его на части, подошёл к окну. — Я подам вам сигнал вот так. Когда разведчики подадут сигнал, что Крыстоны начали атаку, и пирамидка догорит до отметки, я подожгу ткань из метателя молний. Свет будет виден в окне. Когда вы различите его, включайте свою машину.

Фуртиг вернулся к дивану и сел. Ему надо было сосредоточиться на мысленных сообщениях. Его кожа зудела, словно по ней ползали насекомые. Он облизнул сухие губы и понял, что руки его дрожат. Он собрал волю, думая о Фоскоте. Надо сосредоточиться и ждать.

Сосредоточиться и ждать...

С тех пор, как Демоны взялись помогать Людям, минуло уже два дня. Что всё это время делали Крыстоны? Донесения разведчиков поступали такие же, как и раньше: Крыстоны испытывали машины, хватаясь за одни, находя их почему-то негодными, и переходя к другим.

Сколько они ещё будут готовиться? День? Ночь? Для

Людей и союзников чем дольше, тем лучше, потому что успеет собраться больше защитников. И они успеют освободить целую секцию Логовищ, устроив из неё западню. На поле боя останутся только Демоны и военачальники, снабжённые переговорными устройствами.

Фуртиг периодически слышал сообщения разведчиков. Каждый раз одно и то же: никаких признаков атаки.

Наступила ночь. Фуртиг поел, попил, продолжая бодрствовать, оставаясь в напряжении.

Он прилёг на диван — и тут пришёл сигнал от Фоскота.

Фуртиг приказал разведчикам отступить, затем коснулся конуса. Тот взметнул язычок пламени, яркий и сильный.

Фуртиг выхватил метатель молний и, поджидая у двери, смотрел на быстро прогорающий конус. Он направил дуло оружия на кучу тряпья у окна. Как долго! Может, Гаммаж неправильно настроил конус-измеритель времени? Или Фуртиг сам что-то напутал? Он смотрел на пирамидку — нет, всё правильно: вот сейчас пирамидка догорит до отметки. Он взглянул на другой, демонский измеритель времени, готовый действовать, когда сработает сигнал на пирамидке.

Пора!

Отбросив пирамидку, Фуртиг нацелился в кучу тряпья и нажал курок. Длинная молния пронеслась через всю комнату. Фуртиг попал метко, в самую цель. Взметнувшееся пламя, несомненно, будет замечено всеми участниками обороны.

Он выбежал, направляясь к мосткам, соединяющим здания. Он бежал, спеша оказаться как можно дальше от покинутого места. Новое здание, ещё коридор, шахта-лифт. Фуртиг не стал проверять, работает она или нет, он просто прыгнул в неё, как в воду.

С замирающим сердцем воин плыл вниз. Его снова забила дрожь. Нет, это вздрогнуло всё здание! Фуртиг метался, мечтая только об одном: выбраться на открытое пространство.

Дальнейший спуск прошёл как в кошмарном сне: Фуртиг всю дорогу представлял, как здание обрушивается на него.

Когда он достиг проёма двери, то нашёл в себе силы оглянуться. Наверху произошли немалые изменения. Он не сразу понял, что по крайней мере у одного из зданий отсутствует верхняя часть. И все здания теперь были тёмными, свет не горел нигде.

Лили-Ха, Гаммаж, Демоны — где они? Сработала ли их защита?

Страх прошёл. Фуртиг выскользнул наружу; оставаться в здании было опасно. Кроме того, он вдруг понял: получают Люди знания Демонов, или не получают, но Логовищ больше не будет. А сейчас надо было побыстрее разыскать остальных. И как там Фоскот — в подземелье?

Он не сможет разыскать их среди Лговищ. Но связаться мысленно он мог. Фуртиг опустил на землю и сосредоточился. Не зря у него такой дар.

Лили-Ха! Кажется, она отозвалась, он ясно увидел её лицо!

Фоскот! Фуртиг звал, но ответа не получил. Наверное, Фоскот убежал слишком далеко. Он надеялся, что получил бы ответ, будь Фоскот ближе.

Утром они вышли к краю посадочной полосы, где стоял корабль. Не было только Фоскота с разведчиками. И ещё один из них отсутствовал.

Один из них...

— Он был слишком стар, — сказала Айана. Глаза её утомлённо моргали, она тоже нуждалась в длительном отдыхе. — Он был гораздо слабее, чем показывал нам.

Женщина-кошка подняла руки и бессильно уронила их, словно хотела что-то сказать на языке жестов.

— И вот теперь он ушёл...

Гаммаж, Предок, живая легенда. Как они теперь будет без него?

Айана заговорила снова:

— Но кое в чём он ошибался. Он хотел, чтобы вы с каждым поколением становились всё сильнее, все разумнее. Он хотел, чтобы вы стали нашим подобием. Вот почему он так жаждал наших знаний — для вас. Он хотел лучшего. Но этот путь привёл бы его и вас к худшему. Он хотел, чтобы вы, как и мы когда-то, обладали всем. Но это не выход. Наши знания погубили нас, увели от разумного пути. У вас новый путь, следуйте ему. Вам придётся идти дальше, вам будет труднее, медленнее. Но надо идти. Не пробуйте изменить то, что внутри вас, оставайтесь самими собой. Надеюсь, вы поняли меня. Не повторяйте наших ошибок.

Но есть нечто полезное в том, что сделал для вас Гаммаж. Это вы должны беречь больше, чем самую ценную вещь из Логовищ. Он научил вас бороться против общего врага, показал, что вы можете говорить с Лайкерами под флагом перемирия, что племена и кланы могут собраться воедино. Даже если бы Гаммаж не сделал больше ничего, он был бы великим сыном вашего Народа. Помните об этом.

И не пробуйте жить как мы. Учитесь на своих ошибках, а не на наших. Ведь этот мир теперь — ваш.

— Но как же Демоны? — прорывал в транслятор Долар. Он двигался медленно, словно смерть Гаммажа подорвала и его силы.

— Мы не вернёмся. Это больше не наш мир. Мы нашли в Логовах то, что, возможно, ещё спасёт наш мир, наш новый дом. Наш народ поймёт, когда мы расскажем, что сюда нельзя возвращаться. А даже если и не поймёт, — добавила Айана, — мы всё равно не вернёмся. Я обещаю вам это!

«Даже если для того, чтобы сдержать обещание, нам придётся не возвращаться на Эльхорн, — подумала она, — слово надо сдержать».

И девушка, не оглядываясь, взойшла по трапу. Если бы только всё не произошло как в старые времена, если бы безумие, поразившее Тана, не коснулось остальной команды, если бы... Она заставила себя не думать об этом. Но ведь если

бы не безумие, то ведь и кошачьего Народа не было бы. Ведь им эта болезнь лишь пошла на пользу!.. Айана была слишком измучена, чтобы думать об этом.

Оставшиеся на посадочной полосе начали расходиться.

Воины высматривали среди руин Крыстонов. Но ни одного не было видно. Доставили тело Фоскота. Он был без сознания после сильного удара в голову. Ю-Ла взялась ухаживать за ним. Остальных разведчиков пока не нашли.

Фуртиг и Лили-Ха стояли рядом, глядя на удалявшееся пламя в небе. Они прикрыли глаза ладонями, следя за уменьшавшейся точкой. Женщина-Демон обещала: они больше не вернутся.

Но ещё она сказала, что Гаммаж был неправ. Что они должны создать свои знания. Права ли она? Время покажет.

— Улетели, — заговорила Лили-Ха. — Когда-нибудь, воин, и мы полетим к звёздам. Но перед этим ещё столько предстоит совершить. Хотя мы теперь не называемся Людьми Гаммажа.

Он последует за ней куда угодно, хоть к звёздам, подумал Фуртиг. Он уже понял, что пойдёт за ней повсюду, куда только направит она свой лёгкий шаг.

Нет, не за нею следом! Он увидел, что Лили-Ха ждёт, пока он не подойдёт и зашагает рядом.

Фуртиг встал рядом, довольно мурлыкнув. Его хвост радостно заходил в знак согласия.

Содержание

ЗВЁЗДНЫЕ ВРАТА 3

Перевод Д. Арсеньева

НОВАЯ ПОРОДА 183

Перевод В. Щербаковой

Андрэ Нортон

Новая порода

Литературно-художественное издание

Ответственный редактор *Голованёв М. В.*

Редактор *Прилипка К. В.*

Художник *Аввакумов Д. И.*

ЛР № 070157 от 02.10.91 г.

Сдано в набор 12.10.94 г. Подписано в печать 10.01.95 г.

Формат 84х108 1/32. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 21,2. Физ. п. л. 13.

Тираж 25 000. Заказ № 2847.

Издательство «Зеленоградская книга».

103478, Москва, г. Зеленоград, корп. 448, к. 1.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»

Роскомпечати

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

